СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Доклады в обществе

Преподавание истории

Библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

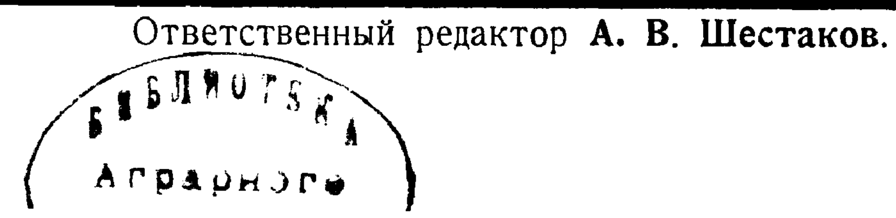
РЕЦЕНЗИИ

Хроника

Указатель исторической литературы

Большая часть настоящего № была уже напечатана, когда получилось известие о смерти члена редакции М. П. Вельтмана-Павловича. Титульный лист с фамилией т. Павловича, как члена редакции, вышел поэтому без траурной рамки.

Ответственный редактор **А. В. Шестаков.**

О. Лидак

Июльские события 1917 года

Четырехмесячное хозяйничанье партий меньшевиков, эсеров и кадетов к концу июня в России привело к тому, что предприятия закрывались, отчасти из-за отсутствия сырья и топлива, отчасти из-за саботажа буржуазии, экономическая разруха усилилась. Идут стачки за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня. Все острее становится вопрос об установлении рабочего контроля над производством.

По всей стране идут аграрные волнения, к концу июня охватывающие 43 губернии. Коалиционное правительство с эсеровским министром земледелия Черновым фактически защищает интересы помещиков; даже закон, запрещающий земельные сделки, не был издан, и происходила усиленная продажа помещичьих земель, главным образом, иностранцам.

Под давлением англо-французского империализма коалиционное правительство погнало армию в наступление и, таким образом, нарушило создавшееся с начала революции фактическое перемирие на фронте. С началом наступления зашевелились все контрреволюционные элементы. Казачий, офицерский и др. контрреволюционные с'езды кричали об анархии, ругали Советы, доказывали, что для спасения страны нужен диктатор и т. д. Оживилась 4-я Гос. Дума, возник ряд контрреволюционных организаций, поведших открытую и подпольную контрреволюционную работу. Происходили патриотические контрреволюционные манифестации с избиениями и убийствами левых. Правительство не принимало никаких мер против этих организаций; наоборот, оказывало некоторым из них материальную помощь и разрешало им сформировать ударные добровольческие войсковые части. В то же время правительство всю силу государственной власти направляло против революционных солдат; началась усиленная отправка их на фронт, происходило расформирование непокорных полков на фронте и в тылу.

Совокупность всех этих условий создала крайне революционную обстановку; вся страна накануне июльских дней была охвачена революционным порывом, который, так или иначе, должен был вырваться наружу.

Учитывая всю сложность создавшегося положения, фракция большевиков обратилась 22 июня в ЦИК с заявлением, в котором говорится:

«...Весть о «расформировании» облетает все полки и заводы, вызывая общее возмущение. Во многих полках солдаты спят с оружием в руках в ожидании нападения со стороны, как говорят, контрреволюционных сил.

Вооруженные манифестации, избиения и аресты со стороны участников последних, нервирующих рабочих и солдат, создают желание вооруженного отпора. Положение делается угрожающим» [1]).

Кризис правительства ускорил начало июльского взрыва.

2 июля, после заседания Вр. Правительства, 4 министра кадетской партии вышли из правительства. Поводом к этому шагу послужило разногласие по украинскому вопросу (к.-д. не хотели признать соглашения, заключенного в Киеве с украинской радой министрами Керенским, Терещенко и Церетелли). Причины, вызвавшие кризис правительства, были гораздо глубже и коренились во всех выдвинутых революцией экономических и политических вопросах. Кризис обнаружил лишь несостоятельность и полнейший крах политики соглашения.

Уход кадетов только подчеркнул то положение, что буржуазия недовольна существующей политикой Временного Правительства. Если в начале мая буржуазия встретила образование коалиционного правительства с надеждой, что это правительство восстановит «порядок» в армии и в тылу, то после двухмесячной работы у буржуазии этих надежд уже не было, она искала других путей для спасения своего положения. Буржуазия ясно видела, что правительство топчется на месте, страна левеет, недовольство растет и что возможны только два пути—или уступить требованиям трудовых масс, или путем репрессий и военной диктатуры заставить рабочих, крестьян и солдат молча выполнять волю буржуазии. Соглашательским Советам буржуазия тоже не верила. Касаясь кризиса правительства, Милюков писал: «Повод, по которому этот кризис, наконец, разрешается, является уже в сущности второстепенным обстоятельством, сравнительно с основной причиной: фактическим переходом власти от министерства к Совету, при чем в то же время Совет оказывается бессильным применять свою власть к единственной грозящей ему серьезной опасности слева» [2]) (подчеркнуто нами.—*О. Л.*).

Буржуазия, недовольная коалиционным правительством, ищет диктатора. Намечался Колчак, потом взоры были обращены на Керенского; он сам в показаниях по делу Корнилова признался, что к нему поступило много проектов о разгоне Советов и об'явлении диктатуры Керенского, о том же свидетельствует и Станкевич.

О недовольстве крупной буржуазии Вр. правительством свидетельствует речь Рябушинского на втором Всероссийском торгово-промышленном с'езде 3 августа. Касаясь деятельности правительства предшествующих месяцев, он говорил: «У Вр. правительства была лишь видимость власти, посторонние ей люди давили на него, и фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели... Вместо подлинного правительства видим мы только какой-то политический ералаш» [3]).

---

[1]) В. Владимирова—„Хроника“, т. III, стр. 294.

[2]) П. Милюков. „История второй русской революции“, т. I, стр. 203.

[3]) В. Владимирова. „Хроника“, т. III, стр. 248.

Выход кадетов из Вр. пр. был ускорен тревожными сведениями, поступавшими с фронта о провале начатого наступления. Сводка штаба верховного главнокомандующего ген. Брусилова за время с 25 июня—1 июля, рисующая развал армии, безусловно была известна членам Вр. Правительства; развал на фронте создал в стране чрезвычайно нервное настроение и большие трудности для правительства. Кадеты этот момент хотели использовать в своих интересах и ушли из правительства.

Чего хотели добиться к.-д. выходом из правительства? Они, чувствуя за своей спиной силу российской и международной буржуазии, ставили мелкобуржуазному блоку меньшевиков и эсеров ультиматум: порвать с существующей политикой колебаний и стать твердо на точку зрения буржуазии, порвать с политикой обещаний и уговариваний, стать на платформу решительных действий против «анархии» слева. Кадеты верно рассчитали, что мелкобуржуазные вожди не порвут с буржуазией. Стоит лишь их припугнуть лишением финансовой поддержки и разрывом с союзниками, как они сразу капитулируют.

Мы выше уже говорили, как нервировали солдат сведения о расформировании полков и другие репрессивные меры правительства и командования. В запасный батальон гвардейского гренадерского полка 25 июня прибыли делегаты этого же полка с фронта и на батальонном собрании доложили, что на фронте к полку применяют насилия, что позади полка поставили вооруженных пленных чехов и погнали полк в наступление. Далее делегаты говорили, что полк на фронте считает, что министры-социалисты перешли на сторону буржуазии.

30 июня Второй пулеметный полк вынес резолюцию против наступления и за передачу власти Советам, в то же время полковой совет 3 пехотного полка принял резолюцию, в которой полк отказывался выделить 14 маршевых рот.

1-й пулеметный полк устроил в воскресенье, 2 июля, в Народном доме прощальный митинг-концерт отправляемой им на фронт маршевой роте. На митинге выступили тт. Луначарский и Троцкий, которые, в своих речах доказывали, что единственный выход из войны — переход власти С. Р. и С. Д. После них выступили от имени полка т.т. Жилин и Лашевич, которые заявили, что в наступление полк не пойдет, а если сложит свои головы, то только за дело революции. Была вынесена резолюция: «Митинг 2-го июля в Народном доме в количестве 5.000 чел. протестует против политики грубейшего насилия Вр. пр. и военного министра Керенского над революционными войсками, воскрешающего старые приемы Николая Кровавого» [1]).

После этого бурного митинга сильно возбужденные солдаты разошлись по казармам, а на утро развернулись исторические события 3 июля.

Выступление 3 июля началось следующим образом: утром в 1 пулеметном полку было назначено собрание ротных и полковых комитетов по

---

[1]) Г. Петровский. „Правда", 3 июля 1917 г.

текущим вопросам. По показаниям Головина, «на собрании должен был обсуждаться вопрос о посылке делегатов в Исп. Ком. С. Р. и С. Д., что должно было произойти 3 июля, но во время собрания было получено извещение от Исполкома о том, что посылка делегатов откладывается до 5 июля, вследствие чего председатель полкового комитета предложил указать, что именно необходимо поставить на повестку дня; раздались голоса, что надо обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Председатель предложил избрать нового председателя, которым был избран я. Настроение было очень возбужденное, раздавались голоса: «надо выступать». Я указал, что выступать не надо, но не встретил сочувствия. Потом выступил какой-то солдат из 12 армии и призывал выступать. Собрание было крайне возбуждено. Вопрос был поставлен на голосование, и большинством голосов было решено выступать сегодня. Также путем голосования было решено выступить в 5 час. дня. Я решил закрыть собрание, раздались крики: «нужно послать связь в другие части» [1]).

Было решено для связи с другими полками выбрать по два человека от каждой роты. Выборы производились по-ротно. Потом были избраны представители от рот в революционный комитет для руководства движением. Этот комитет был избран после собрания по предложению Семашко, который в полк прибыл только по окончании митинга.

В докладе на Петроградской конференции большевиков тов. Подвойский говорил, что 3 июля в 10 ч. утра в В. О. стало известно, что пулеметный полк решил выступить. «До 5 часов в пулеметном полку побывали 23 товарища, командированные Военной Организацией для умиротворения полка. За каждой делегацией пулеметчиков в полки мы по пятам посылали своих товарищей, всюду стараясь ликвидировать начавшееся выступление. Во всех полках, кроме Павловского, наши тов. имели успех, и к 5 часам выяснилось, что только Павловский полк не надежен и что даже пулеметчики заколебались... Через 1½ часа после ухода наших товарищей из пулеметного полка мы получили уведомление, что пулеметный полк выступил и идет по направлению к дворцу Кшесинской.

Все усилия Военной Организации оказались тщетными, повидимому, были какие-то другие силы» [2]). У дворца Кшесинской была сделана еще одна попытка остановить выступление, но безрезультатно. Говоривших против выступления т.т. Невского, Свердлова, Кураева, Ильинского, Лашевича и др. пулеметчики встретили враждебно.

К 8½ ч. стало известно, что, кроме 1-го пулеметного, выступили также Гренадерский, Московский и 180 полки. Необходимо отметить, что инициатива к выступлению происходила от полков, расположенных на более пролетарской Выборгской стороне (1 пулеметный, Гренадерский, Московский, 180 пех. и др.). Здесь безусловно чувствуется революционное

---

[1]) А. О. Р. фонд III. инв. № 42: „Предварительное следствие о вооруженном выступлении". т. IX л. л., 108, 109. В дальнейшем при сносках мы не будем полностью приводить весь заголовок, а только „Июльское дело".

[2]) „Красная Летопись" № 7, 1923 г., стр. 100

влияние рабочих на одетых в солдатский мундир крестьян. О влиянии рабочих на солдат Выборгской стороны пишет и полковой комитет Гренадерского полка: «И днем и ночью мимо батальона проходили тысячи рабочих, из которых значительная часть были постоянными и, нужно им отдать справедливость, неутомимыми агитаторами большевизма, благодаря которым около батальона всегда был ряд большевистских летучих митингов» [1]).

Выступление рабочих Путиловского завода произошло при следующих обстоятельствах. 3 июля в 4 часа дня появилось несколько солдат 1-го пулеметного полка, заявивших, что в 5 час. предполагается демонстрация с лозунгами 18 июня. Было собрано общее собрание, где выступали ораторы с призывом к выступлению. Когда секретарь завкома Богдатьев (большевик) предложил не выносить скоропалительных решений, а сперва запросить партийные организации, то рабочие запротестовали, послышались крики: «Долой, опять желаете затянуть дело, дальше так жить невозможно»! Председатель завкома отправился на конференцию большевиков и, вернувшись, сказал, что партия о предстоящем выступлении не осведомлена. Часам к шести на завод прибыли представители ЦИК Саакиан, Каплан и другие, они возражали против неорганизованных выступлений, но убедить массу не удалось. Потом на завод прибыла делегация с Выборгской стороны, которая заявила, что рабочие Выборгской стороны уже двинулись к Таврическому дворцу, после чего было решено выступить. Шествие тронулось с завода в 11 ч. ночи. В шествии участвовала милиция — человек 150—200, вооруженных винтовками, все остальные рабочие около 30.000 не были вооружены. По пути к ним примкнули рабочие других заводов. К Таврическому дворцу подошли к 3 ч. утра, делегация из 10 человек вошла на заседании ЦИК. Получив ответ от ЦИК'а, рабочие разошлись по домам [2]).

Таково было положение 3 июля. Что же делала тогда большевистская партия, какова была позиция Центр. Ком., Пет. Ком. и Военной Орг.?

3 июля происходило заседание 2-й общегородской конференции большевиков. На конференции после доклада тов. Володарского с сообщением выступил тов. Томский, который довел до сведения делегатов о правительственном кризисе и о директивах ЦК; «наш ЦК приглашает—говорил т. Томский — членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений... что выступившие полки поступили не по товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитета нашей партии, и что потому партия не может брать на себя ответственности за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение—мы увидим. Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить по-

---

[1]) „Июльское дело", т. XII, ч. I.

[2]) Там же, т. XIX, л. 27.

жар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития»[1]).

Нельзя сказать, что сообщение представителя ЦК было принципиально выдержанным: с одной стороны, он призывает подчиниться ЦК и удерживать массу от выступления, а с другой — советует не бросаться на заводы тушить «пожар». Остается непонятным, как можно выполнить директиву ЦК, не бросаясь на фабрики и заводы тушить «пожар».

После тов. Томского с сообщениями выступили т.т. Женя, Бокий, Скрябин, Вейнберг, Слуцкая. Все выступавшие товарищи сообщили, что настроение на заводах и воинских частях напряженное, все готовится к выступлению, чувствуется недовольство Центральным комитетом партии, запретившим выступление. Товарищи говорили, что в Московском полку нашему товарищу не дали говорить, называли его ликвидатором.

«Заслушав все доклады из районов, конференция вынесла решение одной части разойтись по районам, а другой остаться и, подчиняясь решению Центрального комитета, созвать для выяснения отношения к событиям представителей заводов и воинских частей»[2]).

Эти решения конференции были приняты до выступления путиловцев и до получения сообщения из Кронштадта о том, что матросскую массу удержать от выступления невозможно. Около десяти часов вечера во дворце Кшесинской собираются на заседание делегаты общегородской конференции и представители от заводов и воинских частей, и в 11 ч. 40 мин. принимается следующая резолюция: «Обсудив происходящие сейчас в Петербурге события, заседание находит: создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо и определенно немедленно не заявят о том, что они за переход власти к С.Р.С. и Кр. Деп.

С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли»[3]).

Поздно ночью в Таврическом дворце происходило совещание членов ЦК, ПК, ВО и Междурайонного комитета. На этом совещании обсуждался вопрос, как отнестись к происходящим событиям. «Тов. Каменев действительно выступал за то, чтобы «избежать повторения демонстраций». Он предлагал ограничить выступление митингами в районах. Предложение это не получило ни малейшей поддержки... Тов. Троцкий защищал свое предложение—«настаивать на том, чтобы массы выходили без оружия»[4]).

В результате прений выяснилось, что массы удержать от выступления нельзя и что массы выйдут обязательно вооруженными. Тогда было решено вмешаться в движение, чтобы придать ему «мирный и организованный хаарктер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти»[5]). Таким

[1]) Протоколы 2-ой общегородской конференции РСДРП (большевиков) 1—3 июля стр. 72.

[2]) Там же, стр. 74.

[3]) А. О. Р. „Июльское дело", т. III, л. 637.

[4]) Н. Флеровский. „Пролетарская революция" № 7. 1926 г., стр. 75.

[5]) Сталин „Красная летопись" № 7, 1923 г., стр. 96.

образом было отменено прежнее решение ЦК о невыступлении. Совещание выработало и опубликовало на утро отдельным листом следующее воззвание [1]).

«Товарищи рабочие и солдаты Петрограда. После того, как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас исполнительных комитетов Всероссийского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов.

...Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть Совету. Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда» [2]).

Итак, стихийно вспыхнувшее, против воли партии, движение было легализовано, и начался второй период июльской демонстрации, но уже при участии и активном руководстве партии. События 3 июля совершенно ясно показали, что для того, чтобы избежать кровопролития, чтобы парализовать провокаторские выходки штаба и попрятавшихся контрреволюционеров, нужно было принимать целый ряд предупредительных мер. С этой целью руководство движением берет в свои руки В. О. При В. О. на скорую руку был составлен штаб из 7 отделов, общее руководство перешло в руки тов. Подвойского.

В. О. была разослана по всем воинским частям следующая «Инструкция»:

«1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном.

2 В каждой роте должны быть руководители.

3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше об'явление.

4. Установить связь с В. О., назначив для этого немедленно двух товарищей к ним.

5. Поддерживать связь с соседними частями.

6. Проверять, куда и кто отправляет команды из частей. Командам давать наши инструкции.

7. Быть на-готове и не выходить из казарм без призыва Воен. Организации» [3]).

Еще днем по инициативе пулеметчиков для усиления гарнизона в Петропавловскую крепость была введена одна рота пулеметчиков. В целях охраны демонстрантов были выставлены броневые машины на мостах между дворцом Кшесинской и Петропавловской крепостью, около Николаев-

---

[1]) Листовка за поздним временем не могла попасть в „Правду“. Прежняя заметка о невыступлении вырезывается. и „Правда“ 4 июля выходит с белым местом на первой странице.

[2]) „Пролетарская революция“ № 4, 1926 г., стр. 72.

[3]) А. О. Р. „Июльское дело“ т. III, л. 64.

ского вокзала, Литейного проспекта, Главного Штаба и т. д. В Петропавловскую крепость и Арсенал были даны соответствующие директивы. Директивы В. О. были посланы также в окрестные гарнизоны: Ораниенбаум, Петергоф, Красное Село и др. В. О. имела живую связь почти со всеми полками гарнизонов Петрограда и окрестностей.

Вечером 3 июля происходило заседание рабочей секции Петроградского Совета. На этом заседании выяснилось, что большевики вследствие перевыборов оказались в большинстве. На заседании, вопреки настояниям меньшевиков, была принята предложенная большевиками повестка заседания. На заседании возникли горячие прения по вопросу об отношении к начавшемуся выступлению. Меньшевики и эсеры, видя, что они в меньшинстве, в количестве 90—100 человек покинули заседание. Оставшиеся приняли резолюцию о передаче власти в руки Советов, избрали комиссию из 15 человек, которой поручили ввести начавшееся движение в организованное русло.

На выступление рабочих и солдат 3 июля ЦИК реагировал следующим образом: в ночь с 3—4 июля на совместном заседании бюро ЦИК и ИК В. С. Кр. Депутатов было принято и опубликовано следующее постановление: «...Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы об'явим изменниками и врагами революции».

Не дремал и командующий войсками ген. Половцев, который к утру 4 июля опубликовал следующий приказ: «Исполняя приказ Вр. пр. очистить Петроград от людей, с оружием в руках нарушающих порядок и угрожающих личной и имущественной безопасности граждан, предлагаю жителям столицы не выходить без крайней надобности на улицы, запереть ворота домов и принять меры против возможного проникновения в дома неизвестных лиц. Воинским частям предлагаю приступить немедленно к восстановлению порядка на улицах. *Половцев*».

Несмотря на эти категорические запрещения, демонстрация 4 июля носила грандиозный характер, в ней участвовало около 500.000 чел. Кроме Петрограда, в демонстрации участвовали также окрестные гарнизоны — Кронштадта, Петергофа, Красного Села и др.

Деятельность штаба Петроградского Военного Округа в дни 3—4 июля носила явно провакационный характер. В самом Петрограде у Временного правительства сил было мало, но штаб надеялся на вызванные с фронта войска. «ЦИК, прежде всего, позаботился уже 3 июля послать телграмму на фронт в действующую 5 армию с просьбой выслать в Петроград дивизию кавалерии, бригаду пехоты и броневики» [1]). В ожидании прибытия свежих войск ген. Половцев пытается создать обстановку «мятежа и анархии», ко-

[1]) „Пролетарская революция" № 5. 1923 г. стр. 12.

торую он с помощью пришедших войск собирался «усмирить». С этой целью посылались небольшие отряды казаков и юнкеров, которые нападали на демонстрантов, отнимали оружие, срывали знамена, рассеивали демонстрации и т. д. Эта политика 4 июля привела к кровавому столкновению казаков с 1 запасным полком на Литейной улице.

Для характеристики этой провокационной деятельности Штаба приведем один эпизод в описании участника событий В. М. Аверина, хорунжего 1 Донского полка. Он показывает: «4 числа утром.... было приказано разоружить проходящие мимо небольшие группы людей, из кого бы они ни состояли, а также вооруженные автомобили. Исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю из дворца (Зимнего дворца) и занимались разоружением, при чем нам пришлось разоружать исключительно солдат и рабочих, вооруженных винтовками... В восьмом часу вечера мы получили приказание от ген. Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу... Дозор шел впереди и шагов на сто; так мы проследовали до Марсова поля, разоружая по дороге встречные автомобили и отдельных вооруженных матросов, которых попадалось в общем довольно много... На Марсовом поле мы увидели большую толпу, состоящую частью из вооруженных, частью невооруженных солдат, матросов и рабочих... я приказал командуемому мною головному отряду разогнать толпу, что и было исполнено, при чем многие из толпы побросали винтовки... Так мы дошли до Литейного моста, на котором я увидел вооруженных рабочих, солдат и матросов, запрудивших мост. Со своим головным отрядом я под'ехал к ним и попросил их отдать оружие, но просьба моя исполнена не была, и вся эта банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат без погон повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный ружейный огонь» [1]). Со стороны толпы раздались крики: «Казаки по нас стреляют». В действительности так и было, казаки слезли с лошадей и начали стрелять, были даже попытки открыть огонь из орудий, но солдаты открыли такой ураганный огонь, что казаки принуждены были отступить и рассеялись по городу. Газета «Известия» немного иначе передает этот инцидент. Там определенно говорится, что казаки, не доезжая Литейного моста, были обстреляны пулеметным огнем из одного каменного дома. Потом казаки «выстроились и бросились на Литейный проспект с шашками наголо с целью разогнать толпу» [2]). В этой же статье «Известий» говорится, что казаки дали три залпа из орудий.

Днем 4 июля провокаторски были обстреляны прибывшие и мирно демонстрировавшие в количестве 10.000 человек кронштадтские матросы. В газете «Известия» от 7 июля меньшевик Канторович поместил статью, в которой обстрел рабочей демонстрации описывает следующими словами: «На Садовой улице шла 60.000 толпа рабочих многих заводов. В то время,

---

1) А. О. Р. „Июльское дело", т. V. л. 22.

2) „Известия" от 7 июля 1917 года.

как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и как бы по сигналу с крыш домов началась стрельба, оружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороны также раздались выстрелы».

О провокационной стрельбе по демонстрантам и по войскам с чердаков и крыш домов пишут также газеты «Новая Жизнь», «Рабочая Газета» и другие. Таким образом, факт обстрела демонстрации можно считать установленным.

Кто же стрелял?

Что штаб действовал провокаторски, об этом не может быть ни малейшего сомнения: мы уже видели деятельность казачьего отряда, которую иначе как провокаторской назвать нельзя; ибо послать две сотни казаков с двумя орудиями разогнать и обезоружить десятитысячные вооруженные войска,—это чистейшая провокация, на деле приведшая к кровавым результатам. На чердаках и крышах с пулеметами действовали члены многочисленных контрреволюционных офицерских организаций, которые усиленно организовались, были хорошо вооружены и готовились произвести государственный переворот с целью установить военную диктатуру.

Провокационным обстрелом хотели создать в столице хаос, сумятицу, еще больше подлить масла в уже так ярко горевший костер, хотели вызвать кровавую бойню и с помощью с фронта вызванных войск потопить в крови революционных рабочих и солдат. Малейшая невыдержанность и оплошность со стороны руководителей демонстрации могли иметь роковые последствия.

По нашему убеждению, тактика Военной Организации в июльские дни была правильна. Демонстрация двух полков пулеметчиков, с запасом патрон, в полном боевом порядке, занятие Петропавловской крепости и выставление броневых машин в некоторых стратегических пунктах, выступление вооруженных кронштадтцев имели положительное значение. С одной стороны, массы убедились, что путем демонстрации, хотя бы и вооруженной, власть получить нельзя, необходимо от вооруженной демонстрации пойти дальше в применении решительных форм борьбы; с другой — нужно было контрреволюции показать силу, с которой шутить нельзя и открытый конфликт с которой может кончиться очень печально для тех, кто начал нападение (случай с казаками). Именно потому, что В. О. приняла ряд мер, контрреволюционным генералам не удалось окончательно разгромить большевиков, и они из архи-трудного положения вышли с сравнительно небольшими потерями.

4 июля совещание активных работников партии большевиков решает демонстрацию считать законченной, солдатам рекомендуется вернуться в свои казармы, а кронштадцев «временно, на всякий случай, оставить в Петрограде» [1]). Кронштадцев размещают в доме Кшесинской, Петропавловской крепости, в Морском корпусе и в Дерябинских казармах.

Ночью с 4 на 5 были разгромлены газета «Правда» и типография «Труд». Утром 5 июля по городу раз'езжали казачьи патрули и арестовыва-

[1]) Раскольников, „Пролетарская революция" № 5, 1923 г., стр. 72.

ли отдельных рабочих и матросов, по городу циркулировали тревожные слухи о готовящемся нападении на большевиков. В рабочих кварталах настроение тревожное, фабрики и заводы не работают. На Выборгской стороне рабочие готовятся к обороне района от нападения казаков (Газ. «Новая Жизнь» 7 июля писала, что прибывшие с фронта войска были так зверски настроены, что рвались броситься в заводы и фабрики с целью расправиться с бунтовщиками).

В целях самообороны были приняты меры по укреплению дворца Кшесинской. Комендантом дворца был назначен тов. Раскольников, который нашел средства защиты недостаточными и принял целый ряд мер к усилению обороноспособности дворца. С этой целью было послано требование в Морской полигон и Кронштадт о присылке орудий и записка в Гельсингфорс о присылке небольшого военного корабля.

К вечеру ЦК издал постановление, об'являвшее демонстрацию законченной и призывавшее всех участников к ее прекращению. Пришлось отказаться от активной самообороны и отправить кронштадцев домой. Тов. Раскольников пишет, что это вызвало среди кронштадцев большое недоумение: «как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть». В конце концов кронштадцы согласились вернуться обратно в Кронштадт при условии освобождения арестованных товарищей и при оружии.

Днем 5 июля на совещании во дворце Кшесинской, состоявшемся при участии присланных ЦИК членов президиума во главе с Либером и членов ЦК партии большевиков и В. О., произошло соглашение: ЦИК и правительство обязалось: 1) не допускать каких бы то ни было погромов и репрессий в отношении партии большевиков, 2) выпустить всех арестованных, за исключением совершивших уголовное деяние. ЦК партии большевиков обязался: 1) увести матросов в Кронштадт, 2) снять роту пулеметчиков, поставленную для усиления гарнизона в Петропавловской крепости, 3) снять с постов броневики и караулы. Мосты, разведенные штабом еще 3 июля, немедленно свести вновь [1]).

Но к вечеру, в связи с прибытием войск с фронта, положение изменилось. Делегация кронштадцев по несколько раз под ряд вызывалась в Военную комиссию ЦИК, которая каждый раз увеличивала требования и, наконец, пред'явила ультиматум: дать немедленное согласие на разоружение кронштадцев. Делегация ультиматума не приняла и уехала. «Быстро менявшиеся решения,—говорит тов. Раскольников, — производили такое впечатление, словно приговоры выносились под диктовку каких-то закулисных комбинаций». Позднее Либер говорил об этом эпизоде, что действительно они имели связь со штабом, и ультиматум они пред'явили после того, как узнали, «что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, и не считая себя в праве их об этом предупредить, так как у нас были

[1]) „Красная Летопись“ № 6, 1923 г., стр. 81.

спасения, что и это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными» [1]).

Когда днем 5 июля В. О. принимала целый ряд военных мероприятий, тогда, наверное, кроме соображений самозащиты и самообороны, были еще и другие соображения. Мы склонны полагать, что В. О. тогда в полной мере не уяснила себе изменившуюся политическую ситуацию, полагая, что удастся сохранить существовавшее до 3 июля соотношение сил. Скорейшему изживанию доиюльских иллюзий мешало то обстоятельство, что днем 5 июля Половцев и соглашатели из ЦИКа держали себя по отношению к большевикам довольно прилично. Половцев тогда занимал выжидательную позицию. Он ожидал прибытия фронтовых частей, с помощью которых он готовился разгромить большевистские организации.

С прибытием фронтовых частей начинается полоса контрреволюции. 6 утром самокатчики занимают дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость. Несмотря на соглашение и на то, что по директивам Военной Организации ни дворец Кшесинской, ни Петропавловская крепость никакого сопротивления не оказали, все же кранштадтцы были разоружены. 6 июля Врем. правит. был издан приказ об аресте т.т. Ленина, Зиновьева и Каменева. Происходит разгром партийных помещений не только большевиков, но и меньшевиков. 6 июля происходила позорная сцена разоружения пулеметчиков. На Невском требовали арестов не только Ленина и Зиновьева, но и Чернова, и Церетелли. 12 июля восстанавливается смертная казнь на фронте. В связи с поражением на фронте и с наступающей реакцией, лидеры меньшевиков и эсеров совершенно растерялись и вручили власть авантюристу Керенскому, об'явив эту власть «Правительством Спасения Революции».

* * *

Злорадству взбесившихся мелких буржуа после прекращения демонстрации не было конца. В соглашательских газетах писались прямо погромные статьи. Демонстрация 3 — 4 июля перед зданием заседаний ЦИК изображалась, как вооруженное нападение контрреволюционных банд на революционную демократию.

В прокламации ЦИК Советов Р. и С. Д. и И. К. Сов. Крестьянских Депутатов говорится: «...Вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей. Они оскорбляли министров-социалистов, производили вооруженное нападение на заседание Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и силой оружия пытались навязать свою волю избранным вами представителям».

«Навязать волю» значило взять власть в руки Советов.

С уходом кадетов из Временного правительства в дни 3—4 июля, власть фактически находилась в руках меньшевиков и эсеров. Но они реши-

---

1) А. О. Р. „Июльское дело“, т. XII, ч. I, л. 121.

тельно доказывали, что с уходом кадетов и с открытым возмущением народных масс ничего не изменилось, что коалиция неизбежна и необходима, что вместо кадетов нужно найти такую фракцию буржуазии, которая стоит на одной платформе с ними.

Коалицию особенно настойчиво защищал Церетелли: «Коалиция—это союз спасения... Не может быть, чтобы цензовые элементы все целиком отошли в сторону и заняли ту безответственную позицию, которая равносильна отказу от родины...».

Колебания и трусость мелкой буржуазии в эпоху пролетарской революции неизбежны, в революцию 1917 года эти колебания проявлялись особенно ярко. Связавшись с буржуазией, мелкая буржуазия не видит другого выхода, кроме поддержки буржуазии решительно по всем важнейшим вопросам революции. По вопросу о войне и взятии власти Советами Дан говорил: «У нас нет чудодейственного средства окончить войну... Для нас в данный момент война неизбежна в той или иной комбинации, — мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов и в области экономической жизни: мы немногим больше можем дать, чем то, что в этой области уже дано коалиционным правительством... если штыки, стоящие вокруг нас, привели к взгляду, что пришел час, когда Совету Рабочих и Солдатских Депутатов пора брать власть в свои руки, то мы, ответственные представители, власти этой взять не можем и ответственность с себя снимаем» [1]).

Вожди мелкобуржуазных партий, меньшевики и эсеры в июльские дни окончательно и бесповоротно перешли в лагерь буржуазии. Меньшевики-интернационалисты продолжают колебаться; Мартов на заседании ЦИК 4 июля требовал передачи власти Советам, немного позднее, на Петроградской конференции меньшевиков (в одной семье с Даном и Церетелли), он уже примирился с коалицией, но только с теми буржуазными группами, которые готовы проводить программу Советов (?). Новожизненцы считали выступление рабочих и солдат возмутительным легкомыслием; Суханов считал разоружение солдат и разгром большевиков вполне справедливым; он требовал явки Ленина и Зиновьева на суд и т. д. Единственно левые эсеры в июльские дни порвали с политикой эсеровского ЦК и приблизились к большевикам, хотя организационно остались еще в рядах партии с.-р. После июльских дней начинается распад партии эсеров.

События 3—5 июля в Петрограде эхом прокатились по всей стране.

Одновременно с демонстрацией в Петрограде произошли беспорядки в Нижнем-Новгороде, Киеве и Астрахани, только там движение носило несколько своеобразный характер солдатских бунтов и не имело такой силы, как в Петрограде. Движение в Иваново-Вознесенске по своему характеру соответствует движению в Петрограде.

Когда в Гельсингфорсе были получены первые известия о начавшемся движении в Петрограде, Гельсингфорс сразу был охвачен революционным на-

[1]) „Пролетарская революция“ № 5, 1923 г., стр. 14.

строением. Особенно сильное возмущение охватило матросскую массу тогда, когда стали известны полученные на имя командующего флотом адмирала Вердеревского две юзограммы от помощника военного министра кап. Дударова. Первая юзограмма, отправленная 4 июля, гласит: «Временное правительство по соглашению с Исп. Ком. приказывает: немедленно прислать «Победитель», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку их покуда держать в секрете... Временно возлагаем... и если потребуется противодействия прибывшим кронштадтцам» [1].

Вслед за первой была получена вторая юзограмма: «Временное Правительство по соглашению с Исполнительным Комитетом приказало принять меры, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог итти в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такового корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам заблаговременно занять позицию. № 8295. Дударов» [2].

Как известно, революционные настроения были особенно сильны на крупных кораблях, мелкие же суда были настроены соглашательски, а подводные лодки даже совсем не были захвачены революционной агитацией. Временное Правительство, пользуясь таким обстоятельством, с согласия ЦИК'а, решило потопить крупные боевые суда, если они захотят протянуть руку помощи революционному Петрограду.

Однако, командующий флотом Вердеревский, учитывая революционные настроения во флоте и опасаясь, как бы такой шаг Временного Правительства не привел к обратным результатам, не решился выполнить этих приказов и сообщил Временному Правительству, что выполнить приказ он не может, ибо не хочет гражданской войны во флоте. Комиссар Временного Правительства Онипко требовал выполнения приказа, за что ЦК Балтфлота был арестован, а на всех кораблях и командах Центробалтом были назначены контролеры-комиссары.

На заседании Гельсингфорского Совета после принятия резолюции, осуждающей выступление рабочих и солдат в Петрограде, представитель Центробалта огласил резолюцию: «Немедленно послать корабли на поддержку Петрограду и Кронштадту с требованием передачи власти в руки Совета Рабочих, Солдатских и Флотских Депутатов» [3].

Эта резолюция Центробалта произвела большое впечатление на Совет. Было решено вопрос о власти перенести на совместное заседание Центробалта с другими политическими партиями и организациями.

На этом собрании была принята резолюция, в которой говорится: «...мы находим своевременно неотложным переход всей государственной власти в руки Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сове-

[1] „Пролетарская революция“ № 5, 1923 г., стр. 169.
[2] Там же.
[3] Дыбенко, „Мятежники“, стр. 58.

тов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов и образование перед ним Исполнительного Органа однородного демократического состава» [1]).

Таким образом, все организации и партии Гельсингфорса, вплоть до эсеровского Комитета, потребовали от ЦИК'а взятия власти в свои руки. Взрыв возмущения разразился так неожиданно и с такой силой, что в первое время соглашатели растерялись и поддались натиску революционных масс. Несколько дней позднее, после усмирения рабочих в Петрограде и ареста Центробалта, они опять обнаглели и начали кампанию против революционных матросов.

После расправы над революционными рабочими и солдатами в Петрограде и после арестов делегации Балтфлота и роспуска Центробалта, началась в Балтийском флоте, правда, кратковременная, полоса реакции. В Гельсингфорс приехали эсеровские лидеры Авксентьев и Бунаков, которые громили большевиков, натравливали малосознательную солдатскую массу на партию большевиков. Не растерялись лишь матросы на больших кораблях; на требования Вр. Пр. выдать зачинщиков моряки отвечали: «Мы все зачинщики»—и никого не выдали.

После получения сведений о событиях в Петрограде, в Риге в ночь с 5 на 6 июля произошло столкновение латышских стрелков с «батальоном смерти»; в результате столкновения смертники потерпели полное поражение и отступили. В ту же ночь Рижский Совет Раб. Депутатов принял резолюцию, в которой говорится, что единственный выход из создавшегося экономического и политического положения есть передача всей власти в руки Советов.

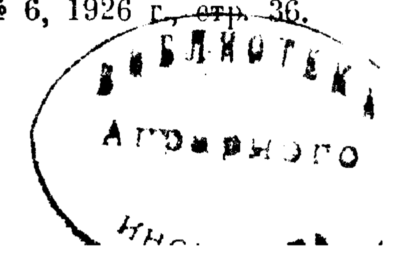
Июльские дни застали армию в чрезвычайно сложном положении: с одной стороны—крах затеянного наступления и разгром нашей армии, с другой стороны—борьба командного состава при помощи кавалерийских частей и специальных формирований с частями, не желающими итти в наступление. По всему фронту шла внутренняя борьба по разоружению и расформированию взбунтовавшихся частей.

По делу о «массовом неисполнении боевых приказаний» только в V армии было привлечено 87 офицеров и 12.725 солдат. Расформированию и переброске в другие части было подвергнуто 3 офицера и 10.390 солдат [2]).

Господствующее в армии настроение в начале июля правильно обрисовал Н. Накоряков на заседании фронтовой комиссии ЦИК 12 июля. Он говорил: «Наступление воспринималось, как массовое убийство, затеянное в угоду Англии... Критика методов борьбы за мир, как отказ от такой борьбы во имя захватных интересов Англии. Но за всем этим стояло, как можно видеть, живя с массами в блиндажах и окопах, одно недовольство продолжением войны, жажда какого угодно мира, жажда уйти домой. Открытые призывы «уйдем домой в середине июля» раздавались еще в середине июня... Распад в XII армии за последний месяц сделал громадный шаг вперед. У руководящих учреждений

[1]) „Пролетарская Революция“ № 5, 1923 г., стр. 168.

[2]) Шляпников „Июль на фронте“, „Пролетарская революция“ № 6, 1926 г., стр. 36.

нет уверенности, что он не охватит всю армию, исключая незначительные группы кавалерии, артиллерии и специальных команд» [1]).

Тов. Шляпников пишет, что: «Далеко не единичны были случаи выражения готовности воинских частей фронта ехать в Петроград на помощь выступавшим рабочим и солдатам» [2]).

В Москве 4 июля, когда были получены известия о выступлении в Петрограде, было созвано об'единенное заседание Президиумов Советов Раб., Солдатских и Крестьянских Депутатов, которое решило: «Поручить тов. Шеру привести к дому генерал-губернатора в распоряжение Совета одну роту самокатчиков на велосипедах для охраны Совета, его учреждений в гостинице «Дрезден» и партийных организаций, помещающихся в Капцовском училище...

«По вопросу о демонстрациях постановили: Всякие демонстрации, как вооруженные, так и мирные и уличные митинги—запретить в течение трех дней» [3]).

После заседания президиумов было созвано экстренное пленарное заседание Советов Раб. и Солд. Депутатов. После нескольких часов горячих прений пленум утвердил постановление президиумов о воспрещении демонстраций. Несмотря на эти запрещения, по инициативе партии большевиков демонстрации состоялись.

«С окраин потянулись к Скобелевской площади громадные толпы рабочих с красными знаменами и плакатами о переходе всей власти в руки С. Р. и С. Д. К рабочим примкнули отдельные части Московского гарнизона, при чем одна часть вышла в полном вооружении. На Скобелевской площади состоялся грандиозный митинг, на котором выступили, главным образом, большевики».

В этот же день были попытки со стороны контрреволюционеров избить демонстрантов и разгромить большевистскую газету «Социалдемократ», но безуспешно.

После июльских дней в Москве началась полоса бешеной травли большевиков, в которой принимали участие меньшевики и эсеры. Но рабочие Москвы држались стойко, и партия большевиков в борьбе против керенщины твердо опиралась на рабочих Москвы.

Более интересны, чем в Москве, события 4—6 июля в Иваново-Вознесенске. Из акта дознания, составленного владимирским комиссаром Вр. Правительства, выяснилось, что события развернулись следующим образом: «4 июля, около 9 часов вечера была получена телеграмма из областного бюро РСДРП с приглашением к выступлению под лозунгом вся власть Советам. В связи с получением этой телеграммы был созван комит. РСДРП около 10—11 часов вечера, который никаких решений не вынес, и после неудав-

---

1) Шляпников, „Июль на фронте“, „Пролетарская революция“ № 6, 1926 г. с. 53

2) Там же, стр. 32.

3) А. О. Р. ф. XXX. № 69. Иногородний Отдел Ц. И. К.

шейся попытки созвать общее собрание Совета состоялось соединенное совещание исполнительного комитета Совета, Центрального Бюро фабрично-заводских комитетов и комитета РСДРП. На этом об'единенном совещании была оглашена указанная телеграмма следующего содержания: «Москва 4 июля... В Петрограде решительные выступления фабрик, полков. Областное бюро призывает немедленно к демонстрациям и забастовкам. Лозунг: «Вся власть Советам». Срочно телеграфируйте получение. Организуйтесь вокруг Кинешмы».

После обсуждения телеграммы признано было желательным устройство демонстрации, но окончательное решение вопроса было отложено до утра, когда предполагалось общее собрание Совета» [1]).

Еще во время совещания произошел инцидент с партией эсеров. На совещание явился лидер местных эсеров Салов и заявил, что Совет не имеет права устраивать демонстрации и что он в нужный момент прибегнет к оружию. Это заявление значительно повысило и без того напряженное настроение. После этого к членам Исполнительного Комитета стали поступать сведения, что состоялось собрание партии эсеров, и это последнее ведет какие-то переговоры со штабом полка и с другими городами.

В связи с тревожным положением в городе и циркулирующим слухом о свержении Вр. Пр. и о приготовлениях эсеров, в 1 ч. ночи состоялось заседание Исполнительного Комитета Совета. На этом заседании было постановлено: «в целях предотвращения боевых и провокационных выступлений, установить контроль над телефоном и телеграфом». Еще до окончания совещания было получено известие о тревожных сигналах, поданных из местного отделения Государственного банка.

Во время контроля, около трех часов ночи был перехвачен разговор Майорова (с.-р.) с Шуей: «Пусть едут из Шуи Нырков и К°, большевики берут власть в свои руки, приезжайте к 9 часам»... Контроль с телефона и телеграфа был снят 5 июля в 1 ч. дня.

«6 июля с 11 час. дня на всех фабриках и заводах прекращены были работы, и с часу дня началась, после митинга перед помещением Совета, демонстрация, охранявшаяся шедшей впереди вооруженной ротой солдат и сзади—конными милиционерами. Участники демонстрации, кроме охраны, были вооружены; в ней принимали участие рабочие почти всех фабрик» [2]).

Далее в этом же «акте» говорится, что в демонстрации участвовало около 30—40 тысяч человек, и что демонстрация закончилась мирно. Этой демонстрацией закончились тревожные дни в Иваново-Вознесенске, и жизнь вошла опять в нормальную колею.

События в Нижнем-Новгороде происходили так: к концу июня начались трения между эвакуированными и военными властями г. Нижнего-Новгорода на почве отправления эвакуированных на фронт. Для того, чтобы силой принудить эвакуированных отправиться на фронт, по требованию ни-

---

[1]) „Рабочее движение в 1917 г.“ Изд. Центрархива, I т. 1927.

[2]) Там же, стр. 149.

жегородского комиссара и С. С. Д., помощник командующего М. В. О. подпоручик Шер, с согласия президиумов Московских Советов, послал из Москвы в Нижний роту юнкеров Алексеевского военного училища и учебную команду 56 пех. зап. полка. Вместе с отрядом отправились представители С. Р. Д.—Буровцев, С. С. Д.—Калмыков и С. Кр. Д.—Глушаков.

«Около 3 часов ночи 5 июля прибывшие из Москвы юнкера и части учебной команды, окружив спящих эвакуированных, начали, чуть ли не прикладами, будить их и, арестовав в одном белье, стали отправлять на станцию. Случайно проходившие солдаты 183 и 185 полков, увидев пулеметы, известили своих товарищей, которые с ружьями выбежали на улицу. По словам солдат, юнкера открыли по ним огонь» [1]). Началась стрельба, в результате которой оказались 2 убитых и один раненый.

Конвой на вокзале был обезоружен. Вслед за этим были окружены казармы, где помещалась вторая полурота юнкеров, которая вынуждена была сдаться. Весь город очутился в руках солдат.

«Город наполнялся вооруженными массами. В этот момент исчезли представители Совета. Исполнительный Комитет фактически уже не существовал. Комиссар был бессилен. Однако, среди толпы, среди темной массы солдат оказались сознательные элементы. Они стали агитировать за устройство собрания и выбора какого-нибудь комитета [2]). Комитет был избран в количестве 15 чел., из которых человек 6 было депутатов Совета и человек 5—от эвакуированных. Организованное ядро пригласило в качестве полноправных членов от Совета Солдатских Депутатов 5 ч., от Совета Кр. Деп.—5 ч., от Совета профсоюзов—5 чел. Кроме того, в Комитет были приглашены с правом решающего голоса представители трех политических партий.

«Таким образом, Комитет состоял из 36 чел., из них 27 чел. были из состава старых Советов и партий и только 9 чел., новых... Из них по политическим воззрениям было: с.-д. большевиков и с.-д. меньшевиков—10 ч., с.-р.—10—12 чел.» [3]).

Комитетом были приняты меры поддержания порядка в городе до выборов нового Совета. Никаких беспорядков и бесчинств в городе не произошло. Были также приняты меры, чтобы не допустить кровопролития с прибывшим из Москвы вторым карательным отрядом. «Были убраны войска с вокзалов, пулеметы привезены и сложены в комнатах дворца, увезены в арсенал 2 вагона патронов с вокзала и осмотрены другие, во избежание опасности от взрыва боевых снарядов» [4]).

Несмотря на полное успокоение в городе, из Москвы была снаряжена вторая карательная экспедиция из трех родов войск—пехоты, артиллерии и кавалерии. Во главе экспедиции стояли: командующий М. В. О. Верховский и председатель Московского Совета Хинчук.

---

1) „Социалдемократ“ № 103 от 9 июля 1917.
2) Там же, № 110 от 18 июля.
3) Там же.
4) Там же.

В ночь на 5 июля в Киеве происходили следующие события: на почве нежелания отправиться на фронт взбунтовались солдаты полка имени гетмана Полуботько, захватили склад оружия и гараж и в количестве 5.000 чел. двинулись на крепость. «Первый гетмана Богдана Хмельницкого полк пытался остановить их, но безуспешно. Бунтовщики заняли крепость, захватили штаб округа, управление начальника милиции, дом командующего войсками, арестовали коменданта города и начальника милиции. Благодаря совместным действиям воинских властей, Исполнительного Комитета Общ. организации, Советов Рабочих и Солд. Депутатов, Генерального Секретариата и Украинской Центральной Рады, к 7 час. утра арестованные были освобождены, и большая часть мятежников разоружена» [1]).

Здесь так же, как и в Нижнем, против восставших солдат выступили об'единенные силы контрреволюционного командования и меньшевистско-эсеровских Советов. Силы восставших были сломлены и принуждены продолжать навязанную им ненавистную войну.

Известие о петроградских событиях до Красноярска дошли 8 июля. С целью поддержки петроградских товарищей, несмотря на отчаянное противодействие эсеров, на воскресенье 9 июля была назначена демонстрация, в которой участвовало 10—11.000 чел. Демонстрация была почти исключительно солдатско-рабочей. После демонстрации состоялись митинги, на которых были приняты резолюции, осуждающие поведение соглашателей.

Июльские события в провинции имели не везде одинаковый характер. В Нижнем-Новгороде события созрели самостоятельно, независимо от Петрограда, но, благодаря событиям в Петрограде, приняли более упорный характер, ибо не подлежит никакому сомнению, что без известия о выступлении петроградского гарнизона и рабочих, вряд ли солдаты в Нижнем взялись бы за оружие. Наверно, подавление вооруженной демонстрации в Петрограде подействовало и на настроение нижегородцев и, такм образом, конфлкт удалось ликвидировать без кровопролития.

Восстание солдат в Киеве тоже совпадает с моментом получения известий о выступлении в Петрограде.

Характерно, что там, где большевистское влияние сильно, там эти события носят более организованный характер и не доходят до столкновений; яркий пример этому—события в Иваново-Вознесенске, где власть фактически перешла в руки Совета, и только после выяснения положения о несвоевременности взятия власти в отдельном городе, эта же власть опять мирно переходит к Вр. Правительству.

После июльских событий волна репрессий и контрреволюционных выступлений против большевиков прокатилась по всей стране. На местах, где большевистские организации были сильны, противобольшевистская агитация успеха не имела, где влияние партии было слабо, там на время восторжествовали меньшевики и эсеры. Пущенная клевета о связи т. Ленина с германским штабом кое-где имела успех, но не среди рабочих, а, главным образом, среди солдат.

---

[1]) А. О. Р. Главное управление по делам милиции. № 32 т. I.

В июльские дни в Таганроге были большие волнения. Вечером 6 июля толпа рабочих Русско-Балтийского завода чуть ли не убила начальника милиции эсера Никольского за то, что он назвал большевиков изменниками. Прибывшая на завод сотня казаков потребовала выдачи большевиков для самосуда. С трудом удалось успокоить казаков и заставить их отказаться от дикой мысли расправиться с рабочими. В город было введено еще 3 сотни казаков, после чего началось успокоение.

Попытки устроить большевистские погромы имели место в Грозном. Тов. Анисимов на 6 с'езде партии большевиков говорил, что с этой целью была организована тайная лига—«Общество борьбы с большевиками». «Провокация была на каждом шагу: стоило показаться на улицу—и тебя стремились вызвать на спор, при чем обыкновенно в таких случаях дело заканчивалось насилием... В нападении на город, которое произвели чеченцы, обвиняли тоже большевиков. Мы опасались созывать общие собрания» [1]).

Тов. Кавтарадзе на 6 с'езде говорил, что большевистское влияние было сильно среди войск Тифлисского гарнизона. Но меньшевики совместно с командованием вывели эти войска из города и заменили их дикими полками. «Грузинские рабочие массы отравлены оппортунизмом; они идут за Костровым (Жордания. *О. Л.*), патриархом оборончества. Травля против нас началась, прежде всего, в Тифлисе; честь ее открытия принадлежала Тифлисскому Исполнительному Комитету. Когда из Петрограда привезли «Правду», Исп. Ком. на экстренном заседании решил ее конфисковать... Таким образом, нам приходилось работать в невероятных условиях. Ежедневно на каждом заседании Исп. Ком. ставится вопрос о закрытии «Кавказского рабочего» [2]).

После июльских событий в Поволжье «первое время была растерянность и даже некоторый отлив рабочих из наших организаций... Клевета, пущенная Алексинским, произвела силное впечатление на мелкобуржуазную массу» [3]), и она качнулась вправо.

На Урале события 3—5 июля «отрицательного действия не имели и даже послужили некоторым фильтром» [4]). По сведениям газеты «Новая Жизнь», № 70, в Екатеринбурге 8 июля, на экстренном заседании Совета Р. и С. Д. была вынесена резолюция о передаче власти Советам.

Командный состав на фронте требовал принятия самых суровых мер для подавления демонстрации. На имя кн. Львова от ген. Крымова была получена телеграмма следующего содержания: «Прочтена общему собранию комитетов Уссурийской конной дивизии телеграмма о событиях в Петрограде. В ответ на эту телеграмму раздался один клик: «Пора переходить от слов к рой он, по уполномочию всех комиссаров южфронта, предлагает войска, без
рой он, по уполномочию всех комиссаров южфронта, предлагает войска, без
ущерба для фронта, для подавления Петрограда.

---

1) Протоколы VI с'езда Р. С. Д. Р. П. (большевиков) стр. 84.

2) Там же, стр. 85.

3) Там же, стр. 81.

4) Там же, стр. 73.

5) А.О.Р. Дело канцелярии Вр. Пр. № 42.

На события в Петрограде отозвалось и духовенство. Вр. Пр. из гор. Верного получило следующую телеграмму: «Первый свободный епархиальный с'езд семиреченского духовенства и мирян Туркестана радостно приветствует Вр. Пр. Сообщает, что политика Вр. Пр. вполне отвечает евангельскому учению о любви к ближнему. Протоиерей Удальцов» [1]).

Из многочисленных приветственных телеграмм, полученных Вр. Пр. по случаю подавления петроградских рабочих и солдат, есть только одна телеграмма от рабочих акц. общества Российских химических заводов. Все остальные телеграммы получены от буржуазных организаций и то лишь второстепенных, мелких. Для примера назовем некоторые из них: общее собрание мукомолов Ставропольского уезда; Амурский водный комитет; собрание граждан гор. Березны; Новороссийская гор. дума; общ. собр. гражд. гор. Имана и его окрестностей и т. д., и т. п. Как видно, крупная буржуазия была не очень-то склонна приветствовать Вр. Правительство.

Итак, июльские события в Петрограде вызвали живой отклик решительно во всех слоях населения. Симпатии большинства рабочих и солдат были на стороне петроградцев; кое-где, как это мы видели, произошли попытки с оружием в руках поддержать Петроград. Мелкобуржуазные партии, меньшевики и эсеры, совместно с буржуазией и командным составом, всюду участвовали против рабочих и солдат, усмиряли их, разоружали их и распространяли гнусную клевету про партию большевиков. На все эти действия они получили благословение духовенства, которое считало, что политика Вр. Пр. соответствует «евангельскому учению о любви к ближнему».

Единственно партия большевиков, несмотря на бешеную травлю и обливание грязью ее вождей, продолжала стойко защищать интересы, даже против ее воли, вышедших на улицу рабочих и солдат. Поэтому она и заслужила безграничное доверие трудящихся масс страны.

* * *

После прекращения вооруженной демонстрации Временное Правительство приступило к расправе над демонстрантами. На заседании Временного Правительства от 6 июля был принят целый ряд постановлений, из которых самые характерные гласят: «...2) Виновный в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказывается заключением в крепость на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьму.

3) Виновный в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти наказывается, как за государственную измену» [2]).

Эти постановления в комментариях не нуждаются; они полностью направлены против солдат и рабочих, недовольных политикой Временного Правительства.

[1]) Там же.

[2]) А. О. Р. Журнал зас. Вр. Правит., № 124.

На заседании Временного Правительства от 7 июля было принято постановление: «Все воинские части, принимавшие участие в вооруженном мятеже 3, 4 и 5 июля 1917 г. в Петрограде и его окрестностях, расформировать и личный состав их распределить по усмотрению Военного и Морского министра.

Все дело расследования организации вооруженного выступления в Петрограде 3—5 июля... сосредоточить в руках прокурора Петроградской Судебной Палаты, в его распоряжение ассигновать 50.000 руб.» [1]).

Во исполнение этого постановления были расформированы пулеметчики, гренадеры, 176 полк, часть гарнизона Петропавловской крепости и другие части.

7 июля вышел в отставку министр-председатель кн. Львов и вместо него был назначен А. Ф. Керенский, который начал энергично действовать в контрреволюционном направлении. В телеграмме «Всем» от 8 июля он извещает: «С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов... Руководители и лица, запятнавшие себя братской кровью и преступлением против родины и революции,—арестуются». В приказе по армии и флоту Керенский ругает солдат, называет их изменниками, предателями, а о контрреволюционном офицерстве говорит словами: «...неизменно доблестное поведение лиц командного и офицерского состава, свидетельствующее о преданности их свободе, революции и беззаветной любви к родине»[1]).

Таковы первые шаги правительства после июльских дней. Несмотря на то, что деятельность Временного Правительства и Керенского носила явно контрреволюционный характер, соглашательский ЦИК 9 июля об'явил это правительство «Правительством Спасения Революции» и наделил его неограниченными полномочиями.

Первым делом этого правительства «Спасения» было, по требованию генерала Корнилова, восстановление смертной казни на фронте. В этом постановлении перечислены все пункты царского закона против нарушения дисциплины в армии.

Введение смертной казни на фронте и создание военно-революционных судов широко было использовано контрреволюционным командным составом против солдат.

Следующие постановления этого правительства «спасения» были: 1) о праве министров военного и внутренних дел закрывать газеты, 2) о введении предварительной военной цензуры, 3) об отобрании оружия у рабочих (срок сдачи оружия был назначен на 14, 15 и 16 июля).

Все эти контрреволюционные мероприятия правительства одобрялись соглашательским ЦИК'ом, который, особенно после получения сведений о поражении на фронте, совершенно растерялся и полностью перешел в лагерь буржуазии. ЦИК считал нужным поддержать решительно все мероприятия пра-

[1]) „Разложение армии в 1917 г.“, стр. 112, 113.

вительства, несмотря на их содержание. Так, в циркуляре ко всем армейским и фронтовым комитетам, ко всем солдатским секциям Советов, военный отдел ЦИК писал: «Так как мы хотим создать сильное демократическое правительство, то мы, хотя бы против своей воли, должны поддерживать авторитет Временного Правительства, поддержать все его мероприятия, даже те, с которыми не согласны».

Контрреволюционная сущность мероприятий Временного Правительства проявилась так ярко, что заслужила одобрение агента английского империализма Бьюкенена [1]).

У Бьюкенена было основание смотреть на правительство «Спасения» с надеждой, ибо по самому основному вопросу для англо-французского империализма, по вопросу о войне, правительство в своей декларации и многочисленных выступлениях министров Церетелли, Керенского и других, заявляло, что оно считает своей основной задачей создание боеспособной армии, продолжение войны до конца и об'явило ненарушимость соглашения с союзниками. Вместо лозунга мира, в дни событий 3—5 июля, соглашатели заговорили о доведении войны до конца совместно с доблестными союзниками.

Уступчивость соглашателей окрылила буржуазию: она потребовала полного разрыва правительства с Советами. 12 июля Врем. Комитет Гос. Думы вынес резолюцию против правительства «Спасения», и достаточно было постановления этого, как будто мертвого учреждения, чтобы правительство «Диктатуры» и «Спасения» подало в отставку. Начались длительные переговоры с торгово-промышленниками и кадетами о вхождении в правительство, которые благоприятно для кадетов кончились 21 июля вступлением к.-д. в правительство.

К моменту составления нового коалиционного правительства Керенский стал претендовать на роль русского Бонапарта.

О бонапартизме Керенского тов. Ленин писал следующее: «Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга» [2]).

Тов. Ленин считал, что начало бонапартизма есть неоспоримый факт, но для окончательного укрепления его у нас в России нет об'ективных условий, в отличие от почвы возникновения бонапартизма во Франции в 1799 г. и в 1849 г., у нас ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Соотношение классовых сил после июльских дней было таково, что ни буржуазия в союзе с помещиками, ни пролетариат в союзе с крестьянством не были еще готовы для решительной схватки. Фактическая власть, за не-

---

[1]) Дж. Бьюкенен. „Мемуары дипломата", стр. 250, 251.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. 14, ч. II, стр. 53

большим исключением, находилась в руках Кавеньяков, буржуазия бешено готовилась эту фактическую власть кавеньяков-корниловцев официально поставить во главе государства и сделать властью де-юре.

Мы считаем нужным отличить диктатуру кавеньяков от диктатуры бонапартистов. Маркс считал, что «Кавеньяк не был диктатурой сабли над буржуазным обществом; он был диктатурой буржуазии, осуществляемой посредством сабли» (Маркс, «Борьба классов во Франции»). Бонапартизм, наоборот, есть диктатура над буржуазией, хотя результаты этой диктатуры идут в пользу буржуазии. О бонапартизме Энгельс писал: «Луи Бонапарт, под предлогом защиты буржуазии от рабочих и рабочих от буржуазии, лишил капиталистов политической власти; но его господство способствовало спекуляции, промышленному развитию, вообще невиданному до тех пор расцвету и обогащению всей буржуазии в целом» (Энгельс, «Введение к гражд. войне во Франции К. Маркса»). Керенщина, которая ежедневно болтала о примирении классов, о внеклассовой сущности своей власти, о борьбе как слева, так и справа, безусловно, выражала одну сторону сущности бонапартизма, но это, если так можно выразиться, только внешняя сторона бонапартизма; по существу бонапартизм во Франции в 1849 г. возник благодаря колебаниям мелкой буржуазии, при активной поддержке консервативной части крестьянства. В России в 1917 г. колебания мелкой буржуазии были большие, но, в отличие от Французской революции, не было консервативного крестьянства. При возникновении бонапартизма во Франции крестьянская революция 1789 г. была уже позади, тогда как в России она была еще впереди. Своим колебанием мелкая буржуазия в России создавала почву не для бонапартизма, а для открытой буржуазной диктатуры кавеньяков-корниловцев. Только бдительность пролетарской партии большевиков и правильная тактика ее помешали этому осуществиться и привели в Октябре к крушению буржуазии и к торжеству диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством.

Кренского же буржуазия терпела, как наименьшее зло. Керенский был выдвинут не благодаря своим достоинствам, а в силу своей ничтожности.

Маркс, анализируя причины победы Луи Бонапарта на президентских выборах в 1848 г., писал: «Так случилось, что, по выражению «Neue Rheinische Zeitung», незначительный человек Франции выступил, как самый многозначительный символ. Именно потому, что он был ничто, он мог означать все, но только не самого себя» [1]).

Слова Маркса, сказанные о Луи Бонапарте, полностью можно отнести и к Керенскому. Сам Керенский и его друзья из соглашательского ЦИК. конечно, не понимали той жалкой временной роли, какую они играли по замыслам буржуазии; они со всей серьезностью полагали, что делают дело действительного спасения страны и революции. Они одурачивали себя «с той серьезностью, с какой она (мелкая буржуазия. *О. Л.*) вообще торжественно одурачивает себя» [2]).

---

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 62, изд. 1921 г.

2) Там же, стр. 63.

В то время, как соглашатели на заседании ЦИК и на разных собраниях говорили о недопустимости классовой борьбы, генералитет и черносотенные организации громили рабочие организации (меньшевики и эсеры это классовой борьбой не считали). После разгрома «Правды», типогр. «Труд», Петрайкома и союза металлистов приступили к разгрому Советов. 10 была разгромлена квартира меньшевистского районного комитета на Петроградской стороне. 11 июля была разгромлена типография Василеостровского Совета.

Временное Правительство, с согласия ЦИК, поставило во главе отрядов, прибывших с фронта, поручика Мазуренко, который, после разоружения солдат, приступил к отобранию оружия у рабочей красной гвардии. Войсками окружались заводы, производились обыски, арестовывались должностные лица рабочей милиции ираб.-кр. гвардии, требовалась сдача оружия. Но результаты были совсем плачевные,—рабочие совсем не были склонны оружие отдавать, хорошее оружие было уже припрятано, и выдавался большей частью всякий хлам.

Дружнее всего держались рабочие Выборгской стороны. Там отряд Мазуренко и вовсе не сунул носа и ограничился разоружением заводов, расположенных отдельно, на окраине города. Особенно внушительное нападение было сорганизовано на Сестрорецкий оружейный завод, при нападении на который участвовал, кроме пехоты и кавалерии, также отряд броневиков. Но и здесь результаты получились плачевные. По словам тов. Глинского, «при энергичной помощи товарищей из партийной районной организации и сознательных рабочих С. О. З. (милиционеров), оружие было в большем количестве увезено на рыбацких лодках за «Разлив» [1]).

Настроение рабочих масс, за небольшим исключением, не было вовсе упадочным. 7 июля Ц. Б. профсоюзов вынесло резкую резолюцию, осуждающую политику соглашателей; такого же рода резолюция была принята Выборгским районным Советом Р. и С. Д. Большевистские резолюции были приняты на заводах: Барановского, Сестрорецком оружейном, Старом Парвиайнене, Лангензипене, Нобель, Фениксе, Франко-русском, Новом Лесснере, Перуне, Путиловском и на других. 22 июля на совместном совещании делегатов с фронта и рабочих Петрограда была принята большевистская резолюция.

Несмотря на то, что VI с'езд Р. С. Д. Р. П. (б) происходил полулегально, рабочие Петрограда все-таки о нем узнали. С'ездом были получены приветствия от 13 петроградских заводов, от двух районных Советов и других общественных, пролетарских организаций.

Настроение солдат Петрограда после расформирования более революционных полков и после начатой травли против Ленина и партии большевиков было упадочное; большевистские настроения солдат на фронте, наоборот, усилились. Среди некоторой части рабочих Петрограда, особенно среди железнодорожников, в ближайшие дни после 3—5 июля было некоторое колебание, кое-где на отдельных предприятиях удалось протащить соглашательские резолюции, но это продолжалось недолго, основной массив рабочих дер-

[1]) „Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов", стр. 66.

жался стойко. К концу июля было полностью восстановлено и даже превзойдено доиюльское равновесие сил. Послеиюльская контрреволюционная политика ЦИК и Вр. Правительства открыла глаза многим рабочим и солдатам, до июля уверенных в революционности этих партий. Начинается массовый отход пролетарских элементов от партий меньшевиков и эсеров и окончательный разрыв этих партий с трудящимися массами страны [1]).

Подводя итог разбору событий 3—5 июля, необходимо отметить следующие особенности момента:

Первая особенность момента до 3—5 июля заключалась в той своеобразной обстановке двоевластия, когда официальная государственная власть находилась в руках буржуазного Вр. Правительства, и рядом с этим правительством существовали Советы Р., С. и Кр. Деп., имеющие в своих руках фактическую власть и уступающие эту власть Временному Правительству. В результате этого получилось своеобразное переплетение власти буржуазии с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В связи с началом наступления на фронте и переходом вождей мелкобуржуазных социалистов в лагерь буржуазии власть из рук Советов постепенно переходила в руки буржуазии и контрреволюционного командного состава.

Вторая особенность заключалась в том, что Россия вследствие Февральской революции стала самой свободной из воюющих стран в мире. Вооруженные и организованные в Советы громадные массы рабочих и солдат, отсутствие насилия над ними — вот вторая особенность момента.

Выше охарактеризованное положение в обстановке войны не могло долго продержаться и, таким образом, имело лишь переходный характер. Перед страной стала дилемма: или продолжение войны,—в таком случае отказ от существующих свобод неизбежен, гегемония империалистической буржуазии явно неизбежна, — или разрыв с политикой империализма, принятие мер к прекращению войны, что, в свою очередь, возможно было лишь при утверждении революционно-демократической диктатуры против буржуазии.

Меньшевики и эсеры колебались, хотели создать что-то среднее, хотели сочетать существующие свободы с ведением империалистической войны. На деле эта политика показала свою полную несостоятельность, толкнула широкие рабочие и солдатские массы в сторону противников политики соглашения, а сами меньшевики и эсеры, шаг за шагом уступая давлению империалистов, скатились в лагерь контрреволюционной буржуазии.

Партия большевиков правильно выставляла в доиюльские дни лозунг мирного перехода власти в руки Советов. Была лишь допущена ошибка в смысле недооценки революционного настроения масс. Ленин писал: «Действительной ошибкой нашей партии в дни 3—4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение **менее** революционным, чем оно оказалось, что партия считала **еще** возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики Советов, тогда как на самом деле меньшевики и эсеры настолько уже запутали и

---

[1]) Такое же нарастание большевистских настроений наблюдалось и в деревне, где волна аграрного движения в июле 1917 г. достигла своего максимума. *Прим. ред.*

связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контрреволюционна, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе, как участием в народном движении 3—4 июля с лозунгом «Вся власть Советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер» [1]).

Тов. Ленин считал, что мирный период развития революции кончился с момента наступления на фронте, что подготовка наступления и само наступление привязало соглашателей к колеснице империализма, превратило их в игрушку в руках империалистической буржуазии. Но изжить иллюзии мирного развития, которые были в массах очень сильны, можно было только путем получения наглядных уроков, доказывающих предательство меньшевиков и эсеров и невозможность без вооруженной борьбы взятия власти в руки Советов.

С поражением демонстрации 3—5 июля лозунг «вся власть Советам» партией был снят. Соглашательские Советы, участвуя в карательной политике буржуазии против рабочих и солдат, окончательно скомпрометировали себя. Авторитет Советов мог подняться лишь после завоевания в Советах большевиками большинства. После июльских дней был выдвинут лозунг диктатуры рабочего класса, опирающегося на беднейшее крестьянство.

Послеиюльская смена партийных лозунгов означала перенесение центров тяжести на подготовку вооруженного восстания. В это же время партия не оставляла без внимания Советы, защищая их от контрреволюционеров, разоблачая политику соглашательских Советов и ведя борьбу за большевизацию их. История показала, что одновременно с большевизацией Советов вырастал их авторитет, и лозунг «вся власть Советам» был восстановлен снова, но не как лозунг мирного развития, не как лозунг власти мелкой буржуазии, а как лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Выступление 3—5 июля партия большевиков об'ясняла, как стихийный взрыв возмущения солдатских и рабочих масс против соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Участие партии в движении 3—5 июля было единственно правильным шагом для партии. В связи с этим вопросом возникает другой вопрос—вопрос о провокации, вопрос о роли Времен. Правительства и военных кругов при возникновении движения 3—5 июля.

О провокации пишут почти все участники событий 3—5 июля. О провокации говорит также в своем докладе на VI с'езде и тов. Сталин, который категорически не утверждает, но считает возможным, что, кроме общих причин, были также и элементы провокации. В более резкой форме версию провокации отстаивает тов. Подвойский [2]).

Вполне допуская возможность работы отдельных провокаторов, надо признать, что не они вызвали выступление масс. Атмосфера была и так накалена. Товарищи, об'ясняющие взрыв деятельностью провокаторов, недо-

[1]) „Ленинск. сборн.“ № 4, стр. 324—325.

[2]) „Красная Летопись“ № 6, 1923 г., стр. 76, 78.

статочно оценивают остроту недовольства масс, повторяют именно ту ошибку партии в июльские дни, о которой писал тов. Ленин.

Отрицая версию, об'ясняющую июльский взрыв, как результат деятельности правительственной провокации, можно считать бесспорным участие провокаторов и черносотенцев в самые дни 3—8 июля. Обстрел демонстраций с крыш и из буржуазных квартир, а также провокаторский обстрел прибывающих с фронта войсковых частей—все это документально доказано.

Массовое движение в дни 3—4 июля возникло вопреки желанию большевистской партии. Она считала выступление преждевременным и хотела удержать массы от выступления потому, что опасалась, как бы буржуазия и соглашатели ответственность за неизбежный разгром начатого наступления на фронте не свалили на пролетариат и партию. Тов. Сталин на экстренной июльской петроградской партийной конференции говорил, что тактика партии состояла в том, чтобы удержать массы от преждевременного выступления, выждать, пока полностью обнаружится провал начатого преступного наступления на фронте. Но недовольство в массах было так сильно, что оно через голову партии перелилось в стихийное массовое движение против Временного Правительства.

В дни 3—5 июля создалась чрезвычайно сложная обстановка. Массы боролись за полновластие Советов, но, благодаря тому, что в Советах господствовали меньшевики и эсеры, Советы отказались взять власть, и, таким образом, массы оказались в положении вооруженных противников Советов. Партия призывала к мирной демонстрации, а на улицах города происходил бой; партия выдвинула лозунг мирного перехода власти Советам, а Военная Организация принимала целый ряд чисто военных мер. Таким образом, движение приняло характер полувосстания, и стоило бы только партии выбросить лозунг захвата власти, как власть безусловно была бы взята, ибо в дни 3—5 июля у Врем. Прав. в Петрограде сил не было, что должен был констатировать даже Милюков в своей «Истории второй русской революции». Но, сделав такой шаг, партия тогда совершила бы роковую ошибку, ибо, как писал тов. Ленин, в июле 1917 г. в массах не было еще той отчаянной решимости бороться за власть Советов, и Вр. Правительство с помощью отсталой провинции и верных войск с фронта задушило бы власть Петроградского Совета. Партия отвергла советы отдельных «левых» крикунов, которые в апрельские дни хотели взять курс «чуточку левее», а в дни 10 июня считали партийный курс «оппортунистическим» [1]) и создавшиеся условия—вполне созревшими для вооруженного восстания, и под руководством своего гениального вождя Ленина не приняла боя в момент, для нее невыгодный и, таким образом, сохранила революционные кадры для предстоящей решительной схватки.

Необходимо подчеркнуть, что в ЦК партии летом 1917 г. безусловно существовал правый сектор, состоящий из товарищей Каменева, Зиновьева и Ногина. Не случайно же т.т. Каменев и Зиновьев 3 июля особенно энергично действовали против демонстрации, не случайно же именно они написали

---

[1]) Лацис. „Пролетарская революция“ № 5, 1923 г.

(потом, постановлением ЦК отмененное) воззвание к рабочим и солдатам с призывом воздерживаться от демонстрации.

Поздно вечером 3 июля на совместном совещании ЦК с межрайонцами, когда для всех было совершенно очевидным, что массы удержать невозможно, даже и тогда еще тов. Каменев высказался против участия партии в демонстрации, а тов. Троцкий внес явно неосуществимое и неправильное предложение — демонстрировать без оружия.

Если бы тогда партия согласилась с т.т. Каменевым и Троцким, то сделала бы роковую ошибку, которая помогала бы штабу осуществить свой провокаторский план. Без руководства нашей партии движение 4 июля приняло бы анархичесий характер, при котором вооруженные столкновения приняли бы огромные размеры, и создалась бы почва для «усмирения» со стороны штаба.

Руководство большевиков движением 4 июля направило последнее по единственно правильному руслу мирной демонстрации и неизбежные в таких случаях столкновения сократило до минимума. Участие в демонстрации под руководством большевиков вооруженных кронштадтских матросов отбило у Половцева охоту применить систему провокации и разгрома демонстрации в более широких размерах. Позиция ЦК, вопреки советам т.т. Каменева и Троцкого, была правильна и полностью была одобрена прибывшим 4 июля из Финляндии тов. Лениным. Таким образом, очевидно, что позиция т.т. Каменева и Троцкого, занимаемая ими в июльские дни 1917 года, противоречила позиции партии и т. Ленина.

Сравнивая характер движения 3—5 июля с апрельским и июньским движением, тов. Ленин писал: «По форме движение в течение всех трех кризисов было демонстрацией. Противоправительственная демонстрация— таково было бы, формально, наиболее точное описание событий. Но в том-то и дело, что это не обычная демонстрация, это—нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это—взрыв революции и контрреволюции вместе, это—резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных» [1]).

Только при наличии такого положения, когда официальная государственная власть не имела реальной силы, когда колебания мелкой буржуазии были очень сильны и когда существовали хорошо организованные и вооруженные крайние политические партии, именно при таком положении возможны были события 3—5 июля.

Движение 3—5 июля, имеющее однородный характер с движением 20—21 апреля, превосходило последнее своим размахом и остротой классовой борьбы, и если бы тогда не было правильного руководства со стороны партии большевиков, то оно безусловно приняло бы характер преждевременного восстания.

В процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую июльские дни играли большую роль. Июльские собы-

[1]) Ленин. Собр. соч. т., XX, ч. II, стр. 138.

тия показали широким рабочим и солдатским массам, кто с ними и кто против них; июльские события раскрыли предательскую политику вождей партий меньшевиков и эсеров и зависимость их от буржуазии; в то же время эти тяжелые дни показали массам преданность партии большевиков революции.

Июльские события—это последняя попытка мирного перехода власти Советам. Были исчерпаны все легальные возможности перехода власти в руки Советов. Но вместо этого, благодаря измене партии соглашателей, фактическая власть из рук Советов перешла в руки контрреволюционного генералитета, поддержанного главной буржуазной партией — кадетами.

Пролетариат в апрельские дни не был разгромлен Корниловым потому, что меньшевики и эсеры тогда еще не перешли в лагерь буржуазии, поражение революции в дни 3—5 июля можно об'яснить предательством мелкобуржуазных соглашательских вождей, перешедших на сторону буржуазии.

Урок июльской демонстрации состоит в том, что широкие пролетарские и солдатские массы увидели, что выйти из проклятой бойни, прогнать помещиков, обуздать буржуазию, установить рабочий контроль над производством, принять действительные меры борьбы против экономической разрухи и генеральской контрреволюции возможно только путем победоносного восстания революционного пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством или полупролетариями, которые под руководством партии большевиков должны взять всю государственную власть в свои руки.

Вот единственно правильный вывод из событий в дни 3—5 июля 1917 года.

Е. Грановский

Когда русский капитализм вступил в фазу монополистического развития?

I. Общие замечания

За последние $1^1/_2$—2 года появился ряд работ, посвященных финансовому капитализму в России. Интерес, проявляемый к этой проблеме, понятен. Речь идет об экономических предпосылках Октябрьской революции и рессурсах для построения социализма в СССР.

Выяснение отдельных вопросов, входящих в состав этой проблемы, имеет значительный научный и общественный интерес. К ним автор относит и вопрос о том, когда русский капитализм стал монополистическим, к какому периоду относится «скачок», превративший русский капитализм в империализм.

Тов. Ванаг относит создание финансово-капиталистической системы в России к периоду после 1905 г., когда иностранный банковый капитал подчинил себе русскую банковую систему (1906—1910 г.г.) и посредством ее «становится монопольным вершителем судеб нашей крупной индустрии, начиная к кануну войны подчинять себе и легкую промышленность, в том числе даже искони русскую—мануфактурную» [1]). (Ванаг. «Финансовый капитал в России накануне мировой войны». Стр. 41).

С вопросом о том, когда сложилась финансово-капиталистическая система в России у Ванага увязывается вся нарисованная им схема развития финансового капитализма в России. Схема эта такова: иностранные банки подчиняют русские банки (1906—1910 г.г.), а русские банки—русскую промышленность. Если бы было доказано, что вступление России в фазу финансового капитализма относится не к 1906—1910 г.г., а к концу 90-х годов, вся схема тов. Ванага должна была быть отвергнута [2]).

[1]) Здесь у тов. Ванага не совсем грамотное деление на „крупную" и „легкую" промышленность: ведь и легкая промышленность может быть крупной.

[2]) К схеме т. Ванага примыкает и тов. Гольман, выпустивший недавно брошюру „Монополистический капитализм в России и строительство социализма в СССР". Тов. Гольман полагает, что „развитие русской промышленности по монополистическому пути шло по линии „сращения" ее капиталов с иностранным финансовым капиталом („финансовые реорганизации"), овладевшим в течение последующих 5—8 лет (1904—1912) всей русской банковской системой и превратившим последнюю в свою „дочернюю систему" (стр. 7). По Гольману, как и по Ванагу, иностранный банковый капитал подчиняет себе рус-

Другая точка зрения высказана в работе тов. Ронина: «Иностранный капитал и русские банки». Тов. Ронин не отрицает наличия зачатков финансового капитализма в 90-х годах. Но он склонен чрезвычайно ограничивать сферу влияния финансово-капиталистических отношений в этот период. Отметив на ряде примеров связь, существовавшую между банками и промышленными предприятиями в форме персональной унии Ронин, ссылаясь на Риссера пишет:

«Явления личной унии вроде вышеописанных имели место и в эпоху раннего капитализма, так что сами по себе они отнюдь не являются отличительным признаком монополистического капитализма. Персональная уния отражает в таких случаях более или менее длительную заинтересованность, но никак не отношения сращивания, возникающие на более высокой стадии капиталистического развития. В 90-х годах личная уния не была еще у нас, к тому же, всеобщей формой связи банков с промышленностью. Сфера ее применения была сравнительно ограничена» [1]).

Третья точка зрения, высказанная М. Н. Покровским в первом издании «Очерков по истории революционного движения в России» (1924 г.), относит вступление России в фазу империализма к концу 80-х годов. После того, как она была подвергнута критике со стороны занимавшихся вопросом о финансовом капитализме в России, т. Покровский от нее во втором издании (1927 г.) отказался и примкнул к точке зрения высказанной в работах т. Ванага и Ронина. По мнению т. М. Н. Покровского, появившиеся со времени выхода первого издания его книги работы—«в особенности тт. Ванага и Ронина—выяснили со всей очевидностью, что говорить о русском империализме» в этот период (вторая половина 90-х годов. *Е. Г.*) нельзя, не извращая самого слова «империализм», как оно употребляется в теоретической литературе» [2]).

На наш взгляд ни одна из приведенных точек зрения не является правильной.

Мы утверждаем, что переход России на рельсы финансово-капиталистического развития произошел уже в период промышленного под'ема конца 90-х годов и что к началу 900-х годов, т. е. уже до начала русско-японской войны, главнейшие отрасли русской промышленности пережили процесс финансово-капиталистического перерождения.

скую банковую систему и через посредство последней срастается с русской промышленностью.. Только Гольман начало развития русской промышленности по монополистическому пути и сращение ее с банковским капиталом относит не к 1906 к, а к 1904 г., очевидно для того, чтобы об'яснить им империалистический характер русско-японской войны („борьба за передел Дальнего Востока“, см. примечание I, на стр. 16 цит. брошюры). Любопытно только к какому месяцу 1904 г. относит тов. Гольман „начало“ описываемого им процесса: если к январю 1904 г., то „об'яснение“ империалистического характера русско-японской войны может быть дано, ну а если к марту? Тогда беда,—ведь война то началась в феврале 1904 г. Советуем тов. Гольману обязательно настаивать на январе. Ведь срок начала русско-японской войны перенести гораздо труднее!

[1]) Ронин: „Иностран. капитал и русские банки“, стр. 38. Курсив везде наш.

[2]) „Очерки“ стр. 99, изд. 1927 г.

II. Предпосылки монополистического перерождения русской промышленности в период промышленного под'ема 90-х годов

Основным процессом, составившим содержание монополистического перерождения важнейших отраслей русской промышленности в 90-х годах, было сращивание русских и иностранных банков, достигнувших высокой ступени концентрации, с промышленностью, шедшей по пути к созданию монополии.

В этом монополистическом перерождении русской промышленности как нельзя более ярко проявился закон неравномерного развития капитализма.

Как известно, 90-е годы были периодом чрезвычайно быстрого развития промышленности в России, превосходившего по темпу развитие производства во всех остальных капиталистических странах. В эти годы Россия выдвинулась на четвертое место по выплавке чугуна и стали, обогнавши Австро-Венгрию, Францию и Бельгию и уступая, по размерам производства, лишь С. Штатам, Англии и Германии.

Быстрое развитие промышленности потребовало создания новых и расширения старых предприятий, особенно в области тяжелой индустрии, что имело своим последствием сильную концентрацию производства.

За первую половину промышленного под'ема (1894/97) число предприятий выросло на 28,6%, число рабочих на 33,3%, а стоимость продукции на 63% [1]). Концентрация—налицо. Необходимо отметить, что действительные размеры концентрационного процесса скрыты наличием в 1897 г. огромного количества мелких предприятий, выросших на гребне промышленного под'ема и в других условиях совершенно нежизнеспособных. Кризис, наступивший в конце 1899 г., заставил огромное большинство этих предприятий ликвидироваться, вскрыв этим самым действительные размеры концентрации, происшедшей в период 1894—1899 г.г. С середины 1899 г. больше половины общего числа промышленных предприятий вынуждены были ликвидироваться в результате кризиса. Несмотря на резкое сокращение числа промышленных предприятий и на кризис, значительно сузивший сбыт промышленной продукции, размеры производства в 1900 г. были на 8% выше размеров производства в 1897 года. За годы 1898/99 имел место колоссально быстрый процесс роста производства и концентрации решающей доли его в небольшом числе крупных предприятий в каждой отрасли.

Таким образом была создана почва для капиталистических монополий в важнейших отраслях промышленности. Эти монополии были созданы, частично, уже в 90-х годах («Omnium», сахарный синдикат в 1895 г., электрический синдикат в 1899 г.), но, главным образом, после кризиса 1900 г., когда сузившиеся возможности сбыта заставили предприятия отраслей, где концентрация зашла особенно далеко, организоваться в синдикаты. Так были основаны крупнейшие синдикаты: «Продамета» в 1902 г., зеркальный синдикат в 1903 г., «Продвагон», цементный синдикат и «Гвоздь» в 1904 г.

---

1) „Свод данных о фабр.-зав. пром. в России за 1897 г.“, стр. II—III.

Но эти синдикаты не могли бы создаться так рано, если бы не было сращения банков с промышленностью, происходившего в 90-х годах. Под'ем потребовал огромных капиталов для долгосрочного инвестирования в промышленности. Размеры этих капиталов составили около миллиарда рублей—сумма огромная для России тех дней. Акционерный капитал банков, страховых и торгово-промышленных предприятий возрос с 885,5 млн. руб. в 1894 г. до 1,965,2 млн. рублей в 1899 г. [1]), т. е. на 1.076,7 млн. руб. Часть этой суммы составляет капитал единоличных предприятий, преобразованных в акционерные. В этих случаях реального вложения капитала в промышленность не было. Часть прироста акционерного капитала составили вложения в банковое дело. (78 млн. р.). Тем не менее действительные размеры капитала, вложенного в торговлю и промышленность, превышали эту сумму. Получая огромные прибыли, предприятия реализовывали свои акции по цене значительно более высокой, чем номинальная, отчисляя разницу в запасные капиталы.

Большая часть этих капиталов была добыта из-за границы. Прирост иностранной доли акционерных капиталов торгово-промышленных предприятий и кредитных учреждений составил с 1894 по 1899 по исчислениям Оля [2]) 552,2 млн. руб., т. е. 51,3% общего прироста. Притоку этих средств способствовал большой избыток денежных капиталов в Зап. Европе. Средний учетный процент стоял в Зап. Европе г.г. 1895/99 очень низко. В Париже он составлял за эти годы 2%—2,2%, в Лондоне—2,0—2,8%. Естественно, что перспективы высоких прибылей в России легко могли привлечь сюда большие массы иностранного капитала. Способствовала притоку иностранного капитала в Россию и денежная реформа 1897 г., устранившая колебания валюты, имевшие место до тех пор.

В каких же формах происходил приток иностранных капиталов в Россию? Развитие капитализма уже к 90-м годам зашло настолько далеко, что банки стали распоряжаться большей частью денежного капитала передовых капиталистических стран. Поэтому вложение иностранных капиталов в русскую промышленность уже в 90-х годах, в решающей своей части, происходило через иностранные банки. Для французских и бельгийских капиталов, составивших главную долю иностранных капиталов, притекавших в 90-е годы в Россию [3]), эта форма была почти исключительной.

Получилось своеобразное «сращивание» иностранного банкового капитала с русским промышленным. Это сращивание имело в себе все черты, свойственные финансово-капиталистической организации. Прежде всего сращивающиеся банки уже в 90-х годах, достигли высокой степени концентрации. В русских промышленных предприятиях как мы увидим в дальнейшем, участвуют крупнейшие французские, бельгийские, германские,

---

[1]) По данным „Ежегодника Мин. Фин.“ за 1901 год.

[2]) Оль. „Иностран. капитал в нар. хоз. дов. России“, 1925 г., стр. 12—13.

[3]) По Олю („Иностранные капиталы в нар. хоз. довоенной России“, табл. на стр. 15) общий прирост иностранного капитала в годы 1890—99 составил 696,3 млн. р., из них на долю бельгийск. и французских капиталов падает 431,4 млн. р., т. е. 61,9%.

голландские и др. банки, являвшиеся монополистами банкового дела и господами денежного рынка в своих странах. Ряд более мелких банков и банкирских домов, принимавших участие вместе с ними, были только членами банковых групп, во главе которых стоят банки-монополисты. Затем, русская промышленность второй половины 90-х годов, особенно горная и металлургическая отрасли ее, где участие иностранного капитала было наиболее значительным, переживала процесс сильной концентрации, приводивший ее к монополии.

Таким образом, основные элементы для монополистического перерождения были налицо. Обе сращивающиеся стороны носили в себе черты монополистической трансформации, что является основной предпосылкой для создания финансово-капиталистической организации.

Одновременно с этим в 90-х годах шел процесс сращивания русских банков с русской промышленностью, носивший в себе те же черты финансово-капиталистического перерождения.

Во-первых, потому что в русской промышленности шел процесс создания монополистических об'единений.

Во-вторых, потому что банковое дело в России уже в 90-х годах достигло высокой степени концентрации, идя в направлении создания внутри страны банковых монополий, по образцу заграничных. К концу 90-х годов эта концентрация достигла весьма значительных успехов. Выделилась небольшая группа крупных, связанных между собой банков, сосредоточивших в себе больше половины акционерного банкового капитала страны и монополизировавших важнейшие отрасли банкового дела в первую очередь, операции по финансированию промышленности.

Движущей силой концентрации банков в России явились концентрация промышленности и изменение характера их деятельности, в связи с потребностью промышленности в период промышленного под'ема в сильном притоке капиталов извне.

Возросшие обороты промышленных акционерных обществ требовали от банков, прежде всего, увеличения размеров оборотного кредита отдельным предприятиям. При небольших размерах собственных и чужих капиталов это означало для банков повышение риска и легко могло привести к вынужденному их отходу от ряда предприятий, до того состоявших их клиентами. Отсюда стремление к повышению акционерных капиталов у банков, занимавшихся кредитованием промышленности.

Но это не явилось решающей причиной концентрации банков. Она лежит в колоссальном возрастании потребностей промышленности в капитальном кредите. Необходимые промышленности капиталы имелись и внутри страны в весьма значительных размерах.

В результате ряда конверсий, произведенных правительством перед денежной реформой и низведших процент по государственным займам до очень низкого для России уровня (4%), капиталы внутреннего накопления массами покидали сферу государственного кредита, ища более выгодного приложения; пока они не находили достаточно рентабельного помещения, они

сосредоточивались в банках. В результате вклады банков обнаружили огромный рост. Вклады эти употреблялись банками на финасирование промышленности, а полученные взамен вложенных капиталов акции продавались денежным капиталистам, жаждавшим найти своим капиталам более доходное применение, чем гарантированные бумаги. Таким образом, свободные капиталы страны, разбросанные по всем углам необ'ятной России, были привлечены в промышленность, остро нуждавшуюся в них. Это могло быть сделано только при помощи мощного кредитного аппарата. В России таким аппаратом уже в 90-х годах были акционерные коммерческие банки, которые развивались гораздо более быстрым темпом, чем другие кредитные учреждения и обнаружили ясно выраженную тенденцию стать господами денежного рынка.

Но для удовлетворения потребности промышленности в капитальном кредите банкам нужно было повысить также и свои акционерные капиталы. Финансирование промышленности связано с иммобилизацией значительных собственных средств банков. С другой стороны, размеры собственного капитала акционерных банков имеют большое значение для привлечения депозитов, составлявшихся в России на ½—³/₅ из кассовых остатков промышленных предприятий [1]), но тем не менее всегда остававшихся на банковских счетах в виде весьма солидного неподвижного остатка, могущего быть употребленным на финансирование промышленности.

Отсюда сильное увеличение собственных капиталов банков в годы промышленного под'ема [2]).

Год, на 1 января	Число банков	Акц. кап. (в млн. руб.)	В средн. на 1 банк (в млн. руб.)
1894	34	114.6	3,37
1895	38	140.5	3,70
1896	38	162.9	4,28
1897	38	164.1	4.31
1899	41	185,7	4,53

Но это увеличение капиталов почти целиком падает на несколько крупнейших банков, занимавшихся финансированием промышленности в широких размерах.

У крупнейших банков, принимавших участие в финансировании промышленности в период под'ема 90-х годов [3]) повышение капитала с 1 янв.

---

1) На это указывает соотношение текущих счетов и срочных вкладов в г.г. 1895—99. Текущие счета составляли в отношении ко всем депозитам:

1895 г.	— 60,5%	1898	— 60,5%
1896 „	— 54,1%	1899	— 56,6%
1897 „	— 55,6%		

2) „Сводные балансы акц. банков комм. кредита" за 1895—90 г. г., за 1894 в „Статистике краткосрочн. кредита" (1895 — 1900 г.). Оба источника — издание комитета с'ездов представ. акц. коммерческ. банков.

3) СПБ. Частный Коммерч., СПБ. Учетно-Ссудный, СПБ. Междунар. Коммерч., Русский д/Внешней Торговли, Русский Торг.-пром. Коммерческий, Московский Международный Торговый, Азовско-Донской Коммерческий и Варшавский Коммерческий банки.

1895 г. по 1 января 1899 г. составило 32,4 млн. рубл. при общем повышении акционерного капитала всех 41 банков на 45,2 млн. рубл., т.-е. 71,6% всего роста акц. капиталов всех 41 банков за годы 1895—98. Повышение акционерного капитала крупнейших банков было произведено, главным образом, с целью усилить финансирование промышленности.

Операция корреспондентов лоро, служащая целями финансирования промышленности возросла у 8 банков более чем на 80%, составив 76,4% возрастания ее у всех 41 банков. В соответствии с этим, удельный вес 8 крупнейших банков, во всей банковой системе, по акционерному капиталу и основным операциям изменился следующим образом[1]).

	У всех банков в тыс. руб.		У 8 крупнейших банков (в тыс. руб.)		(в% ко всем банкам)	
	1895 г.	1899 г.	1895 г.	1899 г.	1895 г.	1899 г.
Основной капитал . . .	140,5	185,7	71.1	103.5	50,6	55.7
Вклады и тек. счета .	320,4	571,9	103,1	180.0	32.1	31,4
Учет векселей с числом подп. не менее двух .	202,4	410.2	62,2	139,8	30.7	34.0
Онколь п/цен. бум. . .	198,1	277,2	96,9	111.0	48,9	40,0
Корр. лоро в активе .	100,6	175.0	69.9	126,8	69,4	72,4
Баланс	887,8	418,9	386,1	638.9	43,4	45.0

Как видно из приведенной таблицы, акционерный капитал 8 крупнейших банков (около $^{1}/_{5}$ общего числа банков), составивший 50,6% уже на 1/I 1895 г., повысился до 55,7% на 1/I 1899 г. Далее, эти банки имеют почти $^{3}/_{4}$ всей операции корреспондентов лоро. Отсюда видно, что уже в 90-х годах небольшая группа банков сосредоточила в своих руках большую часть операций по финансированию промышленности. Ни одна крупная операция по финансированию промышленного предприятия не могла быть проведена без какого нибудь из входивших в эту группу банков.

Но концентрация банков в 90-х годах была значительно выше, чем это рисуется из только что приведенной таблицы. Концентрация банков происходила и в замаскированных формах.

Прежде всего, вокруг крупных банков создавались банковые группы, включавшие в себя ряд менее крупных банков. Ярким примером такой группы была в конце 90-х годов группа банков, руководимых семьей Поляковых. Во главе ее стоял Московский Международный Торговый Банк с основным капиталом в 10 млн. рубл. В группу входили СПБ. Азовский Банк с осн. капиталом в 6 млн. рубл. с правлением в Петербурге, Орловский Коммерческий Банк с осн. капиталом в 5 млн. р. и Киевский (впоследствии Южно-Русский) Промышленный банк с осн. капиталом в 5 млн. р., с правлением в Москве. Кроме того, поляковская группа была тесно связана с провинциальными Балтийским Торгово-Промышленным банком в Ревеле, с осн. капиталом в 2 млн. рубл. и Минским Коммерческим банком, с осн. капит. в 1 млн. рублей.

---

[1]) Исчислено по „Сводн. баланс. акц. банков комм. кредита“ за 1895—99 г.г.

Получилась весьма мощная финансовая группа, об'единившая в своем составе 3 столичных и 3 провинциальных банка с осн. капиталом в 29 млн. рублей, обладавшая большими возможностями в области финансирования промышленности.

Помимо подчинения менее крупных коммерческих банков, крупные банки оказывали значительное влияние на земельные банки. Влияние это давало крупным коммерческим банкам возможность широко использовывать земельные банки для финансирования патронируемых предприятий в форме ипотеки под землю и строения [1]).

Связь коммерческих банков с земельными еще более усиливала мощь крупных банков и банковых групп и укрепляла их монопольное положение в деле финансирования промышленности.

Кроме этого существовал еще один вид банковской концентрации. Это—так называемая «общность интересов» между крупнейшими банками.

Такая общность интересов существовала между тремя крупнейшими банками того времени—Русским для Внешней Торговли, СПБ. Международным Коммерческим и СПБ. Учетным банками. Основной капитал этих трех банков уже в 1894 году составлял 43 млн. руб., т. е. 37,8% всего акционерного банкового капитала страны.

Эти банки проводили совместно учредительства наиболее крупных предприятий, руководили эмиссиями, связанными с учредительствами и с расширением предприятий и осуществляли единую кредитную политику по отношению к ним [2]).

Сближению крупных банков способствовало участие иностранного капитала в них. В частности, немецкий банковый капитал, в лице своих «D-Banken», участвовал в СПБ. Международном и СПБ. Учетно-Ссудном банках; (здесь преобладало влияние берлинского Disconto-Gesellschaft, принимавшего участие в учреждении обоих банков) и в Русском для Внешней Торговли банке, где решающее влияние имел Deutsche Bank. Естественно, что оба немецких банка, связанные общностью интересов у себя на родине, должны были стремиться к осуществлению ее и в тех заграничных банках, где были инвестированы их капиталы.

Концентрация в русском банковом деле в 90-х годах привела к созданию другой основной предпосылки для перерождения русского капитализма в сторону монополии.

Закон неравномерного развития капитализма проявился в 90-х годах в отношении России таким образом, что одна из самых отсталых капи-

---

[1]) В частности, поляковская группа банков оказывала влияние на три крупнейших земельных банка, распространявших свою деятельность, преимущественно, на те районы, в которых действовали коммерческие банки этой группы. Эти банки—Московский Земельный, Донской Земельный и Ярославско-Костромской Земельный.

[2]) Из крупнейших предприятий, в учреждении которых принимали участие совместно эти банки, укажем на Балаханское нефтепромышленное о-во, учр. в 1899 г.(осн. кап. 2.750 тыс. руб.) Акц. о-во русских электротехнических заводов „Сименс и Гальске“ (осн. кап. 4 млн. руб.), учр. в 1898 г., Российское Золотопромышленное о-во, учр. в 1895 г., с капиталом в 4 млн. руб., о-во Сормовских заводов, учр. в 1894 г., с осн. кап. в 3 млн. руб., о-во Каспийской м-ры с осн. кап. в 1.200 тыс. руб. и другие.

талистических стран сделала сильный скачок вперед, обогнав, по размерам производства, несколько передовых стран и создав в своей промышленности, почти одновременно с ними, систему отношений, свойственную лишь самым передовым капиталистическим странам. Огромную роль в этом отношении сыграл, как мы видели, иностранный капитал, перенесший в Россию формы своей финансово-капиталистической организации. Здесь особенно ярко проявилось то обстоятельство, что закон неравномерного развития проявляется необычайно сильно в эпоху империализма, в которую получает колоссальное развитие экспорт капиталов. Экспорт капиталов из Зап. Европы и был главной движущей силой промышленного под'ема 90-х годов, так сильно подвинувшей отсталую Россию по пути капиталистического развития. Тем, кто отрицает усиление действия закона неравномерного развития в эпоху империализма, не мешает оглянуться на развитие, проделанное дореволюционной Россией, чтобы убедиться в полной ошибочности своих взглядов.

III. Сращивание промышленных предприятий и банков в период промышленного под'ема 90-х годов

Обратимся к характеру деятельности банков в период промышленного под'ема. Обозреватель биржевого отдела «Биржевых Ведомостей» за 1895 г. задает вопрос: «Как работали банки в текущем году?» и отвечает: «Несомненно хорошо. Расширение биржевого дела неизбежно должно было увеличить их барыши. Здесь и поступления по «онкольным» счетам, по счету комиссии, попутно идет и собственная спекуляция, разрешенная уставами банков; наконец, для большинства крупных кредитных учреждений еще необходимо присчитать и грандиозные барыши, полученные в связи с учредительской деятельностью. Выпуск новых ценных бумаг с бешеными премиями, конечно, рисует грюндерскую деятельность нашей «haute banque» в не особенно привлекательном свете, но зато не оставляет никаких сомнений относительно той обильной жатвы, которую они собрали на бирже и с биржи. В это же время кредитные учреждения, занимавшиеся эмиссионной деятельностью, не только восприемники новых предприятий— они уже отчасти фигурируют, отчасти еще только собираются фигурировать в роли банкиров вновь создаваемых предприятий».

Формой финансирования промышленности банками в 90-е годы были учредительства, эмиссии и долгосрочные кредиты для расширения производства. Заключительным звеном в цепи взаимоотношений банка с предприятием была личная уния между ними.

Однако, не всякая персональная связь между банком и торгово-промышленным предприятием непременно была в 90-е годы результатом учредительской или иной финансирующей деятельности. Персональные связи, существовавшие тогда, можно подразделить по их характеру на следующие категории:

1) Возникшие в результате финансирования иностранным или русским банком промышленного предприятия и выражающиеся в представительстве банка в правлении акционерного о-ва.

2) Русские банки непосредственно не заинтересованы длительно или очень слабо заинтересованы в предприятии, а фигурируют в правлении акционерного общества в качестве представителей «дружественных» иностранных банков.

3) Связь, носящая характер контакта банка с предприятием на почве обслуживания его нужд в краткосрочном кредите. Чаще всего она выражается в представительстве директора акционерного общества в совете банка или, что случается гораздо реже, директора банка в совете предприятия (где таковые были).

Лишь персональные связи первых двух категорий означали собой финансово-капиталистическое сращивание банков с промышленностью. В этом сращивании, в силу слабости внутрипромышленного накопления, наряду с очень быстрым темпом промышленного развития, господствующей стороной были банки. Особенно значительна была власть банков в отношении новых промышленных предприятий, независимо от того, принимали они участие в учреждении их или только проводили эмиссии.

Но ни для периода 90 годов, ни для более позднего, предвоенного периода не может быть и речи о том, что заинтересованность банков в предприятиях может означать лишь господство над ними, распоряжение ими. Существует множество градаций в отношениях между банками и акционерными об-вами, варьирующих в зависимости от соотношения сил обеих сторон в данной конкретной обстановке. От соотношения сил зависит в какой мере обращается предприятие к банку за капитальным кредитом, являющимся исходным пунктом для влияния банка на предприятие.

Персональная связь третьего типа, в противоположность первым двум не заключает в себе элементов финансово-капиталистической организации. Такая связь существовала и задолго до 90 годов. Она имела место у старых предприятий, с большим собственным накоплением. Такая форма связи характерна почти для всех текстильных предприятий Центрального Промышленного района, нефтяных предприятий, вроде т-ва «Нобель» и других.

Характер отношений банков и промышленности в описываемый нами период не отличался, существенно, от такового в предвоенный и военный период, когда финансово-капиталистические отношения в России достигли кульминационного пункта своего развития. Разница заключалась лишь в степени их распространения. Но вместе с тем, уже к концу 90 годов эти отношения настолько широко охватили русскую промышленность, особенно ее руководящие отрасли, что дают основание говорить об этом времени, как о периоде широкого развития отношений сращивания банков с промышленностью [1]).

---

[1]) Н. Ванаг, доказывая, что вступление России в полосу финансово-капиталистического развития относится к 1906—1910 годам, пишет: „Русские банки, обнаруживая в конце прошлого столетия усиленную концентрацию, однако, в 90 годах не вышли из роли посредников по отношению к промышленности. Ссужая промышленный капитал по учету векселей, онкольным счетам и прочим ссудам, банковый капитал, однако, органически еще не сросся с промышлен-

Фактическая сторона дела, к описанию которой мы теперь переходим, дает наглядную иллюстрацию как далеко зашел процес сращивания банков с промышленностью в описываемый период.

Важной формой участия банков в промышленности в период под'ема 90 годов было как мы уже говорили учредительство. Особенно значительную роль играла учредительская деятельность банков в горном деле, в металлургической и в металлообрабатывающей промышленности, которые пережили в 1894/99 гг. небывалый расцвет. Естественно, что банки обратили свое внимание прежде всего на эти отрасли промышленности. Здесь, при участии банков, были учреждены крупнейшие предприятия, игравшие с тех пор руководящую роль в соответствующих отраслях [1]).

ным. Система „участий" лишь только намечалась, не получив широкого распространения. Владение акциями промышленных предприятий ограничивалось незначительным пакетом, не дававшим возможности банковому капиталу распоряжаться промышленностью (это—основная черта монополистического капитализма"). (Ванаг, стр. 15).

В качестве доказательства правильности своей мысли, Ванаг приводит данные о количестве акций в портфелях банков, заимствованные им у В. Ф. Брандта. Это количество действительно очень незначительно и не может служить показателем того, что банки распоряжаются промышленностью. Но величайшей наивностью является предположение, что „участие" банков в промышленности ограничивается акциями, находящимися в портфеле собственных негарантированных ценных бумаг. Последняя статья даже не играет большого значения в деле финансирования промышленности. Даже в годы промышленного под'ема 1910 — 13 годов средства, затраченные на нее, составляли не более 5—6% баланса банков.

Об этом догадывается и сам тов. Ванаг. Поэтому в качестве дальнейшего доказательства он приводит данные о других операциях банков.

Понижение удельного веса учета векселей, с 34,4% в 1905 г. до 32% в 1910 г., и повышение роли онкольных операций с 16,2 до 20,5% в балансах банков, должно служить у тов. Ванага доказательством перелома в характере их деятельности после 1905 г. Но на 1/1 1895 г. учет векселей, представляющий собой главным образом обслуживание потребностей в оборотном кредите, составлял всего 22,7%, а на 1/1 1897 г. даже 21,4% баланса, т. е. удельный вес учета векселей был в 1½ раза меньше, чем на 1/1 1910 г., к каковому сроку Ванаг относит окончательный перелом в деятельности банков, в отношении финансирования промышленности. Онколь, который частично представляет собой финансирование промышленности, возрос с 16,2% баланса на 1/1 1905 г. до 20,5% баланса на 1/1 1910 г. Между тем на 1/1 1895 г. удельный вес онколя в балансе составлял 22,4%, а на 1/1 1896 г. даже 22,8%, т. е. больше чем к началу 1910 г. и гораздо больше чем на 1/1 1906 г. Особенно показательны для заблуждения Ванага данные, за соответствующие годы, об удельном весе корреспондентов Лоро, под которыми проводится вся учредительская и эмиссионная деятельность банков и длительное участие их в предприятиях, путем владения контрольными пакетами акций. Эта самая важная форма финансирования промышленности достигла на 1/1 1895 г. 16%, а на 1/1 1897 г. — 17,1% баланса банков, тогда как на 1/1 1905 г. она составляла всего 13,5%, а на 1/1 1910 г. даже 12,2%, т. е. показала относительное уменьшение.

Таким образом, к 1910 г. — периоду, якобы, окончательного перелома в сторону финансового капитализма, финансирование промышленности по рубрике корр. Лоро играло в операциях русских банков почти в полтора раза меньшую роль, чем в период промышленного под'ема 90-х годов.

Следовательно, если исходить даже из показателей, взятых за основу т. Ванагом, то его точка зрения оказывается совершенной несостоятельной.

[1]) По горной промышленности из крупнейших предприятий были учреждены банками. СПБ. Международным, СПБ. Учетным, Русским для внешней торговли, Русско-Китайским, СПБ. Азовским, СПБ. Частным, Русским Торгово-Промышленным, СПБ. Московск. такие предприятия, как Биби-Эйбатское нефтяное общество (первоначальный основной капитал в тысячах

Кроме того, русские банки принимали участие в основании крупнейших электротехнических предприятий и предприятий по добыче электричества, составивших основу русской электротехнической промышленности («Сименс-Гальске», основной первоначальный капитал — 4.000.000 руб. Бакинское о-во «Электрическая сила», осн. перв. кап. 3.200.000 руб. и друг.).

Уже приведенные данные о главных учредительствах русских банков в руководящих отраслях промышленности достаточны для того, чтобы убедиться в огромном размахе их учредительской деятельности в 90 годах. Они совершенно не вяжутся с представлением о том, что участие банков в промышленности играло, в их деятельности, якобы, второстепенную роль.

Переходя к эмиссиям, мы, учитывая размеры статьи, остановимся здесь только на отдельных наиболее характерных случаях промышленно-эмиссионной деятельности банков.

Прежде всего укажем на эмиссию обязательств Московского Т-ва Резиновой Мануфактуры на сумму в 500.000 рублей, произведенную в июне 1894 года Московским Международным Торговым Банком за собственный счет. Эта эмиссия была первой самостоятельной операцией Банка со времени его основания в 1873 году [1]. Последнее обстоятельство как нельзя более ярко подчеркивает перелом, происшедший в деятельности русских банков с началом промышленоого под'ема 90 годов. В самом деле, разве то обстоятельство, что Московский Международный Торговый Банк—самый крупный из группы поляковских банков, более других банков отличившихся своей бешенной грюндерско-эмиссионной деятельностью,—не проведя за 21 год своего существования до 1894 г. ни одной самостоятельной промышленно - эмиссионной операции, начал их проведение в начале промышленного под'ема 90 годов, не служит яркой иллюстрацией огромного перелома, происшедшего во взаимоотношениях банков и промышленности в эти годы?

Из других промышленных эмиссий, проведенных русскими банками в описываемый период, интересно отметить синдикат в составе «друже-

---

руб.—2.500); нефтяное пром. о-во „Кудако" (1.200); Балаханское пром. нефт. о-во (2.750); Росс. Золото-пром. о-во (2.000); в его учреждении значительное участие принимал и Парижско-Нидерландский банк: о-во рудного дела „Монголор" (3.000); Русское о-во ткварчельск. каменноуг. копей (2,000); Зауральское горнопромышленное о-во (4.500); Терское горнопромышленное о-во (3.159); Акц. о-во „Платина" (2.400); Южное горнопромышленное (1.875); Инзерское горнозаводское о-во (2.400); Никоп.-Мариупольское горное и металл. о-во (3.000).

Из крупнейших металлургических предприятий банками: Русский для Внешней Торговли, СПБ. Частный, СПБ. Учетный, СПБ. Международный были учреждены такие предприятия, как О-во Сормовских заводов (первоначальный основной капитал в тыс. руб. 3.000). Русск. Паровозостроительное и Механическое о-во „Буэ" (5.000); О-во Тульских меднопрокатных заводов (6.000); Южно-Русск. Азовск. Металл. о-во (1.300); Русско-Бельг. Металл. о-во (8.000)—40% участия надлежало бельг. Société Generale; Русск. о-во машиностроительных заводов „Гартман" (6.000)—в учреждении участвовал Dresden Bank—Berlin; о-во машиностроит. чугунно-литейн. зав. „Леснер" (2.062).

Число представителей банков в правлении учрежденного акционерного общества—2, 3, 4, иногда и 6, как это имело место с о-вом Сормовских заводов.

[1]) „Бирж. Вед.", от 22 июня 1894 г.

ственных» СПБ. Международного и Русского д/вн. Торг. банков, приобревших в марте 1895 года все нововыпущенные 4.000 акций (на 1 миллион рублей номинальных) О-ва Коломенского Машиностроительного завода, в котором оба эти банка были заинтересованы [1]). Далее, эти банки взяли на себя в 1898 году реализацию за свой счет первой серии нового дополнительного выпуска акций Коломенского о-ва и в 1899 году второй серии этого выпуска на 1 млн. руб.

В этих эмиссиях мы встречаемся с типом отношений, характерным для финансового капитала: связь между банками и предприятиями не ограничивается отдельными разрозненными сделками; здесь целая система, основанная на постоянной взаимной зависимости и эмиссия—лишь одно из звеньев цепи длительных и тесных отношений банков с указанными предприятиями. В течение четырех лет, протекших между первым и вторым выпуском акций Коломенского завода, оба банка обслуживали все финансовые операции о-ва, предоставляли ему долгосрочный кредит для расширения производства, и эмиссия явилась лишь способом ликвидации задолженности по долгосрочному кредиту. Такой же характер носит дополнительный выпуск акций О-ва Электрического Освещения 1886 г. на сумму в 3 млн. руб., произведенный в декабре 1896 г. СПБ. Частным б-ком, заинтересованным в о-ве.

Удельный вес собственных ценных бумаг в активе банков в период промышленного под'ема 90-х годов, был выше, чем в какой либо другой период их деятельности. На 1 января 1896 г. собственные ценные бумаги составляли в отношении баланса 7,0%, на 1/I—1898 г.—7,2% против 5,6% на 1/I—1910 г. и 5,0% на 1/I—1914 г. Сами по себе средства, вкладываемые по счету собственного портфеля, акций незначительны, по сравнению со средствами, затрачиваемыми банками на проведение эмиссионных и др. операций по финансированию промышленности. Тем не менее и они дополняют собой общую картину связей банков с промышленными предприятиями и всецело подтверждают тот вывод, что уже к концу 90-х годов в России процесс сращивания банков с промышленностью зашел достаточно далеко.

Практика русских банков во второй половине 90-х годов дает нам также примеры долгосрочного кредита банков промышленным предприятиям. Роль долгосрочного кредита, в форме специальных текущих счетов, переучета финансовых векселей и т. д., была весьма значительна. Тяжелое положение ряда промышленных предприятий, приведшее к их краху, после кризиса 1899 г., обусловливалось тем, что они пользовались у банков большим долгосрочным кредитом для расширения производства и были застигнуты торгово-промышленным кризисом, лишившим их возможности провести эмиссии и погасить долги.

Об'ясняя причину тяжелого положения промышленных предприятий в 1900 году, автор биржевого обзора пишет:

---

[1]) „Бирж. Вед.“, от 24 марта 1895 года.

«Сами предприятия, надеясь, что существовавшая в период увлечения грюндерством высокая расценка их акций не подвергнется изменениям, сооружали свои заводы, производили оборудование их, одним словом, делали затраты не в пределах, указываемых их основными капиталами, а рассчитывая, что во всякое время капиталы эти могут быть увеличены путем выпуска акций до какой угодно суммы. Рассчеты эти, однако, оказались ошибочными, падение цены акций на рынке происходило с такой стремительностью, что не только не могло быть найдено подходящей эмиссионной цены для новых выпусков, но и вообще рынок выказывал полную неспособность к восприятию нового материала» [1]).

Еще большее значение имело в описываемую эпоху внедрение иностранных банков в русскую промышленность.

Финансируя русскую промышленность, иностранные банки часто привлекали к соучастию и русские банки, главным образом, те, с которыми они были связаны. Но еще большую роль, и это характерно для 90 годов, играли учредительства и эмиссии, проводившиеся иностранными банками без участия их русских «собратьев».

Финансирующая деятельность иностранных банков была настолько значительна, что привела к захвату ими «командных высот» в командных отраслях промышленности и всего народного хозяйства (горной металлургич. и др.). [2]).

Переходим теперь к определению удельного веса отношений финансово-капиталистического сращивания в важнейших отраслях промышленности. За недостатком места, мы приводим составленные нами таблицы, ограничиваясь самыми необходимыми комментариями.

Но предварительно, несколько слов о критериях, на основании которых мы судим в каждом отдельном случае о том, что данное промышленное акц. о-во втянуто в сферу финансово-капиталистического сращивания.

Прежде всего это данные о проведении банками всякого рода учредительств эмиссий и представлении долгосрочных кредитов для создания основного капитала.

---

[1]) „Бирж. Вед.", 2/I—1901 г.

[2]) Для характеристики об'ектов внимания иностранных банков, приведем некоторые данные об их самостоятельных учредительствах.

3 крупных парижских банка — Banque Internationale de Paris, Société Generale (Paris), Banque de Paris et de Pays Bas — участвовали в учреждении горных предприятий: о-во комаровск. железнорудных месторождений (основной капитал к 1900 году в тысячах рублей—5.000); о-во никитовских каменноугольных копей (3.750); Рутченковское горнопромышленное о-во (5.858); о-во для разработки каменной соли на Юге России (7.500); о-во железн. рудников Рахмановско-Кривой Рог (1.620).

Из металлургических: Волжско-Вишерское горное и металлургическое о-во (9 375); Уральско-волжское металлургическое о-во (9.375); Акц. о-во „Русский Провиданс", в Мариуполе (11.125); Генеральное о-во чугуноплавильных, железо - и сталеделательных заводов в России (6.000).

Вхождение представителя банка в правление предприятия после эмиссии или сведения о двух последовательных (с значительным промежутком времени между ними) эмиссиях служат показателями существования такого сращивания.

При отсутствии вышеуказанного критерия, который, кстати сказать, имелся у нас в отношении большей части приводимых нами случаев финансово-капиталистического сращивания, показателем последнего могут служить некоторые случаи персональной унии.

Наличие в правлении акционерного о-ва двух членов или одного председателя правления из числа представителей банков при составе правления в 3—5 человек, будучи принято за минимум, может служить критерием при отнесении того или иного предприятия к числу сращивающихся с банками. Кого же следует считать представляющим интересы банка в правления акц. о-ва? Прежде всего это члены правлений крупных банков и должностные лица, состоящие на постоянной службе в банках (доверенные, управляющие отделениями в крупных центрах и т. п.). Что касается членов советов банков, то нахождение их в составе правлений акц. о-в само по себе не служит показателем финансирующей деятельности банков. Советы крупных банков, занимавшихся финансированием промышленности, в 90-х годах, как и позже, состояли, с одной стороны, из промышленников, приглашенных для установления делового контакта с банком и из банковских „деятелей“, с другой, при явном преобладании последних. Лишь принадлежащие ко второй группе, члены советов банков осуществляют представительство банков в правлениях акц. о-в.

В области железоделательной промышленности мы можем, к концу 1899—началу 1900 г.г., констатировать отношения финансово-капиталистического сращивания у следующих функционировавших акц. о-в [1]).

Название предприятия	Основн. кап. в тыс. руб. к концу 1899 и нач 1900 г.	Заинтересованные банки	Число предст. банков в правл. акц. о-ва	Примечание
Южно-Русск. Днепровское Мет. О-во	7.500	Варшавск. Учетный.	1	Участвуют, гл. обр., в качестве представ. заинтерес. в о-ве герм. банк.
О-во островецких заводов	2.000	Тоже.	1	
О-во страховицких заводов	2.250	Тоже.	1	
О-во железоделательных заводов „Пушкин“	750	Тоже.	1	

[1]) Настоящая таблица, как и все последующие, составлена на основании следующих источников: „Вестник Финансов“, „Биржевые Ведомости“ и „Торгово-пром. газета“ за 1894 — 1900 г. г., сведения, извлечен. из архивов дорevол. петербургских ком. банков в Ленинграде.

Название предприятия	Основн. кап. в тыс. руб. к концу 1899 и нач. 1900 г.	Заинтересованные банки	Число представ. банков в правл. акц. о-ва	Примечание
Южно-Уральск. Мет. о-во . . .	2.244	СПБ. Учетный . . .	1	—
Волжско-Вишерск. горное и металлургич. о-во	9.375	Banque de Paris et de Pays-Bas	1	Учредит.
Донецко-Юрьевское о-во	8.000	Харьк. Торг.	1	Т о ж е
Инзерское горно-зав. о-во . . .	1.680	Русск. Торг.-Пром. . .	2	Т о ж е
О-во Криворогск. железных руд.	2.625	группа „Sociètè Generale" (Paris)	2	—
О-во Брянского рельсопрокатного завода	8.087,5	Т о ж е	—	—
О-во железн. рудн. „Рахмановка—Кривой Рог"	2.250	Т о ж е	—	—
Генеральное о-во чугуноплавительных заводов в России . .	6.000	Т о ж е	—	Учредит.
Уральско-Волжск. металл. о-во .	9.375	Т о ж е	—	—
О-во либавского железоделательн. завода „Беккер"	2.500	СПБ. Частный . . .	1	—
Южно-Русское азовск. мет. о-во	552	СПБ. Частный	3	—
Донецкое о-во железоделат. и сталелитейн. произв.	4.500	СПБ. Азовский . . .	1	—
Т-во Сергинско-уфалейских заводов	4.500	СПБ. Уч. и б. д. Мейер	2	—
Верхнеднепровск. мет. о-во . . .	2.250	Азовск. Донск. . . .	1	—
19 предпр. с осн. капиталом .	78.418,5	—	—	—

Общий капитал 48 железоделательных предприятий составил к началу 1900 г.—147.527 тыс. руб.[1]). Таким образом, основной капитал предприятий, находившихся в процессе сращивания с банками, составил 52% всего капитала данной отрасли.

Весь капитал функционирующих в 1899 г. 36 каменноугольных о-в равнялся 82.270 тыс. руб. Отношения финансово-капиталистического сращивания имелись у 14 предприятий с осн. кап. в 54.661,5 тыс. руб., что составляет 65,2% основного капитала данной отрасли.

[1]) Ежегодник М-ва Фин. за 1901 г., стр. 612.

Предприятия эти следующие:

Наименование предприятий	Осн. кап. (в тыс. руб.) к концу 1899 и нач. 1900 г.г.	Наименование заинтересованных банков	Число представ. банков в правл.	Примечание
Алексеевское горно-промышл. о-во	5.000	Харьк. Торговый . . .	1	
О-во брянских копей.	2.250	Société Generale (Париж) и СПБ Учетный	1	Учредит.
Белянское горное и промышл. о-во	1.870	Société Generale (Париж)	большинство	Учредит.
Варшавское о-во	1.500	Варш. Коммерч. и германск. б-ки	2	
Гродзецкое о-во	1.837,5	Варш. Коммерч. . . .	1	
Голубовск.-берестово-богодуховск. о-во	3.000	Société Generale (Париж)	1	
Русско-донецк. о-во кам. и заводск. промышл.	4.687,5	То же	—	
Екатеринославск.-горно-промышленное о-во	1.875	То же	—	Учредит.
Рутченковск. горнопром. о-во . .	5.833	То же	1	Учредит.
Франц. горн. и промышл. о-во на Юге России	7.500	То же	1	
О-во каменноугольн. копей рудников и з-дов в Сосновицах . .	9.750	Германские банки и Лодзинский Торг. . .	—	
О-во южно-русской каменноугольной пром.	4.143,5	Banque de Paris et de Pays Bas	1	
Франко-русское о-во берестово-крынских копей	4.500	Группа парижск. банков	—	
О-во русской горнозаводск. пром.	910	Berliner Handelsgesellschaft	1	Учредит.
14 акц. обществ с осн. капиталом в	54.661,5			

В области добычи соли, монополия находилась также в руках предприятий, сращивавшихся с банками. Из общей суммы акц. капитала предприятий по добыче соли, исчислявшегося в 9.972,4 тыс. руб.[1]) на конец 1899—начало 1900 г., 75% приходилось на одно предприятие—о-во для разработки каменной соли на Юге России с капиталом в 7.840 тыс. руб., учрежденное в 1896 г. группой крупных парижских банков.

Значительна была роль банков и в нефтяной промышленности, хотя здесь, как и в последующие годы, банки играли значительно меньшую роль нежели в других отраслях горного дела.

Из нефтяных предприятий, у которых имелись отношения сращивания с банками, укажем на следующее:

1) Ежегодник М-ва Фин., на 1900 г., стр. 616.

Название предприятий	Осн. капит. к концу 1899—началу 1900 г.г.	Заинтересованные банки	Число представ. банков в правл. о-ва	Примечание
Нефтепром. акц. о-во „С. М. Шибаев"	6.500	Группа английск. и голланд. банков	—	Учредит.
Биби-Эйбатское нефт. о-во . . .	2.500	СПБ. Междунар. . . .	3	Учредит.
Нефтепромышл. о-во „Кудако" .	1.200	СПБ. Учетный	—	Учредит.
Балаханск. нефтян. о-во	2.750	Русский д./Внешн. Торговли	2	Учредит.
Нефтепромышл. и торгов. о-во „Петроль"	2.000	СПБ. Азовский	1	Учредит.
Каспийско-Черноморское нефтяное о-во	6.000	б. д. Ротшильд в Париже	—	Учредит.

Таковы итоги сращивания с банками в горной и металлургической промышленностях к концу 90-х годов.

В области промышленности по обработке металлов финансово-капиталистическое сращивание сделало не меньшие успехи. Особенно велики были они в области электротехнической промышленности, в отрасли изготовления подвижного состава и в машиностроении.

У следующих предприятий в области машиностроения имели место отношения сращивания с банками:

Наименование предприятия.	Основной капитал к концу 1899 г.	Заинтересованные банки.	Число представителей банков в правлен. акц. о-ва.	Примечания.
„Ланге и сын"	600	СПБ. Междунар.	1	Председ. правл. о-в. Учредит.
О-во маш.-строит, чуг.-лит. и котельн. зав. Г. А. Лесснер	2.062,5	СПБ. Учетный.	3	Тоже.
Русско-бельг. металлург. о-во	15.000	Русский д/Внешней Торговли и Société Generale Belgique	1	Тоже.
Русское о-во машиностроения „Гартман"	9.000	СПБ. Международн.	4	Тоже, в учреждении участвовал также Dresdner Bank.
Русское паровозостроит. и мех. о-во „Буэ"	5.215,3	СПБ. Частный.	4	Учредительство.
Акц. о-во рязанск. машиностроит. котельного и чуг.-лит. завода . . .	1.000	Московск. Международн.	1	
О-во „Сормово"	7.500	СПБ. Учетный и Русский д/Внешней Торговли.	6 из 7	Учредительство.
О-во Коломенск. машиностроительного завода. .	6.500	СПБ. Междунар. и Русск. д/Внешн. Торговли.		
8 предпр. с осн. кап. .	46.877,8			

Общий основной капитал всех акционерных машино-строительных предприятий составил к концу 1899 г.—началу 1900 г.—70,682,6 т ыс. руб.[1] по 35 предприятиям. Таким образом, на долю предприятий, втянутых в орбиту сращивания с банками, пришлось 66,3%. Если учесть, что средние размеры капитала на 1 предприятие, связанное с банками, составляли около 5,8 млн. р., а на каждое из остальных предприятий приходилось, в среднем, всего около 1,1 млн. руб., т.-е. в 5 раз меньше, то господство отношений сращивания в данной отрасли предстанет в еще более ярком свете.

Обратимся к механическим заводам.

Общий основной капитал 40 о-в механических заводов на конец 1899 г.—начало 1900 г., составил 77.715.165 руб.[2]). Доля капитала предприятий, связанных с банками, в указанном нами смысле, составляла на конец 1899 г.—начало 1900 г. 35.741,5 тыс. руб., т.-е. 45,9%. Тем не менее, эта группа механических заводов имела все основания для того, чтобы играть руководящее значение в данной отрасли производства, так как она об'единяла наиболее крупные предприятия: на каждое из них приходилось, в среднем, около 3 млн. руб. основного капитала, тогда как на каждое из остальных 28 пришлось около 42 млн. руб., т.-е. по 1,5 млн. руб. или в 2 раза меньше. У следующих о-в механических з-дов существовали отношения сращивания с банками:

Наименование предприятия	Основной капитал на конец 1899 нач. 1900 г.	Заинтересованные банки	Число представ. банков в правлении акц. о-ва	Примечание
Краматорское о-во	4.500	Deutsche Bank.		
Русск. общество стальных перьев	416,5	СПБ. Междунар.	1	Учредит.
Комп. СПБ. металл. з-да.	3.600	Б. д. Мейер, франц. Société Generale.	2	„
О-во Сосновицк. трубопрокатн. з-дов.	6.000	Deutsche Bank.		
Северное о-во трубочн. и механ. з-дов.	800	Русский д/Внешней Торговли.	1	„
О-во Тульских меднопрокатных и патрон. з-дов .	3.300	СПБ. Международн.	4	„
О-во франко-русск. з-дов .	4.675	„		
О-во мех. з-да бр. Бромлей.	2.250	Русский д/Внешней Торговли.		
Акц. о-во меднопрокатн. и труб. зав. б. Е. Розенкранц	3.000	СПБ. Учетный и бельгийск. банки.	2	
О-во русск. трубопрокатных з-дов, б. Шодуар .	3.500	„	1	
О-во „К. А. Вейхельт“ . .	1.800	Русск. Торг.-Промышленный.	1	
Т-во Износков, Зуккау и К°	1.900	Сибирский Торг. .	1	
12 предприятий . .	35.741,5			

[1]) Ежегодник М-ва Фин. за 1901 г., стр. 618.

[2]) Ежегодник М-ва Фин. за 1901 г., стр. 620.

Решающую роль играли отношения финансово-капиталистического сращивания в отраслях по изготовлению подвижного состава.

Основной капитал 7 предприятий, связанных с банками, равнялся 30.688,7 тыс. руб. при общем основном капитале в 34,225,8 тыс. руб. [1]) (89,6%).

Наименование предприятия	Осн. кап. к концу 1899 г.— началу 1900 г.	Заинтересованный банк	Число представ.	Примечание
Верхне-Волжское о-во ж. д. материал. . . .	3.000	СПБ. Частный . . .	2	Учредительство. Участвовал также Banque de Paris et de Pays Bas.
О-во „Двигатель" . .	—	Русск. Торг.-Пром. .	1	Учредительство. В администр. с 8/I 1900 г.
О-во „Лильпоп, Рау и Левенштейн" . . .	2.000	Варшавск. Учетный и банки германск. . .	2	
О-во Путиловск. зав. .	12.000	СПБ. Междунар. . .	1	Председатель Правления о-ва.
О-во Русско-Балтийск. вагонного зав. . . .	2.000	Русский д Внешней Торговли	1	Председатель Правления о-ва.
О-во СПБ. вагоностр. завода	1.114	СПБ. Частный . . .	1	
О-во „Сталь"	8.040	СПБ. Междунар. . .	1	(С конца 1899 г. решающее влияние перешло от СПБ Междунар. банка к группе крупн. московск. капиталист.).
„Феникс"	—	СПБ. Учетный . . .	1	В составе администр.
Южно-Уральск. металлург. о-во	2.244	СПБ. Учетный . . .	1	
7 предприят. с основн. капиталом . . .	30.688,7			

Средние размеры капитала на одно из предприятий, связанных с банками, равнялись около 4,4 млн. руб. против 460 тыс. на каждое из остальных предприятий. Совершенно излишне доказывать, что в этой отрасли уже к концу 90-х годов полностью господствовали предприятия, находившееся в отношениях «сращивания» с банками.

Решающее влияние принадлежало предприятиям последней категории и в группе сталелитейных заводов. Из 7 предприятий с капиталом в 13.234 тыс. руб. [2]) к этой категории принадлежали два: о-во Александровского сталелитейного завода с основным капиталом 5.000 руб. (отношения сращивания с СПБ. Международным, СПБ. Учётным и Русским д/Внешн.

[1]) Ежегодник М-ва Фин. 1901 г., стр. 622.

[2]) Ежегодник М-ва Фин. 1901 г., стр. 622.

Торговли банками и о-во Волжского стального завода с основным капиталом 1.500 тыс. руб., с которым был связан СПБ. Частный банк, представленный в правлении. Основной капитал этих 2 предприятий составлял 49,1% основных капиталов этой отрасли.

Из трех существовавших тогда судостроительных предприятий, с осн. кап. в 15,6 млн. р.[1]), к числу предприятий, сросшихся с банковым капиталом, относится Таганрогское Металл. о-во с осн. кап. в 7,5 млн., учрежденное в 1895 г. группой бельгийских банков с участием Парижско-Нидерландского банка.

Из 8 электротехнических заводов с капиталом в 13.397 тыс. руб.[2]), к концу 1899 г.—началу 1900 г., в числе сросшихся с банковым капиталом, были:

Наименование предприятия	Осн. кап. в тыс. рублей	Заинтересованный банк	Число представ.	Примечание
О-во „Унион“.	6.000	СПБ. Междунар. . .	2	Учредительство. В учрежден. о-ва принимал в 1898 г. кроме СПБ. Междунар. б-ка, германск. электротехнич. концерн Loewe—Union.
О-во „Электрическая Сила“	3.200	Т о ж е.	3	
О-во „Электричество“.	1.200	Disconto-Gesellschaft	2	Кроме Э. Ландсдорфа предст. Disconto-Gesellschaft в правлении был представит. Варш. Комм. Банка, представлявший, очевидно, также интересы Disc.-Ges.

Капитал этих трех предприятий (10.400 тыс. руб.) составляет 77,8% всего капитала данной отрасли. Притом это—три наиболее крупных предприятия. Средние размеры основного капитала на каждое из них превышают таковые на каждое из остальных почти в 6 раз. Осуществлению руководящей роли этих 3 предприятий в электротехнической промышленности способствовало то, что они находились в руках одной банковой группы: СПБ. Международный Банк—Disconto-Gesellschaft (Berlin).

Банковый капитал монополизировал к концу 90-х годов также и добычу электричества, связанную во многих случаях с производством электрического оборудования. Из 8 предприятий этой отрасли с основным капи-

[1]) Ежегодник М-ва Фин. 1901 г., стр. 622.

[2]) Ежегодник М-ва Фин. 1901 г., стр. 624.

талом в 22.122,2 тыс. руб.[1]), к числу сросшихся с банковым капиталом относятся:

Наименование предприятия	Осн. кап. в тыс. рублей	Заинтересованный банк	Число представ.	Примечание
О-во русских электротехнических заводов „Сименс и Гальске"	7.000	Русский д/Внешней Торг. и СПБ. Международный	4	В о-ве сильно заинтересован был Deutsche Bank.
О-во электрическ. освещения	6.000	Русский Торг.-Пром. .	1	Председ. правления.
Бельгийское „Центр. Электрическ. о-во в Москве".	3.750	СПБ. Междунар. . .	1	Решающее участие принадлежало бельгийским банкам.
О-во электрич. освещения СПБ.	2.222	Торгово-Пром. . . .	2	
Русское о-во для эксплоатации электрической энергии . . .	500	То же.	1	
Т-во для эксплоатации электричества „М. М. Подобедов"	1.000	Сибирский Торговый .	1	
9 предприят. с основн. капиталом . . .	20.472			

Это составляет 96,9% акционерных капиталов данной отрасли. Комментарии здесь излишни.

В большей своей части в сферу сращивания с банками, к концу 1899 г.—началу 1900 г. была втянута и промышленность по обработке минералов. В производстве стекла из общего числа 15 акц. о-в с капиталом в 15.965 т. р.[2]) на долю о-в этой категории приходилось 5 с основным капиталом в 9.137,5 т., что составляет 57,2% капитала данной отрасли.

Предприятия эти суть следующие:

	Осн. кап. в тыс. рублей	Заинтересованный банк	Число представ. банков в правлен. акц. о-ва	
О-во стекольного производства „А. Р. Ликфельд".	700	СПБ. Учетный . . .	2	
Русско-бельгийск. о-во б. Ф. А. Беклемишева	2.437,5	„	1	Учредительство, в котором наряду с СПБ. Учетным участвовали и бельгийские б-ки.
Московское стеклопромышленн. о-во . . .	2.250	СПБ. Междунар. . .	4	Учредительство.
Северное стеклопромышленн.	2.750	„	3	
О-во „И. Ритинг" . .	1.000	Русский д/Внешн. Торговли	1	
5 предприят. с основн. капиталом	9.137,5			

[1]) Ежегодник М-ва Фин., стр. 626.

[2]) Там-же, стр. 652.

Руководящая роль этой группы предприятий в области стекольной промышленности усиливалась еще потому, что они были наиболее крупными. Средний капитал их составлял 1,85 млн. руб., против 0,66 млн. руб. в среднем, на каждое из остальных предприятий. Другое обстоятельство, действовавшее в этом направлении—тесная связь, существовавшая между тремя крупнейшими банками, осуществлявшими контроль над ними. Это делало образование монополии в этой отрасли особенно легкой.

Из других отраслей, относящихся к обработке минералов, остановимся на производстве строительных материалов.

Здесь мы можем констатировать отношения сращивания с банками у следующих предприятий:

Наименование предприятий	Осн. капит. в тыс. руб. к концу 1899 г.	Заинтересованные банки	Число представит.	Примечание
Русско-голландск. о-во первого сибирского портланд-цементного завода „Камышет", прежде „Каменский и Гроссман"	1.200	Банк. дом бр. Буассвейн в Амстердаме	—	Учредительство.
Франко-русская К° портландск. цементов в Геленджике	841,5	Група Banque Internationale de Paris	—	Тоже
Франко-русское о-во портландских пуццоланских цементов в Екатеринославе	673,2	Группа Banque Internationale de Paris	—	Тоже.
Акц. о-во новороссийского портландского цементного завода „Цепь"	1.125	Bank für Handel und Industrie	1	Тоже.
О-во донецк. цем. з-да и др. стр. мат.	1.200	СПБ.-Московск.	1	
Акц. о-во для производства цем. „Ассерин"	1.500	СПБ. Учетн. и Торг. Пром.	—	
О-во портланд.-цем. завода „Рудники"	1.000	Русский Торгово-Промышленный	3	
О-во глухозерского портланд.-цем. завода в СПБ.	3.000	СПБ Учетный	2	После краха П. П. фон-Дервиза.
О-во черноморск. цем. производства	2.100	Банкирский дом „Э. М. Мейер и К-о" группа Banque Internationale de Paris	2	
9 предпр. с основн. капиталом в	12.641			

Капитал этих предприятий составлял на конец 1899 г.—начало 1900 г. 61,2% по отношению к капиталу всех 28 акц. о-в в этой отрасли, равнявшемуся 20.655 тыс. р.[1]).

[1]) Ежегодник Мин. Фин. за 1901 г., стр. 628.

Кроме рассмотренных отраслей производства, сращивание банкового и промышленного капитала имело в конце 90-х годов место по отдельным предприятиям текстильной, пищевкусовой, бумагоделательной, химической, лесопильной и других отраслей промышленности. Но здесь роль банков была куда менее значительной, чем в отраслях, подвергнутых нами более детальному рассмотрению.

В 90-х годах банки не ограничивали, однако, поля своей деятельности промышленностью. Они проявили стремление к тому, чтобы подчинить себе также сферу транспорта и обращения. Вторая половина 90-х годов прошлого столетия характеризуется значительным участием банков в ряде железнодорожных, пароходных, страховых и торговых предприятий. Кроме того, поскольку акционерная форма проникла в жилищное строительство, банки внедрились и сюда. Уже в конце 90-х годов они принимали значительное участие в доставлении основного капитала для ряда ж.-д. обществ. Они пользовались решающим влиянием в обществе Китайско-Восточной железной дороги (Русско-Китайский банк), в Московском обществе под'ездных путей (поляковская группа банков), в обществе Рязано-Уральской железной дороги (Русский Торгово-Промышленный банк) и в других. Тем не менее, они были далеки тогда от такого охвата железных дорог, какого они достигли по отношению к руководящим отраслям промышленности. Гораздо более значительным по своему удельному весу был охват банками предприятий водного транспорта.

Из морских пароходных к числу предприятий с банковским участием к концу 90-х годов относятся следующие:

	Заинтересованные банки	Основной кап. в тыс. руб. к концу 1899 г.	Число представ. банка в правл.	Примечание
О-во Азовского пароходства .	СПБ. Азовский	1.500	2	Из них один предс. правл.
Русское о-во пароходства и торговли	СПБ. Международный	10.000	2	
Акц. о-во Русско-Восточного Азиатского пароходства . .	Сибирск. Торг.	3.000	2	

Основной капитал их составлял 14.500 рублей, что по отношению к 17.150,4 т. руб. капитала всей группы составляет 84,5%.

Значительно было влияние банков в группе смешанных пароходств. СПБ. Учетный банк играл руководящую роль в Обществе «Кавказ и Меркурий» с основным капиталом в 5.625 тыс. рублей, являвшегося крупнейшим предприятием в группе. Капитал этого общества составлял 56,5% капиталов всей группы и более чем в 9 раз превосходил средние размеры капитала приходящиеся на каждое из остальных предприятий.

На страховых обществах мы не останавливаемся. Скажем лишь, что в 1899 г. не было почти ни одного из них без значительного влияния крупных банков.

Приведенные данные показывают, что сращивание банкового и промышленного капиталов, характерное для монополистического капитализма, получило в годы промышленного под'ема конца прошлого столетия очень большое развитие, захватив собою руководящую часть предприятий в наиболее важных отраслях промышленности.

Персональная связь между банками и промышленностью носила ярко выраженный финансово-капиталистический характер и имела, как мы видели, чрезвычайно широкое распространение. Поэтому совершенно неправильным является, например, утверждение тов. Ронина о том, что персональная уния в 90-х годах не отражала отношений сращивания и имела сравнительно ограниченную сферу применения.

Дальнейший анализ покажет, что в период под'ема 90-х годов на лицо было не только сращивание банков и промышленности, но, что гораздо более характерно для финансового капитализма—сращивание банковых монополий с промышленными.

IV. Банки и промышленно-капиталистические монополии

В конце 90-х и в начале 900-х годов в России особенности финансового капитализма получили свое яркое выражение. Промышленная концентрация вызвала банковскую, а существование банковских групп привело к небывалому ускорению процесса монополистического перерождения отраслей промышленности, в которых они были заинтересованы. В результате получилось сращение банковских монополий с промышленными. Таким образом, уже в это время финансовый капитализм в России получил, в смысле формы, свое законченное выражение. Что же касается об'ема, то в результате описанных процессов, происходивших в 90-х годах, уже в 1899—04 г. г. мы имели в важнейших отраслях промышленности монополии, сросшиеся с банковскими.

Создание капиталистических монополий стало возможным к концу 90-х годов потому, что в результате быстрого развития процесса сращивания банков с промышленностью в 90-х годах банки контролировали более $^3/_5$ основного капитала каменно-угольной и металлургической промышленности, больше половины основного капитала машиностроительной отрасли и механических заводов, около 80% основного капитала электротехнической и почти весь капитал связанной с ней отрасли по добыче электричества, $^3/_5$ основного капитала стекольной промышленности и промышленности строительных материалов. Сращивание банков с крупнейшими предприятиями в этих важнейших отраслях сделало возможным создание к концу 90-х—началу 900-х годов монополий в отраслях электротехнической и электрической, металлургической, стекольной, цементной, производства подвижного состава и других.

Первые попытки банковых групп в направлении создания промышленных монополий носили финансовый характер. Начиная с 1896 года создается ряд об'единений, включающих в себя крупнейшие иностранные и русские банки. Целью их являлось, во-первых, осуществление единого

контроля и руководства производственной и сбытовой политикой всех предприятий, в которых банки были заинтересованы. Другой целью было сосредоточение в одних руках деятельности по созданию новых предприятий для того, чтобы избежать нанесения ущерба предприятиям, над которыми банки уже осуществили контроль. В этих об'единениях монополистическая форма получила законченное выражение.

Из числа таких об'единений, созданных в 90-х годах, наиболее интересным по законченности своих монополистических тенденций является «Société Generale d'industrie miniere et metallurgique», основанное в феврале 1897 г. в Париже с первоначальным основным капиталом в 25 милл. франков. Вот что писала о нем «Торгово-промышленн. газета» в декабре 1897 г.:

«О-во учреждается с целью сосредоточить в одно целое разбросанные ныне в разных местностях горнопромышленные и металлургические предприятия. Кроме того, учредители общества рассчитывают, что в будущем уже не потребуется для каждого отдельного предприятия устраивать особого финансового общества, а что все подобные начинания будут исходить от общества «Омниум». Наконец учредители «Омниума» полагают, что их общество сослужит в России ту же роль, которую занимают в Америке синдикаты или тресты» [1]).

Как видно из приведенного в примечании списка, в о-ве принимал участие ряд крупных французских, бельгийских, голландских, австрийских и русских банков и банкирских домов. Решающая роль в о-ве «Омниум» принадлежала французскому Société Generale. За о-вом стояла огромная финансовая сила, которая ставила своей целью провести принцип монополии в тогдашней русской горной и металлургической промышленности.

Добиться этой цели возможно было, конечно, только лишь тогда, когда, на основе предварительной деятельности по финансированию этих отраслей, в руках банков сосредоточилось бы значительное число крупнейших предприятий этих отраслей. И действительно, русские и иностранные банки, входившие в состав «Омниума» играли решающую роль в учредительстве

---

[1]) Приводим для характеристики отдельных участниксв о-ва: Во Франции 1) Société Generale (Париж). 2) Администраторы и директора Sociéte Generale: Э. Блунт, бар. Гели де Уассель, Анри Бернар, Доризон, Жанебри де Фредайг, 3) Банк. Дом „Братья Дрейфус" 4) Его директора—Карл Дрейфус и Арман Дрейфус, 5) Морин Понс, банкир в Лионе, 6) Страус—директор французского отделения Länderbank (австрийского), 7) П. Лоранс—член правления Макеевского общества и 8) Бар. Р-де Нерво председ. Правления О-ва „Кривой Рог".

В Бельгии: 1) Филипсон, Кассель и И. Аллар—банкир в Брюсселе, 2) Директора Caisse de Report в Брюсселе—Рай Макерс и Ган де Вен.

В Голландии: 1) Бр. Буассвейн, банкиры в Амстердаме.

В Австрии: 1) Länderbank, 2) Моранс—б. директор венского отделения Länderbank

В России: 1) СПБ Учетный и Ссудный Банк в лице А. Фишера (тов. директора) и Ю. Рамсейера (доверенный), 2) СПБ. Азовский банк в лице И. М. Кона (дир.), 3) Русский для Внешней Торговли Банк в лицо А. Рафаловича (директор), 4) Е. де Манзиерли—главный директор о-ва каменноугольных копей Юга России, 5) Горяинков—директор о-ва Брянского рельсопрокатного завода.

90-х годов, об'единивши в своих руках к 1900 г. едва ли не большую часть предприятий горной и металлургической промышленности. Это дало указанной группе банков возможность добиться своей цели, правда, в несколько иной, чем это мыслилось вначале, форме.

Еще до организации «Омниума» в ноябре 1896 года, в Париже было учреждено другое акционерное о-во под названием «Soc. Generale pour l'industrie en Russie» с первоначальным основным капиталом в 5 миллионов франков [1]).

Инициатива организация этого о-ва исходила от другой группы банков, и состав его был иной, нежели состав «Омниума». Учреждение это было вызвано из жизни Banque Internationale de Paris и в состав его входили, кроме представителей этого банка, также Нетцлин—представитель Парижского Нидерландского Банка, банкир фон-Бетман и другие.

Цель о-ва официально состояла в производстве в России разного рода коммерческих, промышленных и финансовых операций. По существу же она заключалась в создании единого финансового центра для основания новых предприятий и руководства ими.

В направлении осуществления поставленной цели указанная финансовая группа добилась значительных успехов [2]).

Учредительская и прочая финансирующая деятельность группы Парижского Международного банка привела к сосредоточению в ее руках группы крупнейших предприятий в руководящих отраслях промышленности, что, конечно, было большим шагом вперед по пути их монополистического перерождения.

Господство отношений финансово-капиталистического сращивания в электротехнической (77,8%) и связанной с ней электрической промышленности (96,9% всего капитала) не могло не повести к созданию при ближайшем участии заинтересованных банков монополии и в этих отраслях.

И действительно, плодом сожительства банков с электротехнической и электрической промышленностью явился электрический синдикат, созданный в Берлине в феврале 1899 г. Целью синдиката было, говоря словами «Биржевых Ведомостей», — «образование промышленной группы для эксплоатации в России предприятий по электротехнике». Иначе говоря, дело заключалось в том, чтобы создать монополию в области электротехнической промышленности путем создания единого центра, руководящего всеми крупными предприятиями этой отрасли.

В результате состоявшегося соглашения, в руках синдиката сосредоточились крупнейшие русские электротехнические предприятия. Вместе

---

1) „Бирж. Вед." 29/XI 1896 г.

2) В годы 1896—1900 г.г. ею были учреждены следующие горные и металлургические предприятия:

О-во Комаровских жел. руд (основной капитал в тыс. руб.)—5.000 О-во Никитовск. каменноугольных копей—3.750; О-во „Алагирь"—4.500; Волжско-Вишерское Горное и Металлургич. О-во—9.375; Уральско-Волжское Металлургич. О-во—9.375; Акц. О-во „Русский Провиданс" в Мариуполе—11.125 и ряд других менее крупных.

с тем синдикат стал центром, откуда шло учреждение новых электротехнических предприятий в последующие годы [1]). Таковы были первые промышленные монополии, созданные банками в период под'ема.

Ряд монополий был создан после кризиса 1899—1900 г.г. Инициатива создания их также принадлежала банкам. Банки способствовали созданию синдикатов в отраслях производства средств производства, где они были особенно сильны, чтобы посредством их повысить цены, сильно упавшие в период кризиса.

Перед промышленностью имелся и другой путь ликвидации последствий кризиса, а именно—путь снижения цен путем снижения издержек производства на базе технической реконструкции, расширения рынков сбыта и расширения производства на этой основе. Но в том и заключается одна из характернейших черт монополистического капитализма, что он предпочитает монополии технической реорганизации, и в ней видит способ ликвидации кризисов.

В первую голову банки проявили инициативу в деле создания металлургического синдиката, так как в этой отрасли они были заинтересованы больше всего. Это удалось им в 1902 г. в форме «О-ва для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамета»), с капиталом в 900.000 рублей. В состав синдиката с самого начала вошли крупнейшие металлургические предприятия, доля которых в имперском сбыте, например, листового железа, уже в 1903 году составила 71%, в импортном сбыте балок и швеллеров в 1904 г.—75%, в 1905 г.—88%. Руководящая роль банков в деле создания «Продаметы» не поддается никакому сомнению [2]). Эта роль явилась неизбежным результатом описанного выше процесса сращивания банков с промышленностью во второй половине 90-х годов.

Вслед за «Продаметой» в начале 1903 г. учреждается «Зеркальный синдикат» под названием «Акционерное о-во для продажи изделий русских зеркальных заводов». Целью о-ва, согласно его уставу, была торговля всякого рода изделиями стекольной промышленности, а также устройство и эксплоатация стекольных заводов. Учредителем синдиката был СПБ. Международный банк в лице бар. Н. Е. Врангеля. («Банк. и Торг. газета» 1903 г. № 2, стр. 40—41).

Руководящая роль в синдикате принадлежала группе в составе СПБ. Международного, СПБ. Учетного и Русского для Внешней торговли банков,

---

[1]) В состав синдиката вошли следующие участники: Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, Loewe-Union, Siemens-Galske, Женевское Франко-Русское О-во для электрической промышленности, Deutsche Bank (Berlin), Berliner Handelsgesellschaft, банк. дом Р. Варшауер и К⁰ в Париже, Бр. Ротшильд в Париже, Société des Etudes Russes (Париж) и СПБ. Международный Коммерческий Банк за себя и в качестве представителя некоторых других русских банков, заинтересованных в электротехнической промышленности. Основной капитал был первоначально установлен в 20 млн. руб. разделенных на именные паи („Биржевые Вед." от 22/II и 27/III 1899 г.).

[2]) Официальными учредителями „Продаметы" были П. Г. Дарси—представитель группы Banque Internationale de Paris и М. П. Игнациус — представитель бельгийских банков, заинтересованных в о-вах „Розенкранц" и „Шодуар".

и явилась результатом их руководящей роли в крупнейших предприятиях стекольной промышленности, охвативших три пятых основного капитала всей отрасли.

В конце того же 1903 года было учреждено и 5 февраля 1904 года открыло свои действия «Русское товарищество торговли цементами»— цементный синдикат. Руководящая роль в этом синдикате принадлежала группе французских, германских и русских банков, заинтересованных в русской цементной промышленности[1]).

Инициатива в образовании и этого синдиката и руководящая роль в нем принадлежали банкам в результате того, что 61,2% капитала промышленности по производству строительных материалов находилось в конце 90-х годов в процессе сращивания с банковым капиталом.

Банки участвовали также в организации синдиката «Продвагон» в 1904 году и здесь участие явилось результатом того, что к 1899 году эта отрасль на девять десятых была охвачена отношениями сращивания с банками.

Сращивание банков с промышленностью, в период промышленного под'ема 90-х годов, привело к небывалому ускорению процесса образования промышленно-капиталистических монополий. При сильной концентрации в самом банковом деле это означало, что к концу 1890-х—началу 1900-х годов в России процесс сращивания банкового и промышленного капитала стал процессом сращивания банковых и промышленных монополий, являющимся характерным признаком высоко развитого финансового капитализма. Это могло иметь место лишь потому, что вступление России в фазу монополистического капитализма произошло в период промышленного под'ема 90-х годов, а не в какой-нибудь другой более поздний период.

Вывод, к которому мы пришли, обязывает к ряду других выводов. В основном они сводятся к необходимости пересмотра существующих постановок вопроса о схеме развития финансового капитализма в России. Особо напрашивается для пересмотра вопрос о динамике роли иностранного капитала в системе монополистического капитализма и о типе их связи.

В настоящей статье мы не ставим себе целью дать ответ на эти вопросы. Анализ затронутых проблем составит предмет особого исследования[2]).

---

[1]) Официальными учредителями синдиката были известный уже нам П. Г. Дарси и Р. Л. Мишо — один из представителей Société generale в России и председатель Ростовского н/Д. купеческого банка. Кроме этих двух лиц, в совет цементного синдиката вошел также представитель б. д. Э. М. Мейер в Петербурге — М. Э. Бонштедт, представитель германских банков Э. П. Ландсгоф и представитель. СПБ Учетного банка.

[2]) Настоящая статья представляет собой сжатое изложение одной из глав выходящей в изд. „Прибой“ работы автора о монополистическом капитализме в России.

Е. Тарле

Бегство Вильгельма II

(К истории падения монархии в Германии [1])

«Вне Германии многие удивлялись и удивляются тому бессилию династической пропаганды, которое не позволяет монархистам итти дальше трех—четырех очень скромных по размерам манифестаций ежегодно. Мы, немцы, этому не удивляемся. Мы с молчаливым стыдом вспоминаем о поведении императора в момент катастрофы». Эти слова были сказаны в передовице одной лево-буржуазной газеты в 1924 году.

Конечно, не личности делают историю, и не Вильгельм II провалил монархию в Германии. Но, в самом деле, об'яснить быстроту морального уничтожения династического принципа в стране, где он был так силен как среди буржуазии, так и в широких слоях собственнического крестьянства, возможно только внимательно присмотревшись к конкретным деталям событий конца 1918 года, поскольку они касались лично Вильгельма. Та мемуарная и отчасти документальная, актовая литература, которая вышла с тех пор и продолжает выходить до последнего времени, позволяет нам воссоздать вполне точно всю картину. Будем, по возможности, кратки; остановимся на главнейшем.

I

Много было попыток дать характеристику Вильгельма II и до катастрофы и после нее. Писали о нем личные враги (напр., Бисмарк в III томе своих «Gedankon und Erinnerungen»), писали бесхитростные наблюдатели, вроде, напр., гофмаршала Цедлица-Трютцшлера, писали явные льстецы, может быть, даже уверившие себя, что они—беспристрастны, вроде покойного историка Карла Лампрехта в его книге «Der Kaiser», вышедшей в 1913 году; писали шовинисты, находившие его недостаточно решительным во внешней политике (напр. Paul Liman: «Der Kaiser»), писали социал-демократы, называвшие его «коронованным глупцом», der gekrönte Narr; писал мимоходом Лев Толстой, назвавший его «самым смешным, если не самым отвратительным представителем современного императорства» и т. д. Тут было бы совершенно неуместно пытаться дать сколько нибудь исчерпывающую харак-

---

[1]) В основу предлагаемого этюда положены соответствующие страницы подготовляемой к печати книги „Европа в эпоху империализма".

теристику. Мы только отметим те черты его ума и характера, без которых непонятны многие (и притом самые значительные по последствиям) его действия.

Коренная черта его натуры—могуче-развитое, все в нем побеждающее чувство самосохранения. Непобедимое, всегда настороженное, оно брало верх над всеми другими его наклонностями и, в последнем счете, всегда оно, и только оно определяло линию его поведения. Конечно, он знал, напр., что странно не входить неделями в комнату своего больного воспалением легких ребенка из-за страха заразиться (sic!), что неловко ни разу не совершить настоящего воздушного рейса или подводного путешествия, не переставая в то же время воинственными речами приветствовать полеты цеппелинов и спуск новых подводных лодок, что непременно нужно хоть один раз за всю долгую войну приблизиться к опасному месту, хоть одну минуту побывать в линии огня, когда и английский король и семидесятивосьмилетний Клемансо сочли приличным и нужным хоть раз подвергнуться личной, явной и непосредственной опасности. Вильгельм знал, конечно, что об этом говорят, что это его роняет, но пребыл непоколебимо тверд в ограждении своей безопасности. Еще до войны он всегда уступал, как только нарывался на отпор или решительное противодействие. Так он поступил, предавши буров, которых он же подбивал к сопротивлению, — когда сообразил, что англичане раздражены и, все равно, с бурами покончат; так он повел себя, когда опубликованная 30 октября 1908 года в «Daily Telegraph» беседа императора с корреспондентом вызвала против него бурю негодования в Германии: Вильгельм пошел на самые унизительные обещания вести себя впредь осторожнее. Даже такие его характерные черты, как самопревознесение, неуравновешенное стремление видеть себя могущественнее, чем это было на самом деле, как вера в свою миссию, данную свыше,—все эти особенности его психики отступали перед указанною первенствующей силой. Все его вызывающие речи, которыми он волновал и раздражал Европу в течение всего своего царствования, все эти заявления, что нужно порох держать сухим, все воинственные бряцания оружием—все это Вильгельм пускал в ход именно тогда, когда ровно ничего не грозило Германии. Самую неистовую из всех своих речей, где он требовал, чтобы его солдаты вели себя, как гунны при Аттилле, он сказал, отправляя войска в совершенно безопасную для них экспедицию в Китай в 1900 году, где немцы действовали вместе со всеми великими державами против плохо вооруженных боксерских отрядов. Но там, где в самом деле было возможно нарваться на отпор, Вильгельм, при всей словоохотливости, хранил всегда молчание. Его самохвальство кончалось там, где начиналась его боязнь за себя; а его боязнь за себя не кончалась нигде и никогда. В течение всей первой половины своего царствования Вильгельм II знал также твердо, как сами социал-демократы (и как все вообще), что рабочая масса по целому ряду причин, о которых тут не место говорить, далека от революционного выступления,—и именно поэтому Вильгельм II в эти годы постоянно искал и находил случаи для публичного поношения социал-демократии. Он их называл людьми, не имеющими отече-

ства, грозил и бранился, и снова грозил и призывал новобранцев стрелять в собственных отцов, если те взбунтуются и т. д. и т. д. Эта брань, на которую нельзя было отвечать тою же монетою вследствие существования «закона об оскорблении величества», производила на рабочий класс впечатление, разумеется, прямо противоположное тому, на которое рассчитывал неутомимый оратор, и в 1903 году, однажды, Бебель даже заявил в рейхстаге при общем смехе: «Я оцениваю каждую императорскую речь приблизительно в сто тысяч новых голосов в нашу пользу» [1]). Но когда, в самом деле, гремела гроза, осенью 1918 года, Вильгельм II произнес самую смиренно-льстивую речь перед рабочими крупповских заводов, угрюмою и недоверчивою толпою слушавшими его.

Так было у него всегда и во всех областях действия, и эта черта бросалась в глаза многим наблюдателям, которые, однако, остерегались о ней говорить. Граф Павел Генсброх, убежденный консерватор и монархист, в своей замечательной книжке о Вильгельме II отмечает «трусость», как наихудшее из свойств Вильгельма, за которым он признает тоже хвастовство, наглость, самообожание, поверхностность, актерство, страсть к позе, пренебрежение к людям [2]). То же жестокое слово произносит и фельдмаршал Вальдерзее: «Ничего нет настоящего в императоре, император — трус насквозь» [3]).

II

Волею случая и по праву родового наследования этот человек оказался носителем монархического принципа и верховным главою германской империи в годы мировой войны. Нужно сказать, что война как то пришибла его. Если исключить первые дни, дни почти маниакального возбуждения, то, в общем нужно отметить решительное стремление Вильгельма по возможности спрятаться, уйти от ответственности. Он ничему не мешал, потому что ни во что не вмешивался. Он сделал главнокомандующим Гинденбурга, которого он не любил, а его помощником Людендорфа, которого не только не любил, но и боялся. Беспрекословно повторять их слова и исполнять все, чего они пожелают, стало для Вильгельма основным правилом поведения с августа 1916 года (до той поры он повторял слова Фалькенгайна).

Чем больше росла популярность Гинденбурга и Людендорфа, тем больше заискивал перед ними Вильгельм. Никогда он не смел и подумать о том, чтобы воспротивиться их воле. Они пожелали избавиться от Бетмана-Гольвега—он уволил канцлера; они пожелали об'явить безпощадную подводную войну—он это сделал; они пожелали свести к нулю «мирную разолюцию» рейхстага в 1917 году—он пошел и на это.

В середине 1918 года он уже очень сильно боялся. У нас есть для этого именно момента одно в высшей степени по своему любопытное свидетельство непосредственного наблюдателя: я говорю о вышедшей вскоре

---

[1]) „Ich taxiere jede Kaiserrede auf ungefähr 100.000 Stimmen zu unserer Gunst".

[2]) P. Genslbroch, Abdankung und Flucht, 14, Berlin 1919.

[3]) „Nichts an Kaiser ist echt. Der Kaiser ist ein Feigling durch und durch".

после войны книге Карла Роснера «Король» («Der König, Weg und Wende»). Второстепенный беллетрист и мобилизованный поручик Карл Роснер, по обязанностям службы близко наблюдал Вильгельма летом 1918 г., и в названной книге, под прозрачнейшим обозначением «король», он дает описание настроений и поступков Вильгельма в эти месяцы надвигающейся катастрофы. Курьезно, что, хотя Роснер старается изо всех сил представить Вильгельма в ореоле некоего страдальца, непонятого Гамлета, подвижника, одолеваемого злым роком и т. п., но ничего из этого не выходит: вопреки воле автора все эти сантиментальные украшения отпадают сами собою, и перед нами—мечущийся во все стороны, панически перепуганный человек, жаждущий прежде всего спасти свое физическое существование, а затем поскорее на кого-нибудь сложить свою ответственность за все содеянные нелепости и преступления. Вот два могучих и постоянных его мотива, две ноты, доминирующие в его душевном строе, с тех пор как, после начала неудач, несколько меньше стала сказываться третья нота—безмерное самохвальство, похвальба божественным происхождением своей власти и своим будущим, окончательным великолепием. И все усилия Карла Роснера окутать своего героя привлекательным романтическим плащем остаются совершенно безуспешными. Ничего, ни единого мотива, кроме двух указанных, ни один критический читатель не усмотрит в душе героя книги Роснера.

Роснер наблюдал его, притом, еще до осени 1918 года, т.-е. до наступления тех катастрофических трех месяцев, которые начались поражением между Анкром и Авром 8 августа и окончились бегством императора в Голландию 9 ноября. В эти три месяца агонии германской империи Вильгельм пребывал в состоянии какой-то хронической паники, которая необычайно обострилась в октябре, когда началась знаменитая телеграфная переписка нового канцлера Макса Баденского с президентом Соединенных Штатов Вильсоном. Вильсон требовал двух вещей: 1) капитуляции Германии и 2) низвержения Вильгельма II, очень ясно давая понять, что от этого второго условия Антанта не отступится ни за что. Вильгельм соглашался на все: и на торжественные уверения пред Вильсоном, что отныне император фактически лишен силы, и на то, что это и впредь навсегда так останется, и что Макс Баденский ведет переговоры от имени всего народа, а не от имени императора. Вильгельм беспрекословно подписывал все наскоро составленные новые законы, лишавшие его абсолютно всякой власти. Не было предела всем унижениям, на которые он шел, лишь бы его помиловали, лишь бы оставили за ним его звание.

Но ничего не помогало. Он был ненужен,—и это его губило. Рабочий класс его никогда не любил и не уважал (и не боялся, несмотря на все вызывающие речи и брань по любому поводу со стороны Вильгельма),—а буржуазия поддерживала его до тех пор, во первых, как представителя сильной монархической власти, которая способна оградить существующий социальный строй от революции, и во-вторых, как представителя военной традиции, как вершину той военно-бюрократической организации, которая представлялась наиболее дееспособной в борьбе германского финансового

капитала за рынки сырья, за рынки сбыта, за экономическую экспансию на всем земном шаре. Теперь, когда наступило крушение, эта организация оказалась побежденной внешним врагом, эта монархическая власть—явно-бессильной, в ближайшее, по крайней мере время, дать отпор возможной внутренней революции. Наконец, победители, устами Вильсона, заявляли, что они могут дать мир только, если император Вильгельм исчезнет.

С каждой новой нотой Вильсона положение императора становилось все безнадежней. После второй ноты (15 октября) Вильгельм II уже не мог скрывать этого ни от себя, ни от других. «Я был приглишен в рабочий кабинет императора,—пишет Ниман об этом дне (15 октября),—и нашел императорскую чету в страшном возбуждении». «Читайте. Это прямо направлено к низвержению моей династии, и, вообще, к устранению монархии!—и император трясущейся рукою указал на одно место лежавшего перед ним документа». А за этой второю нотою последовала и третья, самая фатальная для Вильгельма.

По мнению, очень распространенному в Германии и тогда и теперь,— монархия в октябре 1918 года еще могла бы быть спасена, если бы Вильгельм и кронпринц немедленно отреклись от престола в пользу кого-нибудь из младших сыновей императора. Но Вильгельм этого не желал, хотя пресса в последние дни октября дружно ему этот выход указывала. Шейдеман и Эберт тогда же решили ввести требование об отречении в условия, которые они должны поставить имперскому правительству. Помня их поведение в течение всей войны, их противники приписывали это решение резкому давлению со стороны рабочих масс. Этим внезапным радикализмом Шейдеман думал, очевидно хоть немного подержать свой весьма колебавшийся авторитет.

Да и рассуждать об этом много не приходилось: в Киле на борту броненосца «Маркграф» 28 октября 1918 года вспыхнуло революционное движение,—и в ближайшие дни оно быстро расширялось, охватывая прежде всего большие приморские города и весь флот.

III

Для Вильгельма наступали дни рассчета с судьбою. Бывали в истории люди, которые — как и он — не умели перенести выпавшего на их долю счастья, но зато неожиданно оказывались под грозою совсем иными, стойкими и мужественными. Вильгельм не умел перенести с достоинством ни того долгого счастья и ослепительного блеска, которыми была отмечена вся его жизнь, ни того страшного падения, которое постигло его в эту осень 1918 года. Война ничуть не закалила его, да и не могла закалить: ведь он ни на минуту не был лишен привычной роскоши и ни на минуту, даже отдаленно, даже случайно не подвергался опасности. Он всегда инстинктивно гнал от себя беспокойство. Напр., он отдалил от себя с начала войны своего личного друга Баллина, директора Гамбургско-Американской пароходной компании, только потому, что Баллин мрачно смотрел на затеянную войну. Царедворцы просили графа Бернсторфа передать Баллину, «чтобы он не

вел пред монархом таких пессимистических речей... иначе у монарха бывает нервный припадок» [1]). Заметим к слову, что Баллин покончил самоубийством как раз в день бегства Вильгельма; такие друзья были императору не нужны. Когда началось крушение, Вильгельм сразу и без тени сопротивления шел туда, куда ему говорили. Так, на полнейший отказ от фактической власти, на немедленное введение широчайшего парламентаризма он пошел мгновенно, даже и для формы ни разу не вспомнивши о «божественном происхождении» своей власти, о том, что он ответственен лишь перед небом, о всем том, о чем он совсем некстати не переставал во всеуслышание и с вызовом говорить тридцать лет, начиная с 1888 года, когда он вступил на престол. Генералы давно перестали с ним стесняться. Сын канцлера Гертлинга рассказывает, как, пред первым обращением Макса Баденского к Вильсону, Людендорф ворвался к Вильгельму, без доклада, с требованием немедленной посылки ноты с просьбой о перемирии. И Вильгельм беспрекословно подчинился и тут. Потом, когда Макс Баденский оказался сильнее Людендорфа, Вильгельм отставил Людендорфа по требованию Макса Баденского. Он жил в то время в состоянии постоянного, неизбывного страха: он боялся революции и боялся Антанты, и это видели все окружающие.

Теперь, в октябре и ноябре 1918 года впервые личная опасность стала ему грозить непосредственно. Он чувствовал себя, по отзывам наблюдавших, неспокойно в Потсдаме, из-за близости Берлина, и решил уехать в Спа, к Гинденбургу, которому теперь он доверял больше, чем другим. Да и нейтральная граница была ближе к Спа, чем к Берлину. Наиболее преданные династии прусские монархисты ставили вопрос так: «лучше пусть умрут император и кронпринц, но останется в живых монархия, чем наоборот» [2]). Но, при натуре Вильгельма и кронпринца, об этом, конечно, не могло быть и речи. Дело шло о героической форме самоубийства, а Вильгельм, как выше было отмечено, никогда не приближался за всю жизнь хотя бы к самой проблематической опасности. Но до последней минуты некоторые монархисты надеялись на этот «героический жест», и когда министр Зольф старался через Августа Эйленбурга убедить Вильгельма не бежать из Потсдама в Спа, то Эйленбург таинственно намекал, что император хочет искать смерти на поле битвы...

И в самом деле, среди наиболее преданной интересам и традициям монархии части прусского дворянства, именно в дворянстве померанской провинции, в эти дни, после третьей ноты Вильсона, возникла и была принята следующая программа действия: теперь уже спасти династию Гогенцоллернов можно только одним способом; померанские дворяне предлагают императору немедленно, вместе с ними, отправиться на передовые линии фронта, и там погибнуть [3]). Бывший канцлер империи, а в конце 1918 года обер-президент Померании Михаэлис был уполномочен передать это предложение императору; сам Михаэлис был в числе тех, кто обязался

---

1) Bernstorff, Deutschland und Amerika, 409, Berlin. 1920.

2) Otto Hammann, Bilder aus der letzten Kaiserzeit, 133, Berlin. 1922.

3) Ludwig Herz, 69, Leipzig. 1924.

отправиться на фронт и погибнуть там вместе с императором. Михаэлис прибыл в Потсдам 28 октября 1918 г. Но Вильгельм чуял (или узнал), зачем приехал представитель померанских дворян, и за обедом всячески отклонял разговор и не давал гостю говорить. Михаэлис решил передать роковое поручение после обеда; но Вильгельм твердо решил не допустить его до этого: раньше, чем Михаэлис выговорил слово, император вдруг сорвался с места, наскоро пожал руку собеседнику и поспешно вышел вон[1]). Оставаться дальше в Потсдаме после этого Вильгельм не мог: ведь Михаэлис непременно вернулся бы. И кроме того, в Берлине явственно дело шло к революции.

29 октября император, не сказавшись канцлеру Максу Баденскому, решил выехать в главную квартиру, поближе к голландской границе и подальше от канцлера, убеждавшего его немедленно отречься от престола. Совершенно случайно узнавши о готовящемся от'езде императора, канцлер сейчас же послал во дворец министра Зольфа убедить Вильгельма остаться. Но все было напрасно: Вильгельм уехал.

Внезапный, против воли и почти без ведома канцлера, от'езд императора из Потсдама в Спа был, конечно, бегством, так же, как бегством было любое его передвижение в октябре и ноябре 1918 года. То ему казалось безопаснее в Потсдаме, и он мчался в Потсдам, то безопаснее было «на фронте»—и он летел «на фронт». Т.-е. собственно на настоящем фронте, на боевых позициях в момент боя, он, конечно, никогда не появлялся, и под «фронтом» читатель должен понимать снабженную всем комфортом богатую виллу Фрэнез в городе Спа. Жить там и гулять в парке и означало для Вильгельма «дѣлить труды и опасности с вооруженным немецким народом», как об этом писалось в газетах, когда император уезжал в ставку.

Но на этот раз положение было хуже. Спереди грохотала непрерывная, уже месяцами длившаяся и все усиливавшаяся кононада, слышалась поступь несметных полчищ Антанты, неуклонно двигающихся на Германию, сзади не прекращался начавшийся в последнюю октябрьскую неделю глухой гул революции. И с каждым днем этот гул становился явственнее. Из Киля, из Гамбурга, из Бремена, из Мюнхена все отчетливее доносились определенные республиканские пароли и социалистические лозунги. В армии становилось очень неспокойно. А неприятель все медлил с перемирием, все не давал окончательного ответа. Ясно было, что беглецу, примчавшемуся в Спа, вскоре снова придется бежать оттуда. Но куда? В Потсдам—уже невозможно. И вот именно тогда, судя по некоторым данным, мысли Вильгельма окончательно обратились к той узенькой тропинке, которую он усмотрел между Сциллою неприятельского наступления и Харибдою народной революции. Уже 8 ноября голландские власти узнали о возможности внезапного появления в пределах их страны германского императора: дело

[1]) „Nach Tisch nur noch ein Kurzes Beieinanderstehen mit der Kaffe-Tasse in der Hand. Ehe ich dem Kaiser ein letztes Wort sagen connte brach er plötzlich ab, mit eiligem und gewaltigem Händedruck und eilte hinaus, wo die Adjutanten auf ihn Warteten“ (позднейшее свидетельство Михаэлиса).

в том, что из Мюнхена пришли вести о провозглашении Баварской республики, и из Берлина ежечасно поступали все более и более грозные известия.

Наконец, гроза стала бушевать совсем уж близко от императора: 8 ноября вечером в императорской вилле узнали, что в Кельне, Кобленце, Майнце вспыхнула революция в войсковых частях, что все рейнские мосты в руках восставших, что в их же власть попали огромные склады продовольствия. Собранные в Спа офицеры разных частей, которых созвали для информации о настроении армии, в громадном большинстве заявили, что поручиться за солдат и положиться на них никак невозможно.

На другой день, 9 ноября 1918 года, к императору явились, по собственной инициативе, для экстренного совещания Гинденбург, Людендорф, Гренер, Гинце, Шуленбург, Плессен и Маршаль. На вопрос Вильгельма Гинденбург заявил, что «для него невозможно сказать своему государю то, что теперь нужно сказать». Слово взял генерал Гренер, который прямо заявил, что не только революция охватывает армию, но что абсолютно невозможно выделить части, которые согласились бы эту революцию подавить силою. Граф Шуленбург не был столь пессимистичен, но слова его были бездоказательны, и Гренер тотчас же вполне опроверг их. В это время императора попросили к телефону: канцлер Макс Баденский сообщал, что в столице с утра вспыхнула революция, что войска примкнули к ней, что необходимо немедленно, сегодня же, отречение Вильгельма и кронпринца от престола. Император отошел от телефона, не ответивши на это ничего. Но берлинский телефон не умолкал, и, перемежаясь с известиями о ширящейся победоносной на всех пунктах революции, к Вильгельму непрерывно поступали ближайшие известия о гигантском мятеже в воинских частях совсем уж близко от Спа. Тогда, к середине дня, Вильгельм внезапно остановился на таком компромиссе: он отказывается от германского императорского престола, но остается прусским королем. Этот компромисс решительно ничего не устраивал. Ведь было уже известно, что вожди социал-демократов Шейдеман, Эберт и их товарищи поставили ультиматум: отречение императора и кронпринца и полное их удаление от дел; было известно и то, что громадная масса рабочих, в те дни шедшая за Карлом Либкнехтом и Розою Люксембург, ни в коем случае не примирится ни с каким половинчатым, сомнительным решением вопроса об императоре и кронпринце. Макс Баденский, все еще надеясь спасти монархию в случае полного и безусловного отказа Вильгельма и его сына, и видя, что Вильгельм даже в этот отчаянный миг продолжает не понимать своего положения, решил действовать самостоятельно и не ждать более согласия императора... Между тем Вильгельм (уже с 8 ноября знавший, что, во всяком случае, успеет бежать в Голландию) в последние часы еще продолжал, по инерции, говорить старые, эффектные слова и предаваться привычной жестикуляции. Кронпринц предложил ему (в середине дня 9 ноября) уехать из неспокойного уже Спа в другую армию, именно в ту группу войск, которой командовал сам кронпринц. «Нет, зачем?»—возразил император,—«это могло бы показаться бегством. Я останусь здесь и соберу вокруг себя своих верных». «Ich werde hier bleiben

und meine Getreuen um mich scharen!». «Королевское слово!» (Ein Königswort)— умиляется по этому поводу Ниман, присутствовавший при всей сцене. Но не успело королевское слово отзвучать, как в дверях зала показался растерянный, дрожащий генерал Гонтард, с новой телефонограммою из Берлина в руках: «император и кронпринц низложены с престола». Только что в Берлине вышло извещение от имени канцлера, в котором сообщается о состоявшемся отказе Вильгельма и кронпринца как от германской императорской, так и от прусской королевской короны. «Измена, бесстыдная, возмутительная измена!»—вскричал император, услышавши об извещении канцлера. Граф Шуленбург, старый вояка и убежденный монархист, безусловно готовый сам умереть за монархию и убежденный, что еще только появление императора на поле битв может спасти монархический принцип, захотел воспользоваться этим внезапным гневом Вильгельма на канцлера и вынудить у императора мрачное, но необходимое решение: «Могу ли я положиться на то, что ваше величество останетесь при войске?»—«Вы знаете мое решение, граф!»—гордо и героически отвечает Вильгельм. Через несколько минут появляются снова Гинденбург, Гренер, Гинтце, Грюнау, генералы Плессен и Маршаль: за последние часы положение сильно ухудшилось; уже в войсках, охраняющих главную ставку в Спа, идет большое брожение. «Я не могу ручаться, что ваше величество не будете отвезены бунтующими войсками в Берлин и не будете там выданы революционному правительству в качестве пленника»,—об'являет Гинденбург. Вызванная для охраны особы императора вторая гвардейская дивизия также охвачена революционным движением. Граф Шуленбург молчит в ожидании. По его мнению, если нет дороги назад, то есть еще дорога вперед, под французскую картечь, и это мнение он уже высказал; он только что слышал «королевское слово». Шуленбург еще не мог знать, что в этот самый день, к ночи, должен был покончить с собою директор Гамбургско-американского пароходства и личный друг Вильгельма Баллин, не пожелавший пережить позора бегства императора; но все уже знали о генерале Альвардте, который после третьей ноты Вильсона пустил себе пулю в лоб, от чувства унижения и стыда за обиды, наносимые Германии. В эти дни и в этой среде подобные события уже не казались необычайными, и «героические решения» подсказывались все настойчивее... Но нет. Самоубийство запрещено законами христианской морали, а смерть в отчаянной, безнадежной схватке с полчищами надвигающегося неприятеля и была бы замаскированным самоубийством. Религиозный и богобоязненный Вильгельм никак не может нарушить в данном случае велений церкви. Да и, кроме того, это было бы «театральным жестом», а он, Вильгельм, не любит театральных жестов. «Какую бы пользу принесла такая инсценированная героическая роль?»—вопрошает он Нимана, вспоминая впоследствии об этом дне [1]). Все это и многое другое в том же роде читаем мы

---

[1]) Wanderungen mit Kaiser Wilhelm II, 105...: Welchen Nutzen eine solche inszenierte Heldenrolle bringen sollte Wir leben nicht mehr in einer Zeit wo der königliche, feldherr mit dem Degen in der Rechten seine Triarier in dem letzten Entscheidungskampf-

в литературе, дружественной Вильгельму, а также в мемуарах самого Вильгельма, ненужной, скучной книжке, лживой с первой строки до последней, где он оправдывается в своих деяниях. Он, всегда, все тридцать лет своего царствования игравший разные роли, вдруг почувствовал отвращение к театральным жестам. Посылать миллионы людей под ураганный артиллерийский огонь «für Kaiser und Reich» и требовать от них громогласно и в самых напыщенных словах ежедневного, ежечасного героического презрения к смерти—это не было театральным; но пойти в битву, наконец, в первый раз самому, чтобы спастись от позора,—это ему показалось вечером 9 ноября «театральным». Нужно заметить, что неглубокий и незначительный, но быстрый ум этого человека все-таки говорил ему, повидимому, в эти самые страшные минуты его существования о непоправимых последствиях этого шага, о том, что голландская тропинка спасает жизнь, но губит все, кроме жизни: личную честь, династическую традицию, монархию, все, что ему было дорого. Уже был подан поезд, уже Вильгельм вошел в вагон, как вдруг граф Платен сообщил ему только что полученное телефонное известие от принца Эйтель-Фритца: императрица просит передать, что «все хорошо». Императору, повидимому, стало стыдно: «Моя жена поддерживает меня, а меня хотят убедить ехать в Голландию. Я этого не сделаю. Это было бы все равно, как если бы капитан оставил свое тонущее судно». Он и теперь хотел в глаза свалить на других ответственность за свое бегство; и теперь, уже начавши бегство, повторял героические фразы, не имевшие при данных обстоятельствах и тени смысла. Ночевать Вильгельм решил в поезде. В 10 часов вечера в вагон пришел Грюнау с новым известием: революционные части войск идут на Спа. Уже нельзя было терять времени...

10 ноября, в 8 часов утра, к голландскому пограничному пункту Эйздену под'ехал автомобиль. Вильгельм, бледный как полотно, в сопровождении нескольких лиц вышел из автомобиля, подошел к пограничной страже — и отдал таможенному чиновнику свою шпагу: он был на нейтральной земле. Долгие часы затем германский император ждал на станции пока спешно извещенное голландское правительство упрашивало по телефону графа Бентинка (из английских лордов нидерландского происхождения), владельца недалеко от границы лежащего поместья Амеронген, чтобы он дал хотя бы временный приют бежавшему монарху. Но только спустя сорок часов после начала бегства Вильгельм оказался в Амеронгене. За первым обедом, когда голландские хозяева и немецкие гости чувствовали себя мучительно неловко и не смели от стыда с одной стороны, и жалости, с другой стороны встречаться глазами, Вильгельм II говорил много и охотно, с одушевлением и живостью. Говорил он один, все остальные молчали. Лэди Норе Бентинк, наблюдавшей его и оставившей описание этого дня, казалось, что он еще оглушен уничтожающей катастрофой и еще не вполне понимает своего положения. Могло

---

führt (подлинные слова Вильгельма, сказанные Ниману уже в Голландии и опубликованные с разрешения Вильгельма. Под ироническим выражении „триарии" он разумеет, конечно померанских дворян).

быть и то, что наиболее могущественное из всех чувств этого человека, восторжествовавшее чувство самосохранения, стихийно и непреодолимо возбуждало и потрясало его, после долгих часов сначала смертного страха, а потом мучительного ожидания на пограничном пункте, под проливным, не прекращавшимся двое суток дождем.

Почти тотчас же вслед за бегством Вильгельма последовало и бегство кронпринца, который в своих воспоминаниях обнаруживает полное отсутствие чувства смешного, так как хочет уверить читателя, что бежал он исключительно по одному лишь своему человеколюбию, боясь, как бы, чего доброго, из за него, кронпринца (т.-е. с целью восстановления его на прародительском престоле), не вспыхнула междоусобная война в германском народе. Он укрылся, как и отец, в Голандии, но в другом месте: голландское правительство велело ему отправиться на остров Виринген.

При таких условиях кончила свое существование династия, долгие столетия правившая в Пруссии и сорок семь лет, в пору величайшего блеска и могущества Германии, занимавшая германский императорский престол. На том самом месте в берлинском дворце, где в первый день пред'явления России ультиматума в 1914 году, стоял Вильгельм, кричавший народу о коварстве врагов, о праведной войне и победе,—теперь стоял под красным знаменем Карл Либкнехт и говорил о людях, доведших германский народ до самой страшной катастрофы его истории.

Бегство Вильгельма нанесло монархической традиции непоправимый удар. «Амеронгенский дезертир»—таков был титул, который давался ему даже в самых влиятельных среди обывательской массы и самых умеренных буржуазных газетах. Коммунистическая «Rote Fahne» воспользовалась этим событием для самой широкой (и успешной) агитации: она настойчиво сопоставляла роль Вильгельма накануне взрыва мировой войны с поведением императора в момент катострофы. Правая социал-демократическая пресса во главе с «Vorwärts», старалась не так много говорить о первом пункте (так как помнила свою собственную роль в августе 1914 года), но с тем бо́льшим негодованием касалась бегства императора. Что касается монархистов, то именно тогда у них сложилось окончательно то убеждение, которое их не покидало и не покидает до сих пор. Вильгельм II абсолютно немыслим более, даже если бы каким-нибудь нежданным случаем сложились условия, благоприятные для реставрации монархии.

Но и самая реставрация эта была бы своего рода историческим чудом: монархия в Германии в настоящее время столь же социально бесполезна для любого класса, как был социально бесполезен Вильгельм в ноябре 1918 года. Те функции, которые давали монархии силу и жизнеспособность до войны и в первые годы войны, либо стали ненужны, либо успешно выполняются тою республикою, какую мы теперь наблюдаем в Германии (успешно, с точки зрения тех классов общества, которые до революции поддерживали монархию). А те силы пролетариата, которые не примиряются с нынешней республикою, еще меньше мирятся с мыслью о реставрации империи.

П. П. Щеголев

К характеристике экономической политики термидорианской реакции

I

В задачи настоящего очерка входит характеристика экономической политики первых четырех месяцев термидорианской реакции. В политическом отношении конец лета и осень 1794 года отмечены своеобразным состоянием неустойчивого равновесия борющихся сил [1]).

Неоднородность победившей 9-го термидора реакционной группировки, обусловленная глубокими социальными противоречиями внутри антиробеспьеровской коалиции, несомненно должна была найти свое отражение в экономической политике, проводившейся Конвентом и его комитетами. Таким образом, анализ экономической стороны первых месяцев термидорианской реакции может существенно помочь пониманию крайне запутанных партийно-политических взаимоотношений и, наоборот, политическая историография должна облегчить уяснение пестрого и противоречивого рисунка экономической структуры после-термидоровского периода. Между тем, ни в общих трудах, посвященных этой эпохе, ни в специальных монографиях мы не находим попыток систематического анализа того, что представляла собою экономическая политика победившей 9-го термидора группировки. Общие характеристики всегда слишком беглы и суммарны [2]), при этом, зачастую, исходной их точкой является признание всесторонней губительности з а к о н а о м а к с и м у м е, во всех его проявлениях; но именно при ближайшем ознакомлении с эпохой первых месяцев термидорианской реакции возникает естественно один очень существенный вопрос. Почему же, несмотря на то, что все отрицательные последствия максимума были налицо, Конвенту понадобились тем не менее почти целые п о л г о д а для того, чтобы в свою очередь сделать нужные выводы в отношении максимума? Быть может, полгода и небольшой срок, но этот срок становится колоссальным в революционные эпохи. Первые четыре месяца, протекшие

---

1) Общая характеристика этого периода дана в нашей работе: „Заговор Бабефа". Изд. „Прибой" Л. 1927. Стр. 52—93 passim.

2) Ср. Фалькнер. Бумажные деньги франц. революции. М. 1919 стр. 193, главным же образом в труде Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Т. 2 Стр. 342, 336, 345, 434.

после падения Робеспьера, носят отпечаток вполне законченного, совершенно своеобразного этапа в развитии термидорианской реакции. Не естественно ли будет сопоставить политическую кон'юнктуру этих месяцев с основными тенденциями, проявившимися в области экономической политики? Не следует ли здесь искать причин, заставивших Конвент медлить с отменой максимума? И с другой стороны, возникает вопрос, создал ли переворот 9-го термидора какой-нибудь немедленный, крутой разрыв с экономической политикой последних месяцев якобинской диктатуры? Не была ли тут соблюдена преемственность, возникшая из социального сдвига направо, пережитого якобинским режимом еще в весенние месяцы 1794 года?

Таковы основные вопросы, возникающие в связи с поставленной нами темой.

В настоящем очерке мы отнюдь не можем претендовать на исчерпывающее освещение и разрешение всех этих вопросов. Об'ем наших источников (это главным образом собранные и изданные Aulard'ом Recueil des actes du Comité de salut public и отчасти Moniteur) [1]) позволяет нам только предварительную разведку, сопряженную, правда, с формулировкой известных выводов более общего порядка. Следует также подчеркнуть, что, беря темой нашего очерка экономическую политику, мы заранее отказались от привлечения материала, касающегося финансового хозяйства. Кроме финансов, мы исключили также весь комплекс вопросов, связанных с продажей национальных имуществ. Между тем, социальная реакция 1794 года необычайно выпукло проявилась именно в политике, проводившейся по отношению к национальным имуществам. Поэтому мы оставляем за собой право посвятить этому вопросу особый очерк [2]).

II

Деятельность Комитета Общественного Спасения, этого истинного правительства революционной Франции, была почти что всеоб'емлющей. В частности, экономическая жизнь страны, в главных ее проявлениях, входила в компетенцию Комитета, поскольку на него ложилась забота об армии, о военном хозяйстве, а также регулирование продовольственного вопроса и торговли. Существовали особые комиссии, заменившие прежние министерства и ведавшие отдельными отраслями государственного и народного хозяйства. Однако деятельность таких комиссий, как «Commission des armes et poudres» или «Commission des subsistances et de commerce» также как и конвентского «Comité de commerce et approvisionnements»

[1]) Много материала содержится в изданных Gerbaux и Schmidt'ом „Proces-verbaux des comités de l'agriculture et de commerce". Однако материал этот, главным образом, служит иллюстрацией экономического положения страны и будет использован нами в другой связи. Издаваемые Caron'ом протоколы „Commission des subsistances de l'an II". P. 1925. обрываются пока что, на Жерминале II-го года.

[2]) См. в особенности Marion. La vente des biens nationaux. pp. 242—250. Лучицкий. „Состояние земледельческих классов"... В Киевских Университетских известиях: № 5 за 1912 год, стр. 140—157.

в конечном счете направлялась и контролировалась Комитетом. Правда, переворот 9-го термидора повлек за собой некоторое ослабление власти Комитета, зафиксированное в декрете от 7-го фруктидора (24 августа 1794 года). Однако, несмотря на это, комитет остался центром, оказывавшим самое могущественное воздействие на экономическую политику и об'единявшим соответственную деятельность других комитетов и комиссий. Если мы захотим точнее установить, чем именно занимался Комитет, то увидим, что повседневная его работа в интересующей нас области текла по нескольким основным руслам. На первом плане, как и следовало предположить, стоят вопросы, связанные с потребностями армии, с нуждами военного хозяйства. За ними следуют заботы, связанные с реализацией урожая. И обеспечение материальных нужд армии, и обеспечение урожая вызывают целую, широко разветвленную, систему реквизиций. И по численности в актах Комитета на первом плане стоят распоряжения, касающиеся реквизиционной политики. За ними следуют всевозможные постановления, регулирующие применение закона о максимуме. В особую категорию можно выделить при этом вопросы, связанные с заработной платой. Помимо этого, в особую рубрику нужно занести весь комплекс мероприятий, направленных на поддержание отдельных отраслей промышленности, торговли и мореплавания. Впрочем, мероприятия эти носят довольно эпизодический, случайный характер и попадают в сферу компетенции Комитета по самым разнообразным и случайным поводам.

Попытаемся теперь дать хотя бы самый суммарный обзор важнейших мероприятий Комитета за период с конца июля и до середины ноября 1794 года. В истории развития термидорианской реакции период этот имеет совершенно определенную, индивидуальную физиономию. Это период равновесия борющихся сил, период передышки и лихорадочного подготовления к дальнейшим классовым боям. В это время еще сохраняется видимость единства антиробеспьеровской коалиции. Соответственно с этим и экономическая политика Комитета продолжает без перерыва и без всяких модификаций линию, проводившуюся в эпоху господства «Робеспьеровской фракции».

Для большей связности изложения мы сгруппируем наш материал не в хронологическом порядке, а систематически вокруг отдельных вопросов экономической политики.

III

Отправной точкой нашего обзора могут послужить мероприятия Комитета в области реквизиций, в частности, реквизиций рабочей силы. Как установлено в труде Е. В. Тарле, «решительный недостаток в рабочих руках особенно обнаружился в 1794 году»[1]. Именно к этому времени начала сказываться полная изношенность того скудного технического оборудования, каким располагали промышленность и сельское хозяйство. В момент жестокого кризиса, переживавшегося сельским хозяйством, власти реши-

[1] Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 423.

тельно стали на поддержку имущих слоев деревни, возмещавших технический регресс широким применением наемного труда. Именно поэтому «отраслью наемного труда, которая испытала на себе самым чувствительным образом последствия режима, установленного законом о максимуме, был труд сельскохозяйственный» [1]). Одной из первых очередных забот комитета была забота о реализации урожая. От успешного проведения урожайной кампании зависело продовольственное положение городов и армии.

Но обеспечить своевременный сбор урожая можно было только путем самого широкого применения системы реквизиций. В этом отношении переворот 9-го термидора не создал никакого разрыва с практикой робеспьеровского времени. Еще 11 прериаля (30 мая 1794 года) вышел декрет, об'являющий под реквизицией сельскохозяйственных рабочих. Декрет был издан «в самый разгар террора и неограниченного владычества Комитета, в эпоху абсолютной невозможности даже самой сдержанной критики распоряжений, свыше исходящих» [2]). Под реквизицию, согласно этого декрета, подпали все рабочие, все поденщики, все «обыкновенно занимающиеся полевыми работами». В сопроводительном письме комиссии земледелия основные пункты декрета получили широкое распространительное толкование. Однако, хотя декрет и был издан в самый разгар якобинского террора, прекращение террора и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета, еще с весны 1794 года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства [3]). Именно эта поддержка должна была обеспечить выполнение тяжелой обязанности, возложенной на деревню по снабжению хлебом армии и городов. 13 термидора (31 июля) специальный декрет об'явил под «реквизицией» всю земледельческую Францию, всю массу мелких производителей, охватываемую широким и несколько неопределенным термином «cultivateurs» [3]), возложив на них снабжение рынков необходимым количеством хлеба.

И параллельно с этим постановлением, подписанным R. Lindet и B. Barère, Комитет, во исполнение решения Конвента, издает другое, касающееся лиц, арестованных в свое время за дачу ложных сведений — à raison de fausses dèclarations qu'ils ont faites lors du recensement des graines et des farines [5]). Комитет предписывает освобождение «laboureurs, manouvriers, moissoneurs, brasseurs, artisans de profession», арестованных за то, что у них были обнаружены запасы зерна и муки в количестве, превышающем цифры, указанные ими в декларациях. Комитет не скрывает истинных мотивов этой амнистии. Это все та же потребность в рабочих руках, та же необходимость обеспечить реализацию урожая, толкающая Ко-

---

1) Там же, стр. 427.

2) Тарле, ук. соч., стр. 428.

3) Ср. мнение Jaures'а, указывающего на то, что весной 1794 года „Комитет общественного спасения ищет смягчить непопулярность закона о максимуме среди имущих слоев населения" (La convention. p. 1783).

4) Recueil des actes du Comité de Salut public T. XV, p. 550.

5) Recueil der actes. Ibidem. T. XV, p. 551.

митет на поиски рабочей силы, нужной для крепких, зажиточных слоев деревни.

Несмотря на наличие грозных реквизиционных декретов от 11 прериаля и 13-го термидора, положение с урожаем оставалось тревожным. Уже в конце августа Комитет оказывается лицом к лицу с угрозой сокращения посевной площади. Мы не можем, к сожалению, судить о том, насколько реальна была эта угроза. Однако, вводная часть постановления Комитета от 23 августа (6-го фруктидора) констатирует два обстоятельства. Во-первых, арендаторы (fermiers ou metayers) бросают сплошь и рядом свои участки и не берут взамен их никаких новых. Во-вторых, граждане, обычно нанимающиеся на разные сроки для производства сельскохозяйственных работ, отказываются от выполнения принятых обязательств. Комитет уверен, что зло можно устранить, напомнив уклоняющимся об их гражданском долге. Впрочем, очевидно, не особенно рассчитывая на патриотические увещания, Комитет тут же предписывает об'явить под реквизицией всех арендаторов, бросающих свои участки, и держать под арестом уклоняющихся, впредь до получения от них точных указаний насчет участка, избранного ими для продолжения своей сельскохозяйственной работы. Кроме того, Комитет предписывает штрафовать сельских хозяев, принимающих на работу лиц, не имеющих удостоверения муниципальных властей в том, что за ними не числится никаких невыполненных обязательств по прежним местам их работы. Из-под действия декрета изымаются лица, желающие поступить на действительную военную службу.

Таким образом, реквизиционная политика Комитета общественного спасения в сфере сельского хозяйства получает полное развитие только после падения Робеспьера. Декрет 11-го прериаля может рассматриваться, как исходная точка целой системы реквизиционных мероприятий. 11-го прериаля об'явили под реквизицией сельскохозяйственных рабочих. 13-го термидора реквизировали «всех земледельцев», 6-го фруктидора «прикрепили к земле» арендаторов, лишив их права перехода из сферы сельского хозяйства в какую-либо другую отрасль народного труда. Вплоть до поздней осени 1794 года и даже еще позже можно проследить примеры «реквизиционной практики» комитета. При общей нехватке рабочих рук особенно недоставало молотильщиков, и вот 11-го вандемьера (12 октября) Комитет издает постановление, в котором, между прочим, находится следующее предписание: «муниципальным властям вменяется в обязанность обеспечить за всеми земледельцами их округи нужное им число молотильщиков»[1]. Кроме того, устанавливается особая кара для земледельцев, которые, получив молотильщиков при содействии муниципальных властей, оставят их без работы в течение 24 часов.

Однако нам незачем множить примеров. Применение системы реквизиций к сельскохозяйственному труду, начатое еще при Робеспьере, широко развилось в первые месяцы термидорианской реакции. Политика Коми-

[1]) Recueil des actes. T XVII, p. 176.

тета в этом вопросе была настолько неизменной, что самый переворот 9-го термидора не внес в нее ровно никаких отступлений, никаких колебаний.

Если мы от реквизиций сельскохозяйственных обратимся к реквизициям в других областях рабочей силы, то мы в праве будем обобщить полученные нами выводы. В постановлениях Комитета мы можем различать реквизиции трех типов. Во-первых, реквизируются рабочие в целой отрасли промышленности или транспорта. Во-вторых, реквизиция может иметь более местное, территориально-ограниченное значение. Наконец, иногда реквизиция носит совершенно личный, строго-персональный характер.

Не будем останавливаться на примерах реквизиций этого последнего типа. В актах Комитета встречается очень много постановлений и более общего порядка. 18-го термидора (5 августа) Комитет постановляет «об'явить подозрительными» всех извощиков (charretiers, laboureurs, voituriers), уклоняющихся от исполнения обязательств, наложенных на них реквизицией [1]). 29-го термидора (16 августа) об'являются под реквизицией «все рабочие, занятые в оружейных мастерских и мануфактурах», а также в производстве пороха и в копях (poudres et exploitation des mines). Они прикрепляются к месту своей работы и заносятся в особые списки [2]). 2-го фруктидора комитет принимает обширное постановление о топливном снабжении Парижа и опять-таки, согласно пункту 4-му этого постановления, об'являются под реквизицией дровосеки, обжигальщики угольев и «все вообще рабочие, занятые обычно в дровяном и угольном деле» [3]). 22-го фруктидора (8 сентября) та же участь постигает рабочих речного транспорта. «Желая обеспечить внутреннее судоходство», комитет распространяет систему реквизиций на все внутренние реки и судоходные каналы Республики, в особенности на реки Марну, Сену, Уазу и Ионну. Под реквизицией оказываются также плотники и вообще работники по дереву, обслуживающие морские порты и арсеналы [4]).

Результаты широкого применения системы реквизиций приводили подчас к своеобразному закрепощению рабочих. 3-го вандемьера Комитет принял любопытное постановление о порядке предоставления отпусков рабочим государственных оружейных мастерских. Отпуска предоставляются только после подачи письменного заявления. Заявление рассматривается администрацией предприятия, и отпуск предоставляется под личную ответственность членов администрации. На срок отпуска рабочий получает особый паспорт, выдаваемый муниципальными властями. Паспорт этот визируется в тех коммунах, которые рабочий посетит во время отпуска. Рабочий, просрочивший свой отпуск, препровождается на место своей работы в этапном порядке [5]).

---

1) Recueil des actes, T. XV, p. 672.
2) Там же T. XVI, стр. 155.
3) Там же, стр. 203.
4) Там же, стр. 577.
5) Там же, T. XVII, p. 49.

Для нас сейчас важен не столько самый факт жестких ограничений свободы труда, сколько то, что все эти ограничения имели место после падения Робеспьера, после прекращения якобинского террора. Политический переворот 9 термидора не внес буквально никаких изменений в существовавшую и до него систему реквизиций. Забегая вперед, укажем еще и то, что день 24 декабря 1794 года, бывший последним днем максимума, сохранил институт реквизиций. Реквизиции начались до издания общего закона о максимуме и продолжались долго после его отмены. «В 1795, 1796 г.г.,—читаем мы в исследовании проф. Е. В. Тарле,—реквизиции рабочей силы отнюдь не прекращаются, и иногда мануфактуры останавливаются вовсе, вследствие того, что все рабочие забраны реквизиционным порядком» [1]). Закон 4 фримера IV года (25/XI 1795 г.) только упорядочил самый порядок наложения реквизиций, закрепив право об'являть реквизиции за одной лишь Директорией. В частности, при Директории сохранились реквизиции сельскохозяйственных рабочих. Перед лицом этих фактов мы беремся утверждать, что система реквизиций не составляет какой-либо специфический метод якобинской, террористической диктатуры [2]). Была, конечно, некоторая взаимообусловленность между реквизициями и максимумом, но то, что реквизиции не исчезли с отменой максимума, лучше всего показывает их самодовлеющее, самостоятельное значение. Самый же переворот 9 термидора не имел никаких последствий для реквизиционной практики Комитета Общественного Спасения. Между тем, реквизиции, конечно, вызывали определенные, оппозиционные настроения. При фактическом их осуществлении приходилось считаться с массой всякого рода трудностей. Реквизиции касались не только рабочей силы, они распространялись на целую массу предметов, нужных для потребностей военного хозяйства. Если такие мероприятия, как закон 11 прериаля, могли быть выгодны для зажиточных верхов деревни, для сельскохозяйственной буржуазии, то другим своим концом реквизиции били по всей деревне, без различия отдельных ее прослоек.

Дело в том, что и после 9 термидора ни одна из первоочередных потребностей государственного хозяйства, и в первую очередь хозяйства военного, не могла быть удовлетворена помимо применения уже испытанных репрессивных мероприятий.

Именно тут, когда речь шла об удовлетворении насущных нужд армии, не могло быть в первые дни термидорианской реакции и речи о разрыве с установившейся административно-хозяйственной практикой. Машина революционного правительства действует в прежнем порядке, широко применяя всевозможные принудительные меры. Конница терпит от недостатка в сене. Запасы сена, собранные военным ведомством, исчерпаны, и вот Комитет, за подписями Carnot, Eschasseriaux и Lindet, издает прокламацию. Все земледельцы (tous les cultivateurs) извещаются о недостатке овса, испытываемом конницей. Они приглашаются немедленно сократить рацион своих

---

1) Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 474.

2) Там же, стр. 310—311.

лошадей, и образовавшиеся в результате такой экономии излишки овса передавать властям коммуны, «которые и будут их оплачивать по ценам максимума». Не слишком полагаясь на патриотический пыл населения, Комитет тут же устанавливает способы вознаграждения и меры наказания. Имена граждан, доставивших наибольшее количество овса, будут доведены до сведения Комитета. Но, кроме того, Комитет затребует у местных властей списки уклонившихся, для того, чтобы дать себе отчет в их поведении [1]).

В донесении члена Конвента Lacoste [2]) содержится любопытный рассказ о реквизиции 500 лошадей в округе Foumies. Реквизиция эта, по мнению Lacoste'a, окончательно подкосила округ, опустошенный войной и неприятелем. «Я уже сообщал Вам,—пишет Lacoste,—об ошибках, допущенных во время реквизиций. Я полагаю необходимым скорейшую организацию реквизиционной системы на таких началах, при которых деревня сохранила бы максимально возможное количество рабочух рук и реквизиции падали на мюскаденов из больших коммун». Таковы были пожелания Lacoste'a. Были и другие отклики, другие мнения на счет целесообразности реквизиционной системы. О них скажем после. Сейчас нам важно только запомнить наш основной вывод: 9 термидора не внесло непосредственно никаких изменений в систему реквизиций рабочей силы.

IV

Донесения комиссаров Конвента [3]) свидетельствуют о том, что Комитет не мог не знать тех громадных трудностей, какие стояли перед ним на пути проведения знаменитого закона о таксации максимальных цен.

Еще в конце июня Комитет обратился к комиссии торговли и снабжений с указанием на то, что «закон о максимуме ежедневно нарушается в магазинах и на рынках» [4]). И, тем не менее, несмотря на это фактическое неисполнение закона, обновленный, термидорианский Комитет меньше всего думал о крутом переходе к принципиально новым формам и методам хозяйственной политики. Установим прежде всего следующий факт. Комитет Общественного Спасения начал отступление от некоторых принципов закона 29 сентября 1793 года еще до падения Робеспьера. Отступления эти имели место, как установлено в труде проф. Е. В. Тарле, «в области распоряжений, касающихся полотняного, бумажного, мыловаренного производства» [5]). Памятуя об этом обстоятельстве, мы после суммарного обзора мероприятий Комитета придем к тому выводу, что и в сфере максимума переворот 9 термидора не привел к какому-либо резкому разрыву с установившейся до него административной практикой.

---

1) Recueil des actes du Comité de Salut public, T. XV, p. 583.
2) Там же, T. XVI, стр. 805.
3) Там же. T. XV, p. 544.
4) Тарле. Указ. соч., стр. 329.
5) Тарле, Указ. соч., стр. 434.

К пересмотру, к ревизии отдельных постановлений закона 29 сентября приступали исподволь, по причинам и поводам чисто эмпирического порядка. 17 термидора Комитет изымает из-под действия максимума красные сукна (les draps écarlates), вырабатываемые на мануфактуре Гобеленов в Париже. Их разрешают продавать de gré à gré, «по взаимному согласию» [1]. 20 термидора Комитет санкционирует постановление комиссии торговли и снабжений, фиксирующее наново цены на шерсть. 21 термидора устанавливается максимум заработной платы для служащих исполнительных комиссий, постановление, подчеркивающее, как далеки были его авторы от мысли о возможности отмены самого максимума. 26 термидора Комитет находит, что нужно изменить ставки максимальных цен на сено, и действительно понижает ставку для всех худших его сортов. Тем же постановлением фиксируются цены на люцерну и клевер. На тот же день падает еще одно постановление, более принципиального характера. Из-под действия максимума изымаются окрашенные полотняные ткани (les toiles peintes et imprimèes). Их разрешено продавать свободно, «по взаимному соглашению» [2]. Это постановление, несомненно, должно быть учтено при оценке господствующих тенденций термидорианской экономической политики, но в том-то и дело, что на этот путь Комитет вступил еще в мае 1794 года. Именно тогда решено было из'ять из действия закона о максимуме так называемые etoffes de luxe — батистовые, муслиновые, газовые, кружевные ткани. Тогда же была увеличена на 10% расценка простого холста и принят ряд мер к контролю над самим производством холста и полотна [3]. После падения Робеспьера Комитет только продолжал и развивал намеченную ранее политическую линию. Аналогичные постановления издавались Комитетом и в более позднее время. Например, 13 фруктидора было постановлено увеличить ставку для тиковых тканей. В этих мероприятиях покровительство отдельным видам текстильной промышленности идет рука об руку с защитой потребительских интересов зажиточной буржуазии, и поэтому особенно любопытно отметить, что и в этом случае исходная точка послаблений и отступлений определилась еще в эпоху Робеспьера.

Однако, на ряду с этим еще поздней осенью встречаются мероприятия, конкретизирующие и разрабатывающие основные положения максимума. Так, 22 вандемьера (19 октября) Комитет таксирует орехи, сурепицу, маковое масло (oeillette) и все прочие виды семян, могущих быть использованным для выработки растительных масел [4]. 9 брюмера (30 октября) пересматриваются ставки, установленные для железа и жести в департаменте Vosges, и вырабатывается новая таблица, в основу которой кладется, однако, старый способ исчисления. Эти постановления перемежаются с такими, в которых мы находим кой-какие отступления от закона 29 сентября 1793 года. Так, 27 вандемьера (18 октября) Комитет решает вовсе

---

[1]) Recueil des actes. T. XV, p. 648.

[2]) Там же, Т. XVI. стр. 74.

[3]) Ср. Тарле, стр. 360—363.

[4]) Recueil des actes. T. XVII, p. 401.

из'ять из-под действия закона головные уборы «тунисского фасона» — так наз. «каскетки», фабрикуемые на мануфактуре братьев Michel в Орлеане. При этом предусмотрена та ставка, по какой будут оплачены уже сданные государству поставки каскеток. Мы затрудняемся точнее определить характер данного мероприятия. Зато аналогичное из'ятие, установленное для ножевого производства в Châtellerault, явно имеет в виду потребителя из буржуазии, потому что действие его распространено только на те высшие сорта ножей, при выделке которых употребляются слоновая кость и перламутр.

Еще в это время Комитет устраняет и корректирует прежние постановления, в чем-либо противоречащие максимуму. Так, 14 фруктидора (31 августа) Комитет формально отменяет два распоряжения департаментских властей Deux-Sèvres, которые он находит противоречащими максимуму. В текущей переписке Комитета ссылки на максимум, на максимальные ставки совершенно обычны. Когда речь идет о выполнении всякого рода работ или об уплате за реквизированные предметы, то во всех этих случаях, без исключения, расплата производится на основании максимальных ставок. 9 вандемьера (30 сентября) Комитет опять модифицирует ставки для люцерны и клевера [1]). 12 вандемьера повышаются ставки оплаты частных фабрикантов за выделку ружейных стволов. 17 вандемьера устанавливаются ставки для зернового хлеба низших сортов и т. д., и т. д.

Одним словом, и в области применения закона о максимуме переворот 9 термидора не вызвал никаких немедленных изменений в установившейся административной практике. То принципиально новое, что было привнесено в рутину этой практики, восходит еще ко временам Робеспьера. Частичный отказ от прямолинейного, буквального исполнения закона имел место в самый разгар робеспьеровского господства, в самый разгар террора. Именно тогда наметился кой-какой перелом в сторону свободной торговли, путем из'ятия из-под действия максимума целого ряда дорогих тканей, точно так же, как именно тогда был принят закон 11 прериаля, выгодный для зажиточной сельскохозяйственной буржуазии [2]).

V

Мы получим новое подтверждение наших выводов, если обратимся к мероприятиям Комитета в области фиксации заработной платы. Мы знаем, что с самого начала максимума «рабочий труд таксировался наравне с предметами потребления» [3]). Приведем теперь несколько примеров из послетермидоровской практики Комитета.

---

[1]) Recueil des actes. T. XVII, p. 154.

[2]) Характерно постановление Комитета торговли, отказавшегося 4-го вандемьера утвердить постановление комиссии торговли, удовлетворившей просьбу парижских торговцев о повышении максимальных цен на масло и яйца. Докладчик комитета Joubert нашел невозможным делать частичные отступления от закона о максимуме и резко нападал на торговцев, виновных в появлении хвостов у лавок (Gerbaux et Schmidt. op. cit. T. IV, p. 455). Комитет торговли был вообще очень активен в применении и регулировании максимума. См. постановление о таксации одеял, выделывавшихся в Liseux (ibidem, p. 526) и т. д., и. т. д.

[3]) Тарле. Указ. соч., стр. 388.

19 термидора повышаются ставки заработной платы для почтовых служащих, «в виду того, что они не согласованы со ставками максимума» [1]). 28 термидора (15 августа) Комитет издает особую таблицу оплаты труда рабочих, занятых на постройке мостов, набережных и пристаней [2]). Любопытно, что при этом Комитет запрещает не только фактическое отклонение от установленных ставок. Простое требование повышения платы карается трехдневным арестом. Особым пунктом запрещаются всякого рода коалиции, вызывающие волнение в мастерских. Лица, виновные в нарушении постановления, освобождаются от наказания, если они своевременно донесут на других нарушителей. Ко всему этому все рабочие, занятые на постройках и ремонте мостов, набережных и пристаней, об'являются под реквизицией.

Это постановление Комитета очень типично для всей его линии по отношению к рабочему классу. Однако, оно только воспроизводит те приемы и методы воздействия на рабочих, какие были установлены еще в Робеспьеровскую эру. Мы уже знаем, что особенному давлению подвергались сельскохозяйственные рабочие. Налагая на деревню определенные обязанности по снабжению городов и армии, Комитет в то же время делал определенную ставку на богатейшую, кулацкую часть деревни. 18 фрюктидора (4 сентября) Комитет об'являет под реквизицией всех до сих пор еще не реквизированных работников (journaliers et manouvriers) [3]), обычно работающих в деревне, и направляет их на сбор винограда. Заработная плата фиксируется следующим образом. За основу берется плата 1790 года, и полученная цифра увеличивается в полтора раза. Иначе говоря, самый принцип исчисления тот же, что и в законе 29 сентября 1793 года, но не надо забывать, что к осени 1794 года соотношение рыночных цен и ставок максимума изменилось в сторону, невыгодную для продавцов рабочей силы. Всякие коалиции рабочих в целях уклонения от реквизиции или повышения заработной платы караются 15-дневным заключением. Мы видим здесь новое и яркое проявление политики, покровительствующей имущим слоям деревни, политики, восходящей еще к эпохе якобинской диктатуры.

Как мы уже знаем, непосредственной заботой Комитета оставалась все это время проблема реализации урожая. Но в своем попечении об урожае Комитет принял целый ряд мероприятий, об'ективно выгодных для имущего крестьянства, для растущей сельскохозяйственной буржуазии. В особой прокламации Комитета, от 1 дня санкюлотид (17 сентября 1794 года), выпущенной по случаю начавшегося сбора урожая, читаем следующие строки, обращенные к сельскохозяйственным рабочим: «Конвент... рассчитывает на патриотизм рабочих, которые докажут свои чувства тем, что покинут свои работы, в том случае, если они не прикреплены к ним реквизиционным порядком, и предоставят свой труд для того, чтобы обеспечить хлебом своих братьев». Слова эти являются прекрасным образцом революционной рето-

[1]) Recueil des actes. T. XV, p. 706.
[2]) Там же, T. XV, стр. 115.
[3]) Там же, T. XV, стр. 509.

рики и ничуть не скрашивают тот факт, что «во имя урожая» целый класс сельскохозяйственных рабочих был закрепощен и отдан в полное распоряжение более зажиточных элементов французской деревни.

Только там, где фактически нельзя было обеспечить хозяев нужной им категорией рабочих, Комитет склонен был итти на некоторые уступки. Так, постановлением от 22 фруктидора (8 сентября 1794 года) были повышены ставки для молотильщиков. А именно, постановлено было увеличить для них ставки 1790 года не на половину, а на три четверти, и все это только потому, что, по мнению Комитета, рабочие не шли в молотильщики из-за низкой оплаты их труда[1]). Впрочем, Комитет подчеркивает, что это его мероприятие рассчитано только на один текущий сезон. Уступка Комитета носит явно вынужденный не принципиальный характер. Несмотря на это, вопрос о молотильщиках не переставал озабочивать Комитет. Так, к нему на рассмотрение поступил специальный протокол комиссии торговли и снабжений. В этом протоколе речь шла о нехватке молотильщиков в департаменте Seine-Inférieure. Оказалось, что они были направлены «не по специальности», а именно на работы по обсеменению. Однако, можно предположить, что, кроме всего, имело место уклонение рабочих от возложенной на них реквизиции. В результате департаментским властям предложено было организовать отряды молотильщиков и притом в самый краткий срок, «так как промедление может привести к самым ужасным последствиям»[2]).

Такова практика Комитета в области регулирования заработной платы. Никаких изменений в эту практику переворот 9 термидора не внес. Закрепощение сельскохозяйственных рабочих началось еще в эпоху якобинского террора, и Комитету оставалось только развить и дополнить систему мероприятий, призванных обеспечить за имущими слоями деревни дешевый и изобильный труд.

Попробуем теперь, в порядке экскурса, установить, какой эффект имела эта политика Комитета. Припомним, что Комитет установил две реквизиции общего порядка — реквизицию сельскохозяйственных рабочих и реквизицию всех земледельцев, всей крестьянской Франции. «Земледелец» должен был получить нужные ему рабочие руки, а город и армия должны были получить нужный им хлеб. Именно так ставился вопрос в официальных бумагах Комитета. На самом деле деревня осенью 1794 года, конечно, должна была испытывать сильнейший нажим. Это признавали и комиссары Конвента. «Военные реквизиции выполняются беспорядочно... земледелие страдает от этого»,—пишет Дельбрель, комиссар Пиринейской армии[3]). В практике Комитета встречаются примеры такого нажима[4]). Кроме того, самое пагубное действие оказывал развал ассигнационного обращения, отбивавший

---

[1]) Recueil des actes T. XVI, p. 581. Ср. Тарле, стр. 433.

[2]) Там же, Т. XVI, стр. 557.

[3]) Там же, Т. XVI, стр. 277.

[4]) Ср. постановление комиссии торговли об обязательной экспертизе принимаемого зерна. Комиссия постановила платить за зерно низшего качества во столько раз меньше, во сколько оно по качеству своему будет уступать зерну первосортному. Рекомендуя полю-

у крестьян всякую охоту сдавать свой хлеб по ценам максимума. Урожай давно закончился, а с выполнением реквизиций обстояло очень туго. «Земледельческие работы прекращены,—писала комиссия торговли и снабжений 13 брюмера (3 ноября 1794 года),—и сейчас не существует никаких препятствий к осуществлению реквизиций, кроме простой небрежности или преступного эгоизма»[1]). Комиссия констатирует значительное опаздывание в исполнении реквизиций и издает подробную и настойчивую инструкцию национальным агентам, призывая их «напрячь все свои силы».

Таким образом, можно априорно предположить, что имущие слои деревни, широко воспользовавшись реквизированным трудом сельскохозяйственных рабочих, не очень склонны были в дальнейшем итти навстречу государству. Политика Комитета в отношении сельскохозяйственных рабочих только укрепила социально-экономические позиции кулацких элементов. Об этом чрезвычайно красноречиво говорит донесение члена Конвента Genissieu, комиссара в департаментах l'Orne и la Sarthe. Департаменты эти, по отзыву Genissieu, живут привозным хлебом, своего урожая не хватает для собственного прокормления. Между тем, «весь хлеб находится в руках небольшого количества богатых собственников или фермеров, всячески утаивающих свои запасы». Обычная отговорка их та, что собранного хлеба едва может хватить на прокормление семьи и на обсеменение. При этом они ссылаются на 6 параграф постановления Комитета от 12 вандемьера. Кстати сказать, о самом постановлении от 12 вандемьера[2]) нам пришлось уже упоминать при обзоре реквизиционных мероприятий Комитета. Пункт шестой этого постановления, обязывавшего всех земледельцев озаботиться своевременным привлечением молотильщиков, изымал из-под действия постановления всех земледельцев, не могших рассчитывать на какие-либо хлебные излишки, сверх количества, нужного для собственного прокормления и обсеменения. Именно этот пункт постановления, по словам Genissieu, и дал зажиточным крестьянам повод уклоняться от выполнения реквизиции. «Большая их часть заявляет, что у них нет никаких излишков, сверх самого необходимого, а на самом деле запасает хлеб для того, чтобы продавать его по ценам выше максимума. Они ничего не возят на рынок и даже отказываются продать столько хлеба, сколько нужно, чтобы в течение декады прокормить их несчастных соседей. Вот что из этого получается: какая-нибудь четверть общего числа обитателей двух департаментов имеет запасы на целый год или на 8—10 месяцев и смотрит совершенно равнодушно на страдание остальных трех четвертей, обреченных на муки голода и тщетно ожидающих помощь из более производительных департаментов... Народ жестоко страдает»[3]). Представители местных властей сами принадлежат к числу богатых

бовную сделку с крестьянином, комиссия все же ввела и арбитраж эксперта, назначаемого национальным агентом. Такая система вряд ли могла располагать крестьян к своевременному выполнению возложенной на них повинности. Recueil. T. XVII, стр. 305.

[1]) Там же, T. XVII, стр. 176.

[2]) Там же, T. XVII стр. 176.

[3]) Там же, T. XVII, стр. 667—668.

собственников и не склонны давать примеров исполнения действующих законов. «Во имя гуманности и принципов равенства» комиссар Genissieu настаивает на принятии срочных мер. По его мнению, нужно пересмотреть пункт 6 постановления от 12 вандемьера и во всяком случае отсрочить его выполнение, так как положение жителей департамента de l'Orne, по его мнению, ничуть не лучше того положения, в каком находился год тому назад Париж.

Мы остановились так подробно на донесении Genissieu потому, что оно проливает необычайно яркий свет на экономический быт французской деревни осенью 1794 года. Конечно, мы не знаем, до какой степени можно обобщить впечатление Genissieu. Он сам подчеркивает, что вверенные ему департаменты находятся в несколько особом положении, они не принадлежат к числу департаментов, вывозящих хлеб. Однако, можно предположить, что там, где сельскохозяйственная буржуазия располагала большими резервами хлеба, там, где товарность сельского хозяйства была более развита, чем в департаментах Orne и Sarthe, там и социальная дифференциация должна была быть более глубокой и острой. Правда, может быть, середняцкие и бедняцкие слои деревни и были застрахованы от голодовки, но зато тем интенсивнее должно было итти обогащение имущей верхушки деревни.

Одним словом, мы имеем возможность установить, что и в этой области переворот 9 термидора сам по себе не создал никакого резкого разрыва в деятельности Комитета. Декрет 11 прериаля послужил отправной точкой целого ряда мероприятий, усиливших в конечном счете сельскохозяйственную буржуазию. Основные тенденции в политике Комитета всецело восходят ко временам господства Робеспьера.

VI

На ряду с рассмотренными нами вопросами экономической политики Комитета остается еще одна большая область, не попавшая в наш обзор. Мы подразумеваем область военного хозяйства. Военное снабжение, продовольствование армий, фураж, производство военного снаряжения — все эти вопросы постоянно рассматривались Комитетом. Мы не видим, однако, и тут никаких отступлений от практики, установление которой восходит еще к 1793 году. Этот общий фон военно-организационных мероприятий, вне которых трудно понять целый ряд существеннейших моментов экономической политики французской революции, в то же время сам по себе не сообщает еще определенной социальной окраски отдельным ее периодам. Существеннее будет отметить некоторые моменты из политики Комитета в области покровительства промышленности, в особенности там, где протекционизм Комитета перерастает рамки собственно военной промышленности. Примеры такого протекционизма дает постановление Комитета от 28 термидора (15 августа), которым предписывается национальному казначейству выдать некоему гражданину Mical, ведущему торговлю табаком и шоколадом, субсидию в сорок тысяч ливров «для того, чтобы он был в состоянии продолжать

свою торговую деятельность»[1]). Такое же покровительство было оказано гражданам Le Maire и братьям Auziéres, получившим «аванс» в шестьдесят тысяч ливров для устройства часового дела в департаментах Doubs и Jura. Можно насчитать и еще несколько подобных примеров.

Сами по себе эти разрозненные и довольно случайные мероприятия Комитета могут заинтересовать нас лишь постольку, поскольку в них угадывается переход к определенной системе покровительствования по отношению к промышленности и торговле. Мы еще увидим, что именно осенью 1794 года поставлен был вопрос о возрождении торгово-промышленной жизни, и что постановка этого вопроса означала начало определеннейшего сдвига в экономической политике революции. На фоне строгой, административно-политической традиции, совершенно не затронутой событием 9 термидора, всплывают какие-то новые веяния, подготовленные зреющей консолидацией буржуазной реакции. Эти веяния очень ярко запечатлены в постановлении Комитета от 14 вандемьера (5 октября) 1794 года. Во введении к постановлению Комитет констатирует, «что наступило время поднять торговлю республики, расширить все отрасли национальной промышленности, усилить внешние и внутренние торговые сношения, обеспечить ввоз и вывоз, заставить процветать мануфактуры и средства обмена»[2]). Для того, чтобы достигнуть реализации этой программы, Комитет решается окружить комиссию торговли и снабжений «блеском всех знаний и талантов, способных доставить ей точные сведения как о самой республике, так и о торговле иностранных держав».

Очень характерен социальный облик носителей «знаний и талантов», призванных образовать род совещательной коллегии при комиссии торговли. В Совет комиссии призвано было всего 10 человек. Из них 2 купца (négociant), 4 фабриканта (один из них, некий Dupré из Carcasonne, определен точнее как фабрикант сукон), 1 банкир, 2 земледельца (agriculteur) и 1 чиновник[3]). Преобладание в Совете обеспечивалось, как видно, за торгово-промышленной буржуазией, и в этой апелляции к капиталу были, несомненно, моменты некоторого сдвига в социальной психике правящего слоя. Поэтому нам и будет удобнее обратиться теперь к рассмотрению того, как понимались задачи экономической политики в среде победившей 9 термидора коалиции. Не претендуя на полноту изложения, приведем несколько, наиболее характерных, наиболее типических, на наш взгляд, суждений.

VII

Вопрос о системе максимума был впервые, после переворота 9 термидора, поставлен перед Конвентом 11 фруктидора (28 августа) в докладе, сделанном от имени комитетов земледелия, законодательства и общественного спасения депутатом Eschasseriaux. Речь шла о пересмотре закона 11 сентября 1793 года и о согласовании его с декретом Конвента от 8 мессидора

---

1) Recueil. T. XVI, p. 110.
2) Там же, T. XVII, стр. 230.
3) Там же, T. XVII, стр. 230—231.

II года Республики. Декрет этот, изданный перед началом «урожайной кампании», содержал постановление общего порядка о реквизиции хлебных излишков для нужд раеспублики и ее армии [1]), при чем в нем заключался решительный отказ от той системы репрессивных мероприятий, какая была установлена в законе 11 сентября. Закон этот, предписывая всем земледельцам или землевладельцам «сделать заявку о количестве и качестве собранного ими зерна и указать отдельно то зерно, которое осталось у них от пред'идущих урожаев» [2]), предусматривал в то же время производство обысков «на дому у граждан, не сделавших заявки», и конфискацию утаенной муки и зерна у лиц, «не сделавших заявки в недельный срок или подавших неверные сведения». Закон прямо вменял в обязанность муниципальных властей производство домашних обысков для проверки заявок. Урожай 1793 года и был собран, в значительной степени, благодаря жесткой репрессивной политике по отношению к крестьянству, располагавшему хлебными излишками. Об этом свидетельствует такой тонкий и наблюдательный человек, как известный контрреволюционный публицист Mallet du Pan. «Администраторы, выполнявшие распоряжение Комитета о реквизиции зерна и муки, — пишет Mallet du Pan, — обнаружили в большинстве случаев крупный дефицит по сравнению с тем количеством хлеба, какое нужно было для обеспечения годового потребления. Зная, что дефицит этот является результатом злоупотреблений и упущений, и что существуют утаенные запасы, комитет распорядился произвести вторичный учет урожая (recensement) через посредство революционных агентов, и тогда дефицит исчез...» [3]).

Так обстояло дело в 1793 году. В мессидоре 1794 года, еще в эпоху Робеспьера, в связи с общим поворотом направо, примеры которого нам уже пришлось приводить в нашем очерке, решено было отказаться от прежней репрессивной политики. Этот отказ мотивировался общим политическим успокоением внутри Республики. «Вы должны теперь, — говорил депутат Eschasseriaux, — смотреть более спокойными глазами на деревню, принесшую столько жертв и давшую столько свидетельств наполняющих ее чувств» [4]). По декрету 8 мессидора учет предстоящего урожая должен был быть произведен на основании заявлений, поданных всеми земледельцами и землевладельцами. Заявления эти должны были быть прочтены в особом собрании граждан, созываемом после окончания учета. Проверка заявлений имеет место только в том случае, если то или иное заявление окажется подозрительным, и производится особо на то уполномоченными членами генерального совета коммуны.

Об обысках в декрете 8-го мессидора нет и помину. И это ослабление аппарата революционного воздействия на имущее крестьянство лучше всего подчеркивает социальные сдвиги якобинской диктатуры весной и летом 1794 года. Поэтому-то было бы глубоко ошибочным искать какой-либо

---

[1]) Moniteur. T. XXI, p. 75.
[2]) Н. Лукин. Революционное правительство. Стр. 186, 187.
[3]) Mallet du Pan. Mémoires et corresp. T. II, p. 29.
[4]) Moniteur. T. 21, p. 75.

отзвук 9-го термидора в тех заявлениях, какие сделал Eschasseriaux в заседании 8-го фруктидора II года Республики. Он критиковал закон 11 сентября, исходя из основных положений декрета 8-го мессидора, установившего, по его отзыву, «более мягкие, более справедливые формы учета». Высказавшись против репрессивных мероприятий, предусмотренных законом 11 сентября, Eschasseriaux счел нужным подчеркнуть, что в некоторых пунктах комитет всецело остается на почве, созданной этим законом. В частности, по мнению Eschasseriaux, таким неприкосновенным пунктом является максимум. «В законе 11 сентября,—сказал Eschasseriaux,—содержится постановление принципиального характера, возникшее под давлением определенных обстоятельств и в котором революция до сих пор не перестает нуждаться. Это максимум. Мы решили не касаться максимума, потому что он фиксирует в законе, установленном самой революцией, уровень народных потребностей и стоимость главного из всех продуктов питания. По соображениям справедливости и политики Конвент должен сохранить те максимальные цены, какие были установлены в законе 11 сентября... Но, граждане, определяя соотношение между трудом и продовольствием, охватывая единой справедливостью и земледельца-производителя и потребителя, мы должны всегда следить за тем, чтобы закон не игнорировал промышленность (l'industrie), оплодотворяющую и обогащающую нашу родину»[1]. Точно так же Eschasseriaux отстаивает неизбежность и пользу реквизиций, «организованных в умело направляемую и регулируемую систему». В частности он высказывается за создание широко разветвленной сети государственных складов зерна и муки, ссылаясь при этом на пример древнего Рима. Он также защищает запрещение каких-нибудь торговых сделок с хлебом за пределами рынков, мотивируя это запрещение опасностью спекулятивных сделок и развития подпольной торговли. Не входя в дальнейшие подробности, отметим только, что в конце августа правящая группировка была далека от мысли о возможности немедленной отмены максимума. Совсем наоборот. В заседании 21 фруктидора (7 сентября) выступил председатель комитета торговли и снабжений Villers с проектом декрета о продлении действия закона 29 сентября 1793 года. Соответственный проект был утвержден комитетом еще в заседании 19 фруктидора[2]. Villers дал краткую мотивировку проекта. Он напомнил собранию, что истинной причиной максимума была «необходимость наложить узду на алчность» (cupidilé mercantile). Максимум, по мнению Villers'a «внес отчаяние в сердца заговорщиков и успокоил народ»[3]. В виду того, что срок действия закона 29 сентября истекал в сентябре 1794 года, Villers предложил Конвенту продлить его еще на один год. Дальше Villers сказал буквально следующее: «Ваш комитет очень хотел бы иметь возможность предложить вам полную

---

[1]) Moniteur. T. XXI, p. 527.

[2]) Это было первое заседание Comité de commerce et approvisionnements, организованного согласно декрету 6-го фруктидора. Gerbaux et Schmidt. Procés verbaux des comités d'agriculture et de commerce. T. IV, p. 421.

[3]) Moniteur. T. XXI, p. 694.

отмену максимума, но предоставлять слишком большую свободу торговле— это значит обнадежить спекулянтов; не наступил еще счастливый момент доверить частной предприимчивости благосостояние республики, для этого нужен мир внутренний и внешний... Однако, если максимум необходим для обеспечения народного продовольствия, то опытом целого года доказано, что его легко можно усовершенствовать. Комитет ждет необходимой информации, чтобы затем предложить вам меры, способные, смягчив его применение и восстановив нужное соотношение между купцом и потребителем, привести к общему благоденствию» [1]).

Конвент без прений продлил действие закона 29 сентября 1793 года еще на один год, т.-е. до 1 вандемьера IV года. Доклад Villers'а не вызвал никаких возражений, никаких замечаний. А между тем уже намечалась постановка тех общих вопросов экономической политики, какие с неизбежностью подготовляли принципиальный пересмотр проводившейся до сих пор системы.

28-го фруктидора (14 сентября) правый термидорианец Edme Petit внес в Конвент проект, запрещавший употребление в самом Конвенте и по всей Республике каких-либо партийных кличек. Пункт 5-ый его проекта несколько неожиданно вменял в обязанность комитетов земледелия, торговли и финансов представить проект мероприятий, способных вернуть свободу торговле и уменьшить цены на предметы первой необходимости. Обсуждение проекта Petit вызвало ряд характерных заявлений представителей термидорианской коалиции. Cammbon нашел, что пришла пора подумать о внутреннем положении Республики, о торговле и продовольствии. Bourdon (de l'Oise) предпочел говорить намеками. «Наши братья американцы, — говорил он, — обошлись без реквизиций, без максимума». Впрочем, он тут же заявил; что самые ошибки, допущенные в этой области, следует благословлять, потому что они спасли Республику. «Раны, нанесенные нами земледелию, излечимы,» [2]) — добавил Bourdon.

Из предложения Petit прошел в результате один только пятый его пункт. «Клянемся,—воскликнул Bourdon,—заняться этими большими вопросами. Этим путем мы возродим Республику, этим путем мы восстановим единодушие в наших рядах!»

После Bourdon'а слово взял Cambon. Cambon — левый термидорианец, руководитель всей финансовой политики Революции, примкнул к высказавшимся до него ораторам. «Граждане, — заявил он, — долгое время заговорщики стремились к унижению торговли, так что в народных обществах звание негоцианта, ремесленника (artisan), купца было достаточным основанием для занесения в проскрипционные списки; настало, наконец, время вернуть этой отрасли национальной промышленности то уважение и поддержку, какие она в праве ожидать от справедливого правительства. Я прелагаю вам громко провозгласить, что согласно великим принципам справедливости, составляющим существо республиканского режима, вы окажете покровитель-

[1]) Ibidem. p. 695.

[2]) Moniteur. T. XXI, p. 763.

ство торговле и собственности» [1]). Таково in extenso заявление Cambon'a. Из цитаты нашей видно, насколько не точен биограф Cambon'a Bornarel, утверждающий, что в заседании 28-го фруктидора Cambon воспользовался случаем, чтобы потребовать отмены максимума [2]). Bornarel явно не уловил смысла выступления Cambon'a. Этот последний, как и другие представители термидорианской левой, просто затруднялся указать программу каких-либо конкретных мероприятий и потому ограничился рассуждениями общего порядка. Настоящий поворот наметился у Cambon'a несколько позже. Правда, Cambon мог решительно защищать, как он это сделал в заседании 27 фруктидора, покупщиков национальных имуществ и резко высказываться против всякого проекта раздачи их бедным, однако отсюда до требования отмены максимума было еще достаточно далеко [3]). Пожалуй, более решительно выступал все в том же заседании 28-го фруктидора один из представителей болота Camboulas. Он подчеркнул, что «девизом торговли во все времена оставались свобода, безопасность и покровительство». По его мнению, самое действительное средство к оживлению промышленности состоит в предоставлении всем земледельцам и купцам гарантии против произвольных арестов. «Если вы хотите заметного под'ема в торговле, то освободите ее из-под того угнетения, под которым она сейчас находится» [4]). В ответ на это выступил Merlin (de Thionville), указывавший на то, что требуемые гарантии уже даны, и сославшийся при этом на декрет 18-го мессидора (19 июля), предоставивший свободу арествованным земледельцам [5]). В том же духе говорил Thuriot, нашедший, что гарантии торговле даны в законе и общественном спокойствии. Он оптимистически заверял собрание, что Комитет Общественного Спасения предвосхитил его пожелания и «блюдет интересы торговли».

На этом и закончилась дискуссия 28-го фруктидора. Очень характерна, на наш взгляд, ссылка Merlin'a на закон 18-го мессидора, подчеркивающая преемственность основных линий экономической политики. Ведь закон 18-го мессидора принят был почти за три недели до падения Робеспьера! Но интересно отметить, что начало усиленных забот о торговле также восходит ко временам якобинского режима. Мы уже отмечали проявившееся в законе 18-го мессидора ослабление аппарата революционного воздействия, но еще раньше, 12-го жерминаля (11 апреля), был упразднен институт комиссаров по надзору за перекупками (comissaire aux accaparements) и смягчен самый закон против скупщиков от 26 июля 1793 года, — так например, обязательная заявка о количестве имеющихся товаров была сохранена только для оптовиков, были смягчены наказания за перекуп. По определению A. Mathiez'a, «Комитет стремится внушить доверие торговцам... В порядке дня стоит покровительство торговле». Далее, по словам Mathiez'a, комиссия снабжений

---

1) Moniteur T. XXI, p. 764.

2) F. Bornarel. Cambon et la révolution francaise. P. 1905, p. 328.

3) Ср. Arnaud. Cambon. P. 1926, p. 258.

4) Moniteur. T. XXI, p. 764.

5) Там же, стр. 184; Лукин. Революц. правительство. Стр. 142.

поощряет вывоз предметов роскоши, приобщает к своим операциям профессиональных торговцев, гарантирует их от доносов, доверяет им заграничные поручения, стремится укрепить вексельные переводы, чтобы уплатить расходы, сделанные от ее имени [1]). Все эти факты имеют место еще ранней весной 1794 года. 26-го жерминаля (15 апреля), через десять дней после казни дантонистов, Сен-Жюст произносит речь от имени правительственных комитетов, в которой «красной нитью проходит мысль о необходимости удовлетворения буржуазии» [2]). «Нужно обеспечить все права, гарантировать все приобретения (подразумеваются — приобретения национальных имуществ)» — утверждает Сен-Жюст [3]). У Сен-Жюста намечено также излюбленное термидорианцами противопоставление спекулянтов — виновников ажиотажа—честным купцам. «Купцы,—говорит Сен-Жюст,—перестали запасаться необходимым, они даже боятся делать это, потому что торговля погружена в частые перемены, делающие ее непрочной и угрожающие их благосостоянию» [4]). Принятый по его докладу декрет об общей полиции Республики включил статью 24, гласившую: «Комитет Общественного Спасения будет поддерживать, посредством ссуд и премий, работу фабрик и мануфактур, разработку копей, осушение болот; он будет покровительствовать промышленности и поддерживать взаимное доверие между торговцами; он будет давать авансы купцам-патриотам, доставляющим продукты по максимальным ценам. Он гарантирует парижским купцам-импортерам неприкосновенность ввозимых ими товаров; он будет защищать свободу передвижения грузов внутри страны и не допустит никаких нарушений общественного доверия» [5]).

Все это свидетельствует о том, что и в этой области термидорианцы, на первых порах, только продолжали политику социального сдвига весны 1794 года. Мы не имеем возможности останавливаться подробнее на этом моменте. Нам важно только зафиксировать тесную преемственность в экономической политике двух этапов революции, разделенных переворотом 9-го термидора. Думается, однако, что приведенные сопоставления могут быть небесполезны при анализе движущих сил самого термидоровского переворота.

Между тем, дискуссия, завязавшаяся 28-го фруктидора, имела свое продолжение.

30 фруктидора (16 сентября) на трибуну конвента поднялся депутат Blutel и от имени комитета торговли и снабжений [6]) сделал обширный до-

---

1) Annales Historiques de la Rev. Fr. № 19, p. 56. Статья Mathiez'a „La réorganisation du gouvernement révolutionnaire".

2) Я. М. Захер. Сен-Жюст. Стр. 29.

3) Buchez et Roux, T. 32, p. 305.

4) Ibidem, p. 306.

5) Ibidem, p. 325, 326. Цит. по Захеру, стр. 30. Mathiez. ук. статья, стр. 56. У Лукина (ук. соч. стр. 128) этот важнейший § декрета 27-го жерминаля опущен.

6) Комитет рассматривал проект Blutel'я в заседаниях 24 и 28 фруктидора (заседания 6-ое и 8-ое). В протоколе находим обычное, суммарное упоминание о ведшейся вокруг проекта дискуссии. Gerbaux et Schmidt. Op. cit. pp. 438, 443.

клад, посвященный «общим размышлениям о торговле». Впервые в этом докладе проводилась мысль о том, что политика «свергнутых тиранов» могла иметь непосредственный экономический эффект. Blutel даже прямо заявил, что «слишком долго голос комитета торговли заглушался гибельными махинациями тиранов» [1]). Дальше он коснулся «неосуществимой химеры о равенстве имуществ» и перешел к обоснованию той мысли, что «одна торговля может удовлетворить потребностям родины». «Подымем торговлю, подымем промышленность!—восклицал Blutel. «Конечно,—признался он,—в торговлю вкрались кой-какие злоупотребления, низкие спекулянты спекулировали на народном бедствии», но «не будем больше смешивать честного коммерсанта с жадным перекупщиком. Пусть первый будет поощрен, в то время как второго пусть поразит национальное правосудие»...

Нас, впрочем, должны заинтересовать не эти общие места в докладе Blutel'я, а проект декрета, внесенный им в Конвент от имени комиссии. Проект этот предусматривал разрешение ввоза во Францию промышленного сырья, необходимого для работы французских промышленных предприятий. По проекту импортируемое сырье освобождалось от реквизиций и от права преимущественной покупки со стороны правительственных органов. Общеизвестным представляется тот факт, что отсутствие сырья, в особенности сырья, доставлявшегося обычно из-за границы, было одним из главных факторов промышленного кризиса, переживавшегося Францией в 1794 году. «Максимальная таксация,—пишет Е. В. Тарле,—нанесла тяжкий удар всей обрабатывающей промышленности, вследствие естественно ускорившегося оскудения рынков сырья» [2]). Проект Blutel'я носил, конечно, компромиссный характер. Строго говоря, он вообще не затрагивал вопроса о максимуме, а между тем кризис сырья был вызван именно тем обстоятельством, что «покупать за границей по рыночной цене и продавать во Франции по фиктивной «максимальной» не было никакой возможности» [3]). Тем не менее, даже в таком виде, проект Blutel'я прошел не сразу. Член Конвента Thuriot указал на то, что среди сырья (matieres premières), о котором говорится в проекте, находятся такие предметы, как железо, пенька и многие другие, необходимые государству, и что сосредоточение их в руках «частников» было бы делом опасным и нежелательным. После этого обсуждение проекта было отсрочено до 26 вандемьера (17 октября). В этот день проект был представлен вторично, при чем докладчик Girot, секретарь комитета торговли и снабжений, указал на то, что за время, протекшее со дня первого рассмотрения декрета, «мотивы, его обусловливавшие, еще усилились, число петиций, направляемых в комитет, еще увеличилось, и в полной мере выявилась необходимость в срочном порядке притти на помощь бездействующим отраслям промышленности» [4]). После этих заявлений Girot декрет был принят без всяких дальнейших возражений.

---

[1]) Moniteur, T. XXI, p. 779.

[2]) Тарле, ук. соч., стр. 433.

[3]) Там же, стр. 351.

[4]) Moniteur, p. 268.

Вернемся, однако, к дискуссии, начатой в Конвенте 28-го фруктидора. В заседании 2-й санкюлотиды (18 сентября) с пространнейшей речью выступил один из представителей болота Isoré. Основное его положение свелось к следующему: «свобода торговли бесспорна, но эта свобода должна защищать наиболее честных купцов, следующих максимуму, правилам торговли и своей совести». Но самый максимум Isoré принимает лишь наполовину. Максимум подрывает доходность предприятия, поскольку он, при фиксации цен на фабрикаты, не может учесть стоимости сырья. От максимума часто выигрывает «нечистая совесть». Ажиотаж, оставив денежные операции, направляется на предметы первой необходимости. Точно так же и реквизиции допустимы лишь тогда, когда, благодаря им, доставляются предметы, которые нельзя найти, по максимальным ценам, в обычном торговом обороте. Особенно разорительны реквизиции для нужд армии.

Критика максимума у Isoré показывает, что он выступает защитником интересов промышленной буржуазии. В конце концов, максимум принес «кой какие облегчения», но он «подорвал рвение фабрикантов», постольку зачастую издержки производства, цены на сырье и заработная плата не покрываются ценой фабриканта, фиксированной согласно закона. По мнению Isoré, землевладелец, ремесленник и рабочий ничего не могут проиграть в результате максимума. Зато должны жестоко пострадать все люди, живущие на ренту. Корень всего зла Isoré находит в дороговизне сырья, совершенно не учтенной ставками максимума. Однако, несмотря на это, Isoré далек от того, чтобы предлагать полную отмену максимума. Максимальные цены на с'естные припасы должны быть сохранены. «Максимум на зерно и муку должен быть сохранен впредь до заключения мира. Точно так же должна быть урегулирована оплата труда на общественных работах, нужных Республике». Максимум на хлеб вполне соответствует максимуму на общественные работы—оба носят действительно революционный характер, оба выполняются во имя общего блага [1]). Но этим и исчерпывается сфера применения максимума. Isoré выступает против таксации заработной платы. Цель максимума «не может заключаться в том, чтобы изнурять рабочего, работающего по найму. Не может одна часть граждан подчинить максимуму другую часть, работающую на нее, поле должно быть свободно и труд должен принадлежать всем. Перед рабочим должна стоять всегда только одна преграда — это любовь к родине... никто не имеет права фиксировать его труд... но он будет виновен, если использует время, предназначенное труду, для того, чтобы убеждать своих сограждан добиваться его ставки» [2]). В заключение своей речи Isoré предложил проект декрета, подтверждавший таксацию цен на зерно, муку и фураж и упразднявший все остальные виды максимума.

Проф. Е. В. Тарле отмечает, что мнение Isoré «из всех высказывавшихся в 1793—1794 г.г. единственное, в котором рекомендуется не таксировать заработной платы»)[3]). Тем не менее, по существу дела, Isoré меньше

[1]) Moniteur. T. XXI, p. 797.
[2]) Moniteur. T. XXI. p. 797.
[3]) Тарле, ук. соч., стр. 338.

всего думает об интересах рабочего класса. Сохранение максимальных цен на хлеб должно, по его мнению, поставить решительный предел возрастанию номинальной заработной платы рабочих. Isoré и в голову не приходит, что рабочему может понадобиться что-нибудь, кроме хлеба. Между тем, интересы промышленной буржуазии защищены у него полностью, при явном игнорировании интересов крестьянства и имущих слоев деревни и при недостаточном учете интересов буржуазии торговой. (Isoré даже не желает говорить о морской и внешней торговле). Впрочем, никакого обсуждения его доклада не последовало, и тем самым рассмотрение проекта было отложено.

Между тем экономические вопросы всем ходом событий ставились в порядок дня Конвента. На следующий день после Isoré экономическими вопросами занялся правый термидорианец Dubois-Crancé. Сделал он это, по собственным его словам, во исполнение постановления от 28-го фруктидора. Впрочем, дальше рассуждений самого общего порядка он не пошел. «Говорить ли мне о Нанте, о Бордо, о Ниме, о Монпелье, о Марсели, о Руане, о Лориане, о Париже?—докламировал Dubois-Crance.—Повсюду торговля уничтожена, потому что всякий, принимавший участие в обмене хозяйственных благ, расматривался, как подозрительный или как перекупщик... преследовали не только аристократов, преследовали всех богатых, всех тех, чья фортуна приводит в действие таланты и промышленность народа. Их грабили и умерщвляли под именем аристократов»[1]). Никаких практических предложений по части экономической он, однако, не внес.

В то время, как в Конвенте стали подыматься единичные голоса, открыто отстаивавшие интересы торговли и промышленного капитала, самый Комитет остерегался выступать с какими-либо предложениями новаторского характера. Характерен для тогдашних настроений Комитета доклад Robert Lindet, сделанный им в заседании 4-й санкюлотиды (20 сентября 1794 года). Доклад посвящен общему положению Республики, но в нем содержится краткая характеристика состояния отдельных отраслей народного хозяйства. «Торговля Франции, — докладывал Lindet, — представляет сегодня зрелище обломков и руин: имел место настоящий заговор против торговли, и Робеспьер стремился уничтожить ее в конец. Дух разрушения пронесся над Францией и поразил в одно и то же время земледелие и торговлю; он разрушил шелковые мануфактуры и положил конец культуре тутового дерева, составлявшей главную опору южных департаментов. Он экспортировал за границу наши масла, чтобы подорвать отечественное мыловарение»[2]). Сравнительно благополучно обстоит дело с земледелием. Оно «сделало большие успехи, невероятные усилия, но и оно нуждается в помощи». Дальше следует краткий очерк положения дел в отдельных торгово-промышленных центрах. Торговые города, вроде Лиона (Commune—Affranchie), Марсели, Бордо, Нанта разорены. Суконное производство Седана пало. Но как преодолеть экономический кризис? Никаких конкретных указаний на этот счет Lindet, в сущности, не дает, тем более далек он от мысли о ревизии максимума. По-

[1]) Moniteur. T. XXII, p. 6.
[2]) Moniteur. T. XXII, p. 21.

жалуй, единственным конкретным пожеланием Lindet остается всяческое поощрение национального экспорта. Кроме того, он подчеркивает необходимость политически-правовых гарантий, в которых могла бы развиваться торговая и промышленная деятельность [1]).

Не только Комитет, но и отдельные представители термидорианцев, выступавшие в Конвенте, избегали еще прямо ставить вопрос о максимуме. Так, 5-го вандемьера (29 сентября) большую речь в Конвенте держал Legendre. Он также подробно обрисовал экономическое положение Франции. Констатируя, что «торговля больше не существует — в результате злоупотребления реквизициями и открытой войны, об'явленной фабрикантам и купцам, считавшимся врагами Республики» [2]), Legendre, в противоположность Lindet, смотрит пессимистически и на положение земледелия, которое он считает «парализованным» и в частности на осенний урожай. Никаких попыток пересмотра максимума Legendre не дает, хотя он попутно резко критикует систему реквизиций.

4-го вандемьера (25 сентября) Конвенту пришлось заслушать еще одно предложение касательно оживления торговли, принадлежавшее депутату Bonguyod [3]). Bonguyod предложил проект декрета в 16 статьях. Меры, выдвинутые им для возрождения торговли и промышленности, чрезвычайно примитивны. Так, он проектировал учредить праздник в честь промышленности и выставить промышленные орудия в храме законов. Обращая внимание на сырьевой кризис, Bonguyod предлагал предоставить в распоряжение комиссии торговли особый фонд для закупки сырья и технического оборудования, нужных для производства сукон. Сырье должно было приобретаться предпринимателями по ценам максимума. Ничего принципиально нового Bonguyod в дискуссию не внес.

Между тем комитеты решили создать совещательную коллегию при комиссии торговли. Об этом мероприятии нам уже пришлось говорить в первой части нашего очерка. Постановление комитетов было доложено 9-го вандемьера (30 сентября) Конвенту. Любопытно, что докладчик, все тот же Eschasseriaux, счел нужным подчеркнуть классовый смысл предложенного мероприятия. «Вы внушите, — говорил Eschasseriaux, — доверие иностранным купцам, вы внесете это доверие в сердца всех тех, кто здесь, в самой Франции, занят торговой или промышленной деятельностью» [4]). Мы уже говорили, что «собрание талантов», окружившее комиссию, состояло сплошь из представителей торгово-промышленной буржуазии.

Помимо дискуссии общего характера, Конвент в сентябре месяце принял целый ряд постановлений, в которых так или иначе сказывались новые тенденции его экономической политики. Особо следует упомянуть о мерах, принятых к восстановлению Лиона, сопровождавшемуся частичным возмеще-

---

[1]) По докладу Lindet, Конвент поручил своим комитетам рассмотреть вопрос о свободном экспорте предметов роскоши, при условии соблюдения системы компенсационного баланса.

[2]) Moniteur. T. XXII, p. 80,

[3]) Ibidem T. XXII, p. 93.

[4]) Moniteur. T. XXII, p. 125.

нием и восстановлением конфискованной собственности. Тем не менее, и тут мы не обнаруживаем никакой решимости, никакого вполне созревшего решения. Наоборот, еще в самом начале ноября последовали обсуждение и принятие двух постановлений, заново фиксировавших и максимум и реквизиции. Проект, касавшийся реквизиций, был внесен в Конвент 4-го брюмера (25 октября). В докладе, зачитанном Eschasseriaux при внесении проекта, подчеркивался временный характер реквизиционной системы, обусловленный обстоятельствами военного времени. «Правительство оказалось вынужденным создать оружие для того, чтобы снабжать нацию, находящуюся в состоянии революции и войны с внешним врагом» [1]). Земледелец, фабрикант, собственник — все одинаково подпали действию реквизиций, но Eschasseriaux остерегается предложить Конвенту полную отмену реквизиционной системы. Он подчеркивает, что реквизиции сами по себе неизбежны, можно только улучшить их организацию. Сообразно с этим и предложенный проект уничтожал «неограниченные реквизиции», подчеркивая в то же время самый принцип, согласно которому любой предмет мог быть об'явлен под реквизицией. Право реквизиции, согласно проекту, предоставлялось только комиссии снабжений. Между внесением проекта и окончательным его утверждением прошло почти 3 недели, так что под конец он был утвержден в один день с проектом новых ставок максимума на зерно, хлеб и фураж [2]). Этот последний был внесен на рассмотрение Конвента 14-го брюмера (14 ноября). Докладчиком выступил Lindet. «Ваши комитеты — начал он — колебались между преимуществами и неудобствами максимума. Они изучали вопрос о возможности установления единообразного максимума для всей Франции» [3]). Констатируя неравномерное плодородие французской почвы, Lindet последовательно приходит к отрицанию единого максимума. «Установив единый максимум, вы не достигли вашей цели. Вы хотели поощрять земледельца, давая ему возможность возместить свои расходы, повысив цены на хлеб: на самом деле результат был совершенно противоположный». Затем Lindet признает, что в комитетах поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения максимума. Но «когда были подсчитаны текущие потребности данного года, когда вскрылись махинации ажиотажа, спекулянтов и может быть даже аристократов», тогда вопрос решился сам собой. «Отмена максимума означала бы невозможность какого бы то ни было урегулирования цен, какого бы то ни было обуздания жадности; она принесла бы недовольство народа, которое ничем нельзя бы было рассеять... Все эти соображения заставили ваши комитеты предложить вам сохранить закон о максимуме, фиксируя цены на более справедливой основе». В основу новой расценки зерна, муки и фуража Lindet предложил

---

[1]) Ibidem. Т. 22, p. 375.

[2]) Первоначальный проект об'единял в одном декрете максимум и реквизиции. Он был принят Комитетом торговли еще 21-го фруктидора 17-го сентября, (по докладу Eschasseriaux, Gerbaux et Schmidt. Op. cit. p. 423). Проекты, внесенные в Конвент, резко отличаются от первоначального текста, принятого комитетом. Так, первоначально предполагалось сохранить модус исчисления максимума на хлеб, зерно и фураж, установленный в законе 21-го сентября 1793 г.

[3]) Moniteur. T. XXII, 424. Lindet с 21 вандемьера был председателем комитета торговли и снабжений (Gerbaux et Schmidt. Op. cit., стр. 481).

положить цены 1790 года, увеличив их наполовину. Таким образом, к хлебу применялся тот принцип исчисления максимальных цен, который еще декретом 29 сентября 1793 года распространен был на все предметы первой необходимости и на заработную плату.

Lindet сразу же зачитал проект декрета. Но тут выступил Tallien и потребовал отсрочки обсуждения. В его речи чувствуется приближение распада проблемы регулирования цен, имея в виду интересы земледельца, равно как и интересы потребителя. «Мне говорят, — заявил Tallien — что нельзя отсрочить голод, я же думаю, что нельзя отсрачивать ни одну из насущных потребностей народа, и если максимум только увеличивает затруднения, то его надо отбросить (курсив наш). Я требую отсрочки для изучения этого вопроса» [1]).

Выступление Tallien'a было первым ударом, нанесенным максимуму. Его поддержал депутат Beffroy, а за ним выступил сам Cambon. Выступление его очень характерно. Правда, и тут Bornarel явно предвосхищает события, полагая, что «Cambon с большой энергией потребовал упразднения Комиссии снабжений и максимума» [2]). Эта интерпретация речи Cambon'a по меньшей мере произвольна. Вот что на самом деле говорил Cambon: «Открывая дискуссию по проекту Lindet, следовало бы поговорить и о самом максимуме. Когда правительство имеет что продать, оно совершает продажу по ценам максимума, и тогда другие лица при перепродаже наживают огромные проценты. Так, например, какао, захваченное в качестве приза на вражеских судах, продается в морских портах по 18 су за ливр и перепродается затем в Париже по 18 франков. Мы продаем по справедливым ценам и покупаем втридорога... Максимум не соблюдается, и правительство платит все издержки». Далее Cambon указывает на развращенность чиновников и продолжает свою речь в таких словах: «Настало время изучить потребности Республики и причины вздорожания с'естных припасов, нужно посмотреть на это дело серьезно, и если тут и придется принести кой-какие жертвы, никто от них, конечно, не откажется... Невозможно, чтобы и впредь государство оставалось торговцем (il est impossible que le gouvernement soit commerçant). В свое время мы были очень счастливы, имея возможность принять какое-нибудь дезорганизаторское мероприятие. Эти мероприятия не были рождены в недрах Конвента; они вызваны были всевозможными петициями. В то время не уставали повторять, что собственность есть не что иное, как право пользования, что Республика может обойтись без иностранцев, являющихся сплошь аристократами и тиранами» [3]). В заключение Cambon потребовал прекращения борьбы между правительственным учреждением (он подразумевал Комиссию снабжений) и интересами частных лиц. Как бы ни фантазировал на этот счет Bornarel, Cambon с его необычайно подчеркнутым требованием уважения к собственности (он говорил в том же заседании: «чем бо-

---

1) Ibidem.

2) Bornarel, op. cit., p. 329.

3) Moniteur. T. XXII, p. 425.

лее вы будете уважать собственников, тем больше будет у вас покупателей национальных имуществ») [1]) был все же далек от четкой Tallien'овской постановки вопроса. Cambon в своей речи, что называется, ходит вокруг да около, в то время как Tallien берет быка за рога и требует упразднения максимума. Нам кажется, что в данном случае сказалось начавшееся к тому времени охлаждение между левыми и правыми термидорианцами. Быстрый темп перерождения термидорианской правой делал ее лидеров естественными застрельщиками всяких контрреволюционных мероприятий. Однако, не следует переоценивать возможное их расхождение в вопросах экономической политики. По крайней мере, Cambon во многом был ближе Tallien'у, чем Lindet.

Вернемся теперь к нашей дискуссии. Победа на этот раз осталась за Lindet. 17 брюмера проект декрета вернулся в Конвент, очевидно, после новой проработки в Комитете Общественного Спасения. Крупнейшей уступкой крестьянству, предусмотренной в проекте, было то, что цены 1790 года увеличивались наполовину, а не на $^1/_3$, как это имело место, согласно закону 29 сентября 1793 года, по отношению ко всем предметам первой необходимости. Конвент внес некоторые изменения в проект Lindet, еще более подчеркнувшие смысл сделанных уступок. В заседании 17 брюмера Réal предложил увеличить цену на хлеб, по сравнению с ценами 1790 года, в 2 раза для сорока южных департаментов и в 1½ раза—для сорока пяти северных департаментов [2]). Roux выступил против установления двух различных ставок. Конвент принял предложение депутата Dartigoyt'а и постановил увеличить цены 1790 года на $^2/_3$. В таком виде декрет и был принят 19 брюмера (9 ноября) с тем дополнением, что цена за квинтал пшеницы по новой расценке не должна была быть меньше 16 ливров. Вводная часть декрета 19 брюмера включила, между прочим, и несколько положений общего характера. Одно из них гласило: «Обстоятельства не позволяют отменить максимум. Неограниченная свобода хлебной торговли приведет к повышению цен, вызовет всеобщие нарекания, поставит под угрозу существование $^2/_3$ всего населения и станет постоянным источником беспорядков» [3]).

Месяц ноябрь стал, как известно, поворотным пунктом в истории термидорианской реакции. Закрытие якобинского клуба — 12 ноября (22 вандемьера) и возвращение жирондистов — 8 декабря (18 фримера) знаменовали начало новой политической эры. Процесс социального перерождения термидорианцев близился к концу. Мелкобуржуазные лидеры, атаковавшие 9 термидора робеспьеристскую фракцию, становились знаменосцами крупной буржуазии. Изменившееся соотношение общественных классов должно было в декабре 1794 года привести к резкому разрыву со всей экономической систе-

---

[1]) Moniteur. T. XXII, p. 427.

[2]) Ibidem, p., 456. У Фалькнера („Бумажные деньги“, стр. 304) предложение Real'я передано в искаженном виде.

[3]) Moniteur. T. XXII, p. 470. Следует также отметить значительное смягчение кар за нарушение максимума.—Главная кара—штраф, в первый раз в одинаре, во второй—в двойном размере и т. д.

мой якобинской диктатуры. Но если рассматривать первые 4 месяца реакции, как единое целое, если признавать за этим периодом значение самодовлеющего этапа, имеющего свои очень характерные, очень специфические, ему одному присущие черты,—то какое же впечатление должно составиться у нас об экономической политике четырех осенних месяцев 1794 года?

Прежде всего, нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры. Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9 термидора, ближе к весне 1794 года. Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов, в значительной степени, восходят ко временам диктатуры «неподкупного». Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и вызревают тенденции, получающие полное свое развитие только к самому концу 1794 года.

Затем, наш период, отмеченный в политике состоянием неустойчивого равновесия борющихся сил, отличается необычайной осторожностью и половинчатостью в постановке основных вопросов экономической политики. Ослабляя пружины революционного правительства, идя на крупнейшие уступки сельскохозяйственной буржуазии, правящие круги вынуждены поддерживать принцип максимума и реквизиций. Слишком сложен переплет социально-политических отношений, слишком неясны настроения страны, слишком гнетущи потребности армии, чтобы можно было итти напролом, и только реставрация жиронды, только приход к власти крупной буржуазии определяют судьбы максимума. Он падает — так же, как он возник, как продукт сложной социальной и политической борьбы, как продукт борьбы классов [1]).

---

[1]) Для нашей темы чрезвычайно важно установить, как реагировали на основные вопросы экономической политики группировки, не представленные в Конвенте, как, в частности, оформлялась оценка максимума в классовом самосознании отдельных социальных слоев. Анализ этих вопросов должен составить предмет особого очерка и предварить попытку разрешения проблемы классовой сущности закона о максимуме.

С. Куниский

Жорес-историк

(Окончание [1]).

XVII. Классовая борьба

Жорес воспринимает классовую борьбу, как неизбежного, но неприятного спутника исторического процесса. Жорес вообще любит иногда заменять об'ективный анализ конкретной исторической действительности довольно шаткими конструкциями, в которых условный и гипотетический элемент играют значительную роль. Он заменяет искомое желаемым, и в данном случае это находит свое выражение в том, что вместо классовой борьбы он стремится подставить гармонию классовых интересов. Жорес неутомимо подчеркивает, что именно отсутствие такого единства интересов было одной из основных причин гибели революции.

«Революция погибла,—пишет он,—не благодаря пролитию революционной крови, но благодаря раздорам мысли и конфликтам совести, которые сделали неизбежным хирургическое вмешательство палача. Революция сделалась добычей диктатора не вследствие того, что все эти великие люди были обезглавлены, а и з-з а и н т а г о н и з м а» [2]).

В соответствии с своей собственной политической практикой Жорес концентрировал внимание на тех революционных движениях масс, которые имели наиболее широкую социальную базу, где классовые противоречия, следовательно, находились в эмбриональном состоянии.

Такие «широко-народные движения» спасли «единство революции», и именно в них Жорес усматривал двигательную силу ее. А между тем в действительности дело обстояло как раз наоборот: чем раньше вскрывались завуалированные прежде противоречия, чем скорее класс в лице его авангарда осознавал своих будущих противников, тем больше шансов на успех имела его тактика. Короче говоря, успешность движения, с точки зрения наиболее последовательно-революционного класса, находится в обратно-пропорциональном отношении к длительности сохранения союза с классами, об'ективно не заинтересованными в доведении революции до конца. Жоресу такое понимание было чуждо, он старался доказать, что революция могла победоносно развиваться только там, где элементы классовой

---

[1]) Начало см. в №№ 2 и 3.

[2]) См., напр., оценку Жоресом исторического значения движения 31 мая — 1 июня в VII томе, стр. 450.

борьбы были сведены до минимума и где налицо, следовательно, было единство классов[1]). Он не останавливался и перед тем, чтобы навязать событиям свое понимание, совершенно не соответствовавшее их существу, но находившееся в соответствии с мировоззрением автора.

Последнее, как было указано выше, отличалось эклектичностью: ход исторических событий, по мнению Жореса, определяется не только столкновением классовых интересов, но и игрой «человеческих страстей». Жорес наблюдает гигантский процесс революции во всей его широте, он видит выступления масс, столкновения партий, борьбу отдельных людей между собой, но он не умеет сводить всего этого к первооснове. На кипящей и бурлящей поверхности революции он видит массы, партии, людей, но он не хочет видеть за ними общественных классов, которые оформляют их исторические функции.

Именно поэтому, как я уже отмечал выше, Жорес так охотно употребляет термин «народ», когда говорит о массовых революционных движениях; в очень редких случаях он чувствует необходимость дифференцированного анализа этих масс или народа с точки зрения их классового состава. И это — не случайность, а органически вытекает из всей исторической методологии Жореса. То же самое в отношении внутрипартийной борьбы, которая занимает такое исключительное место у Жореса. Партии как будто оторваны у него от их социальной базы, и партийная борьба приобретает самодовлеющее значение; последняя не является функцией классовой борьбы, а имеет внутреннюю логику своего развития. Благодаря этому партийная борьба в изображениях Жореса получала иногда какой-то мистический и механический характер, ибо оставалось совершенно неясным, что собственно стимулировало ее: источники ее развития были как бы скрыты внутри ее самой, и она как бы искуственно изолировалась от всей остальной социальной жизни. Если же Жорес и привлекал для об'яснения моменты, лежащие за пределами партийной борьбы, то это бывали моменты личного порядка, и таким образом он принижал большие социальные процессы до уровня личных дрязг.

XVIII. Концепция Жиронды

За примером ходить не далеко. Достаточно взять одну из наиболее драматических страниц в истории революции — борьбу Жиронды и Горы. Как Жорес об'яснял эту борьбу? Он дает на этот вопрос очень недвусмысленный ответ, который я приведу раньше в общей принципиальной форме, а потом частной, конкретной. «...В истории есть не только классовые битвы, есть также и борьба партий. Я утверждаю, что, помимо экономического средства или антагонизма, на поверхности истории образуются страсти и интересы, которые оспаривают друг у друга господство и которые вызывают весьма большие потрясения... ...Вот настоящая причина борьбы между Жирондой и Горой. Она заключается не в социальных про-

[1]) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr. Edition Mathiez, t. VIII; p. 354–355.

тиворечиях, а в могуществе наиболее общих человеческих страстей, честолюбия, гордости, тщеславия, эгоизма власти»[1]).

Таким образом, тот совершенно бесспорный факт, что история делается людьми, которые вносят в нее все психические моменты, свойственные им, дает повод Жоресу построить идеалистическую и по существу ничего не об'ясняющую концепцию партийной борьбы Жиронды и Горы. Все эти «общие человеческие страсти», о которых пишет Жорес, являются той психической атмосферой, которая обволакивает все социальные отношения людей, и так же мало можно об'яснить из этой общей предпосылки отдельные факты истории, как мало можно из факта существования земной атмосферы об'яснить сложнейшие химические реакции, происходящие в органическом мире. Понятно, эти процессы были бы невозможны без существования воздушной оболочки земли так же, как не была возможна человеческая история без наличия людей с их психикой, но об'яснять сложнейшие явления природы или общественной жизни из этого достаточно примитивного и общего фактора совершенно невозможно. Наоборот, человеческая психика сама формируется под влиянием целого ряда общественных моментов. «На различных формах собственности и социальных условиях существования,—пишет Маркс в «18 брюмера», как будто специально против Жореса,—поднимается целая надстройка разнообразных специфических восприятий, иллюзий, типов мышления, мировоззрений. Каждый класс возводит и формирует эту надстройку сообразно своей материальной основе и окружающим общественным отношениям. Отдельный индивидуум, которому известный строй взглядов передается традицией и воспитанием, может, конечно, вообразить, что мотивом и исходной точкой его поступков как раз и являются эти восприятия, иллюзии и т. д.»[2]).

Как мы видели, Жоресу была совершенно чужда такая концепция, и неудивительно поэтому, что перед нами даже не ставится вопрос о социальной сущности партии жирондистов. Вы встретите у Жореса блестящие, искрящиеся остроумием характеристики Жиронды, но все они насквозь психологичны и захватывают только внешнюю сторону дела. Основное, в чем Жорес обвиняет Жиронду, это в разжигании классовой борьбы: именно благодаря этому она выродилась в котерию, в клику, и благодаря этому она и погибла. «Они (жирондисты) погибли,—пишет он,—они сделались отрицательной и парализующей силой, смертельной для национального и революционного действия, вследствие духа узкой партийности в смысле фракции и котерии»[3]).

Этот тезис Жорес со свойственным ему упорством проводит во всей своей истории революции. Когда Жиронда появилась на исторической арене, они не имели против себя сколько-нибудь серьезных политических противников. «Они, как молодые боги, двигались в промежутках миров, не встречая сопротивления»[4]). Группа блестящих, талантливых, но претенциозных,

---

[1]) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr., t. VII, p. 526—527.

[2]) Цит. по собр. соч. Маркса и Энгельса (изд. Госиздата 1921), т. III, стр. 160—2.

[3]) Jaurès, VII, p. 525.

[4]) Там же, стр. 526.

тщеславных и честолюбивых жирондистов сразу завоевала себе первое место. И вот, когда она уже привыкла блистать всеми своими добродетелями и талантами и властвовать над массами, когда она привыкла себя видеть единственной и непревзойденной на авансцене истории, тогда вдруг начала появляться новая могучая сила, имевшая свой центр в Париже, вокруг клуба якобинцев.

Отсюда Жорес начинает тянуть свою нить: по его мнению, Жиронда не могла перенести того, что ее политическая монополия подрывается, и основным стимулом ее тактики было стремление уничтожить влияние Горы и на этом нажить себе политический капитал. Жорес доказывает, что все важнейшие проблемы революции были об'ектом политических махинаций Жиронды, которые использовали их в своих узко-партийных целях. Жорес, который вообще вносил в свои исторические оценки много эмоциональных моментов, буквально ненавидел Жиронду за это интриганство, хотя он не щадит и якобинцев, но больше всего достается именно Жиронде.

Уже с первых дней существования Конвента жирондисты использовали знаменитые сентябрьские убийства против Горы. Своеобразие подхода Жореса к этому вопросу вскрывается с первых же его слов: «жирондисты не могли отыскать «организаторов» убийств, не становясь на опасный путь, не затрагивая парижского народа. С а м о е п р а в и л ь н о е б ы л о б ы с л е д о в а т ь п о л и т и к е ш и р о к о й а м н и с т и и и «н а б р о с и т ь п о к р ы в а л о». А о н и, н а о б о р о т, с т а р а л и с ь о б н а р у ж и т ь р а н у, р а с т р а в и т ь е е и н а в е с т и п а н и к у» [1]).

В этом отрывке концепция Жореса отразилась с поразительной отчетливостью. Она такова: Жиронда с неумолимой последовательностью шла к своей гибели, так как она «растравляла рану» партийной борьбы и не хотела «следовать политике взаимной амнистии». Весь Жорес здесь виден с ног до головы!

В таком же духе он рисует ожесточенные партийные схватки октября—ноября 1792 года, когда взаимные обвинения Жиронды и якобинцев достигли чудовищных размеров. Надо отдать справедливость Жоресу: главы, рисующие эту борьбу, представляют собой мастерское произведение одновременно тонкого аналитика и изумительного стилиста. Но вся тонкость этого анализа проявляется только в сфере чистопсихологического анализа борющихся сил, но не затрагивает классовых корней этой борьбы. Опять и опять Жорес повторяет, что и в эти месяцы конца 92 года Жиронда «предпочла целиком отдаться во власть своих невероятно честолюбивых стремлений ради удовлетворения своей легкомысленной гордости» вместо того, чтобы стать выше своих партийных интересов. «В этом, по мнению Жореса, великое историческое преступление Жиронды, и во искупление его ей пришлось погибнуть, скомпрометировав в то же время революцию» [2]). Все эти утонченные этически-психологические ламентации не дают в конце концов никакого действительного представления о тех реальных причинах, которые

[1]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“, т. III, вып. I, стр. 92.
[2]) Там же, т. III, в. VI, стр. 281.

привели Жиронду к падению, ибо «честолюбие, гордость и пр.» сопровождают партийную борьбу во всех странах и во все времена, однако, если мы все и всегда будем об'яснять этими психологическими моментами, то у нас не будет конкретного дифференцированного исторического анализа.

Анализ позиции Жиронды в вопросе об участи короля сводится к тому же. Апелляция к народу это — для Жиронды не более, чем ловкий маневр: собственно она никогда не была за референдум, она всегда против непосредственного вмешательства широких народных масс, она ненавидит Париж и секции именно за попытки последних влиять на политическую жизнь, она — пламенный сторонник представительного режима, который является противоположностью принципу референдума. По мнению Жореса, истинной причиной appel au peuple было то, что жирондисты хотели этим маневром погубить якобинцев. Им необходимо было противопоставить Париж департаментской Франции, посеять между ними семя раздора, вызвать гражданскую войну и этим уничтожить Гору.

Несмотря на свои свирепые позы, Жиронда хотела спасти короля, но не из жалости, а по своим политическим расчетам. Референдум должен был служить средством для осуществления этих расчетов, при чем каков бы ни был его исход, он, по мнению Жореса, должен был укрепить влияние Жиронды и ослабить якобинцев: с этой точки зрения это был очень искусный ход. Весь этот анализ Жореса очень удачен в том смысле, что он вскрывает всю неискренность аргументации жирондистов и показывает, что их свирепость по отношению к королю была такой же показной, как и жалость к нему, в которой их обвиняли якобинцы. Но Жорес не дает себе даже труда поставить в связь политику Жиронды в вопросе о казни короля с их реальными классовыми интересами. Не слишком ли поверхностно решает Жорес вопрос, когда он об'ясняет всю политику Жиронды в вопросе об уничтожении монархии их фракционной игрой?

Ту же линию ведут жирондисты во всех вопросах, которые стоят в порядке дня революции. Идет ли речь об организации революционного трибунала или о защите Дюмурье (до его измены) против слишком подозрительного Марата, или о концентрации власти, или о посылке 80 комиссаров в провинцию — всегда Жиронда ведет свою «узкую сектантскую политику» даже тогда, когда она по существу согласна со своим противником, которого ей, однако, нужно, во что бы то ни стало, доканать [1]).

Жорес не дает четкой характеристики классовой природы жирондистов, но он дает много материала для суждения в этой области. Он как будто вплотную подводит нас к этому вопросу, но сам не делает ясных выводов, ибо это чуждо его историческому методу. По целому ряду замечаний Жореса можно думать, что он считал Жиронду выразительницей интересов торговой буржуазии крупных портовых городов. Такое понимание можно встретить в тех главах, которые излагают колониальную политику революции (одна из наименее исследованных страниц ее, кстати сказать, проанализиро-

---

[1]) См. по этому поводу Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr., t. VII, pp. 153, 157, в особенности 158, 159, 160, 162, 163.

ванную у Жореса с большой тонкостью и обстоятельностью. Здесь наш историк утверждает с совершенной определенностью, что если фельяны связывали себя с интересами белых колонистов в Сан-Доминго, то жирондисты с большой добросовестностью защищали интересы негоциантов портовых городов, которые по отношению к колониальной буржуазии играли роль кредиторов. Между теми и другими была, однако, рознь на почве недобросовестности должников, и жирондисты стремились вогнать глубже клин в эту щель, выступая в Легислативе решительными противниками наглых предложений колониальных хищников, рупором которых был клуб в отеле Массияк, Барнав, братья Ламеты и другие фельяны.

В то же время жирондисты признают жизненную необходимость колоний для Франции, и в этом отношении они последовательно проводят интересы торговой буржуазии портовых городов. Они стараются обходить вопрос о рабстве в Вест-Индии, ограничиваясь больше декламацией на тему о возвышенных принципах революции, и исподтишка посылают войска для подавления восстания негров в Сан-Доминго. Они не решаются уничтожить рабства, но блага революции они тем не менее распространяют на мулатов и свободных негров. Все эти факты и множество других (см., например, изумительную по глубине анализа речь Бриссо о социальных отношениях и классовых противоречиях в Сан-Доминго[1]) дают богатый материал для решения проблемы социальной сущности Жиронды, но сам Жорес только ставит проблему и намечает контуры возможного решения ее.

В той же мере, в какой Жорес пытается решить вопрос, он то же слишком сужает социальную базу Жиронды, ограничив ее торговой буржуазией портовых городов (и то не всех) и это заставляет предполагать, что проблема классовой сущности Жиронды решалась им не в общей постановке, а только по отношению к данному конкретному случаю. Впрочем, и в других местах мы встречаемся с таким буквальным пониманием социальной сущности Жиронды, при котором она выставляется защитницей интересов своего департамента. Но в конце концов все это имеет у Жореса второстепенное значение для характеристики Жиронды.

XIX. Революционные войны

Отсутствие у Жореса классового анализа исторических явлений (точнее говоря, не отсутствие, а смешение материалистических и идеалистических моментов в анализе) вскрывается особенно ярко, когда он исследует вопрос о происхождении революционных войн. Основная мысль Жореса сводится к тому, что у Франции, собственно говоря, не было никакого интереса начинать войну. В войну ее втянули воинственные жирондисты, которые хотели сделать из нее внутреннее употребление. Революция, по мнению Жореса, переживала в момент об'явления войны глубокий кризис, замечалась всеобщая усталость и упадок энергии, нужно было подхлестнуть революцию, нужно было пустить основательную дозу возбуждающего нации, которая приходила уже в оцепенение — все это могла сделать только война.

[1]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“, т. II, стр. 160—163.

«Итак, Жиронда желала сделать из войны ужасный маневр внутренней политики», заключает Жорес. Этим она брала на себя «страшную ответственность» и «возникает вопрос о том, в праве ли была Жиронда начать эту необычайную игру» [1]. Больше того, Жорес берет на себя смелость утверждать, что иностранные государства в тот момент не хотели войны, а концентрация эмигрантов на границе Франции не представляла тогда никакой опасности. В таких условиях вина Жиронды вырастала до огромных размеров, и действительно, читая Жореса, выносишь впечатление, что она провоцировала войну.

«Я утверждаю, — пишет Жорес, — что в тот момент, когда Жиронда об'явила войну, она не могла верить и в самом деле не верила в то, что война была неизбежна, что Жиронда сделала все для того, чтобы вызвать войну» [2].

К таким же выводам приходит историк и в вопросе о войне с Англией. И здесь Жорес констатирует тот же факт: Англия не хотела войны; она была втянута в нее благодаря воинственной политике революции. У многих революционеров были преувеличенные представления о революционных возможностях в Англии. В частности, Жорес указывает на газету Прюдома «Парижские Революции», на Бриссо и Керсена, как на людей, которые сеяли опасные иллюзии о положении Англии. Жорес уже не винит одну Жиронду; воинственный психоз охватил все партии, при чем одна партия, боясь показаться перед другой трусливой или недостаточно патриотичной, еще больше раздувала воинствующую стихию революции.

В конечном счете по Жоресу выходило, что у Франции не было никаких особенных экономических стимулов, когда она начинала войну с Австрией, Пруссией и Англией, а все дело заключалось в фракционной борьбе и интригах. Эта концепция несостоятельна с разных точек зрения: не говоря уже о вековой вражде Франции и Англии, двух старейших торгово-капиталистических стран, из-за колоний, торговых путей и т. д., пламенные призывы Жиронды к войне вызывались не только маневренными соображениями, а имели за собой то довольно прозаическое соображение, что торговой буржуазии, интересы которой жирондисты чутко отражали, нужны были новые рынки сбыта и сырья (в конечном счете революционные и, в особенности, наполеоновские войны эту историческую задачу и выполнили). Жорес даже не ставит такой проблемы: для него весь вопрос о причинах революционных войн решается в рамках внутриполитической борьбы революции.

Необходимо еще констатировать то обстоятельство, что при обсуждении проблемы войны в Жоресе пробуждается его закоренелый пацифизм. Жорес раньше всего против войны вообще, и он против революционной экспансии в особенности. Уже указывалось, что одна из особенностей исторического таланта Жореса заключалась в том, что он не столько анализирует, сколько дискутирует и убеждает. Сначала он старается убедить, что война

---

[1]) Там же, стр. 121.

[2]) Там же, стр. 63.

не нужна была революции, а затем, когда война стала фактом, он протестует против Жиронды, которая хотела развязать стихию войны до конца. Вместо этого нужно было бороться с «предательскою, скрытною, парализовавшею все королевской властью. Законодательное Собрание уклонилось от этой ужасной проблемы, оно прибегло к огромной войне, подобно тому, как человек, мучимый грустью, ищет прибежища в буре для того, чтобы заглушить заботу, которой он не может прогнать, чтобы успокоиться от расслабленности, вызванной неразрешимым сомнением. А посредственный Мефистофель Жиронды (Бриссо. *С. К.*) подстерег этот момент внутренней усталости революции для того, чтобы побудить ее заключить договор о войне... Он (договор. *С. К.*) настолько прочен..., что даже величайшие мыслители, даже те, чьи сердца проникнуты чувствами миролюбия и братства, повидимому, не понимают, что можно было бы отделить революцию от войны» [1]).

Перед нами — идеология чистейшего пацифиста, но этот пацифист в то же время — историк, и очень талантливый историк. Поэтому живая историческая действительность навязывает ему часто такое понимание, которое противоречит общему его мировоззрению. Под давлением непреклонной логики исторических фактов Жорес вынужден сформулировать основную проблему внешней политики революции следующим образом: или революции нужно насильственными мерами навязать свободу народам, недостаточно созревшим для самостоятельного завоевания ее, хотя бы это противоречило принципу суверенности наций, или сама революция будет задушена тиранией в своем очаге. Tertium non datur и это прекрасно понимает Жорес: раз война началась, все равно из-за чего, то она неизбежно должна привести или к «революционной диктатуре Франции», или к гибели революции. «Завязавшаяся война была не войной народа против народа, а борьбой одной системы учреждений против другой» [2]).

Но если так, почему Жорес с такой силой протестует против того, что революция, не дожидаясь того, чтобы на нее напали, сама перешла в наступление, почему он так неодобрительно относится к Конвенту, который об'явил войну колеблющейся Англии: ведь в таких случаях только решительная тактика может спасти положение. Вся концепция Жореса проникнута свойственной ему двойственностью: война была неизбежна, но ее не надо было провоцировать, как это сделала Жиронда; начавшаяся война неминуемо должна была привести к революционной экспансии, но не надо было об этом говорить, и делать это надо было возможно осторожнее.

XX. Гора

Если в вопросе о войне Жиронда стоит в центре внимания Жореса, то и Гора не остается в стороне. Жорес констатирует нерешительную позицию Марата вначале; впоследствии он с Робеспьером выступал против

---

1) Там же, стр. 115.

2) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.", т. III, вып. II стр. 93.

войны. Но, когда пламя войны разгорелось, Жорес указывает на то, что и ясный ум Робеспьера не избежал затемняющего действия военного психоза.

Следует, вообще, сказать, что анализ Жореса в отношении якобинцев методологически ничем не отличается от анализа Жиронды. Жорес почти не дает анализа классового субстрата Горы, исключая некоторых беглых замечаний о том, что Робеспьер был связан с парижскими ремесленниками. Анализ Горы и якобинцев ведется больше в индивидуально-психологическом разрезе, поэтому они как целое не всплывают перед нами: Жорес составляет свою композицию из отдельных характеристик, поэтому у него получаются выпуклые образы, но не получается картины целого. Жорес утверждает, что социально-политические взгляды якобинцев не отличались оригинальностью и были очень близки к взглядам жирондистов. «Как в области действия, так и в области мысли,—пишет Жорес,—все великие идеи были формулированы и все великие прецеденты были созданы еще до падения Жиронды; и победоносная Гора не нуждалась ни в политической, ни в социальной изобретательности... ее великая обязанность, ее великая и действительно «святая» (святая Гора) задача заключалась в том, чтобы действовать, в том, чтобы спасти революцию энергичной концентрацией национальных сил» [1]).

Я уже неоднократно указывал на то обстоятельство, что Жорес вносит очень много эмоциональных моментов в свои суждения. В частности его концепции отдельных партий насквозь пропитаны такими элементами, это — одна из самых специфических черт Жореса, как историка. Поэтому нельзя обойти молчанием его личного отношения к ним, ибо оно все-таки составляет существенную часть его построений. Нельзя, например, не указать на то, что Жорес просто не любил Жиронду за ее хвастовство, мелочное интриганство, болтливость, самоуверенность и за другие мало симпатичные ему черты. Правда, когда дело доходит до 2 июня 93 года, Жорес в глубине души жалеет их, но он не устает указывать, что еще задолго до своей физической гибели они умерли духовно и что они сами подготовили свое падение своим неугомонным интриганством.

Наоборот, отношение к Горе совершенно иное: несмотря на педантизм и ригоризм, которые Жорес отмечает у некоторых якобинцев, он к Горе в целом относится с любовью. И хотя в отдельные исторические периоды Жорес относится к ней резко-отрицательно за ее нетерпимость и нежелание искать примирительных путей, но в основном он считает якобинцев главной движущей силой революции, и все его симпатии на их стороне (правильнее было бы сказать на стороне некоторых их представителей, ибо якобинцы чаще всего фигурируют у Жореса в лице своих крупнейших вождей). Когда после падения Жиронды Жоресу приходится сделать выбор между главными борющимися силами, когда он ставит перед собой вопрос — на чью сторону ему стать в той ожесточенной борьбе, которая началась в недрах революции, то он заявляет: «я не хочу дать всем этим борцам, которые меня спрашивают, уклончивый, лицемерный или трусливый

[1]) Jaurès. Hist. Soc. de la Rév. Fr., t. VIII, p. 135.

ответ. Я им говорю: здесь под этим июньским солнцем, которое освещает вашу суровую борьбу, я нахожусь с Робеспьером и сажусь возле него среди якобинцев. Да, я — с ним, потому что в этот момент он воплощает всю полноту революции» [1]).

Таким образом, на этом высшем этапе революции якобинец — Робеспьер, а не гебертисты и не бешеные, выражает основную линию революции. Наоборот, якобинцы ведут жестокую борьбу против гебертистов и бешеных, и Жорес считает, что историческая правда находится на стороне первых.

XXI. Гебертисты

К гебертистам Жорес чувствует отвращение, причем, как это свойственно ему, историческое и политическое осуждение их сопровождается у него и личным осуждением. Вот в каких презрительных тонах он характеризует их в момент борьбы Робеспьера с ними. «Против этой гебертистской партии, которая не имела ни социальной, ни религиозной программы, ни военной тактики, ни административной системы, ни мужества, ни человечности, и которая требовала только еще крови и безграничного развязывания военного бюрократизма и истощающей войны, Робеспьер боролся с силой, с какой-то удивительной смесью твердости и гибкости» [2]). Итак гебертисты рисуются Жоресу беспринципной кликой, для которой их социальная и религиозная программа является только маскировкой, дымовой завесой, за которой они хотят скрыть свое стремление к власти, свое честолюбие, свою трусость. Они борются против Комитета Общественного Спасения, но вовсе не потому, что у них есть принципиальные разногласия с ним, а потому, что им хочется захватить командные места. «Интеллектуальное и моральное убожество этого гебертизма, наглого и скрытного, высокомерного и ничтожного, было велико, он подстерегал Комитет Общественного Спасения, он строил ему козни, он стремился всеми средствами, раньше интригой, затем силой, захватить власть и конфисковать революцию» [3]). Мы здесь имеем дело с обычной концепцией Жореса, который всегда склонен итти по линии наименьшего сопротивления и охотно принимает внешние индивидуально-психологические формы партийной борьбы за их действительную классовую сущность. По этой же линии идет об'яснение борьбы гебертистов против бешеных: Гебер борется с Ру за наследство Марата, Гебер оспаривает у Ру влияние на парижские низы, Гебер хочет избавиться от популярного и потому опасного соперника — вот в какой плоскости вращается анализ нашего историка [4]). Вместо того, чтобы анализировать глубокие классовые пласты, которые являются единственной питательной средой для всей этой борьбы личных и групповых интересов, уходящих своими корнями глубоко под поверхность общественности жизни,

---

[1]) Там же, t. VIII, p. 178. Вообще следует обратить внимание на замечательные стр. 175—179; на нескольких страницах здесь дана в выпуклой форме филфосоия истории Жореса.

[2]) Там же, t. VIII, p. 299.

[3]) Там же, t. VIII, p. 288—9.

[4]) См. Jaurés. Hist. Soc. de la Rév. Fr. t. VIII, pp. 169—170, 173, 192—3.

Жорес ограничивается только анализом этих по существу чисто поверхностных явлений.

Таким образом, гебертисты не партия, а котерия, клика, связанная территориально с Парижем, желавшая гегемонии Парижа над Францией и потому об'ективно продолжавшая преступную федералистскую политику Жиронды [1]). Единственное, в чем гебертисты были, по мнению Жореса, последовательны — это в их милитаризме и империализме. Гебертисты захватили крупнейшие командные посты в армии, они требовали победоносной войны «jusq'au bout» и границ до Рейна, их представители в качестве революционных комиссаров затопили ряд городов в крови: вместо социальной и религиозной программы — беспринципная погоня за властью, соединенная с воинствующим империализмом и кровожадностью. Вот в каком виде рисует Жорес гебертистов, и в своей крайности он доходит до открытого обвинения их в бонапартизме: «Жирондизм, гебертизм, бонапартизм это — три связанных термина» [2]), таково заключение Жореса.

Однако, при всем том Жорес не может отказать Pére Duchesne'у в том, что в известные исторические периоды (накануне 10 августа 92 года, например) он отражал народную стихию. В некоторых местах Жорес даже как будто слабо намечает социальные контуры гебертизма: Père Duchesne защищает мелких лавочников против неразборчивого Жака Ру, который сваливает в одну кучу крупных негоциантов и accapeurs с мелким торговцем (les détaillans les boutiqiers). Но даже тогда, когда Гебер выступает в качестве рупора масс, он отвратителен Жоресу: он отмечает грубый и циничный язык газеты Гебера, и, даже указывая на его правоту, он не может не добавить: «грязный поток, извергаемый Гебером, вытекает из источника глубочайшей истины» [3]). Жорес умел ненавидеть исторически неприятных ему персонажей!

XXII. Бешеные

Совершенно иначе относится он к бешеным. Симпатии его целиком с ними, но он с сожалением вынужден констатировать, что для них время еще не пришло. Даже для тех слабых ростков коммунизма, которые встречаются у отдельных их представителей, Жорес еще не находит класса-носителя. Если гебертистов он квалифицирует, как котерию, то бешеных он определяет, как секту — для последних он находит более мягкие определения.

Однако, в то время, как гебертисты руководствуются в своей политической борьбе чисто личными мотивами, бешеные, по мнению Жореса, имеют в виду интересы широких парижских масс — они борются против спекуляции и дороговизны. Не говоря уже о том, что этот лозунг был лейтмотивом всей деятельности вождя бешеных, Жака Ру, даже виднейшие идеологи движения Доливье и Л'Анж (если только их можно причислить к

[1]) См. об этом там же. t. VIII, pp. 264—265, 290.

[2]) Там же, t. VIII, p. 295, см. стр. 298.

[3]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.", т. III, в. I, стр. 327.

бешеным) исходят при построении своих систем из той же необходимости— разрешить продовольственный вопрос.

В отношении последних двух Жоресу принадлежит большая заслуга, ибо он явился первым, который дал анализ их системы, при чем наиболее ценным является то, что он, по своему обыкновению, цитирует целые отрывки из их произведений, чрезвычайно редких и нигде не опубликованных [1]). Оценивая Доливье, Жорес приходит к тому выводу, что вся его система является несколько усовершенствованной формой аграрного закона, примерно, в том более прогрессивном его понимании, которое дал ему ранний Бабеф в своем письме к Купе. Несколько выше расценивает Жорес Л'Анжа, которого он признает прямым предшественником Фурье и про систему которого он пишет, что «это первый лепет социалистического мессианизма» [2]). Если говорить о движении бешеных в целом, то Жорес нигде не признает за ним каких бы то ни было социалистических тенденций: для бешеных характерен не Л'Анж и даже не Доливье, а Ру. Но последний не был ни коммунистом, ни социалистом, а просто своеобразным народником, в котором самым причудливым образом переплетались социальные и религиозные мотивы. «Этот странный священник, который, будучи спрошен в клубе Кордельеров о своем положении,—ответил: «исповедник больных», и который, будучи действительно призван нуждой и скорбью бедных женщин, разносил из хижины в хижину (de grabat en grabat) утешение, — экзальтацию и слова, в которых смешивались христианское всепрощение с народным бунтарством. Этот страшный мистик, атеист против церкви, анархист и христианин против буржуа, всегда революционер, готовый проклясть революцию, если она не оправдает своих целей; этот смутьян (homme déconcertant) взволновал больше, чем одно сердце» [3]).

Эта превосходная характеристика Жореса дает действительное представление об этом народном революционере, который является наиболее характерным выразителем всего движения бешеных.

Ру ввел в русло разбушевавшуюся народную стихию, он дал ей лозунг, он выразил все ее смутные чаяния в одной формуле, и в этом заключается, по глубокому убеждению Жореса, историческое значение этого человека и возглавляемого им движения.

«Как бы узка ни была социальная доктрина Ру,—приходит к заключению историк,—это была попытка систематизации народных жалоб и требований. И она не осталась без влияния на экономическую и финансовую политику революции» [4]).

---

[1]) Напр. „Исследования о первобытной справедливости“ Доливье или „Жалобы и представления пассивного гражданина гражданам активным“ (Plaintes et représentations d'un citoyen décrété passif aux citoyens décrétés actifs) или „Простые и легкие способы закрепить изобилие и справедливую цену на хлеб“ (Moyes simples et faciles de fixer l'abondance et le juste prix du pain) Л'Анжа.

[2]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“, т. III, в. I, стр. 262.

[3]) Jaurès, там же, t. VIII, pp. 26—8.

[4]) Jaurès, там же, t. VIII. p. 270.

Кто шел за этим движением? На этот вопрос Жорес дает очень четкий ответ: Ру опирался на ремесленников, и секция Гравилье, которая была так рыцарски верна своему вождю до его смерти, состояла почти сплошь из мелких ремесленников. Несомненно, что к бешеным примыкали и рабочие, которые впрочем по уровню своей классовой сознательности не подымались высоко. «Жак Ру защищал мелкую буржуазию и ремесленников против спекуляции сырьем и против конкуренции крупных купцов,—пишет Жорес,—так же, как он защищал пролетариев против дороговизны с'естных припасов» [1]). Все это приводит нас к выводу, что в анализе социальной сущности бешеных Жорес сделал несомненный шаг вперед от индивидуально-психологической интерпретации партийной борьбы к марксистской точке зрения.

XXIII. Характеристика буржуазных революционеров

Я уже отмечал неоднократно то исключительное значение, которое придает Жорес человеческой личности в историческом процессе, что совершенно естественно сказывается при изложении событий революции. Дело, однако, не в этом: история делается людьми и игнорировать их на том основании, что классы являются основной пружиной исторических явлений было бы по меньшей мере такой же бессмыслицей, как игнорировать при анализе физических явлений молекулу, на том основании, что мы непосредственно оперируем с материей. Только утрированный или окарикатуренный марксизм может представлять дело так, что в историческом процессе действуют только классы, а не люди. Жореса следует обвинять не в том, что он отводит слишком много места личности, а в том, как он эту личность трактует. Жорес как бы разрубает человека на две части: с одной стороны, он принадлежит какому-нибудь классу, с другой стороны, он субстрат определенных психических явлений. «Нет такой человеческой личности, пишет он, которая совершенно перестала бы быть человеком, чтобы стать исключительно представителем известного класса; к действиям, обусловленным непосредственными интересами, в бесчисленных центрах сознательной энергии примешивается не поддающаяся определению основа человечности, стародавних традиций и неясных стремлений» [2]). Беда Жореса заключается в том, что он не понимает того, что марксизм вовсе не отрицает значения таких факторов, как «стародавние традиции», которые иногда даже способны к самостоятельному действию, но дело в том, что в конечном-то счете все эти традиции и «неясные стремления» возникают на определенной общественной базе и потом действуют в атмосфере классового общества. Марксизм укладывает все эти эмоционально-психические факторы в железные формулы, а Жорес хочет их оставить с их бесформенными и смутными очертаниями для того, чтобы иметь потом возможность об'яснить какое-нибудь историческое явление какими-то подсознательными, потусторонними стремлениями человеческой души. Но именно эта бесформенность и неотчетливость чужда марксизму.

---

[1]) Jaurès. Hist. de la Rév. Fr., t. VII p. 49, см. также стр. 48.

[2]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“, т. I, стр. 597.

Индивидуальные характеристики буржуазных революционеров у Жореса прекрасны, они представляют большую ценность с художественной точки зрения: благодаря мастерскому перу автора образы врезываются вам в память, они выпуклы и полнокровны; но с точки зрения научной эти характеристики страдают глубоким внутренним из'яном: они оторваны от своей социальной классовой среды и потому в значительной мере висят в воздухе.

С другой стороны, совершенно очевидно, что суб'ективизм Жореса должен был сказаться в наибольшей степени именно при обрисовке отдельных действующих лиц революции. Это находит свое выражение в том, что Жорес ярко проявляет свои симпатии и антипатии по отношению к вождям революции. Вспомним его восторженное отношение (иначе его квалифицировать нельзя) к Мирабо [1]): Жорес ценит в нем его широкий ум, его огненную энергию, пламенное красноречие, его гибкость и примиренчество, его умелое лавирование между революцией и королем, его отчаянные попытки перебросить между ними мост, что, по мнению Жореса, могло при удаче предохранить революцию от бонапартизма. Он готов простить Мирабо его связь с двором, его взяточничество и авантюризм только потому, что все это мелочно по сравнению с его грандиозными планами: «великий трибун» стоял выше всего этого.

Однако Жорес умел ненавидеть и презирать. Рисуя вождей Жиронды, он обрушивается на них со всей силой своего темперамента. Он терпеть не может Бриссо, он его рисует, как доктринера и педанта, опрометчивого, вечно гоняющегося за славой и оригинальностью, постоянно колеблющегося в своей тактике между осторожностью и смелостью. Жорес презирает этого «самодовольного выскочку», для которого революция заключалась в интриганстве, в кляузничаньи и в мелких подвохах по отношению к своим политическим противникам [2]). Бриссо был больше всех виноват в том, что Франция была преждевременно втянута в войну, но он же первый начал бить отбой, когда война развернулась, так как испугался последствий той разнузданной стихии, которую он сам вызвал своей настойчивой воинственной тактикой.

Такого же типа характеристика Ролана. Это — ворчливый, ограниченный и докучливый старик, совершенно лишенный широкого взгляда на вещи, проявляющий невероятную заядлость и озлобленность в преследовании своих противников, весь наполненный «претенциозной напыщенностью и вздорной героической аффектацией», типичный старый добродетельный бюрократ, главным средством борьбы которого были инсинуации, «боязливый и недоверчивый администратор», которому, однако, импонировало и втайне льстило, что король так фамильярно и запросто беседовал со своим министром [3]). Этот человек ненавидел революционный и демократи-

[1]) См. начало статьи в журн. „Ист.-Маркс." № 2.

[2]) См. Жорес, „Ист. Вел. Фран. Рев." т. I, 226, 231, т. II. стр. 134, 164, 300, 364, т. III, вып. I, 16, 17, т. VI (по франц. изд. Матьеза), 364.

[3]) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев." т. II, 298—299, т. III, вып. I, 25, 58—59, 281, 282, 307

ческий Париж и пытался взвалить на него ответственность за все большие и малые «преступления» революции. Но он не меньше ненавидит и Робеспьера, на которого он доносит Конвенту по какому-то ничтожному поводу. Жорес обрушивается на Ролана: «Желчная, добродетельная болтовня бюрократа... Ролан усердно раздувает остывающий пепел, чтобы вызвать снова пламя гражданской войны... Кто смог бы заставить во время замолчать эту болтливую старую ворону, каркавшую, взгромоздившись на сук дерева свободы.

Этот печальный голосок, эти траурные перышки — сигнал к гражданской войне.

Каждый раз, когда этот человек говорит, а говорит он всегда, каждый раз, когда он жалуется, а жалуется он тоже всегда, разыгрываются бурные страсти, и революция начинает раздирать себя»[1]). Читая эти строки, можно подумать, что они написаны или современником Ролана против него, или, что Жорес это написал против своего современника, иначе нельзя понять, откуда у Жореса взялось столько едкого сарказма против человека, который является об'ектом его исторического исследования, но отнюдь не его непосредственным политическим врагом! Вся характеристика насквозь психологична и базируется на той своеобразной теории необходимости гармонии классовых интересов, которая была указана выше при анализе жоресовской концепции Жиронды («вина Ролана якобы в том, что он разжигал гражданскую войну»).

Таким же духом проникнута характеристика Бюзо, который рисуется, как существо ничтожное и полное сомнения. Бюзо — человек хитрый, неискренний и клеветник, его тактическая линия отличается постоянно двусмысленностью[2]), и весь он для Жореса олицетворение всех отрицательных сторон Жиронды.

Единственным исключением среди вождей жирондистов является Верньо, к которому Жорес относится с большой любовью. Больше всего он ценит в нем искренность, отсутствие интриганства, столь свойственного Жиронде, огромный революционный темперамент и исключительный ораторский талант. Все политические ошибки Жиронды (ошибки с точки зрения Жореса) Верньо добросовестно повторяет, но у него они не служат орудием фальшивых мелочных комбинаций и расчетов. Например, в вопросе о войне Верньо вел ту же воинственную линию, что и Бриссо, но у него она не служила поводом для борьбы с Горой. Или в вопросе об участи короля. Верньо проявляет совершенно искреннюю двойственность: он, по мнению Жореса, хотел искренно смягчения участи короля, открыто говорил об этом и предлагал для этой цели плебисцит, между тем как для остальных жирондистов плебисцит был только средством подставить ножку якобинцам... «Один момент гений Верньо поставил, козалось, все умы выше всяких

---

1) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“, т. III. в. I., стр. 308.

2) См. напр.—его позиция в вопросе о казни короля и appel au peuple: желая втайне спасти короля, он открыто боялся об этом говорить. Jaurés Hist. Soc. de la Rév. Fr., t., VI. pp. 308—310.

расчетов и комбинаций. Привилегией этого великого человека было то, что, когда он даже служил, или казалось служил узкой партии, он придавал столько благородства ее делу, что оно казалось господствовало над всеми партиями и смешивалось с самыми возвышенными интересами отечества и человечества»[1]. Таким образом, Верньо симпатичен Жоресу тем, что он как бы стоит выше духа узкой партийности. Не характерна ли такая оценка для самого Жореса?!

XXIV. Мелкобуржуазные революционеры: Дантон и Марат

Методологически отношение Жореса к вождям якобинцев ничем не отличается от отношения к жирондистским лидерам: тот же психологизм и суб'ективизм, то же отсутствие классового анализа. Но в рамках той же методологии подход Жореса к вождям двух партий различен. Якобинских вождей он расценивает высоко, он считает, что они выполнили огромную историческую задачу. Понятно, «их творение было ограниченно, но оно было велико. Они утверждали идею демократии во всей ее широте. Они первые показали пример большой страны, управляющейся и спасающей себя силами всего народа»[2]. Эти великие мелкобуржуазные революционеры импонируют Жоресу и, осуждая их за небольшие недостатки, он в целом их любит и становится на их сторону.

Одной из любимейших фигур революции был для Жореса Дантон. В нем он видел олицетворение огромной стихии революции. Жорес любил в Дантоне его грандиозный размах, его пафос, его «пыл страстей и энергию воли», которые, по глубокому убеждению историка, были гораздо нужнее, чем «узкая и малосильная добродетель»[3].

Жорес готов был простить Дантону его слабости, его нравственную нечистоплотность, которую он несомненно подозревал, он старался закрыть глаза на причастность Дантона к целому ряду грязных дел, факты, установленные с достоверностью известным французским историком Матьезом[4]. Жорес был восхищен Дантоном и не хотел знать (или не знал) ни о каких фактах, позорящих его. Даже тогда, когда позиция Дантона была явно контрреволюционной, Жорес ищет оправдательных мотивов для его тактики. Когда накануне своей гибели Дантон ведет политическую линию, которая является продолжением жирондистской линии, когда он, по уверению компетентного исследователя, основывающегося на свидетельствах Гара и Т. Ламета, ставил вопрос о мирных переговорах, об отмене максимума, о применении всеобщей амнистии, о возвращении эмигрантов, когда, следовательно, об'ективно Дантон и его последователи вели дело к реставрации монархии, тогда Жорес берет на себя смелость утверждать, что единственная вина Дантона заключалась в том, что он молчал в декабре

[1] Jaurès. Hist. Soc. t. VI, p. 317.
[2] Jaurès Hist. Soc. t. VIII, p. 414.
[3] Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев.“ т. II, стр. 302. и след.
[4] См. работы Матьеза: „Danton et la paix“ и „Autour de Danton“, где исследованы грязные проделки дантонистов и самого Дантона.

93 г., когда Камилл Демулен и Фабр Д'Эглантин плели нити своих интриг, в которых он якобы был не виновен. Жорес признает, что у Дантона не было в это время никакой четкой политической линии, но он не хочет согласиться с тем, что его позиция была по существу контрреволюционной.

В остальном Жорес считает Дантона одним из основных движущих начал революции. Он, например, признает исключительную роль Дантона в революции 10 августа и утверждает, что «этот решительный кризис разрешился не благодаря Жиронде, и не благодаря Робеспьеру, а благодаря революционному инстинкту народа и революционному смыслу Дантона»[1]. Дантон это — гениальный организатор национальной защиты, в этом деле сказался, по мнению Жореса, его исключительный ораторский талант, его кипучая энергия. Дантон не узурпатор, он не завоевывает себе свое исключительное влияние в Конвенте какими-нибудь плутнями или клеветой, он властелин душ, обаянию его гения подчиняются добровольно. Но самое большое достоинство Дантона заключается в том, что он не сеял розни, а наоборот стремился всегда и повсюду примирить партии, найти пункты примирения, сгладить противоречия: Дантон выступает, как неистовый глашатай оппортунизма и, по мнению Жореса, в этом — историческая заслуга его.

Совершенно иначе трактует Жорес Марата Правда, он и в нем констатирует бушующую стихию революции, но у Дантона она смягчалась его примиренческими тенденциями в то время, как у Марата, она выступала в резко оголенном и обостренном виде. «Неистовый» и неукротимый Марат не знал никаких компромиссов, он ни перед чем не останавливался, и если нужно было, то он обрушивался на народ, на парижские массы с гневными упреками, он никому не льстил, никому не делал поблажек. Понятно, что Жоресу не мог нравиться политический деятель такого типа, он был слишком угловат, он не был склонен к смягчению противоречий, а как раз, наоборот, он скорее раздувал их и потому он постоянно бывал одинок. «Даже среди монтаньяров он, видимо, был в одиночестве»[2], пишет Жорес о Марате уже после революции 10 августа. Приведя, наполненные отвращением и ненавистью по отношению к Марату, отзывы о нем Бодо и Гара, Жорес добавляет, с известным оттенком, я бы сказал, злорадства: «Марат был каким-то предметом общего отвращения в Конвенте»[3]. Этот последовательный и беспощадный политик, ведущий прямую классовую линию, не может нравиться Жоресу, который на историческом материале хочет доказать правоту своей оппортунистической, примиряющей тактики. «Беспрестанный гнев и непрерывное подозрение» Марата утомляют народ и делают его одиноким[4]. Марат не — герой Жореса.

Тем не менее Жорес высоко оценивает Марата. В особенности он отмечает у него замечательный дар глубокого проникновения в события и даже умение нащупать линию их будущего развития. Жорес находит в Ма-

---

1) Жорес „Ист. Вел. Фр. Рев.„ т. II, стр. 369.
2) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев." т. II, стр. 217.
3) Жорес. „Ист. Вел. Фр. Рев." т. III, в. I., стр 278.
4) Там же.

рате какую-то «смесь фанатизма с крайним реализмом»[1]. «Порою он поражает странною ясностью своих взглядов, изумительным совпадением своих невероятных предсказаний с невероятными событиями»[2], отмечает наш историк.

При внимательном чтении Жореса приходишь к тому выводу, что последний устанавливает известную эволюцию общей тактики Марата и даже некоторые изменения в самом психическом облике его. В первые 3-4 года революции мысль Марата была, по выражению Жореса, «как мрачное подземное пламя, пылавшее отчаянием и ненавистью». Его политическая позиция была проникнута исключительной классовой нетерпимостью, ибо он в этот период чаще всех других требует углубления революции и перевода ее на социальные рельсы, но, начиная с конца 1792 г., в особенности после 10 августа, начинается известный поворот в сторону модерантизма.

Раньше всего это находит свое выражение в том, что неистовый и вечно недовольный Марат встречает революцию 10 августа с большим энтузиазмом: его подозрительность как бы засыпает на время. Но вскоре его предостерегающий голос раздается опять: когда конфликт между Легислативою и Коммуной углубляется, то он обрушивается на первую с сосредоточенною яростью, при чем доходит до того, что 19 августа призывает в своей газете к избиению заключенных в Аббатстве. Именно это дало впоследствии повод его политическим врагам обвинять его в сентябрьской резне. Но что является наиболее замечательным, это то обстоятельство, что Жоресу удалось путем внимательного анализа Марата установить, что последний, раньше оправдывавший сентябрьские события, впоследствии дезавуировал их и стал говорить о «злосчастных событиях 2 и 3 сентября и о том, что они были спровоцированы контрреволюционерами»[3]. Это был второй приступ умеренности.

В начале октября Жорес опять констатирует (на основе анализа «Друга Народа» и выступлений в якобинском клубе) широту взглядов Марата, широкое чувство ответственности, появившееся у него, и мудрую и полную уверенности тактику[4]. Все это не случайно: во время прений по вопросу об участи короля Марат расходится с Робеспьером и Сен-Жюстом и требует открытого и с соблюдением всех формальностей суда для того, чтобы виновность короля была продемонстрирована перед всей страной: здесь Марат мало чем отличался от Жиронды[5]. В момент образования первой коалиции он требует поддержки клерикальной партии в Бельш против революционной. Наконец, перелом во всей политической позиции Марата обозначился, когда он со всем неистовством, свойственным ему, бросился в борьбу с бешеными, при чем особенно он обрушился на Жака Ру, против

---

1) Жорес, т. I, стр. 260.

2) Жорес, т. III, в. I, стр. 217.

3) См. Жорес. т. III, в. I, стр. 56, 288 и др.

4) Там же, стр. 300—305.

5) Jaurés. Hist. Soc. de la Rév. Fr., t. IV, pp. 262, 263.

которого он даже открыл кампанию в своей газете [1]). По удивительно меткому замечанию Жореса, Марат имел «бешеный темперамент на службе умеренной политики» [2]). Марат успокаивался, он постепенно входил в русло, и кто знает, что было бы с ним, если бы смерть не прервала его политический путь.

Смерть Марата (и это очень характерно для Жореса) не дает ему повода для общей оценки великого революционера с точки зрения его социальной значимости, а наводит его на размышления о том, что было бы с ним, если бы он остался жить. «Может быть, если бы он мог жить еще год, — гадает Жорес, — он помешал бы мрачным раздорам... Нельзя сказать наверняка, гильотинировал ли бы он гебертистов или сам был бы гильотинирован вместе с ними» [3]). Таким образом, если не считать нескольких беглых замечаний о том, что Марат глубоко влиял на бедноту и рабочих, Жорес не выясняет социальных корней Марата: эта сторона вопроса, по обыкновению, меньше всего интересует его.

XXV. Робеспьер

Было бы странным ожидать, что в отношении Робеспьера методологический подход Жореса изменится. И действительно, необходимо констатировать, что он совершенно не ставит проблемы классовой обусловленности политики Робеспьера и его последователей. Правда, в одном месте Жорес указывает, что Робеспьер не принадлежал к числу тех честолюбцев, которые из-за политических успехов перебегают из одного социального лагеря в другой: Робеспьер был и остался связанным с массой ремесленников и рабочих (manouvriers) [4]). Но, не говоря уже о том, что это замечание почти единственное, самая формулировка Жореса достаточно туманна и необоснована: чувствуется, что Жорес над этой проблемой не задумывался.

Однако, если отрешиться от этой стороны дела, надо признаться, что с точки зрения политико-психологической характеристика Робеспьера великолепна: лучшие стороны таланта Жореса отразились в ней. Как это ни странно, но этот, как будто, радикальнейший революционер Конвента рисуется Жоресом, как один из наиболее осторожных и осмотрительных политиков. В Робеспьере не было ни бурного темперамента Дантона, ни необузданной напористости Марата, он был сух и гибок и соединял в себе радикально-демократические убеждения с мудрым умением выжидания.

Робеспьер был демократом и последовательным учеником Руссо еще тогда, когда оставался монархистом. «У него была только одна идея: нация державна,—отмечает Жорес уже при первом знакомстве с Робеспьером.— Но он проводил эту единую идею без колебаний, без ограничений, не останавливаясь перед крайними выводами из нее» [5]). В известном смысле он шел

---

[1]) См. Jaurès Hist. Soc. de la Rév. Fr. t. VII. pp. 29—30, 33, 41—44, 152, 128 131, 139.

[2]) Там же, p. 32.

[3]) Jaurés. t. VIII, p. 191—2.

[4]) Jaurés. t. VIII. pp. 147—8.

[5]) Жорес. т. I, стр. 291.

даже дальше своего учителя, ибо требовал народоправства даже для таких больших государств, как Франция, только при условии большей концентрации власти. Именно потому, что он был выдержанным демократом, он не приходил в лицемерное негодование, когда выяснялось, что широкие народные движения сопровождались крайностями [1]).

Но особенно глубокие черты народности находит Жорес в той позиции, которую Робеспьер занял во время обсуждения проекта Камбона об уничтожении бюджета культов. Робеспьер был против этого проекта и мотивировал это необходимостью щадить даже предрассудки масс: другие якобинцы «как бы снисходят к народным предрассудкам», а Робеспьер «приспособляется к ним и готов спуститься до их уровня». «Заслуга его,—по мнению Жореса,—в том, что он сумел с нежной бережливостью подойти к народной душе и убогому сознанию бедняка» [2]). За эту черту Жорес готов простить много личных отрицательных черт Робеспьеру, которые он часто отмечает в нем: тщеславие, зависть, вражду, эгоизм, ужасающую бесчувственность ко всякому личному страданию и т. д. Жорес соглашается с Кондорсе, который писал о Робеспьере в своей газете от 9 ноября 92 г., что у последнего очень много черт священника и сектанта: исключительную нравственную чистоту и «страстное религиозное чувство жизни» он соединял в себе с «недопустимым притязанием на непогрешимость, гордостью узкой добродетели и тиранической привычкой прилагать ко всему мерки собственной совести» [3]). Нельзя оспаривать того, что эта характеристика Робеспьера очень метка и воссознает перед нами его образ с почти скульптурной выпуклостью.

Однако, Жорес не любил Робеспьера в особенности за то, что он сеял ненависть или, точнее говоря, за то, что он боролся. «Он боролся против всех: против Мирабо, против Дюпора, против Барнава и против Лафайета; против тех, которые старались затереть его, как личность, или высмеивали его, а также против тех, которые не признавали его глубокой веры в демократию; потом поднялись другие, с которыми также надо было бороться, которых надо было ненавидеть» [4]). Как странно слышать эти слова от Жореса, который сам умел ненавидеть, который был сам не чужд политической борьбы, но об'яснение заключается в том, что ему надо было доказать, что революция могла быть спасена только гармонией интересов, и он не мог одобрить Робеспьера, который не хотел подтвердить своей деятельностью правильность этого тезиса. С этой ненавистью Робеспьер соединял в себе пессимизм по отношению к общим задачам революции, ибо он видел со всей глубиной своего исключительно проницательного ума, что она не сможет разрешить социального вопроса. Поэтому он с такою осторожностью подходил к первым попыткам разрешения проблемы таксации, которая так или иначе должна была привести к вопросу о собственности [5]).

---

1) Ср., напр., его отношение к взятию Бастилии, т. I, стр. 217.

2) Жорес, т. III, в. I, стр. 188 и дальше.

3) Там же, стр. 191.

4) Жорес., т. III, в. I, стр. 129.

5) Жорес., т. II, стр. 269.

Такую же осторожную и выжидательную политику рекомендует Робеспьер за несколько дней до 10 августа: никаких революционных действий, спасение придет от решительного выступления Легислативы. Робеспьер,—и это Жорес постоянно подчеркивает,—фанатик легальности, и он хочет и здесь найти выход на путях законности. Он, вообще, не хочет брать на себя ответственности, он предпочитает критиковать, советовать, иногда выжидать. «Робеспьер не любил обязанностей, которые требовали решительности, где определенные действия влекут за собой определенную ответственность; он предпочитал роль советчика, где искусное равновесие фраз, остроумное сопоставление положений позволяют снять с себя прямую ответственность» [1]). Правда, история в конце концов наложила на его плечи огромное бремя ответственности; он при первой возможности (а эта возможность представилась, по мнению Жореса, после уничтожения фракций гебертистов и дантонистов) постарался вернуться к прежней неопределенной политике критика и советчика [2]). Жорес часто отмечает эту ловкую тактику Робеспьера. «Говорили, что в Робеспьере есть что-то кошачье, — пишет Жорес.—У меня соблазн сказать, что он ходит по краю ответственности, как кошка по краю крыши» [3]).

В особенности Жорес порицает в Робеспьере его якобы постоянные клеветнические выпады против различных деятелей революции, в особенности против его любимца Дантона. Он хочет представить дело так, что Дантон является невинной овечкой, которую постоянно обижает Робеспьер. Здесь необходимо отметить, что обвинение Жореса несправедливо, ибо Матьезом документально доказано, что все обвинения Робеспьера в точности соответствовали действительности, и что Дантон—вовсе не невинная оклеветанная овечка, а матерой волк, имеющий много пятен на своей совести.

Однако, если многое в Робеспьере не нравится Жоресу, то он все же не может не признать в нем одну из крупнейших исторических личностей. Следует отметить, что все отрицательное, что Жорес находит в Робеспьере, он относит большею частью к периоду его борьбы с Жирондой (этим он, повидимому, хочет подчеркнуть свое беспристрастие историка) и с Дантоном. Но дело меняется, когда робеспьеристы поднимаются к власти: в этот исторический момент Робеспьер подымается на необыкновенную высоту. «Его роль в этот период удивительна своей мудростью и твердостью. Он сознавал свою ответственность и знал, как опасна была задача. Он никогда не был демагогом» [4]). Когда нужно было, он умел итти «против течения», и если это было в интересах революции,—он шел против масс и ломал их волю: Жорес вспоминает, как пример, антивоенную политику Робеспьера весной 1792 г.

Хотя в своих речах он ставил всегда вопросы в общей форме, но ум его был конкретен, обвинения очень точны, указания существенны и опре-

---

1) Жорес., т. III, в. I, стр. 21.

2) Jaurès. Hist. Soc. t. VIII, p. 394.

3) Jaurès. Hist. Soc. t. VII, p. 118—119.

4) Jaurès. Hist. VIII, p. 150.

деленны. Он знал в деталях то, что делалось внутри стсраны и на фронтах, и неизменно держал живую связь с массами. Именно благодаря этим замечательным особенностям Робеспьера диктатура Комитета Общественного Спасения не выродилась в господство клики [1]).

Робеспьер сознает свою историческую роль; он предчувствует ту ужасную функцию, которую ему придется выполнить, это ему приходится бить направо и налево, «это ему приходится уравновешивать эшафот, он делается центром тяжести гильотины» и, истощенный работой, борьбой, заботами и болезнью, он чувствует, что силы его слабеют [2]). Но в этот исторически тяжелый и ответственный момент Жорес не оставляет Робеспьера; он его оправдывает, он вместе с ним. Историческая правда на стороне Робеспьера, по глубокому убеждению Жореса [3]).

Однако, только до поры до времени. После казни гебертистов и дантонистов Робеспьер должен был приостановить действие террористической машины. Он это мог и поэтому должен был сделать: в этом заключалась единственная возможность спасения революции. Необходима была политика революционного «успокоения», по выражению Жореса, нужно было стабилизовать революцию: ввести разлившуюся стихию ее в русло. Какими средствами возможно было осуществить этот спуск на тормозах? Жорес указывает две такие возможности: ликвидировать террористический режим и об'единить вокруг себя все революционные группировки. Это — старые, уже известные нам по прежнему изложению рецепты. Но, по мнению Жореса, Робеспьер не был способен их реализовать, и в этом заключалась причина его гибели и вместе с тем причина гибели революции. Робеспьер должен был создать вокруг себя атмосферу доверия, прекратить преследования провинившихся комиссаров. Вместо этого он ввел культ Верховного Существа и заставил Конвент принять ультратеррористический закон 22 прериаля. Правда, Матьез доказывает, что культ Верховного Существа существовал еще до господства Робеспьера и что в его создании участвовали одинаково как жирондисты, так и дантонисты и гебертисты. Матьез также устанавливает, что закон прериаля был принят еще раньше, и что противники Робеспьера (Бильо Варенн, Барер Колло д'Эрбуа) были в гораздо большей степени террористами, чем он сам. Таким образом, исторически Жорес, повидимому, не прав. В данной связи нам важно установить, как Жорес трактовал 9 термидора. Термидор не был для него исторически необходим; по его мнению, возможен был мирный переход на новые рельсы. Но остается неясным, означал ли бы этот мирный переход социальный status quo или же это было бы началом постепенного перерождения революционного правительства. Точнее говоря, было ли бы это капитуляцией или нет? Этот вопрос Жорес оставляет нерешенным, хотя склоняется, повидимому, ко второму решению.

---

1) Jaurés. ... t. VIII, p. 261—226

2) Там же t. VIII, p. 324—325.

3) Там же, t. VIII, p. 176.

XXVI. Заключение

Таков грандиозный труд Жореса. Я пытался показать, как этот большой историк, который занимался историей мимоходом, решал все важнейшие проблемы революции. Анализ исторического метода Жореса в целом и его концепций по отдельным вопросам истории революции приводит к выводу, который был сделан уже в начале статьи: все исторические конструкции Жореса проникнуты индивидуально-психологическим духом, среди которого встречаются кристаллы материалистического исследования.

Один из лучших знатоков истории революции во Франции, Олар, так отозвался о работе Жореса: «Наиболее удивительными являются не те недостатки, которые встречаются, но то, что в такое короткое время автор мог набросать не эскиз, а создать монумент, и монумент, который, несмотря на некоторые ошибки в выборе материала, является наиболее обширным, наиболее прекрасным, если я не ошибаюсь, из всех исторических монументов, воздвигнутых до сих пор французской революции» [1]).

Жорес удивительно умел подбирать нужный ему материал из речей, прессы, мемуаров, неопубликованных рукописей и т. д. Все отрывки, приводимые Жоресом, насыщены содержанием; чрезвычайное обилие цитат большей частью не утомляет, так как они неизменно связаны с общим планом работы. Документация Жореса чрезвычайно разнообразна, хотя не всегда достоверна: критика документов иногда не стоит у него на высоте. Олар, например, указывает на некритическое отношение к Archives Parlementaires, хотя Жорес возражает ему указанием на то, что он всегда сопоставлял Archives с сборником Duvergier, с Монитером и с коллекцией Portier de l'Oise. Очень тщательно использованы наказы, в особенности, в части, касающейся крестьян [2]). Очень внимательно изучена Жоресом пресса; по его утверждению, он перечел день за днем газеты Марата, Гебера, Бриссо, Кондорсе, Прюдома и Карра. Само собой разумеется, использованы протоколы якобинского клуба. Кроме того, весь текст испещрен выдержками из мемуаров современников: фигурируют мемуары Барнава, Гара (министра внутр. дел), Бодо, Ларевельер-Лепо, Бюзо, M-me Ролан и др. Большой интерес представляет переписка королевы с Ферзеном и Мерси (в особенности с первым). Жорес сумел использовать даже полицейские донесения некоего Dutard'a и донесения комиссаров Конвента. Наконец, привлечены малоизвестные монографии по истории отдельных провинций: Рувьера по истории Гар, Фабра по истории Марселя и т. д. Я уже указывал в другой связи, что Жорес впервые опубликовал работы лионского социалиста Л'Анжа, но он использовывает, но он не оставляет без внимания и другие работы, до него не упоминавшиеся, как, напр., анонимная брошюра какого-то французского социалиста под заглавием «О собственности или дело бедных перед судом Разума, Справедливости и Правды» [3]). Или книга анонимного не-

---

1) La Révolution Française, стр. 297, № 4 за 1902 г.

2) См. напр., Жорес ... т. I гл. II.

3) См. Jaurès. ... t. VIII, pp. 80—84.

мецкого коммуниста под заглавием «О человеке и его положении», упоминаемая у Форстера [1]). Не стану упоминать о Доливье, Форстере и большой литературе на немецком и английском языках, привлеченной для изучения проблемы влияния революции на идейную жизнь Европы.

Жорес обработал огромный материал, значительную часть которого он втиснул в свой труд. Он проявил большую эрудицию, тонкое знание всех источников и умело использовал их. При таких условиях Жоресу была гарантирована, казалось, полная об'ективность, ибо глубокое изучение источников должно было навязать ему соответствующее исторической действительности изображение событий. Однако, история это — отнюдь не фотография и об'ективность, это—не то же самое, что беспристрастие. Сам Жорес пишет по этому поводу следующее: «Обязанности истории—понимать все идеи, сочувствовать в известной степени всем силам, распознавать все возможности, отгадывать тайное совпадение под противоречивою внешностью... Но напрасно смотреть на события с точки зрения истории. Невозможно развивать эту великую драму, не вмешиваясь в нее. Мертвые будят, и, они, едва проснувшись, налагают на вас закон жизни, закон выбора, предпочтения, борьбы, предвзятости, суровой и необходимой исключительности» [2]). Таким образом, Жорес признает в идее этот квази-исторический об'ективизм, но вынужден с сожалением констатировать, что жизнь оказывается сильнее, и историк всегда фактически должен взять ту или иную сторону в том процессе, который служит об'ектом его анализа. Даже наилучшее знание источников не гарантирует от этого «грехопадения». Однако, мы не отрекаемся от всякой об'ективности, мы только отказываемся от профессорской об'ективности, которая требует олимпийского спокойствия или созерцательного состояния Будды. Существует высшая об'ективность, это—об'ективность историка пролетариата, идеал которого с железной необходимостью создается внутренней логикой исторического процесса. Эта об'ективность, несомненно, имеется у Жореса, она у него уживается рядом с его психологическим суб'ективизмом, и вот это-то обстоятельство и делает монументальный научный труд Жореса особенно ценным для пролетариата.

---

1) См. Жорес. т. III, в. II, гл. XXVIII.
2) Jaurès. Hist. Soc., t. VIII, p. 176.

В. Невский

К вопросу о рабочем движении в 70-е годы[1])

I.

Изучая рабочее движение 70-х годов, нельзя, конечно, упускать из вика одно, в высшей степени важное обстоятельство, — наличие большого революционного движения, охватившего очень широкие мелко-буржуазные слои русской интеллигенции. Это обстоятельство настолько важно, что не учитывая его, рискуешь не понять многих фактов первостепенного значения. Важно же это обстоятельство потому, что именно оно диктовало правительству меры, какие оно предпринимало по отношению к развивающемуся рабочему движению: мы разумеем два рода мероприятий, теперь уже достаточно хорошо выясненных в исторической литературе, — мероприятия, направленные к созданию таких препон, которые не давали бы возможности проникать в рабочую среду «внушителям», и мероприятия, которые показали бы, что именно правительство, и только оно одно, заботится о рабочих[1]). Действительно, революционная работа народников среди пролетариата с каждым днем все росла и ширилась. Существует довольно неправильное представление об этой работе; обыкновенно думают, что работа эта велась урывками и не систематически, между тем, как она с каждым годом принимала все более и более широкие размеры и подготовляла тех людей из рабочей среды, которые уже в 70-х годах попытались взять рабочее дело в свои руки. Правительство прекрасно понимало всю опасность появления рабочей революционной организации; оно знало и те пути, по которым могла притти в Россию эта организация. И оно, как известно теперь, не ошиблось: Обнорский и его товарищи ездили учиться за границу, где уже существовала пролетарская социалистическая организация. Не глупостью жандармов, стало-быть,

[1]) Настоящая статья представляет собою часть работы, посвященной общему положению пролетариата в 70-е годы.

[2]) Эта сторона дела с достаточной полнотой выяснена в работе М. Балабанова „Очерки по истории рабочего класса в России“. Киев. 1924 г. Рабочее движение 70-х годов и мероприятия правительства рассмотрены автором этой работы во 2-м томе.

об'ясняются те странные названия дел, какие мы теперь находим в архивах, напр., — «О мерах к предохранению в пределах империи пропаганды учений интернационала». Правительство прекрасно понимало, что рабочая масса, сорганизованная и зараженная социалистическим учением, — огромная сила. Этим и об'ясняются те циркуляры, какие вышли из недр министерства внутренних дел (циркуляр министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. губернаторам, предписывавший следить им за рабочим движением и направлять дела о стачках административным порядком с правом высылать «зачинщиков» в северные губернии и на родину). Этим об'ясняется и то необыкновенно тщательное наблюдение, какое вели жандармы в отношении проникновения в рабочую среду агитаторов-социалистов.

Этим же об'ясняются и попытки правительства урегулировать «рабочий вопрос» законодательным путем.

Мы знаем, что ни те, ни другие предохранительные меры не достигли цели: наблюдение за пропагандой не остановило пропаганды, потуги урегулировать рабочий вопрос законодательным путем так и остались потугами.

Как мы видели выше, об'ективные условия жизни рабочего складывались так, что не бастовать он не мог. Что это действительно так, видно из более внимательного изучения рабочих волнений в 70-е годы. Все писавшие об этом движении обыкновенно повторяют старые факты, чаще всего обращаясь к известным работам, авторы которых не могли расширить рамки своего исследования. В своей работе Мартов говорит о том, что с 1865 по 1880 год включительно в России было примерно 49 стачек: с 1865 по 1887—20, примерно с 20 т. бастовавших, и с 1879 по 1880 — 29 с 30—35 т. бастовавших [1]). Это далеко не верно. Стачечное движение 70-х годов было значительно шире, чем это кажется с первого взгляда. Оставляя в стороне вопрос о 60-х годах, рассмотрим стачки за десять лет, с 1870 по 1879 г. включительно, нисколько не претендуя на полноту нашего перечня.

В 1870 году нам известны, по крайней мере, 14 стачек.

22 мая произошла известная стачка на Невской Бумагопрядильне, когда 800 человек пред'явили администрации требования об увеличении заработной платы и об изменении тех каторжных условий, в каких им приходилось работать. 10 июня дело о забастовке слушалось в окружном суде, который и приговорил семь человек «зачинщинков» к семидневному аресту. Судебная палата, пересматривавшая это дело, оправдала всех обвиняемых. Правительство, как известно, придало этой стачке большое значение, и с этого времени и ведет свое начало та практика, какая установилась по отношению к «зачинщикам»: несмотря на то или другое решение суда, «зачин-

[1]) См. «Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.», в VI т. «История России в XIX в.», изд. Граната, стр. 122 и 123. Большинство авторов повторяют эти сведения, (см. напр., С. Вознесенский «Стачечная борьба рабочих с 1870—1917 гг.». «Архив истории труда в России», Петр. 1923 г. кн. 8, стр. 149. М. Балабанов, делая очень правильное замечание о недостаточности статечной статистики, останавливается только на главнейших, уже известых стачках 60-х г.г. Страницы работы Мартова указываются нами либо по изд. Граната, либо по изд. «Книги» 1923 г. (в таблице всюду по этому последнему изданию. Л. Мартов «Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России»).

щиков» ожидала почти всегда ссылка или высылка на родину. Четверо из руководителей стачки 22 мая 1870 г., — Семен Владимиров, Федор Петров, Борис Потапов и Василий Акулов и были высланы на родину [1]).

Не успели еще умолкнуть толки по поводу забастовки на Невской Бумагопрядильне, как 29 июня забастовали судовые рабочие на Калашниковской набережной у подрядчиков Лопатиных, Ершина, Полуянова и Потюхина. Мы не знаем, сколько рабочих бастовало, но причины, вследствие которых они требовали расчета, для нас ясны. Сам нач. петербургского губ. жандармского управления в своем донесении по начальству выражается по этому поводу определенно: «Лихоимственные извороты нанимателей порождают справедливый ропот рабочих и дают им повод к стачкам». Эти извороты подрядчики старались не только проводить на практике, но и узаконять их в своих договорах с рабочими. «В эти договоры», — говорит тот же начальник, — «подрядчики включили отяготительное для рабочих. условие, неодобряемое законом» [2]).

Неодобряемое законом условие состояло в том, что рабочие в случае дождливых дней не только не должны были получать жалованья, но обязаны были платить богобоязненным подрядчикам по рублю штрафа за каждый дождливый день, посылаемый господом богом.

В июле произошли две стачки — одна на постройке Тамбово-Саратовской жел. дор. и другая среди каменщиков, строивших кронштадтский док.

Положение строительных рабочих на железных дорогах, судя по современной литературе, было прямо ужасно: рабочие жили либо под открытым небом, либо в землянках, продовольствие было настолько неудовлетворительно, что люди умирали от брюшного тифа и дизентерии тысячами, медицинская помощь отсутствовала, процветали штрафы, побои, рабочий день был непомерно длинен, а в случае протеста прибегали к содействию полиции, которая, конечно, всегда становилась на сторону подрядчика.

Строитель Тамбовско-Саратовской линии Гладин сдал земляные работы подрядчикам. Те наняли рабочих, дали им задаток в 20 р. и обещали выдать деньги в июле 1870 г. Но пришел июль, а рабочие не только не получили денег, но были поставлены в такое положение, что единственным выходом было бросить работу. Пища была плохая, процветали штрафы, напр., за прогул 1 р. 50 к.; за прогул по болезни — штраф в размере дневного жалованья и т. п. Договор, заключенный с рабочими, носил кабальный характер; напр., в статье 11-й говорилось о том, что рабочий обязан платить за пищу от 14 до 20 коп. в день, по статье 19-й рабочие должны были платить «за дерзость, неповиновение, ослушание подрядчиков и прочие пороки рабочих по 2 руб.». По статье 8-й договора рабочий обязан был работать до позднего вечера, вставши до восхода солнца, имея на отдых с обедом, — в июне 2 ч., в июле и августе 1½ ч., а в октябре и ноябре без отдыха.

---

[1]) Д. 3-го отд. с. е. и. в. канц. за 1870 г. № 64, л. л. 1—25. Стачка эта подробно описана у М. Балабанова.

[2]) Д. 3-го отд. № 62. 1870 г., л. 36.

Когда в июле подрядчик денег не заплатил, рабочие бросили работы и отправились в Саратов к судье.

Русская самодержавная юстиция выказала себя во всем блеске: судья ответил, что это не его участок и что рабочие должны обратиться к уездному судье. Рабочие пошли с жалобой в полицию, а полиция, не долго думая, под конвоем отправила их на работы к подрядчикам [1]).

Эти «дождливые» дни, повидимому, были довольно распространенным явлением, потому что и кронштадтская стачка строительных рабочих также была вызвана отчасти этими «дождливыми» штрафами. Стачка закончилась соглашением.

Стачка 120 человек рабочих меховой фабрики Нечаева в Вологде (17 сентября) имела причиной плохое продовольствие и низкую заработную плату, судя по тому, что одним из требований стояло — выдача мягкого, а не черствого хлеба и повышение платы. Плата была, действительно, мизерная: рабочий получал от 1 до 4 руб. в неделю.

Стачкой, по словам официальных документов, руководили Евграф Шутьков и Осип Иванов, собирая рабочих в гостинице, уговаривая их нажать на хозяина, а в случае его упорства бросить работы, при чем тот, кто продолжал работать, должен был платить 2 руб. штрафа. Рабочие стачку выиграли, но Е. Шутько пошел за это в ссылку в Архангельскую губ., а Иванов в Олонецкую [2]).

В октябре 1870 г. произошли две стачки и обе в Москве, — 7-го на сахарном заводе Пассбурга, где забастовали 13 чел., и 15-го на шелковой фабрике Шелаева, где бастовали 19 человек [3]). Причиною стачек была низкая заработная плата, обе стачки окончились судебным разбирательством, при чем в стачке на заводе Пассбурга полиция нашла и «зачинщиков», — Емельяна Яковлева и Степана Андреева. И в том и другом случае рабочие стачку проиграли.

О стачке на заводе Липина в Петербурге известно только то, что она произошла в октябре, но никаких подробностей о ней официальные источники не дают [4]).

Следующая стачка 50-ти рабочих на шелковой фабрике Шульца (местечко Сетунь, Московской губ.) показывает также всю неприглядность рабочей жизни: рабочие требовали устройства особых спален, так как им приходилось спать в помещении, где находился паровой котел и где, таким образом, они постоянно находились в смрадной атмосфере и под угрозой несчастного случая. Стачку эту рабочие выиграли после рассмотрения дела у мирового судьи [5]).

Мартов, перечисляя в своей работе стачки 1870 г., упоминает стачку «Новой Бумагопрядильни», в с. Сетуни и Кронштадте и, кроме того, говорит

---

1) «Саратовский справочный листок» за 1870 г. № 127, заметка—«Неожиданное приращение нищих в Саратове», и «С.-Петербургские Ведомости» от 17 июля 1870 г., № 194.

2) См. цитир. д. № 64 за 1870 г.

3) Д. 3-го отд. № 64 1870 г.. л. л. 39, 40 и 47.

4) Дело 3 эксп. отд. собств. е. в. канц. за 1870 г. № 64, л. 52.

5) См, д. 3-го отд. № 65 1870 г. и «С.-Петерб. Вед.» за 1870 г. № 194.

о стачке ткачей в Белостоке, на какой-то фабрике в Варшаве и о стачке ткачей в Петербурге.

Ему остались неизвестны стачки на заводе Пассбурга, у Шелаева и у Нечаева, а также о довольно большой стачке 500 раб. бумагопрядильни Ермакова в Вышнем-Волочке, где в течение 3 дней (20—23 ноября) рабочие добивались повышения заработной платы и где, однако, стачку они проиграли [1]).

В деле № 64 от 3 экс. с. е. и. в. к. о стачках 1870 г. нет ни слова ни о стачках портных, ни о двух стачках, точно так же как и в делах за 1870 г. по Варшавской губ. и по Белостоку о стачках в этих городах указаний нет. Повидимому, стачки эти были небольшие и носили мирный характер, почему местные власти и не нашли нужным осведомлять о них 3-е отделение.

Что же можно сказать о стачках 1870 года?

Прежде всего, бросается в глаза, что стачки возникают не только в таких крупных городах, как Петербург и Варшава, но и в глухой провинции, как Вологда и Сетунь.

Стачки охватывают как фабричных рабочих, так и рабочих совершенно неквалифицированных, как, например, крестьян на постройке железной дороги. Причины стачек охватывают решительно все стороны рабочей жизни,— низкая заработная плата, штрафы, плохие условия питания, жилища и т. п.

Против рабочих выступает не только предприниматель, но и государство в лице полиции, суда и жандармов. Наконец, результаты стачек независимо от разрешения спора между сторонами кончаются и ссылкой «зачинщиков», т.-е. наиболее выделившихся рабочих.

В этих стачках налицо все те элементы, какие мы встретим и дальше: смесь, сочетание самых разнообразных черт, рисующих еще неразвитое рабочее движение, когда рядом с чисто стихийным движением крестьянской рабочей массы (строительные рабочие на железной дороге) замечается некоторая организованность, в результате которой выделяются руководители стачки (на Невской Бумагопрядильне, у Пассбурга).

В следующем 1871 году нам известны семнадцать стачек [2]): в Вологде у купца Грибанова по отделке льна, на Холуницких заводах, в Згерже, на Тираспольско-Калишской ж. д., в Петербурге, в Одессе, в Вильне, в Москве и в Лифляндии. Все эти стачки, за исключением стачки в Згерже, имели причиной низкую заработную плату и вообще невыносимые условия жизни. Кроме того, рабочие купца Грибанова в Вологде (38 чел.) указали на плохое качество сырья, а извозчики в Одессе (4 т. человек) были недовольны городской управой, об'явившей слишком низкую таксу.

Стачка на Холуницких заводах интересна во многих отношениях. Этот старинный завод представлял, как и вся промышленность Урала, как наприм., в Орл. губ. заводы Мальцева, тот пережиток феодального уклада, который не

---

[1]) Д. 3 отд. 1870 г. № 401. л. 75.

[2]) **М а р т о в** называет только две: в Орехово-Зуеве, о которой почти ничего неизвестно, и в Одессе—стачка извозчиков.

мирился с новыми капиталистическими отношениями [1]). Еще в 1865 г. здесь происходили волнения. Дело доходило до того, что рабочие, не получавшие заработной платы, остановили в дороге караван с железом, конфисковали его и только такой героической мерой заставили владельца Пономарева рассчитаться с ними. Положение рабочих не улучшилось, когда появился новый владелец Васгафт, рассуждавший, что рабочие, имевшие клочки земель, могут прожить и без денег. В 1871 г. перед Пасхой рабочие потребовали заработной платы, Васгафт не только отказал, но и сам убежал из завода в город. Тогда под руководством рабочего Якима Федоровича Захватнина забастовала «кричная фабрика». Человек 50 рабочих решили остановить другие цехи. Здесь выделился другой рабочий Прокопий Егорович Киселев. Начались собрания и, как водится, столкновения с начальством. В результате одного из таких столкновений Киселева с мировым посредником, последний распорядился арестовать первого. Но на выручку подоспели товарищи Захватнин и Сиов, и Киселев остался на свободе. Стачка теперь охватила весь завод: 11 апреля стал плющильный цех и обсуждался вопрос об остановке прочих цехов. Как раз в это время по распоряжению исправника был произведен арест зачинщиков. Когда вести об этом дошли до рабочих, обсуждавших свои требования на сходке, они выделили отряд, который в количестве 80 чел. ворвался во двор исправника и освободил арестованных. Раздавались крики на сходке и во дворе исправника: «Как могли взять этих людей? Почему и за что хотите отправить их в город? Мы низачто не дадим отправить их в город!» Завод был во власти рабочих до тех пор, пока начальство не согнало из окрестных деревень 50 сотских и 40 отставных солдат, которые, вооружившись и выпивши для храбрости, произвели аресты. Дело Киселева, не подчинившегося мировому посреднику, разбиралось у мирового судьи, который приговорил его к штрафу в 15 р. Понятно, жандармы и губернатор не могли на этом успокоиться. Киселев особенно мозолил им глаза, так как он, несомненно, выделялся, как агитатор. Это он крикнул толпе, когда его пытались арестовать: «Эй, ребята, меня везут в правление под арест, что на это скажете?» Рабочие ничего не сказали, а просто освободили его.

Вятский губернатор рассуждал просто и предлагал выпороть всех виновных: и больно, и показательно, и рабочую силу сохраняет. Он прямо указывал, что русские рабочие не доросли до более гуманных наказаний.

Жандармы посмотрели на дело иначе. Для них важнее всего было убить зачатки организованности в самом начале, и они так и поступили: все выделившиеся в качестве руководителей забастовки были высланы, при этом Яков Захватнин и Носырев без срока, Яков Киселев на 5 лет (первый в Олонецкую, Носырев в Архангельскую губ., Киселев в Новгородскую). Были высланы, кроме того: в Архангельскую губ.—Алпатов на 5 лет, Федор Захватнин и Поздеев на 2 года и Дюпин без срока, В. В. Раков и Юрков на 3 года и Прокопий Киселев на 4 года в Олонецкую [2]).

[1]) За недостатком места пришлось опустить всю первую часть работы, где описано положение рабочих в 70-х годах и в том числе на Мальцовских заводах. В. Н.

[2]) См. д. 3-го отд. за 1870 г. № 64, л. 81 и др., а также статью П. Сидорова в кн. V «Архив ист. тр. в Росс.», стр. 17.

Почему получили такое суровое наказание Носырев и Дюпин, из дела не видно, что же касается Василия Васильевича Ракова, то он, действительно выделялся среди рабочих и его удалось арестовать только тогда, когда исправник собрал сотских и солдат. Как видит читатель, на Холуницких заводах дело шло по старинке, как на любом поссессионном заводе старого времени: начальство, не жалея «животишек», эксплоатировало их, «животишки», уставши терпеть, действовали миром, выбирали излюбленных людей и ждали «возмездия», как выражались полу-крестьяне, полу-рабочие Мышегского завода. «Возмездие», конечно, не заставляло себя ожидать, но здесь важно подчеркнуть, что в 70-е годы среди освобожденных крестьян-рабочих еще были живы традиции крестьянского уклада, крестьянского мира до такой степени, что даже новые отношения свои между собой, как рабочими, и владельцами завода, как капиталистами, рабочие продолжали выражать в старых, исконно-русских терминах («мирской сход» Мышегского завода).

И в других стачках жандармы искали зачинщиков; так, во время стачки в Вологде они арестовали рабочих Александра Тугаринова и Максима Соколова, в Одессе выслали зачинщиков в Олонецкую губ.

Стачка в Згерже 1 июля 1871 г. примечательна тем, что это была стачка солидарности. Дело началось на фабрике Литтауэра. Рабочие этой фабрики выпили пива; увидевший это сын хозяина, повидимому, оскорбил рабочих, так как вслед за посещением рабочих молодым Литтауэром 20 человек мастеровых бросились к квартире хозяина. Последний вызвал президента города, и в результате 9 рабочих попали под арест. Тогда рабочие других фабрик в количестве 200 чел. из чувства солидарности поддержали товарищей, бросили работы и направились к магистрату, требуя освобождения арестованных, которые и были освобождены.

Из дела не видно, какое «возмездие» получили рабочие в Згерже, быть-может, они остались и без возмездия, так как на фабрике Литтауэра могли работать и иностранные подданые, а с ними, как увидим ниже, обращаться при помощи испытанных русских способов в роде розог было неудобно.

За то в столице российского государства с рабочими, забастовавшими на постройке Музея в Соляном городке (28 июля) у подрядчика Львова, жандармы поступили как всегда: ни в чем неповинных рабочих отдали под суд, и мировой судья приговорил 3 к аресту на 6 недель и 6 к аресту на 4 недели [1]).

В 1872 году мы могли установить 25 стачек, — в январе в Устюге забастовали щетинщики Азова и Крашенинникова и на Александровск. зав. в Петерб., в июне строительные рабочие в Кронштадте, в августе произошла огромная стачка на Кренгольмской мануфактуре и небольшая стачка на кирпичном заводе Немчикова в Московской губ., в сентябре на платочно-набивной фабрике Котова в Москве и в Мельвицах на каменноугольных копях и в ноябре в Петербурге (на Охте и за Невской заставой) в столярных мастерских Алексеева, а также крупная стачка на заводе Ушкова в Елаб. уезде Вятской губ., на Лозово-Севаст. ж. д. и т. д.

---

[1]) См. уже цитиров. д. 3-го отд. № 64 за 1870 г., л.л. 8, 9 и след.

Крупнейшей стачкой этого года, да, пожалуй, и всего десятилетия, была несомненно стачка на Кренгольмской мануфактуре, где пришли в движение более 5 тыс. человек. Стачка эта уже не раз подробно описывалась и потому на этой стороне дела мы останавливаться не будем [1]). Остановимся на причинах стачки. Если судить только по тем требованиям, которые выдвинули рабочие, то с первого взгляда может показаться, что это—стачка, не имеющая никакого сходства со старыми русскими стачками. В самом деле, рабочие выдвинули требования: сокращение рабочего дня (начинать работу в 5½ ч. утра и иметь 1½ ч. на обед, администрация согласилась на первое требование и предложила 1¼ ч. вместо 1½ ч.), увеличения платы (администрация отвергла это требование), отмены штрафов за испорченные части машин и за выработку (администрация, хотя и с оговорками, уступила в этих пунктах), удаления фельдшера Палкина (отвергнуто), старосты Петра Сека (удовлетворено), отмены вычетов за детей, не посещающих школы (отклонено), отмены вычетов в пользу больницы и церкви (удовлетворено), удаление К. Сека, Г. Брунса и К. Пеккамеги (компромиссное обещание).

Кроме того, рабочие этой фабрики были народом пришлым, в крепостной зависимости у владельцев фабрики не состоявшим, иными словами, как будто бы на этой фабрике дело обстояло так, что все здесь носило характер нового капиталистического предприятия. А между тем и здесь было много черт старого, еще феодального периода нашей промышленности. Начать с того, что на фабрике еще в 1872 году действовал особый устав 1857 г., по которому администрация фабрики пользовалась правами полицейской власти на манер владельцев поссессионных заводов. Правда, по видимости, староста, осуществлявший эту власть, выбирался рабочими, на самом же деле, он назначался управляющим. Власть же его была очень велика: он не только мог налагать на рабочих очень большие штрафы (заработная плата за 10 дней), но и *наказывать розгами до 50 ударов* и *назначать арест до двух суток*, судить рабочих как по уголовным, так и по гражданским делам, в случае смерти родителей назначать опекунов малолетним рабочим и т. п. Договоры с рабочими носили такой же характер. Словом, и на Кренгольмской мануфактуре рабочие находились в такой же полуфеодальной зависимости от хозяев, как и в Калужской губ., у Мальцева, выпускавшего для своих крестьян-рабочих собственные деньги, как и на Холуницких заводах в Вятской губ., где рабочие были зажаты в земельные тиски актом об освобождении крестьян, как и во многих других местах.

Ясно, что рано или поздно это противоречие, этот архаизм, очень тяжело давивший рабочего, вынужденного считаться с новыми капиталистическими отношениями, должен был при малейшем поводе вызвать волнение рабочих. Повод нашелся в июле 1872 г. во время эпидемии холеры, когда ужасная смертность и беспомощность администрации заставляли часть рабочих требовать расчета. Не останавливаясь на деталях хода этой стачки, подчеркнем только, что ход этот как две капли воды похож на ход старых русских стачек 70-х годов: оставление работ, выборы уполномоченных, их хождение

[1]) См. М. Балабанов—«Очерки» ч. II, стр. 168—175 и т. д.

по начальству в Нарву, арест, приезд начальства (жандармского полковника и эстляндского губернатора) и, наконец, посылка на фабрику войск. Словом, все шло честь честью, по старине. Новое, однако, было и здесь, как и во всех стачках, начиная с 1870 г.: все высшее начальство вплоть до министров внутренних дел и финансов и даже самого царя, придавали стачке огромное значение. Специальная комиссия, составленная для рассмотрения причин стачки, признала необходимым полицейский устав фабрики отменить, изменить порядок работы детей, для обеда дать 1½ час. и т. п. Министры и царь заключения комиссии одобрили, но принудить фабрикантов к выполнению пожеланий комиссии не решились, и рабочие, в общем, добились немногого. Было, впрочем, и еще кое-что новое, — участие самой администрации в забастовке в лице штрейкбрехеров, подкупленных управлением и стремившихся стачку сломить. Трое из этих штрейкбрехеров, правда, оказались в тюрьме, но в тюрьме же сидели и двое из тех, кого жандармы считали зачинщиками.

Щетинщики в Устюге и строительные рабочие бастовали, — первые вследствие понижения заработной платы, вторые, борясь с произвольными штрафами.

Причиной забастовки на платочно-набивной фабрике Котова в Москве было понижение заработной платы на 35% и штрафы и вычеты, — за растраченный товар по 1 руб. 25 коп., за расчетные книжки по 25 коп. и за разбитые стекла 11 руб. со всех рабочих. Рабочие отказались платить и 12 сентября забастовали, а хозяин за это запретил им пользоваться кухней для варки пищи. Дело разбиралось в мировом суде и кончилось не в пользу рабочих: 11 чел., не пожелавших принять условия хозяина, взяли расчет [1]).

Стачка столяров в Петербурге началась 15 ноября в мастерской Алексеева на Охте. Причина стачки—низкая заработная плата. Охтенские столяры, бросив работу, двинулись в другую мастерскую за Невскую заставу и там тоже прекратили работы. Явившаяся полиция стачку прекратила, рабочие ничего не добились, трое же руководителей стачки Григорий Леонтьев, Степан Павлов и Матвей Иванов были высланы на родину [2]).

В 1873 году мы насчитали 16 стачек [3]) — в апреле на Морозовской мануфактуре, в мае 700 чел. строительных рабочих на Лозово-Севастопольской жел. дор., в июне на соляных промыслах в Баскунчаке, в ноябре на Серпуховской фабрике Коншина (200 чел.), в декабре на Серпуховской же фабрике Третьяковых и, кроме того, на приисках Сабашникова в Нерчинском округе, на фабрике Михина в Костроме и в Черниговской губ. на винокуренном заводе Гриневского и др. [4]).

---

[1]) Д. 3-го отд. № 64 за 1870 г., л.л. 8 и 9.

[2]) Д. 3-го отд. № 64 за 1870 г. лл., 10, 11 и 12.

[3]) Из них о 12 известно и число участников.

[4]) Сведения о стачках у Коншина и Третьяковых взяты нами из дела 3-го отд. № 64 за 1870 г., лл. 32, 33 и 34—37; о стачке на Лозово-Сев. ж. д. в Лавровском «Вперед» за 1874 г. т. II—«Что делается на родине». стр. 123; о стачке в Баскунчаке—«Вперед» за 1875 г. № 22 и 23, стр. 720; о стачке у Сабашниковых см. В. Невский—«Очерки по истории РКП», ч. I, стр. 164; что касается стачки у Михина, о ней см. у Мартова, стр. 13, назв. выше работы по изд. «Книги» 1923 г.: мы о ней не нашли. Известия о стачке на зав. Гриневского см. «Вперед» за 1875 г. № 10, стр. 305.

Из этих стачек волнения в Нерчинском округе на приисках Сабашникова, как догадывается читатель, носили характер типичных стачек дореформенного времени: рабочие, добивавшиеся улучшения условий жизни, улучшения питания и повышения заработной платы, как водится, выбрали уполномоченных и послали в Читу; их там посадили в тюрьму и предложили отправиться назад на прииски; дело окончилось столкновением с надзирателями тюрьмы, хотя рабочих все же этапом возвратили на работы, где и вспыхнула стачка, носившая весьма бурный характер.

Стачка на озере Баскунчаке, судя по ее описанию в газете «Вперед», носила характер все того же насилия над рабочими управляющего Акимова, какое допускали и другие царьки на заводах и промыслах «доброго старого времени». Акимов дошел до того, что даже арестовал несколько человек и держал их голодными дней 10. Причиной стачки послужили кабальные условия труда.

Те же причины вызвали и стачку на строительных работах Лозово-Севастопольской жел. дороги.

Мирный характер носили стачки на фабрике Коншина и Третьяковых.

На первой из них хозяин понизил расценок на 10%, и присучальщики и прядильщики стали получать вместо 12 руб.—9 руб. Кроме того, фабрикант нарушал условия, давая материал худшего качества и заставляя вносить рабочих по 2 руб. на голодающих. Даже жандармы нашли требования рабочих правильными. Стачка произошла 1 декабря, и под давлением жандармов фабрикант отменил сбор на голодающих, но главные требования рабочих об оставлении старой расценки отклонил, стачка вспыхнула снова 11, 12 и 13 декабря. В результате 100 чел. рабочих получили расчет, а жандармы взяли на замечание Захара Ефимова, Александра Селиверстова, Сергея Родинова и Прохора Димитриева. Последнего привлекли к суду за оскорбление исправника, при чем оскорбление заключалось в том, что, будучи выборным от рабочих, Димитриев на указание исправника, что за стачку угрожает ответственность, сказал: «Не повесят меня за это!»

Чем окончилось дело Димитриева, указаний в деле нет.

Стачка у Третьяковых возникла также вследствие понижения расценок. до 1 декабря при работе в две смены была плата в 35 коп. за кусок ткани (миткаля). Затем фабрикант установил одну смену, уменьшив плату до 25 к.. Рабочие согласились на это, но когда хозяин при этой плате ввел снова две смены, 200 чел. рабочих забастовали (7 декабря).

Рабочие, повидимому, стачку проиграли.

Есть указания, что в июне 1873 г. в Казани бастовали рабочие на постройке порта, но какой характер она носила, сколько рабочих бастовало неизвестно [1]).

В середине 70-х годов Россия переживала жестокий промышленный кризис, осложненный голодом на Волге (в особенности в Самарской губернии). Кризис, как известно, еще более осложнился вследствие начавшейся войны в 1877 г. и сменился промышленным под'емом только к концу десятилетия. Вследствие этих обстоятельств с 1874 года начинается сокращение

---

1) Д. д. п. и. 3 отд. I ст. 1873 г. № 158, л. 1.

производства, расчет рабочих и наступление капиталистов на пролетариат,— сокращение платы, увеличение штрафов, увеличение рабочего дня, задержка заработной платы. В соответствии с таким положением дел начинаются и оборонительные стачки рабочих, и число их возрастает. Действительно, в 1874 г. мы насчитали 20 стачек, в 1875—23 и в 1876—25.

Дабы не утомлять читателя, мы не будем подробно описывать каждую стачку, тем более, что все они перечислены в прилагаемой сводной таблице, (таблица I), но на некоторых из них все же остановиться необходимо.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в число борцов вступают металлисты: в 1874 году бастуют рабочие гвоздильного завода в Ландарове (безуспешно), рабочие мастерских Николаевской жел. дор., завод Юза и Семяниковский завод. Затем в движение вступают и еще новые слои рабочих: рабочие винокуренных заводов, кожевники, химики, стеклянщики, рабочие свеклосахарного завода.

Мы не имеем исчерпывающих данных, чтобы судить, какой характер носили стачки среди только-что перечисленных категорий рабочих; данные эти больше литературного свойства, первоисточников обо всех этих стачках у нас в руках нет, но, что в большинстве случаев стачки эти имели все черты примитивных протестов—это почти несомненно, судя по тому, что мы находим, например, о стачке гвоздильщиков в Ландверове. «Рабочие слишком теперь забиты», говорят сообщения об этой стачке, «слишком заели их нужда и работа, чтобы обладать достаточною энергией потягаться с хозяином, хотя тот лишил их недавно обычных там праздничных подарков и понизил заработную плату части рабочих. Сохранилась еще в некотором роде бодрость духа только у молодых рабочих» [1].

Ожидать бодрости духа от кожевников или рабочих на винокуренных заводах во время кризиса 70-х годов тоже едва ли возможно.

Необходимо только отметить в высокой степени любопытный случай стачки на свеклосахарном заводе Горецкого в Борисполе [2]. Здесь 18 июня 1874 г. рабочие-крестьяне, работавшие на свекловичных плантациях, внезапно стали требовать расчета. По выяснении дела оказалось, что причиною оставления работ послужили речи какого-то молодого агитатора, так и неразысканного жандармами. Он, между прочим, говорил: «Бросайте работы у панов, а кто останется, тот будет записан в панские люди, кроме того, приедет становой, запишет тех, кто будет на работах, и взыщет штраф за первый день 5 руб., за второй 10 руб., а за третий 25 руб.». Совместными усилиями жандармов и администрации завода удалось убедить рабочих остаться на заводе.

Господство старых феодально-крепостнических отношений очень хорошо видно на стачке рабочих химического завода в Елабужском уезде в июле 1874 г. Здесь находились два завода, Кокшанский и Бондюжский. Тяжелые условия работы, плохое продовольствие и прямо нищенская заработная плата (5 р. 80 коп. в месяц) заставили рабочих потребовать расчета; администрация отказала, так как летом в страдную пору рабочих найти было

[1]) «Вперед» за 1875 г. № 24 от 31 дек., стр. 754.

[2]) Д. 3-го отд. за 1874 г. № 70, л. 104.

трудно. Тогда рабочие под воздействием агитатора, уже сидевшего за стачку в тюрьме, Леонтия Петровича Баранова (ему помогали убеждать рабочих Федор Кузьмин, Прокопий Михайлов, Нефед Потанин), в количестве 33 человек бежали в Елабугу (2 июня), а на следующий день за ними ушли еще 12 человек. В Елабуге всех этих 45 человек беглецов арестовали. Так дело шло на Кокшанском заводе; так же протекали события и на Бондюжском заводе. Здесь в качестве руководителей стачки выделились Осип Антипов, Василий Куликов, Григорий Егоров и солдат Егор Макаров.

С этого завода еще 30-го мая бежало 30 человек. Чтобы пресечь в корне «зло», губернатор выслал пять человек—Баранова в Архангельскую губ. на 1 год, Кузьмина и Михайлова в г. Слободской на 2 мес., Потанина и Судейкина в г. Глазов на 2 мес. (большинство рабочих пришли из волжских губерний и Глазов для них казался севером). Этой «мягкой» мерой надеялись заставить остальных рабочих остаться на заводе, а для того, чтобы они не сбежали, их, «свободных» продавцов своей рабочей силы (в количестве 40 чел.), под конвоем отправили на завод. Но двое рабочих этой партии Николаи Кучкин и Петр Крапивин заявили уже при отправке, что и сами они работать не будут и других будут подговаривать бросить работы. «Агитаторов» арестовали, а остальную партию отправили на заводы. Но 5 июня снова бежало 22 человека с Кокшанского завода и 10 человек с Бондюжского. Беглецов снова настигли и снова под конвоем отправили на завод, где почти не осталось рабочих, которые бежали поодиночке [1]).

Не правда ли, только-что набросанная картинка напоминает эпизоды из времени невольничества в Америке или, что гораздо вернее, из времен совсем недавнего русского прошлого крепостной России, когда крестьян, не желавших переселяться и бежавших с новых мест, помещик силой возвращал обратно?

Эти остатки недавнего прошлого охотно принимались даже в тех местах и теми хозяевами, где, казалось бы, о крепостном праве позабыли совсем. В том же 1874 году, летом же (6 июля 1874 г.), произошла стачка в Або, на строящейся Або-Таваcтгусской жел. дороге Рабочие были русские крестьяне, а подрядчик просвещенный финн, клявший русских варваров.

«Русские варвары», однако, потребовали уплаты заработных денег за 2 месяца, задержанных подрядчиком. Просвещенный финн обратился тогда за содействием к власти самодержавного губернатора, и власть заставила 84 чел. остаться на работах, а 22 человека, упрямо не желавших работать, отправились в Петербург, где их уже столичное начальство, как бунтовщиков, выслало на родину [2]).

В высшей степени бурный характер носили волнения на заводе Юза в апреле 1874 г. и два раза в мае и июне 1875 г. [3]).

---

1) Д. 3-го отд. № 70 за 1874 г., лл. 94—98.

2) Д. 3-го отд.—«О стачках рабочих на фабриках и заводах», за 1874—76 гг. № 70, лл. 87—89

3) Чтобы не было в дальнейшем никаких недоразумений, считаем необходимым раз'яснить, что у нас дан перечень стачек и «волнений», которые по сути дела мало чем отличаются во многих случаях от стачек; официальные документы сплошь и рядом стачки называют волнениями и наоборот, руководствуясь определением закона, что стачка имеет целью по заране обусловленному уговору рабочих добиваться от

Подробно на этих волнениях останавливаться нет смысла, так как они уже рассказаны несколько раз; стоит только подчеркнуть и здесь этот стихийный характер движения, свойственный 70-м годам, и полуфеодальные отношения, царившие даже на этом крупном металлургическом заводе [1]). В особенности резко эти полуфеодальные черты проявились во время волнений в 1875 г., когда рабочие каменноугольных копей, принадлежащих тому же «просвещенному мореплавателю» Юзу, пришли просить о прибавке и, желая вернее добиться успеха, пытались склонить на свою сторону заводских вальцовщиков. «Управление завода узнало о попытке каменноугольщиков, тотчас выкатило несколько бочек водки вальцовщикам, перепоило их и посредством различных речей и обещаний успело восстановить захмелевших рабочих против их товарищей каменноугольщиков. Когда последние громадной толпой и без всякого оружия направились к заводу для переговоров с вальцовщиками, последние встретили их с железными прутьями в руках под предводительством служащих на заводе англичан. Каменноугольщики, видя полную невозможность бороться с вооруженными вальцовщиками, бросились бежать от них. Версты 1½ вальцовщики преследовали стачечников, потом остановились, одни—как бы устыдившись своего дела, другие—по причине полного охмеления. Тогда англичане сели на лошадей и продолжали дальнейшее преследование. Толпа рассыпалась по степи, так что англичане настигли рабочих поодиночке; поймав рабочего, они били его какими-то железными шарами (по словам рабочих) на подобие кистеней» [2]).

Нужно сказать, что все это проделывалось на глазах сына заводчика Юза (оставшегося, конечно, безнаказанным,—жандармы не могли же считать его «зачинщиком»!) и, право, не знаешь, кто представляется более варварским феодалом—вятский ли губернатор, отправляющий насильно обратно бежавших с завода рабочих или «просвещенный» Юз, допускающий и способствующий избиению ни в чем неповинных рабочих.

Но что же говорить о юзовских вальцовщиках, если механические рабочие одного из крупнейших заводов столицы, Семянниковского, в мае 1875 г. во время задержки платы выбили стекла. (Волнения на Семянниковском происходили в 1874 и 1875 годах).

Правда, это явление—задержка платы было настолько обычным, что не только семянниковские рабочие, но сами ангелы должны были выйти из терпения; однако, самодержавное правительство пришло на помощь капиталистам и выслало против них казаков, а зачинщиков предало суду. Даже царский окружной суд, впрочем, приговорил только двух рабочих к 3-недельному

хозяина изменения условий труда и т. п. Но в стачках 90-х годов сплошь и рядом невозможно отличить, где были уговор и руководитель, а где их не было. Далее, трудно отрицать, что остановка работ на Селизниковском заводе, хотя бы на час, вследствие волнений, не была тем признаком, который между прочим характеризует и стачку.

[1]) См. Г. Новополин—«Из истории рабочего движения 1880—1903», «Летопись Револ.» 1923 г. № 2, Укр. изд.; В. Невский—«Очерки по истории РКП (б)», ч. I, изд. 2, стр. 166. и «Вперед» за 1875 г. № 12. стр. 372—373.

[2]) «Вперед» за 1875 г. № 12, стр. 373, «Из Бахмута». Рассказ этот подтверждается документально, см. Г. Новополин.

аресту. (Лазарев и Тихонов оправданы, а Васильев и Стольберг получили по 3 недели ареста [1]).

Стачка 102 извозчиков из 107 в Выборге (от 22 по 24 мая 1874 г.) примечательна в том отношении, что здесь в качестве хозяина, как и в других аналогичных случаях, против стачечников выступал коллективный буржуа, городская управа или магистрат: причиною стачки послужило стеснительное распоряжение о ежедневном дежурстве 25 извозчиков у вокзала (за уклонение штраф—10 марок [2]).

Стоит остановиться еще на одной стачке 1874 г.: она характерна по тем приемам, какие употребили рабочие, чтобы поддержать солидарность бастовавших. В ноябре на Долматовской фабрике Зубкова в Кинешемском уезде Костромской губ. забастовали 75 ткачей. Причиною стачки было понижение заработной платы англичанином Ворсвиком, — с 50 коп. до 39 коп. за кусок ткани в 70 арш. и 29 к. за кусок меньшего размера. Организатором стачки оказался Евстрат Игнатьев, а его помощниками Никита Петров и Федор Васильев. Игнатьев уговаривал отправляться для переговоров с хозяином, он же, когда хозяин отказал в прибавке, уговаривал рабочих требовать расчета, он же придумал такое средство действовать солидарно: всем участникам стачки отдать свое верхнее платье на руки Петрову, который спрячет его под замок; в случае хозяин тулупа или поддевки потребует расчета, он получает свое платье, в случае же кто-либо остается на фабрике и таким манером срывает стачку, забастовщики берут его платьев и пропивают. Рабочие получили расчет, а Игнатьев попал в тюрьму [3]).

Мы имеем сведения о мирной и успешно окончившейся стачке 600 чел. рабочих на фабрике Шибаева (Богородского у. Моск. губ., 24 апреля 1874 г.): рабочим удалось повысить заработную плату [4]).

Нам почти ничего неизвестно о стачке на фабриках Баранова в Александрове и Ермакова в В. Волочке, на заводе Зиновьева в Царскосельском у. на заводах Демидова и некоторых других, более мелких, так что их приходится только регистрировать.

В следующем 1875 году наступление капитала еще более способствовало развитию движения; мы насчитали в этом году 25 стачек и волнений. О волнениях на Семянниковском и Юзовском заводе говорилось уже выше, но металлисты бастовали в этом году еще на двух заводах,—на заводе Беллино-Фендерих в Одессе в феврале и на чугунолитейном заводе Несслера и Путиловском в Петербурге.

Стачка на первом из этих заводов представляет интерес в том отношении, что, хотя она и была проиграна рабочими, но протекала вполне организованно и, как теперь хорошо известно, под руководством социалистической рабочей организации Е. О. Заславского, «Южно-российского союза рабочих» [5]).

---

[1]) Д. 3-го отд. за 1874 г. № 70, лл. 122—127.

[2]) Д. 3-го отд. за № 67, лл. 14—18.—«Сведения из велик. княж. Финл.» за 1874 г.

[3]) Д. 3-го отд. № 70 за 1874, л. 117.

[4]) См. об этой стачке интересное сообщ. у М. Балабанова, «Очерки» т. II, стр. 175, а также Арх. б. мин. внутр. д. Деп. пол. отд. III, ст. I, № 120 за 1874 г.

[5]) См. В. Невский «Очерки по ист. РКП (б)», т. I, 2 изд. 1925 г.

Полиция обратила на эту стачку особенное внимание, заполнила завод полицией, несмотря на то, что рабочие вели себя удивительно выдержанно. Причиной стачки было понижение заработной платы на 15%. Стачка на заводе Несслера на Выборгской стороне 18 ноября 1875 г. была вызвана увеличением штрафов за прогульные дни, в размере двухдневной поденной платы. Стачка кончилась арестом 3-х человек [1]).

Крупнейшей стачкой в текстильной промышленности в этом году, несомненно, была стачка на фабрике Н. Коншина в Серпухове 25 июня. Причина стачки—уменьшение заработной платы и распоряжение о работе в праздник до 6 час. утра. Рабочие жаловались, что они не могут сходить даже в церковь. Уменьшение же заработной платы выразилось в том, что при старых расценках администрация требовала выработки кусков миткаля на 3—4 аршина длиннее [2]). Стачка длилась 2 дня, рабочие вели себя довольно решительно, ходили по городу с песнями, а около дачи Коншина собирались толпами и, как говорит донесение жандармов, «водили хороводы». В Серпухов прискакал сам генерал-губернатор, князь Долгоруков и, собравши рабочих, держал к ним речь о вреде стачки, уверяя, что и без стачки Коншин отменит распоряжение о работе в праздники.

Однако, главного требования рабочих о заработной плате, о ее неснижении, Коншин не удовлетворил. Жандармы, кроме того, нашли и зачинщиков: Измаила Кудинова, которого выслали в Вологодскую губернию, и Ивана Балашова, которого отправили в Кострому. Наметили они еще и третью жертву, рядового Никифора Макушина, но, повидимому, роль его была не ясна и самим жандармам, потому что в деле нет упоминаний о его дальнейшей судьбе. По окончании стачки рабочие отслужили молебен, явление не редкое в рабочем движении (московские рабочие, в губернии, даже во время забастовки в январе 1905 г. по окончании служили молебен!).

Неудачно окончилась стачка и на шелковой фабрике Лезерсона в Богородском у. Моск. губ. в декабре 1875 г. Здесь тоже причиной стачки послужило понижение заработной платы. Хотя управляющий фабрики А. Альтман немного плату увеличил, рабочие не удовлетворились и подали жалобу судье. Мировой судья жалобу принять отказался, мотивируя свое решение тем, что он может разбирать только устные жалобы, каждого рабочего отдельно, а не коллективное ходатайство. Рабочие послали жалобу губернатору, но и тот стал на сторону фабриканта. Тогда большинство рабочих стало на работу, а 11 человек самых решительных протестантов получили расчет [3]).

Большая забастовка строительных рабочих на Оренбургской железной дороге в мае 1875 г. (800 чел.) носила все те же безобразные черты крепостнического государства, когда его представители—помещик и капиталист—расправляются со «свободными» рабочими, как с крепостными.

На постройке этой железнодорожной линии, как и на постройке вообще всех дорог, царили поистине крепостные порядки; и здесь отвратительные условия жизни, плохая пища, штрафы и задержка платы довели рабочих до

1) Д. 3 эксп. 3-го отд. с. е. и. в. к. за 1875 г. № 32, л. 206 и II секр. архив, секр. свед. в пакетах за 1875 г. № Б 58

2) Д. 3 эксп. 3-го отд. за 1875 г., лл. 92—97 и 105—109.

3) Д. 3 эксп. 3-го отд. за 1875 г. № 50 ч. 2, л. 6.

протеста. Стачка кончилась не только поражением рабочих, но и применением розог к стачечникам и высылкой 15 человек в Архангельскую губернию [1]).

Есть сведения еще о стачках на табачных фабриках в Одессе и Кременчуге и еще в каком-то южном городе, но что это за стачки,—какой характер носили они, какие требования выдвинули рабочие—данных в нашем распоряжении не имеется [2]). Впрочем, об одной из стачек, на табачной фабрике Дурунча и Шишмана в Вильно сведения имеются, хотя и очень краткие. «Кройщики фабрики караимов Дурунча и Шишмана в Вильне уговорились между собою составить стачку, чтобы принудить хозяина изменить вышеизложенные неблагоприятные условия и повысить заработную плату. Главное, напирали на недостаточное доставление им работы, которое одно уже уменьшает на половину и более их доход без всякой пользы для хозяина. Но предвидя невозможность действовать одним, они уговорились с кройщиками остальных фабрик, чтобы никто из них не согласился работать для их фабрикантов во все продолжение их стачки, а в случае их успеха и другие фабриканты вынуждены будут быть справедливее к своим рабочим. За кройщиками стали и другие рабочие. Открылась агитация табачных рабочих вообще, для заявления и своих требований, когда стачка мастеров окончится благополучно. Между прочим, рабочие постановили протестовать против бесчеловечного обращения с их товарищами девушками, и потребовать, чтобы рабочая касса перешла в ведение выборных из среды рабочих же, без всякого вмешательства со стороны фабрикантов» [3]). Мы с целью привели эту длинную выдержку из прекрасной статьи в Лавровском журнале «Вперед!» о положении рабочих в Западном крае, чтобы показать, насколько уже в 70-е годы организованнее русского было польско-еврейское рабочее движение: кассы взаимопомощи, сознание своей товарищеской солидарности, стойкость и сознательность только и могут создать такую подготовку к стачке, какая только-что описана, и если стачка все же была проиграна, то только потому, что на помощь еврейской буржуазии пришло русское самодержавие.

О забастовках на фабрике Моэса и Шимана нет почти никаких данных, если не считать кратких сообщений, что стачки эти были проиграны рабочими [4]).

Точно так же о стачках строительных рабочих в Петербурге можно сказать только одно, что они происходили часто и протекали мирно. По крайней мере об этом имеются официальные указания властей, не склонных в данном случае преувеличивать факты, судя же по тому, что в 1875 г. одних плотников и каменьщиков в Петербурге собралось до 600 артелей, включавших до 30 тыс. человек, и что условия их работы и платы были далеко неудовлетворительны, можно согласиться с утверждением жандармов, что в течение строительного сезона плотники и каменьщики устраивали стачки, требуя повышения платы, и уходили с работ.

---

[1]) Д. д. п. и. 3 отд. за 1875 г. № 158, л. 1—3 и Мартов, стр. 13.

[2]) «Вперед» за 1875 г. № 23. стр. 726.

[3]) Д. 3 эксп. 3-го отд. за 1870 г. № 64, ч. 1 л. 168—169.

[4]) См. В. Невский «Очерки по истории РКП (б)» ч. I, 2 изд., стр. 183 и изд. Центрарх. «Южно-русские раб. союзы», а также «Вперед» за 1875 г. № 20, стр. 929.

В истории забастовочного движения 70-х годов 1875—6 годы приходится считать исключительными, так как большинство бастующих, что нам удалось выяснить, за эти годы приходится на механическое производство, чего нельзя сказать о всем десятилетии. В самом деле, из 25 стачек и волнений 1876 года, что удалось установить, восемь—это стачки и волнения металлистов, при этом в Петербурге и на таких гигантах, как Александровский, и Путиловский заводы. Эти заводы того периода нельзя, конечно, сравнивать с заводами в их нынешнем виде, но все же это были крупнейшие заводы, и тогда, и хотя мы не знаем точного числа бастовавших на некоторых из этих предприятий, можно, однако, безошибочно утверждать, что более 6 тыс. механических рабочих в 1875—6 годах в движении участвовало.

Кризис затронул, в конце концов, и эти заводы, где рабочие по условиям своего производства находились в значительно лучших условиях, чем на фабриках. Действительно, рассматривая причины стачек 1876 года, мы видим, что в большинстве случаев (60,8% всех стачек и 52,92% бастовавших) это было—понижение заработной платы, увеличение штрафов, задержка жалованья (8,8% стачек и 5,27% участв.) и т. п.

Стачка на Александровском заводе вспыхнула 7 января. Управляющий Пратт ввел новые правила, суть которых сводилась к следующему: 1) рабочие не получали заработной платы за время болезни, 2) увечье рабочего по вине завода не оплачивалось, 3) бесплатный проезд по железным дорогам отменяется, и 4) уничтожается поштучная задельная плата, а все мастеровые переводятся на жалованье. Это, на деле, было очень большое понижение заработной платы. Завод остановился. Первоначально переговоры ни к чему не привели, завод не работал и 8 января. После переговоров с выборными от рабочих, Пратт сделал частичные уступки, отменив распоряжение об уничтожении поштучной платы и об'явив, что впредь поштучная плата будет вводиться по соглашению с мастерами.

Завод пошел, но забастовка вызвала аресты зачинщиков,—Михаила Петровича Евстигнеева, Федора Кирилловича Дроздова, Василия Петрова, Алексея Агафонова и Александра Тимофеева. Среди этих имен мы не встречаем членов тогдашних руководящих революционных кружков, но можно с уверенностью сказать, что рабочие эти с социалистическими организациями связаны были: на Александровском заводе, как и везде за Невской заставой, пропаганда была поставлена хорошо [1]).

В феврале произошла забастовка на механическом заводе Лилькопа, Рау и Левенштейна в Варшаве, — 160 человек котельного цеха в виду задержки жалованья требовали выдачи заработной платы за месяц вперед. Забастовка была проиграна, но пострадал ли кто за эту стачку—сведений не имеется [2]).

В феврале же (27-го числа) бастовал и завод Берда, причиной забастовки была задержка платы и вообще неаккуратная расплата. Пострадавших за эту забастовку установить не удалось [3]).

[1] Д. 3-го отд. за 1876 г. № 10, л. 4—13.

[2] Д. 3-го отд. № 25, л. 8 —«Свед. по Варш. губ.» за 1876 г.

[3] Д. 3-го отд. № 10, л. 43.—«Свед. по Пет. губ.» за 1876 г.

В марте происходила забастовка на Мышегском заводе в Тарусском уезде Калужской губ. — Хрущевой [1]). И здесь поводом к забастовке, насколько можно судить по имеющимся данным, было понижение заработной платы, но истинная причина стачки находилась, как мы знаем, глубже. Здесь еще вполне царил тот феодальный режим, который юридически освобожденного заводского крестьянина на деле оставлял все таким же закрепощенным человеком, как и до 1861 г. [2]).

Летом (26 июня) пришли в движение рабочие Путиловского завода, остановившие завод вечером. Причина и здесь была задержка заработной платы рабочим и служащим; последние (конторщики, техники и служащие) не получали жалованья 3 месяца. Рабочие собрались на дворе, к ним вышел сам Путилов и об'ясняя, что завод находится в затруднительном положении, дал обещание, что жалованье будет выплачено немедленно [3]).

Настроение среди рабочих было повышенное,—как раз за четыре дня до этой стачки на Охтенском пороховом заводе в призматическом отделении вследствие непредусмотрительности администрации произошел взрыв, во время которого было убито 7 человек и 6 ранено. При малейшем нажиме на рабочих можно было ожидать осложнений и этим, вероятно, да кратковременностью стачки об'ясняется, что жандармы не искали на этот раз виновников [4]).

В конце лета, в августе 1876 г., произошли волнения и в далекой Сибири, на железоделательном Абакинском заводе Пермикина, Енисейской губ. Причина была все та же, — задержка жалованья. Впрочем, здесь присоединились еще особые условия,—отсутствие продовольствия и сырых материалов. Рабочие волновались, указывая на невыносимо тяжелые условия жизни и на то, что отсутствие сырья угрожает им безработицей. Губернатор оказал давление на администрацию и волнения, повидимому, кончились мирно, без последствий для рабочих [5]). В сентябре, произошли волнения на Сормовском заводе. Бастовали 500 человек по поводу понижения заработной платы. Волнения закончились битьем стекол в заводе, но плата все же была уменьшена и рабочие ничего не добились [6]). 2 октября 1876 г., произошли новые волнения на Путиловском заводе: не работали от 7 до 9 час. вечера сталелитейный и старочугунный цехи в количестве 500 чел. Дело дошло и здесь до битья стекол. Причина стачки все та же: неуплата жалованья за сентябрь. В результате волнений жалованье выплатили [7]).

---

1) За недостатком места в журнале пришлось выпустить первую главу о положении рабочих в 70-х годах; в этой главе говорилось о Мышегском заводе, где рабочие настолько еще были связаны с помещиком, что и формы своей борьбы и требования выражали в терминах крепостнической России: свои требования они напр., пред'являли в виде постановления мирского схода.

2) Нам кажется непонятным, почему т. М. Балабанов не подчеркнул именно этого крепостнического характера отношений на заводе. Кстати т. Балабанов называет завод почему-то Мышкинским, когда в действительности он назывался Мышегским (Мартов называет его «Мышагским»).

3) Д. 3-го отд. № 10, л. 125.—«Свед. по Петерб. губ.» за 1876 г.

4) Д. 3-го отд. № 10, л. 120.—«Свед. по Пет. губ.» за 1876 г.

5) Д. 3-го отд. № 139, л. 22.—«Свед. по Енисейской губ.» за 1876 г.

6) Д. 3-го отд. № 81, л. 37—«Свед. по Нижегор. губ.» за 1876 г.

7) Д. 3-го отд. № 10, л. 161.—«Свед, по Петерб. губ.» за 1876 г.

В текстильном производстве стачки происходили: в феврале на фабрике Кнорре в Петербурге, на фабрике Максвеля 28-го февраля, 1 марта на фабрике Саввы Морозова, на фабрике Скороспелова в Богородском у. Моск. губ. 22 марта и опять в В. Волочке на фабрике Ермакова.

На ситцевой фабрике Кнорре за Невской заставой рабочие устроили стачку все по той же причине,—понижение заработной платы и задержки в выплате: 6 февраля рабочие в количестве 100 челов. направились в город к мировому судье; в дело, конечно, вмешалась полиция. Мировой суд решением 28 февраля иск рабочих признал правильным и рабочие получили исполнительные листы [1]).

Фабрика Максвеля забастовала 26 февраля 1876 года [2]). Причины забастовки очень хорошо рассказаны, правда, не по поводу этой стачки, а вообще, в корреспонденции в газете «Вперед!» и сводились в данном случае к тому, что Максвель делал вычеты за квартиру по 25 коп. с человека в месяц даже с тех рабочих, какие и не жили в его домах, построенных под рабочие казармы [3]). Рабочие на этот раз добились успеха, и 19 марта Максвель деньги, украденные у рабочих, возвратил им.

На фабрике Морозова Саввы в с. Никольском стачка произошла 1 марта 1876 г. и закончилась 2 числа, когда вследствие вмешательства губернатора и жандармов рабочим пришлось стать на работу на старых условиях. Причиной стачки были те чрезмерные штрафы, бесподобную характеристику которых словами жандарма мы привели выше. В данном случае был об'явлен штраф за мягкие початки от 25 до 50 коп., в то время, как в условиях найма о штрафах вообще ничего не говорилось. Рабочие в количестве 540 чел. в 9 час. утра 1 марта бросили работы; на фабрику приехали губернатор и жандармы, но рабочие вели себя смирно и властям пришлось, несмотря на явную эксплоатацию и грабеж Морозовым рабочих, убеждать последних стать на работы. Большинство рабочих согласилось работать по-старому, а часть все же предпочла взять расчет [4]).

Небольшая стачка (22 марта 1876 г.) на фабрике Скороспелова, Богородского у. Моск. губ., особенно интересна по своим вопиющим причинам: 336 ткачей не вынесли явного грабежа и издевательства фабриканта и потребовали отмены штрафов. А грабеж и издевательства были, действительно, из ряда выходящие: фабрикант вычитал с рабочих за разницу в материале, даваемом рабочему и получаемом от него после обработки, при чем совершенно сознательно конторой заносился провес из книжек рассчитанных рабочих в книжки рабочих работающих. Несмотря, однако, на это явно уголовное дело, рабочие стачку проиграли и получили расчет [5]).

Характерна стачка (в июне 1876 г.) и на торфяниках Рабенека в Богородском же уезде, где работали, главным образом, пришлые крестьяне. По вине хозяина рабочие за отсутствием инструментов с 9 по 26 мая сидели в

---

[1]) Д. 3-го отд. № 10, лл. 32 и 51.—«Свед. по Пет. губ.» за 1876 г.

[2]) Д. 3-го отд. № 10, л. 67.—«Свед, по Пет. губ.» за 1876 г.

[3]) «Вперед» за 1875 г. № 8, стр. 239.

[4]) Д. 3-го отд. № 39, лл. 15, 16, 17 и 18.—«Свед. по Влад. губ.» за 1876 г.

[5]) Д. 3-го отд. № 53, лл. 45—47.—«Свед. по Моск. губ.» за 1876 г.

холоде, сырости и не имея продовольствия, без работы, когда же они потребовали за это время плату, Рабенек им отказал, доказывая, что инструменты имелись и что работе мешал дождь. Рабочие обратились к мировому судье, его не оказалось на месте; они отправились в Москву с жалобой к обер-полицеймейстеру. Результат был, какой и следовало ожидать от начальства: рабочих без денег этапным порядком отправили на родину [1]).

Строительные рабочие тоже бастовали в 1876 году. На постройке Поти-Тифлисской жел. дороги царили такие же порядки, как и на постройках других дорог: невыносимые условия жизни, плохое питание, непомерно-длинный рабочий день, штрафы, побои и, кроме всего этого, задержка заработной платы. Все это и явилось причиной стачки [2]).

Наконец, в этом же году бастовали и рабочие угольных копей в Польше, в Домброве, на руднике «Кошелево», принадлежавшем французско-итальянскому банку, к которому копи перешли недавно. Причиной стачки послужило уменьшение заработной платы и отказ выплатить заработную плату некоторым категориям рабочих. Рабочие стачку выиграли [3]).

Следующий 1877 год стачками не богат, мы имеем сведения только о 8 стачках: в Западном крае, на Пермской жел. дор., на Добринской суконной фабрике Гродненской губ., о стачке ткачей в Белостоке и о беспорядках на сахарном заводе в Киевской губ. Кроме того, известны еще волнения в октябре на Путиловском и др. механических заводах Петербурга [4]).

Добринская суконная фабрика Якоби и Риберта в конце 1877 г. понизила заработную плату; в ответ 24 ноября суконщики устроили стачку. Стачка окончилась поражением рабочих, но она примечательна тем, что ее руководителями, к величайшему неудовольствию жандармов, оказались иностранно-подданные рабочие, английский подданный И. В. Брандшау и прусский подданный Ф. В. Клят. Им, конечно, с фабрики пришлось уйти, но каково же было негодование губернатора, когда он узнал, что оба крамольника снова поступили на фабрики в Белостоке. Однако, с подданным «ее величества королевы Великобритании» обращаться так, как с русским «быдлом», было нельзя [5]).

О второй стачке в Белостоке сведений в нашем распоряжении нет, но, по словам Мартова, ткачи, боровшиеся за повышение заработной платы, стачку выиграли.

Несомненно, в 1877 году стачек было не восемь, а больше, но их было все же меньше, чем в 1876 и чем в следующих 1878 и 1879 годах. Это находит свое об'яснение в том факте, что об'явление войны сопровождалось таким зажимом внутри страны, что рабочим не было никакой возможности выявить свой протест, тем более, что полиция усердно занималась подогреванием патриотических чувств и старалась давлением на хозяев приостановить движение рабочих.

---

[1]) Д. 3-го отд. № 53, лл. 65—66.—«Свед. по Моск. губ.» за 1876 г.
[2]) «Вперед!» за 1876 г. № 37, стр. 452.
[3]) Д. 3-го отд. № 49, л. 68.—«Свед. по Петроковск. губ.» за 1876 г.
[4]) Д. 3 эксп. 3-го отд. 1877 г. № 2, л. 94—95.
[5]) Д. 3-го отд. № 18, лл. 53—56.—«Свед. по Гродн. губ.» за 1878 г.

Решительно во всех донесениях жандармов и губернаторов за 1877 г. в Третье отделение подчеркивается патриотическое настроение населения и спокойствие. Что это спокойствие поддерживалось искусственно, не подлежит сомнению, но что об'явление войны и связанный с этим режим оказали влияние на внезапное уменьшение стачек, это также не подлежит сомнению.

Война принесла большие затруднения русскому хозяйству, несмотря на промышленное оживление, которое началось с 1878 г.; фабриканты попрежнему нажимают на рабочих, и стачки с новой силой вспыхивают в 1878 году.

В этом году произошло, по нашему подсчету, 30 стачек. Не останавливаясь на стачках, описанных Плехановым, скажем несколько слов о некоторых других неизвестных или мало известных случаях рабочего движения этого года.

В марте произошла стачка в Кнышине Гродненской губ.; бастовали 105 чел. 8-ми маленьких фабрик вследствие понижения заработной платы с 23 коп. до 18 коп. за аршин ткани [1]).

В конце марта, 27-го, в Москве забастовали 212 челов. фабрики Простякова. Причиною забастовки послужил вычет 10% из заработной платы за продукты, взятые рабочими из фабричной лавки. Рабочие подали жалобу в мировой суд, но судья в иске отказал за неподсудностью. Рабочие стачку проиграли [2]).

В мае (22-го) рабочий Мельцер фабрики Аунерт в местечке Супресле избил хозяина за неправильный расчет. Мельцера арестовали, тогда и все остальные рабочие бросили работу, требуя освобождения арестованного. Забастовка продолжалась до 28-го мая [3]).

Довольно бурная и успешная стачка происходила в Московском у. 18—19 июля на фабрике Третьяковых. Причиной стачки было распоряжение управляющего фабрикой Бала о понижении расценка с 20 коп. до 17 коп с пуда. Рабочие частично остановили работу и направили депутацию к Балу. Тот отказался удовлетворить требование рабочих и вывесил об этом об'явление, тогда забастовали все 1.500 чел. и началось битье стекол в зданиях фабрики. После переговоров рабочих с хозяином Татариновым расценки были оставлены прежние. Такая уступчивость фабриканта об'ясняется тем, что и при прежних расценках эксплоатация на фабрике была очень велика: даже жандарм в своем донесении об этой стачке характеризует Бала, как человека, который «бесчестно эксплоатировал рабочих» [4]).

Забастовка 2500 человек 1 августа 1878 года на фабрике Н. Коншина в Серпухове была начата 30 ткачами в виде протеста против работы в праздники, в то время, как на других фабриках в праздники не работали. Стачка интересна в том отношении, что ткачи организовали группы, которые не пускали слабых и запуганных рабочих, особенно женщин, желавших работать. Дело и здесь дошло до битья стекол в фабричных корпусах. Администрация

---

[1]) Д. 3-го отд. № 18, лл. 53—56.—«Свед. по Гродн. губ.» за 1878 г.

[2]) Д. 3-го отд., № 40 л, 38.—«Свед. по Моск. губ.» за 1878—79 г.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

согласилась работу в праздники не производить, но дело ткачей разбиралось в мировом суде [1]).

Причиной другой забастовки в августе 1878 г. в Костроме на механическом заводе Шикова (19—21 авг.) послужила задержка заработной платы и, главное, понижение ее [2]). Жалованье выдали, но повышения платы рабочие не добились.

В августе же бастовали рабочие Московско-Курской жел. дороги в Москва и рабочие завода Курикова в Петербурге [3]). К сожалению, о характере этих забастовок ничего неизвестно.

Осенью и зимой происходили стачки,—в Гродненской губ. на фабрике Комшау и Филипп 389 чел. требовали повышения заработной платы, стачку выиграли [4]); грузчики бастовали в Одессе, строительные рабочие на Боровичской жел. дороге по поводу задержки платы [5]); стачка на фабрике Кенига в Петербурге, о ней пишет Плеханов; в Белостоке на фабрике Розенталя, бастовало 9 чел., требуя повышения заработной платы [6]), и в булочной Высгалковского в Варшаве 3 чел. [7]). Только 9 челов. Розенталя стачку выиграли. Рабочие на фабрике Розенталя протестовали и против введения расчетных книжек, при чем рабочие одной фабрики поддерживали рабочих другой. Стачка, повидимому, захватила большее число рабочих, так как в документах имеется указание, что рабочие Розенталя побили стекла на фабрике Трускера, пытаясь, вероятно, снять с работы своих товарищей. Нужно иметь в виду, что таких «фабрик», как Розенталя (15 чел. рабочих) и Трускера (11 чел.), в суконном и вообще шерстяном производстве Гродненской губ. были сотни (в округе Белостока), и эксплоатация там процветала невиданная.

По поводу как раз подобных розенталевской стачек, жандармский докладчик писал 3-му отделению: «все эти беспорядки происходят отчасти потому, что с падением курса все вздорожало, тогда как, с введением так называемой золотой пошлины, фабриканты стали получать от своих фабрик большие барыши, что небезызвестно рабочим, у которых, таким образом, является естественное стремление с увеличением благосостояния фабриканто увеличить свое» [8]).

Судя по этой выдержке и по тому, что о многих мелких забастовках, о которых имеются сведения в печати, жандармы просто не знали, так как хозяева и рабочие предпочитали не иметь дела с властями, забастовок в Западном крае было гораздо больше, чем это отметили мы. А что действительно мелкие фабриканты и хозяйчики предпочитали улаживать дело с рабочими без властей, это видно хотя бы из дела о забастовке 3 человек в булочной Выгал-

---

[1]) Д. 3-го отд. № 40, л. 39.—«Свед. по Моск. губ.» за 1878 г.

[2]) Д. 3-го отд. № 17, л. 15.—«Свед. по Костр. губ.» за 1878—79 г.

[3]) Мартов назыв. фамилию заводчика «Курикин», это явная описка, в Петербурге за Московской заставой находились заводы Курикова,—кожевенный и механический, и на них-то и происходила стачка.

[4]) Д. 3-го отд. № 18, л. 53.—«Свед. по Гродн. губ.» за 1878 г.

[5]) «Набат» за 1878 г. «Корреспонд.», стр. 47.

[6]) Д. 3-го отд. № 18, лл. 53—56.—«Свед. по Гродн. губ.» за 1878г.

[7]) Д. 3-го отд. № 336 за 1878—79 г. г.г., лл. 34—85.

[8]) Д. 3-го отд. № 18, лл. 53—56.—«Свед. по Гродн. губ.» за 1878—80 г.

ковского в Варшаве, которое дошло даже до генерал-губернатора и Петербурга.

Кроме только что перечисленных, происходили еще стачки: в январе в Петербурге на Екатерингофской бумагопрядительне, на металлическом заводе на Выборгской стороне в мае, большая стачка на фабрике Каретниковых в июне в Тейкове, Влад. г. и др.

Последний из рассматриваемых нами годов, 1879-й, был самым богатым стачками. Если даже исключить стачку на фабрике Коншина в январе [1]), то и тогда мы насчитали 37 стачек. Причиною всех этих стачек был громадный нажим капиталистов, понижавших заработную плату: против этого понижения рабочие и протестовали. Почти в половине случаев рабочие так или иначе добивались успеха: из 33-х случаев в 14-ти они добились успеха.

В январе произошли стачки: в с. Ясене, Петрок. губ, на стеклянном заводе (8 ч.), в Белостоке на шерстяной фабрике Друкера (9 чел.) [2]), на Далматовской фабрике Миндовского и Кокорева (770 чел.) [3]), на «Новой бумагопрядильне» (3000 ч.)—описана у Плеханова,—на фабрике Шау (150 чел.), в Лодзи на фабрике Дылюна [4]) (43 чел.) и на Екатеринингофской мануфактуре в Волынкине (100 мальч.).

За стачку на Далматовской фабрика трое рабочие были высланы.

В феврале была стачка на зав. «Аулас» в Петербурге (90 ч.).

В марте и апреле происходили стачки: 1) в Дмитровском уезде Моск. губ., на фабрике Лепешкина, бастовало 1.500 чел.; причина — уменьшение платы, по условию было за кусок в 52 арш. — 35 коп., а фабрикант положил за 58 арш. — те же 35 коп., так что заработок уменьшился с 17—12 р. до 12—7 р. в месяц; рабочие добились уплаты вычтенных денег за 14 мес. и прибавки по 10 коп. на кусок [5]); 2) на Реутовской фабрике (17 апреля) бр. Мазуриных, где из 4 т. бастовало 100 чел., требуя повышения платы; на фабрику прислали войска, 4-х человек арестовали, но рабочие стачку выиграли; 3) на фабрике Коншина в Серпухове 18, 19 и 20 апреля, где бастовало 2 700 ч. против понижения заработной платы и где рабочие добились успеха [6]); 4) в

---

1) Мартов в своей известной работе «Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.» (цитирую по VI т. «История России в XIX в.» изд. «Гранат», стр. 125) говорит о стачке 4 т. рабочих на фабрике Коншина в январе 1879 г. О стачке в январе на этой фабрике нет никаких следов ни в 3-м отделении, ни в других документах. Стачка на фабрике Коншина в 1879 г. происходила в апреле, бастовало тогда 2.700 чел.

Мартов не указывает источника, из которого он взял свои сведения. Не ошибка ли у Мартова и не спутал ли он даты, руководствуясь какими-либо печатными источниками? Во всяком случае пришлось и эту стачку поместить в таблицу, так как и в январе на фабрике Коншина волнения происходили.

2) Д. 3-го отд., № 18, лл. 65—69 за 1879 г.

3) Арх. б. мин. вн. д. деп. пол. исполн. 3 отд., ст. 1, 1879 г. д. № 446, см. также М. Балабанов—«Очерки» ч. II.

4) Д. 3-го отд. № 336 за 1878—79 гг., л. 38.

5) Д. 3-го отд. № 22.—«Свед. по Моск. губ.» за 1879 г.

6) Д. 3-го отд. № 22 за 1879 г., лл. 28—29.

Киеве, в железнодорожных мастерских, успешная стачка 2 т. рабочих [1]; 5) на Мотовилихинском заводе в Перми, стачка 62 челов. (чернорабочие) [2]; 6) на Семянниковском заводе успешная стачка против задержки платы [3]; 7) на фабрике Зубковых в Иваново-Вознесенске [4], на чугунно-литейной заводе Кинга в Петербурге (100 ч.) и на сахарном заводе в Подольской г. (47 ч.).

На забастовке в Мотовилихе и у Зубковых стоит остановиться.

На Мотовилихе забастовала артель в 62 чел. чернорабочих по причине дурного качества пищи. Требование рабочих улучшить пищу администрация отклонила; тогда 52 чел. подали жалобу прокурору; тот жалобу не принял под предлогом, что рабочие не приложили 76 гербовых марок, а жандармы выслали на родину зачинщиков — Василия Антоновича Поперекова, М. Г. Баранова, С. А. Репина и А. Ф. Багина. Из этих зачинщиков один — В. А. Поперекoв, повидимому, был пропагандистом, так как он интеллигент, служил раньше письмоводителем у судебного следователя и вообще был замечен жандармами, как агитатор.

Стачка на фабрике Зубковых интересна в том отношении, что в качестве «агитатора» выступил сам хозяин Зубков. Александр Зубков продал свою фабрику жене своей Евг. Зубковой и ее компанионам Фокину, Ватовым и Новикову. Новые владельцы начали с того, что прибавили рабочим по 10 к. с куска. Вдруг на фабрику является старый хозяин, собирает рабочих и заявляет: «Теперь держитесь, после 1 октября с вас выжмут соки, а то поставят двухколесную пушку». Рабочие, услыхав раз'яснение такого компетентного в выжимании соков человека, как их бывший хозяин, бросили работу и потребовали заключения условия о прибавке в 10 коп. не до 1 октября, а до Пасхи. Конечно, новые хозяева отказали рабочим, а жандармы, приехавшие на фабрику, ловко воспользовавшись провокацией бывшего хозяина, заставили новых владельцев произвести расчет, так что за исключением небольшого числа взявших расчет, большинство рабочих согласилось работать на старых условиях.

В июне и июле были стачки в мастерских Юго-восточных ж. дорог в Воронеже [5], среди углекопов на Шахтной, в Донской обл. [6]) на фабрике Третьяковых, на фабрике Ильина и на фабрике Мараева в Серпухове, и в Харькове на кирпичном заводе Шмидмана (14 ч.).

Забастовка 1.500 чел. на фабрике Третьяковых [7] носила *наступательный* характер; рабочие добивались повышения платы с 3 коп. до 8 коп., надбавки на чистку; стачка протекала бурно, и когда жандармы арестовали рабочих А. Афанасьева и А. А. Хайкова, товарищи пытались их освободить. Забастовка была выиграна, но двое руководителей ее — Яков Филиппов и Максимов-Филатов были высланы в Калужскую губ.

---

1) Мартов.
2) Д. 3-го отд. № 78 за 1879 г., лл. 77—83.
3) Мартов.
4) Д. 3-го отд. № 37 за 1879 г., лл. 56—59.
5) Мартов.
6) Мартов.
7) О стачке у Третьяковых и Ильина см. д. 3-го отд. № 22 за 1879 г., лл. 43 и след., а о стачке у Мараева в том же деле, л. 57.

Забастовка 370 ткачей на фабрике Мараева была также *наступательная:* рабочие требовали прибавки, хозяин уступил, об'явив повышение от 4 до 6 коп. на штуку и только, когда рабочие и на это не согласились, стал рассчитывать несогласных.

В этой стачке среди руководителей, кроме мужчин М. Михайлова, П. Яковлева и В. Прокофьева, оказалась и одна ткачиха, солдатская дочь *Любовь Семенова.*

Осенью произошли стачки в Москве на суконной фабрике Шредера [1], во Владимирской губ. на фабрике Собиновской [2] и на фабрике Гилля [3], в Петербурге в кузне пожарной команды в августе, тогда же в Петроковской губ. на каменноугольных копях (11 ч.), в Калужской губ. на Буковском зав. (100 чел.) и в других местах.

На Собиновской мануфактуре забастовка 2 тысяч рабочих носила также *наступательный характер:* они требовали введения повышенной платы, как и на других фабриках, где с Пасхи по 1 октября плата выше, чем в остальное время года. Забастовка продолжалась с 6 по 14 окт. и осложнилась тем, что рабочие жили в хозяйских квартирах и были в долгу в фабричной лавке. Это обстоятельство и помогло хозяину: рабочие стачку проиграли.

Забастовка на фабрике Гилля в с. Измайлове была оборнительная. Из 1.000 ч. бросили работу 400 ткачей. Выбранная ими депутация из 8 чел. представила генерал-губернатору жалобу, где указывалось, что фабрикант понизил заработную плату, что фабричная лавка отпускает плохие продукты, что на фабрике плохая вода, что хозяин берет за баню 25 коп. в месяц, между тем, как баня мала и не все могут в ней мыться, и что в пользу хозяина производится вычет 10% заработной платы за квартиры. Фабрикант согласился понизить цены на продукты в лавке и дать баню 2 раза в месяц. Рабочие не удовлетворились этим, тогда под давлением власте (были вызваны на фабрику войска) начался расчет недовольных (170 чел.), а остальные начали работы на старых условиях.

Все только что описанные забастовки 70-х годов мы свели в таблицы (II—VI). Рассматривая полученные данные, мы видим: во- 1) что неверны были наши представления о *размерах* рабочего движения 70-х годов, и во- 2) что, самое главное, неверны были представления о *характере* этого движения. Мартов, а вслед за ним и все писавшие о стачках 70-годов полагают, что за весь период с 1865 по 1880 г. включительно было 49 стачек с 55 тыс. бастовавших рабочих, т.-е. за весь 16-летний период происходило примерно 3 стачки в год. (С 1865 по 1870 г.г. 20 стачек с 20 т. участников, и за 11 лет, с 1870 по 1880 г., 29 стачек с 35 т. участников) [4].

---

1) Мартов.

2) Д. 3-го отд. № 37 за 1879—86 гг., лл. 109—172.

3) Д. 3-го отд. № 22 за 1879 г., лл. 95—96.

4) См. Мартов.

С. Вознесенский в специальной статье «Стачечная борьба рабочих с 1870—1917 гг.» в «Архиве о истории труда в России» кн. 8, стр. 149, повторяет сведения Мартова без критической проверки их; т. М. Балабанов в своих «Очерках» ч. II. *в специальной* работе о рабочем движении, также удовлетворяется цифрами Мартова, который не мог пользоваться теми данным, какими пользовался М. Бала-

Что же мы видим из таблицы о числе стачек и бастовавших за десятилетие (табл. II)?

Прежде всего, то, что только за десять лет от 1870 по 1879 г. (без 1880 г., что принимает в расчет Мартов) было 162 стачки. Полагая, что среди сведений, какими мы пользовались, некоторые сомнительны или не проверены (сообщение Мартова о стачке на фабрике Коншина в январе 1879 г., о стачке на фабрике Дурунча в 1875 г. и т. д.), мы можем сказать, что только в десятилетие 1870 — 1879 г.г. произошло не менее 229 стачек, при чем в 153 случаях известно и число участников и причины стачек. Теперь, если вычесть из цифры Мартова те, примерно, тысяч около шести бастовавших в 1880 г. (Хлудовская мануфактура — 2 600 ч., Каверин — 450 ч., Сериков — 860 ч., Киевские мастерские жел. дор,. арсенал там же — 2. т, а ведь это далеко не все стачки), то на период, какой берем мы, т.-е. с 1870 по 1879 г.г., остается из мартовской цифры уже не 55 т., о каких говорит Мартов, а меньше, именно тысяч около 50-ти. Но и эту цифру придется уменьшить, так как придется отбросить еще то число стачечников, какое приходится на стачки пятилетия 1865—1870 г.г. Мы не знаем, сколько стачек было в этом периоде и сколько рабочих бастовало, но несомненно, что вычитая из всей мартовской цифры в 55 т. еще и то число забастовщиков, какое приходится на пятилетие 1865—1879 г.г., мы цифру в 55 т. еще более уменьшим, так что, по мартовским исчислениям, выйдет на период от 1870—1879 г.г. цифра гораздо меньшая, чем 50 т.

Между тем, как мы видим, что только в 153 стачках, о которых имеются сведения, участвовало более 112 т. человек забастовщиков, что дает в среднем на стачку 738 человек. Если исходить из этих цифр, то можно с твердой уверенностью сказать, что только за десять лет от 1870 по 1879 г. участвовало в массовом рабочем движении более ста двенадцати тысяч рабочих [1]).

Рассматривая таблицу, мы видим, что, хотя и колеблясь, число стачек и стачечников растет к концу десятилетия, при чем три момента обращают наше внимание: 1874 г., когда число стачечников дошло до 24.260 ч., а число стачек до 30; 1877 год, когда число стачек и стачечников было очень мало, всего 8, и 1879 год, когда число стачек опять дошло до 37, число стачечников повысилось до 20 т.

Все писавшие о стачках 70-х годов обыкновенно обходили молчанием почему-то 1877 год, между тем как кризис промышленный был и в этом году. Почему же так внезапно уменьшились стачки? Ведь не перестали же фабриканты в 1877 году эксплуатировать рабочих? Дело об'ясняется просто: в этом году, в начале, была об'явлена война Турции, и правительство, пользуясь под'емом патриотического настроения известных буржуазных кругов, еще туже завернуло гайку того котла, в котором кипели рабочие. Что это

банов и мы. Нечего толковать о таких авторах, как т. Батурин, Лядов и др. Впрочем, эти авторы не работают с первоисточниками, но как без новой проверки данных работают люди, пытающиеся делать весьма рискованные выводы — это непонятно.

[1]) А за период с 1870-1880 включ. в 62 стачках бастовало 120·588 чел.

действительно так, об этом свидетельствуют донесения решительно всех жандармов и губернаторов, что патриотизм охватил, мол, и рабочих и они не хотят бунтовать. Дело об'ясняется проще: правительство, пользуясь войной, зажало рабочих еще сильнее.

В средине 70-х годов в России был промышленный кризис, и фабриканты повели наступление на рабочих, чем и об'ясняется, как совершенно правильно говорит Мартов, оборонительный характер стачек этого времени. Но самый острый момент кризиса был в 1874—76 годах, и мы видим, как в ответ на нажим капиталистов увеличивается сопротивление рабочих. Но вот наступает война, рабочее движение на очень короткое время замирает, однако сама война еще более обостряет последствия кризиса, и мы видим, как уже в 1876 году число стачек и стачечников растет. В 1879 году наметился сдвиг в области промышленности, начался под'ем, и мы видим, что число стачек сразу увеличилось, при чем стачки эти, вопреки мнению Мартова, носят не только оборонительный характер. В некоторых случаях стачки носят уже и наступательный характер и почти в половине случаев (а не только в некоторых случаях, как говорил Мартов) кончаются успехом для рабочих.

Еще важнее выводы из таблицы распределения стачек по годам и по производствам.

Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, которое почему-то упускали из вида все писавшие о рабочем движении 70-х годов, — на участие металлистов в движении этого времени. Оказывается, что 22,84% всех стачек были стачками металлистов, при чем в этих стачках участвовало 39% всех бастовавших. Текстильные рабочие, правда, были главной массой бастовавших (44,78% всех участников и 40,74% всех стачек), но роль металлистов в движении велика, что и становится особенно ясным, когда мы обратимся к рассмотрению стачек по годам. Метталисты до 1874 г. участвуют в движении мало: они лучше оплачиваются, у них более короткий рабочий день, они вообще экономически — верхушка рабочего класса, словом, они то, что так хорошо охарактеризовал Плеханов, когда говорит, что рабочие-металлисты живут лучше пролетария-студента. Они организованнее и сознательнее и на стихийный взрыв не пойдут. Текстильный рабочий поднимается стихийно и идет массой. Но вот кризис охватывает и механическую промышленность, и в движение идет теперь и металлист, но, конечно, прежде всего такой, который близок к крестьянину — чернорабочий Путиловского, Семянниковского, Сормовского, Мотовилихинского заводов. Но даже такой металлист, идя в движение, увлекает за собой текстильщика: в 1878 и 1879 годах, когда механический рабочий уже меньше идет в борьбу, текстильщики, как раз только-что раскачавшись, дают наибольшую массу борцов.

В высшей степени интересно то явление, какое мы замечаем в соотношении бастующих металлистов и текстилей в годы войны: механические заводы работают на войну, вот почему в 1878 году после 7.102 бойцов 1876 г. они дают в 1878 году только 1.532 чел., в то время как текстильные рабочие после 3.133 бойцов 1876 года дают в 1878 году уже 11.129 бойцов: война только ухудшила их положение и они с большей энергией идут в бой.

Сравнительно высокий процент стачек (8,74%) строительных рабочих, участвующих в движении, об'ясняется просто: железнодорожное строительство 70-х годов вывело на арену борьбы и этих рабочих. Не менее интересны и распределение стачек и бастующих по районам. Северный район с Петербургом во главе дает почти треть всех бастующих 48.546 чел., или 40,26%; за севером идет центральный промышленный район с Москвой и ее округой 38.084 ч. или 31,58%; затем следует юг, где на сцену начинает выступать рабочий крупной южно-русской промышленности (19.795 ч. или 16,41%); после юга идет запад, а Урал и Сибирь со своей отсталой полуфеодальной промышленностью плетутся в хвосте.

Слабое участие западного, польского рабочего об'ясняется отчасти лучшими условиями труда, а отчасти тем, что Польша была меньше затронута войной в то время, как ситец русского центрального промышленного района не шел, например, в Персию и Турцию, потому что Кавказ был театром военных действий.

Бастовали рабочие мелких фабрик, на которых кризис и война отразились так же сильно, как и на русском текстиле.

Не менее интересна и таблица, где приведены результаты стачек. (Таблица V).

В пользу рабочих окончилось только 63 стачки (52 целиком и 11 по соглашению) из 162 всех стачек, т.-е. менее половины, при чем в них участвовало 44,66% рабочих; большинство стачек рабочие, однако, проиграли.

Таблица о причинах стачек является прекрасной иллюстрацией положения рабочих; причиною подавляющего большинства стачек была низкая заработная плата: 63,68% всех стачек и 64,73% всех бастовавших. (Таблица VI). В свете только что приведенных данных представляется в высшей степени ясной и картина того политического, социалистического рабочего движения, которое ярче всего выражается в двух организациях 70-х годов,— «Южно-российском союзе рабочих» и «Северно-русском рабочем союзе». Становится понятным возникновение этих организаций. Три года — 1874, 5 и 6 — характеризуются вообще под'емом движения по сравнению с предшествующими годами.

Кроме того, на юге 1875 год, момент образования союза вообще, дает максимум движения, точно так же как на севере 1876 и 1879 годы, когда закладывались основы и развивалась работа северного союза, тоже есть максимум движения.

И тот и другой союзы возникают в двух крупнейших районах механического производства — северном и южном и именно среди металлистов. Необходимо здесь подчеркнуть, что и в Петербурге ядро союза, а до 1879 г. и вообще все наиболее важные кружки состояли почти исключительно из металлистов [1]).

Из всего только-что сказанного становится понятным движение рабочих, которое описывает Г. В. Плеханов. Стачки на Новой Бумагопрядильне, на фабрике Шау, Бекера и Шапшала в Петербурге представляются теперь нам

[1]) Вопросу о Северном союзе посвящена наша другая работа, в которой состав союза освещался более точно, в связи как с только что приведенными данными о рабочем движении, так и в связи с новыми фактами из истории возникновения союза.

только отдельными и не особенно значительным эпизодом общерусского рабочего движения: среди двух десятков тысяч бастовавших рабочих забастовки в Петербурге даже на такой крупной фабрике, как Новая Бумагопрядильня были только эпизодом, в центре России тоже пришли в движение довольно большие массы рабочих: бастовала, напр., такая же крупная фабрика Коншина, бастовали мелкие заведения, бастовали рабочие всяческих категорий, в крупных и мелких предприятиях; забастовка вообще стала в порядок дня русской жизни, стала не выходящим из ряда событием, а обычным спутником промышленного развития.

Не здесь ли, не в этом ли развитии рабочего движения, как совершенно правильно полагает т. Ваганьян, и нужно искать тех истоков, откуда родилось критическое отношение Плеханова к господствующим народническим теориям?

Взгляд о том, будто бы «союз» имел своей базой фабричных, а не заводских рабочих, нужно оставить. Плеханов выражается очень определенно, когда говорит о руководящем ядре рабочих 70-х годов. «Прошу читателя иметь в виду, что я говорю здесь о так называемых *заводских* рабочих, составлявших значительную часть петербургского рабочего населения и сильно отличавшихся от *фабричных* как по своему сравнительно сносному экономическому положению, так и по своим привычкам».

Плеханов как раз говорит о той группе рабочих, которая и стояла в центре рабочего движения и была ядром, основавшими «Северный рабочий союз». *Эти рабочие были, за немногим исключением, металлисты, вели пропаганду среди металлистов и об'единяли металлистов.*

Действительно, кроме В. Обнорского, С. Халтурина и Митрофанова, о котором распространяться вследствие его предательства много не приходится, в центре движения стояли С. Виноградов, К. Иванайнен, Д. Смирнов, С. Волков, И. Бачин, братья Петерсоны, Мясников и десятки других. Подавляющее большинство этих рабочих и их товарищей были или металлистами или работали на металлических заводах, — на Патронном, на заводе Макферсона, у Семянникова, на Путиловском, на Александровском и т. п. Здесь-то, на этих заводах, и были главные кружки и из членов этих кружков и составилась та периферия «Северного рабочего союза», о которой говорят некоторые участники движения того времени. Сам С. Халтурин работал на таком крупном заводе как Александровский. В числе выдающихся деятелей «Северного рабочего союза» не было ни одного ткача или вообще фабричного рабочего. П. А. Моисеенко был членом союза, но, во-первых, он в центре его не стоял, а, во-вторых, судя по характеристике, даваемой ему Плехановым, и вообще в те времена руководящей роли не играл. Из только-что сказанного совсем не следует, что «Северный рабочий союз» не вел вовсе пропаганды среди фабричных рабочих, пропаганда такая велась, но не фабричный пролетариат выковал «Северный рабочий союз» и не фабричные рабочие были той массой, которая отложила свой отпечаток на программе союза; этой массой была масса петербургских заводских рабочих, т.-е. металлистов. Мысль о том, что отличие программы «Северного рабочего союза» от про-

[1]) Сочинения Плеханова, под. ред. Рязанова, т. III, стр. 135.

граммы его южного предшественника вытекает, будто бы, от различия рабочей массы, среди которой возникли эти организации (в Петербурге ткачи, а в Одессе — металлисты), нужно оставить, как совершенно необоснованную и противоречащую фактам. Это, между прочим, удостоверяется и Плехановым, который, говоря о союзе, выражается так: «Большинство членов его принадлежало к числу «заводских» [1]).

Второй, не менее важный и интересный вывод, к которому мы приходим, внимательно изучая воспоминания Плеханова и документальные данные, это то обстоятельство, что основание «Северного рабочего союза» нужно отодвинуть несколько дальше вглубь 70-х годов [2]).

Обыкновенно считают датой основания союза декабрь 1878 г. Плеханов говорит о том, что союз возник «естественным образом» «из того ядра петербургской рабочей организации»... «которое составилось из «старых», испытанных революционеров рабочих» [3]).

Эти старые, испытанные революционеры рабочие В. Обнорский, Виноградов, Иванайнен, Бачин, Волков, Петерсоны и другие, имена которых Плехановым скрыты инициалами [4]).

Что же это за ядро рабочих? Как оно возникло, кто входил в это ядро, кроме рабочих, и главное, когда возникло это ядро?

Ядро рабочих, из которых возник союз, сформировалось как ядро союза, надо думать, не позже зимы 1876—7 годов.

Об этом прямо говорится в письме, которое т. Г. Голосовым приписывается В. Обнорскому [5]) и где говорится о том, что уже в 1876—7-х годах была образована федерация с центральным выборным кружком и независимо от интеллигенции. Имеются указания, что решение пойти по иному пути, чем тот, который рекомендовали рабочим народники, созрело у рабочих гораздо раньше, чем в 1878—9-х годах. Недовольство интеллигенцией, звавшей рабочих в народ, было давно, об этом говорят многие участники движения того времени, и как результат этого недовольства мысль о создании своей организации стала принимать более реальные формы уже в 1876 году. С. Волков, автобиографией которого нам удалось воспользоваться, прямо утверждает, что уже до его ареста Обнорский, Халтурин и он пришли к мысли об основании союза, арест же Волкова случился в октябре 1876 г.

Вместе с Волковым, Обнорским и Волковым в качестве основателей союза разными лицами называются и другие рабочие, напр., Бурцевым — Д. Смирнов, который попал в тюрьму уже в 1876 году и, стало-быть, если он был основателем союза, то союз был основан уже в 1876 г.

---

1) Соч. Плеханова под ред. Рязанова, т. III. стр. 182.

2) См. об этом в публикации Э. Корольчук «Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга во второй половине 70-х годов». «Историко-революционный сборник», т. III.

3) Соч. Плеханова, том III. ст. 182.

4) Инициалы эти уже раскрыты в работе т. Корольчук, которая, к сожалению, еще не опубликована.

5) См. «Каторга и ссылка» за 1924 г. № 6 (13)—«К биографии одного из основателей «Северно-русского рабочего союза», стр. 48—70.

Дело, повидимому, обстояло так, что уже в 1876 году основное ядро союза сформировалось и на деле существовало как союз, а в 1878—9-х годах общие собрания только зафиксировали формально то официальное имя, которое мы все знаем.

В высшей степени важен и интересен вопрос о возникновении самого первоначального ядра союза. Исключительную важность представляет этот вопрос потому, что существует общепринятое мнение, будто союз возник среди рабочих в результате теоретических разногласий между рабочими и интеллигентами и при том так, что интеллигенция не играла абсолютно никакой роли в этом возникновении союза. Получилось как будто бы нечто в роде самопроизвольного зарождения без всякого участия «революционной бациллы», без привлечения социализма извне. Подобное мнение выводится как раз из тех слов Г. В. Плеханова, который говорит, что «к началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое* учение на целую голову» и что народническая интеллигенция могла рекомендовать рабочим только «агитацию», «агитацию» и «агитацию» да упрекать рабочих за их склонность и любовь к самообразованию.

Что рабочее движение к концу 1879 года переросло народническое учение, Плеханов несомненно прав. Но в его взгляд, что народническая интеллигенция рекомендовала рабочим только одну агитацию, необходимо внести поправку.

Это поправка напрашивается сама собой, когда мы вспоминаем о Заславском и его работе в Одессе: эту поправку нужно внести и во мнение о работе народников среди рабочих Петербурга.

Уже в 1871 году существовал кружок рабочих, в котором вели пропаганду чайковцы. Уже в это время образовалась та группа рабочих, в которой получили свое первоначальное развитие будущие деятели союза—Обнорский, Иванайнен, Волков, Бачин и другие.

И здесь уже под влиянием народнической интеллигенции образовались и библиотека и касса взаимопомощи и возникла мысль о выдвигании на первый план не максимальных, а минимальных требований. Мы говорим о том кружке заводских рабочих, где играл очень большую роль оказавшийся предателем студент Медико-хирургической Академии А. Низовкин и где и выросли такие выдающиеся деятели «Северного рабочего союза», как В. Обнорский.

Мы не можем здесь распространяться подробно по этому вопросу и позволим себе только привести выдержку из одного интересного документа, относящегося к 1877 году и принадлежащего народнику. Автор этого документа, обсуждая вопрос о только-что происшедшей Казанской демонстрации, где принимали участие и рабочие, говорит: «...Таким образом, само собой происходит изменение в нашей программе действия, т. е. оно получает вообще то же направление, как и на Западе, именно — идет из города в деревню, а не наоборот...» Говоря далее о задачах «народной партии», автор говорит, что «она должна была расширить свою программу действия: не довольствуясь одной пропагандой, она должна была вступить на путь *политической* агитации».

Приходится признать, читая эти строчки, что если среди народников, работавших в пролетариате, уже в 1876 году существовали такие взгляды, то толковать о самопроизвольном зарождении соц.-демократических или близких к ним взглядов среди рабочих не приходится. Как в Одессе Заславский принес в рабочую среду новые, необычные тогда взгляды о политической борьбе, так, очевидно, и в Петербурге были свои Заславские, которые впервые формулировали в рабочей среде идеи о политической агитации и о внесении социалистического сознания не из деревни в город, а наоборот — из города в деревню. Да и сам Плеханов, как мы знаем из его статей того времени, держался в рабочем вопросе далеко не обычного взгляда: он, по крайней мере, придавал ему гораздо большее значение, чем многие другие. Да и не могло быть иначе в то время, когда рабочее движение принимало массовый характер, как это было показано выше: если более ста тысяч рабочих немногочисленного в 70-е годы пролетариата пришло в движение, если это движение стихийно выдвигало своих руководителей, если металлисты в этом движении и такие центры, как Петербург, шли в авангарде, то должны были появиться лица как среди социалистической интеллигенции, так и среди рабочих, распропагандированных этой интеллигенцией, люди, которые уже по-новому сформулировали задачи нового революционного слоя, пролетариата.

И такие лица, как мы видели, были: сказать, что нужно перейти к политической агитации и что руководителем этой агитации будет не деревня, а город, это и означало сказать еще в 1876 году то, что потом повторили, еще более подучившись, В. Обнорский, С. Халтурин, И. Бачин и другие. Говоря это в 1879 г., они сами не знали, что «говорят прозой», и говорят то, чему учили их некоторые народники еще в 1876 году.

Гораздо труднее решить вопрос, какое значение в этом движении играло то или другое лицо — С. Халтурин, В. Обнорский, И. Бачин, Д. Смирнов и т. д., да это не имеет исключительного значения, хотя и представляет большой интерес для истории «Северного рабочего союза». Плеханов как будто бы склонен считать С. Халтурина вдохновителем всего дела. Думается, вернее его замечание, что руководящую роль играло то ядро рабочих, которое было воспитано народниками еще в начале 70-х годов, а раз так, то фигура В. Обнорского и его ближайших товарищей выдвигается на первый план, но этот вопрос в небольшой работе, к сожалению, невозможно раз'яснить со всей тщательностью и подробностью.

Наша работа преследует более скромные задачи,—дать наивозможно более фактов из истории рабочего движения 70-х годов, чтобы оно представилось не только картиной одних стачек в Петербурге, картиной яркой, написанной кистью такого большого мастера-художника, как Плеханов, а частью той большой картины, которую писала рука поднимающегося на борьбу всероссийского пролетариата.

Таблица 1

Число стачек и волнений в 1870—1880 г. г.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко).	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1870	22 мая	С.-Петербург	Новая Бумагопрядильня	3000	300	Д. 3 отд. 3 экспед. с. е. и. в. к. за 1870 г. № 64, ч. 1, л. 1—4.
„	Вторая половина мая	„	Портные мастерских	—	—	«Биржевые Ведомости» 1870 г. № 228 от 26 мая и «Русские ведомости» 1870 года № 112.
„	„	„	Мастерская женщин портних	—	—	(см. выше)
„	Конец мая или начало июня	Варшава	Фабрика (?)	—	—	«Голос» за 1870 г. № 155 от 7 июня (из «Варшавского Дневника»).
„	10 июня	Саратовская губерния	Тамбово-Саратовская железная дорога	-	—	«Саратовский справочный листок» за 1870 г. № 127 от 19 июня.
„	В двадцатых числах июня	Кронштадт	Доковые рабочие, каменьщики подрядчиков Иконникова и Волкова	—	—	Д. деп. пол. исполнит. за 1870 г. № 401 л. 18. (Мартов. «Развитие крупной пром. и раб. движен. в России» изд. «Книга». Петерб. 1923 г., стр. 12. «Голос» за 1870 г. № 173 от 25 июня (из „Кронштадтского Вестника“).
„	29 июня	С.-Петербург, Калашниковская набережн.	Судовые артели	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 г. № 64, ч. 1, л. 36.
„	Июль	Моск. губ. и уезд, с. Сетунь.	Суконная ф. Шульца	50	50	«Голос» за 1870 г. № 195 и 199 от 17 и 21 июля, «Нов. Время» за 1870 г. № 198; «Судебный Вестник» за 1870 г. № 190 и 193 (из «Русских Ведомостей» за 1870 год № 151 и 155).
„	3 августа	Рига.	Верманская лесопильня	—	90	Д. 3 отд. пол. исп. за 1870 г. № 401, л. 11.
„	17 сентября	Вологда	Меховая ф-ка Нечаева	120	120	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 г. № 64, ч. 1, лл. 42—45.
„	7 октября	Москва	Сахарный завод Пассбурга	123	13	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 г. № 64, ч. 1, л.л. 39—40.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1870	Октябрь	С.-Петербург	Завод Липина	—	—	Д. 3 отд. 3, эксп. за 1870 г. № 64, ч. 1, л. 52.
„	15 октября	Москва	Шелковая ф-ка Шалаева	80	19	Д. 3 отд. 3 экс. за 1870 л. 47.
„	20 ноября	Вышний Волочек	Бумагопрядильня Ермакова	2000	500	Тоже № 401, л. 75.
„	?	Белосток	Ткацкие фабрики	—	—	Мартов, стр. 12.
„	?	Яросл. губ.	Ярославская жел. дор.	—	500	«Неделя» за 1870 год № 20, перед. ст. «Железнодор. монополия».
„	?	Харьков	Железнодор. раб.	—	—	«Неделя» за 1870 год № 20, перед. ст. «Железнодор. монополия».
„	?	Яросл. губ.	Рыбинск. жел. дор. раб.	—	—	«Неделя» за 1870 год № 49 «Внутренняя хроника».

1871 год

Год	Месяц и число	Место стачки	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1871	Начало февраля	Ст. Голендры Киево - Балт. ж. дор. и ст. Казатин	Киево-Балтийская жел. дор. Чернорабочие	1000	1000	«Голос» № 43 за 1871 г.
„	Февраль	Вологда	Льняная фабр. Грибанова	38	38	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1871 г. № 64, ч. 1, л. 56.
„	24 апреля	Москва	Фабрика сук. Носовых	1000	500	«Голос» за 1871 г. № 115.
„	„	Вятская губ.	Холуницкие заводы	1500	1500	Д. 3 отд. 3 эксп. № 64, ч. 1., л.л. 58—62.
„	Начало мая	Николаев	Портовые рабочие	—	—	«Голос» за 1871 г. № 128.
„	Конец июня	Черкизово, Моск. губ.	Кирпичный завод Гусарєва	76	76	«Голос» за 1871 г. № 178.
„	29 июня	Згерж. Лодз. уезда	Ткацкая ф-ка Литауэра и др.	200	200	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 год № 64, ч 1, л.л. 88—89. «СПбр. Вед.» за 1871 г. № 169.
„	Июль	Тирасполь-Калиш	Тираспольско-Калишск. ж. д.	—	—	Опись делам деп. пол. исполнит. 3 отд. ст. 1, 1871 г. д. № 447 (дело уничтожено).
„	28 июля	Петербург	Каменьщики в Соляном гор.	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 год № 64, ч. 1. л. л. 114—123.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1871	2 августа	Одесса	Тулупная ф-ка Фаддеева	70	70	Д. 3 отд. 2 эксп. за 1871 г.. № 589, л. л. 34—37.
„	2 августа	Одесса	Извозчики	4000	4000	Д. 3 отд. 2 эксп. за 1871 г. № 589. л. л. 22—28.
„	Сентябрь	Енисейская губ.	Прииск Баландина	—	—	В. Семевский «Рабочие на Сибирских золотых приисках», изд. 1898 г., т. II, стр. 653.
„	Ноябрь	Вильна	Табачная ф-ка «Дурунча»	—	5	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 г., № 64, ч. 1, л. л. 168—169.
„	Осень	Москва	Фабр. Кюнцеля	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1871 г., № 64, ч. 1. л. 152.
„	—	Орехово-Зуево	Текстил.	—	—	Мартов, стр. 12.
„	—	Лифляндия	Лесоп. зав.	—	—	Мартов, стр. 12.
„	—	Петербург	Мех. зав. Бабушкина	—	—	«Голос» за 1871 г. № 125.

1872 год

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1872	Январь	Петербург	Александровский мех. зав.	2000	2000	«Голос» за 1872 г. № 14.
„	Январь	Устюг	Щетинщики Асова. Красильникова и др.	—	—	Д. деп. пол исп. 3 отд. ст. 1, за 1872 г. № 427, л .л. 6—9.
„	Начало мая	—	Кишиневско-Ясская ж. д	—	—	«Голос» за 1872 г. № 39.
„	2 июнь	Кронштадт	Строительн. раб. подр. Бруна	108	108	«Народная ремесленная газета» от 15 июля 1872 г. № 14, стр. 530—31 и «Голос» за 7872 год № 51.
„	Июнь	Московск. у.	Кирпичный завод Катуара	100	100	«Голос» 1871 г. № 57.
„	Август	Нарва	Кренгольмская мануфактура	5000	5000	Арх. мин. вн. дел по канц. м. в. д. за 1872 г. д. № 6 «Русские Вед.» 1872 г. №№ 205 и 206 и «Голос» №№ 131, 6, 7, и 9 и 141, 144, 159, 177 и 180.
„	Август	Моск. губ.	Кирпичный завод Немчинова	83	83	Опись дел деп. пол. исп. 3 отд. 1 стол, за 1872 г. № 285 (дело уничт.).
„	Август	Подольск. у., Моск. губ.	Каменоломни	—	—	«Голос» за 1871 г. № 167.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1872	Август	Подольск Моск. губ.	Фабрика Немоляева	—	—	«Голос» за 1872 год № 167.
"	12 сентября	Москва	Платочно-набивн. фабр. Котова	100	100	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 год № 64, ч. 2, л. л. 8—9.
"	Сентябрь	Мельвицы	Каменно-уг. копи	—	—	Опись дел д. п. исп. 3 отд 1 ст. за 1872 г. д. № 430.
"	Ноябрь	Петербург	Столярная фабрика Алексеева	80	80	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1872 г. № 64, ч. 2.
"	"	Елабужский у. Вятской губ.	Завод Ушкова	782	782	Д. 3 отд 3 эксп. № 70 за 1872 г. л. л. 94—89.
"	Декабрь	Киевск. губ.	Киево-Брест. жел. дорожн. чернорабочие	150	150	«Голос» за 1873 г. № 4
"	—	Феодосия	Пекаря	—	—	«Голос» за 1872 г. № 89
"	—	Феодосия	Резники татары	—	—	«Голос» за 1872 г. № 89
"	—	Феодосия	Водоносы	-	—	«Голос» за 1872 г. № 89
"	—	Полтава	Хлебники (хозяева)	—	—	«Голос» за 1872 г. № 211 «Провинциальн. жизнь».
"	—	Александровск	Лозово-Севастопольская жел. дор.	670	670	«Голос» за 1872 г. № 198.
"	—	Участок при плавнях Днепра	Лозово-Севастопольская жел. дор.	5600	4000	«Голос» за 1873 г. № 33.
"	—	Томская губ.	Золотые промысла	—	—	«Томские губ. вед.» за 1874 год № 6. цит. у В. Семевского «Рабочие на Сибирск. зол. пром.» ч. II, 689.
"	—	Олекминский округ	Промыслы Трапезникова	200	200	Семевский, «Раб. на Сиб. зол. пром.» т. II, 689.
"	—	Олекминский округ	Промыслы Сибирякова	—	—	Семевский, «Раб. на Сиб. зол. пром.» т. II, 689.
"	—	Олекминский округ	Сибирские зол. промыслы	—	—	Семевский, «Раб. на Сиб. зол. пром.» т. II, 689.
"	—	—	Прииски братьев Матюниных	—	—	«Голос» за 1873 г. № 120.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село. местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
			1873 год			
1873	Январь	Кострома	Фабрика Михина	921	921	Мартов, стр. 13.
„	2 апреля	Богородский у. Московск. губ.	Мануфактура Морозова	—	50	Д. деп. п. исп. 3 отд. 1 ст., № 401, л. 77.
„	„	Петербург	Петербургская таможня	100	100	«Голос» за 1873 г. № 251.
„	„	Петербург	Мех. и чуг. лит. завод Голубева	—	—	«Голос» 1873 г. № 44.
„	Май	Таврич. г.	Лозово-Севастопольская жел. дор.	—	500	«Голос» 1873 г. №№ 130 и 136. «Вперед» 1874 г. т. II и т. I 1873 г. «Что делается на родине», стр. 123 и 720.
„	Июнь	Казань	Рабочие на постройке бухты и канала	2000	1500	«Голос» 1873 г. № 172 и Д. деп. пол. исп. ст. I за 1873 г. № 158, л. 1.
„	„	г. Макарьевск на Унже Волог. губ.	Сплавщики леса	104	104	«Голос» 1873 г. № 182.
„	„	Баскунчак Астрах. губ.	Рабочие соляных приисков	300	300	«Вперед» за 1875 г. №№ 22 и 23, стр. 718—19.
„	Июль	Ревель	Извозчики	—	—	«Голос» 1873 г. №№ 200 и 203.
„	Октябрь	с. Выхвостово Черниг. губ.	Винокуренный завод Гриневского	—	—	«Вперед» 1875 г. №№ 22 и 23, стр. 718—19.
„	Ноябрь	Серпуховск. у. Моск. губ.	Фабрика Коншина	979	200	Д. 3 отд. 3 эксп. № 64, ч. 2 за 1870 г. л.л. 32 и 33. «Голос» 1873 г. № 327.
„	17 дек.	Серпухов	Фабр. Третьяковых	700	700	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 год № 64 ч. 2, л.л. 34—37. «Вперед» за 1874 г., т. II. «Что делается на родине», стр. 127 и «Голос» 1873 г. № 354.
„	?	Забайкальская область	Ново-Александровские золот. промыслы Сабашниковых	—	218	В. Семевский. «Рабочие на Сибирск. золот. промыслах» т. II, стр. 704—5
„	?	Олекминский горной округ	Золотые промыслы «о-ва арендаторов»	—	—	В. Семевский «Раб. на зол. промыслах в Сиб.», т. II, стр. 689.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1873	?	Енисейская губ.	Частные золотые прииски	15045	586	«Голос» 1874 г. № 241.
„	?	Енисейская губ.	Прииски купца Андреева	70	34	«Голос» 1874 г. № 241.
			1874 год			
1874	14 февраля	Згерж	Фабрики Мейергофа, Борота и др.	280	100	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г. № 70, л. 2
„	14 февраля	Орловская губ.	Лавровский винокуренный завод	—	22 (вместе)	«Вперед» за 1874 г.
„	„	Орловск. губ.	Жирятинский винокур. завод	—		
„	15 февраля	Петербург	Мастерские Николаевской жел. дор.	200	200	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г. № 70, л.л. 6—9.
„	„	Петербург	Невский мех. зав. (б. Семянникова)	2259	2259	«Голос» 1874 г. № 51.
„	4 марта	Петербург	Кожевенный завод Барановского	103	103	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г., служ. зап. от 5 марта 1874 г.
„	Апрель	Екатериносл. губ.	Завод Юза.	1500	1500	«Вперед» за 1875 год. № 12, стр. 372—373.
„	24 апреля	Богородский уезд	Фабрика купца Шибаева	600	600	Д. деп. исп. за 1874 г., ст. 1, д. № 120 и д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л.л. 37—39 и л.л. 64—65.
„	Апрель	Новочеркаск	Мясники	—	—	«Голос» 1874 г. №№ 114 и 120.
„	Апрель	Саратов	Мастерские Сарат. ж. д.	—	—	Автобиография С. Волкова.
„	25 апреля	Вышний Волочек	Фабрика Ермакова	1300	1300	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л.л. 54—55.
„	1—4 мая	Забайк. округ	Ионно-Дамаскинский прииск заб. т-ва	—	—	В. Семевский, т. II, стр. 708.
„	Май	Петербург	Невский мех. зав. (б. зав. Семянникова)	2259	2259	«Вперед» за 1875 г. № 11, стр. 330—333 и д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л.л. 45—47.
„	„	Петербург	Лиговские пруды	—	—	«Голос» за 1874 г. № 250.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1874	Май	Пермская губ. Нижний Тагил	Заводы Демидова (8 заводов)	10000	10000	«Голос» 1874 г. № 220.
»	22 мая	Выборг	Извозчики	107	102	Д. 3 отд 3 эксп. за 1874 г. № 67, л. 16.
»	Май	Волхов	Судовые команды	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л. 58.
»	Июнь	Александров Покровск. у.	Фабрика Баранова	4248	4248	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70.
»	18 июня	Борисполь	Свекло-сах. зав. Горецкого	200	200	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л. 104.
»	Июнь—Июль	Елабужск. у.	Хим. зав. Ушкова	782	75	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г. № 70, л.л. 94—101.
»	6 июля	Або	Строит. раб. на Або-Таваст.ж.д.	106	106	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г. № 70. л.л. 87—89 и 110—111.
»	Август	Петербург	Малярный цех Семян. зав.	2259	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1874 г. № 70, л. 109.
»	Сентябрь	Ландверово Вил. губ.	Гвоздильный завод	48	48	«Вперед» 1875 г. № 24, стр. 754 и Мартов, стр. 13. Сборник решений касац. и первого департ. правит. сената за 1875 г., стр. 327.
»	»	Плиски	Фабрика Скворцова	—	—	Опись дел 3 отд. в пакетах за 1874 г. №316, д. ун.
»	Октябрь	Москва	Фабрика Лазарева	200	200	Мартов, стр. 13 и «Голос» 1875 г. № 48, 58, 76 и 97, «Неделя» за 1875 год № 7. «Русские Вед.» 1875 год № 42. «Нов. Время» за 1875 г. № 42.
»	»	Петербург	Тов. Латунной промышл.	168	84	«Вперед» за 1875 г. № 8 стр. 242.
»	15 ноября	Петербург	Фабр. Шау	211	200	«Вперед» за 1875 г. № 8, стр. 240.
»	»	Кинешемск. у. Костр. г.	Далматовская фабр. Зубкова	—	79	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л. 117.
»	»	Петербург. губ. Царскос. у.	Стекл. зав. Зиновьева	364	364	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1873 г. № 225.
»	Декабрь	Петербург	Фабр. Шау	211	211	«Вперед» № 8 за 1875 г., стр. 242.
»	»	Петербург	Маст. Варш. жел. дор.	—	—	«Вперед» № 8 за 1875 г., стр. 238—239

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
			1875 год			
1875	Январь	Петербург	Патронный завод	—	80	«Вперед» 1875 г. № 6, стр. 172.
„	Январь	Петербург	Новая Бумагопрядильня	—	300	«Вперед» 1875 г. № 8, стр. 242.
„	22 января	Ст. Затишье	Одесские ж. д. рабочие по очистке снега	—	300	«Голос» 1875 г. № 88.
„	Январь	Петербург	Фабрика Максвеля	2000	2000	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1875 г.
„	Февраль	Одесса	Зав. Беллино-Фендерих	413	413	«Вперед» за 1875 год № 20, стр. 629.
„	Февраль	Петербург	Путиловский завод	3228	3228	II секр. архив 3 отд., секр. сведения в пакетах за 1875 г. № 10/4.
„	Март	Подольская г., Бракловский у., п. Вороновица	Свекло-сах. зав.	—	30	«Голос» 1875 г. № 74.
„	Апрель	Петербург	Зав. Семянникова	2259	2259	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1874 г. № 70, л.л. 122—127.
„	Май (в начале мес.)	Екатеринославск. губ.	Завод Юза	1500	1500	«Биржевые Вед.» 1875 г. №№ 140 и 176; «С.-Петербургские Ведомости» за 1875 г № 138; «Голос» за 1875 г. № 141; «Русск. Вед.» за 1875 г. №№ 111 и 141; «Новое Время» за 1875 г. № 123; «Современ. Извест.» за 1875 г. №№ 140 и 183; «Вперед» за 1875 год № 12, стр. 372 и 303.
„	„	Оренбург. губ.	Оренбургск. жел. дор.	7400	700	Д. 3 отд. деп. пол. исп. за 1875 г. 1 ст. № 158, л.л. 1—3.
„	Май или июнь (перед Троицей)	Екатер. губ.	Завод Юза	1500	1500	Те же источники, что и о первой забастовке на том же заводе, см. также Новополин «Из истор. раб. движ.» «Лет. рев.» Харьков, 1923 г. № 2.
„	Июль [1]	Серпухов	Фабрика Коншина	2500	2500	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1875 г. № 50, л.л. 92—97 и 105—109.

[1]) П. Моисеенко упоминает о стачке на фабрике Шау в марте 1875 г., но за невозможностью проверить это утверждение стачка не помещена в таблицу.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1875	Август	Рыбинск	Мельница Караевой	—	—	
„	Ноябрь	Петербург	Чугунно-лит. зав. Неслера	400	400	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 г. № 32. л. 206 и II секр. архив, секр. свед. за 1875 г. № Б/58.
„	„	Сестрорецк Петерб. губ.	Сестрор. зав.	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1875 г. № 32, ч. 2, л. 9.
„	„	Одесса	Таб. фабр.	20	20	«Вперед» за 1875 год № 23, стр. 726.
„	„	Кременчуг	Таб. фабр.	101	101	
„	Декабрь	Москва	Шелковая фабрика Лезерсона	358	358	Д. 3 отд. 3 эксп. 1875 г. № 50, ч. 2, л. 6.
„	„	м. Хороша, Белостокск. у.	Шерстяная фабрика Моэса	870	370	«Вперед» за 1875 г. № 24, стр. 755.
„	„	Смол. губ., Ельнинск. у., с. Замошье	Суконная фабрика	—	—	«Вперед» 1876 г. № 29, стр. 150.
„	„	Одесса	Типография Бирукова	—	—	«Вперед» за 1876 г. № 29, стр. 148—9.
„	„	Киевск. губ.	Киево-Брестская ж. д.	—	—	«Вперед» за 1876 г. № 39, стр. 512.
„	„	Петербург	Строит. раб.	30900[1]	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1870 год № 64, ч. 2, л.л. 10—13.

1876 год

Год	Месяц и число	Место стачки	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1876	Январь	Петербург	Александр. завод	1944	1000	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876 г. № 10, лл. 4, 5 и 6.
„	Февраль	Варшава	Зав. Рац, Лвенштейн и Лильпоп	500	160	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876 г. № 25, л. 8.
„	„	Петербург	Зав. Берда	1514	1514	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876 г. № 10, л. 43.
„	„	Белосток	Извозчики	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г. № 32, л.л. 18—21.
„	„	Петербург	Фабр. Кнорре	120	120	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876—7 г.г. № 10, л.л. 32, 33 и 51.

[1]) Эти 30 т.—все количество строительных рабочих в Петербурге, но сколько из этого числа бастовало, установить не удалось, поэтому в подсчет они не вошли.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1876	28 февр.	Петербург	Фабрика Максвеля	2000	2000	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876—77 г.г. № 10, л. 67.
„	1 марта	Орехово-Зуево	Фабрика Саввы Морозова	3946	540	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г. № 39, л.л. 15, 16, 17 и 18.
„	2 марта	Калужская губ.	Чугунно-литейный Мышегский завод	400	200	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г. № 119, л.л. 3 — 21 и 25—31.
„	22 марта	Богородск. уезд Моск. губ.	Фабрика Скороспелова	336	336	Д. 3 отд. 3 эксп, 1876 г. № 53, л.л. 45—47.
„	„	Финляндия	Им. кн. Ухтомского; раб. пильщики	350	59	«Голос» 1876 г. № 75.
„	„	Пермск. губ. с. Усолье	Усольские солян. промыслы	—	—	«Голос» за 1876 г. № 104.
„	Май	Олон. губ. Лодейное поле	Винокуренный завод Манина	—	80	Д. 3 отд. 3 эксп. ст. 1 за 1876 г. № 143. л. 1.
„	Июнь	Костр. губ.	Торфяник фон-Рабенека	50	50	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876 г. № 53, л.л.65—66.
„	„	Москва	Фабрика Вольфберга	23	23	«Голос» за 1876 г. № 152.
„	„	Петерб. губ., Шлиссельбург. уезд	Кирпичный зав. Лядова	—	102	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1876 г. № 103, л.л. 1—2.
„	14 июня	Вышний Волочек	Фабрика Ермакова	1300	114	Д. деп. пол. исп. 1876 г. 1 ст. № 103, л.л. 1—2.
„	„	Петербург	Путиловскнй завод	3228	3228	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г. № 10, л. 125.
„	31 июля	Сибирь	Золот. прииски Прибрежно-Витимской комп.	—	—	Арх. Ирк. горн. упр. к. 2578, № 215—269; цит. у В. Семевского, стр. 690—93.
„	Август	Енисейск. губ.	Заводы Пермикина	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп, 1876 г. № 139, л.л. 22 и сл.
„	Сентябрь	Нижегор. губ. Сормово	Сормовский завод	1911	500	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г № 81, л.л. 37 и сл.
„	Октябрь	Петербург	Путиловский завод	3228	500	Д. 3 отд. 3 эксп. № 10, л. 161.
„	„	Ревель	Типография «Рев. Газ.» Линдфорса	—	—	Оп. д. деп. пол. исп. за 1876 г., ст. 1, № 214 д. ун.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1876	Ноябрь	Домарово-Петроковск. губ.	Угольн. копи шахта «Кошелево»	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1876 г № 49, л. 68
„	„	Кавказ	Поти-Тифлисск. ж. д.	—	—	«Вперед» за 1876 г. № 37, стр. 454.
„	„	Петербург. г. Царск. у.	Хруст. зав. Ульянова	90	90	Д. 3 отд. 3 эксп. «Свед. по Царск. у., Петерб. губ.» за 1876 г.
			1877 год			
1877	Январь	Васильк. уезд Киевской г.	Соливанский сахарный зав. гр. Браницкого	50	50	Д. деп. пол. исп. 3 отд. ст. 1 за 1877 г. № 1, л.л. 3—4.
„	Май	Архангел. губ. Мезеньск. уезд	Лесопильный завод Русанова	200	15	«Голос» за 1877 г. № 148.
„	20 июля	Пермская губ.	Пермско-Екатеринб. ж. д.	360	360	«Голос» за 1877 г. № 171.
„	Ноябрь	Гродненск. губ.	Добринская суконная фабр.	71	71	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1878 г. № 18, л.л. 52—3.
„	„	Белосток	Ткачи	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1878 г. № 18, донесение Гродн. губ. от 27/X—1878 г.
„	„	Петербург	Завод Мак-ферсона	—	—	В показаниях В. П. Обнорского в его деле. «Истор. револ.» сб., т. III.
„	„	Петербург	Путиловск. з.	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. за 1877 г. № 2, л. 94—95. «Община». Соц.-революц. обозрение за 1877 г. Март—апрель, стр. 27.
„	„	Петербург	Зав. Главного Общ. Рос. ж.д.	—	—	
			1878 год			
1878	17 января	Петербургск. г. д. Волынкино	Екатерингофская бумагопрядильн.	750	150	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 10, ч. I, л.л. 4—5.
„	2 февр.	Петербург	Новая бумагопрядил.	3000	3000	Орган „Земли и Воли“ „Начало“ за 1878 г. № 1.
„	„	Петербург	Фабр. Паля	269	269	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 10, л.л. 58—43.
„	1 марта	Мест. Кнышино Гродненск. г.	8 фабрик	105	105	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 18, л.л. 53—56.
„	27 марта	Москва	Фабр. Простякова	212	212	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 40, л. 29.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1878	10 мая	Петербург	Металлич. зав. на Выборгск й (бомбочн. отд.)	—	—	II секретн. архив, секр. свед. в пакетах 1878 г. № с 3.
„	22 мая	Мест. Супрасле Гродненск. г.	Фабр. Аунерт	134	134	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 18, л.л. 53—56.
„	29 мая	—	Повенец-Сумская почт. дор.	—	130	„Голос" за 1878 г. № 184.
„	Конец мая	Сибирь, Южно-Енисейск. сист.	Попутный прииск Мотонина	—	135	Арх. Горн. Испр. Южн. части Енис. окр. д. 1878 г. № 29; цит. В. Семевским т. II, стр. 654.
„	Июнь	Село Тейково Владим. г.	Фабр. Каретниковых	3000	3000	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 51, л.л. 7, 8, 9, 10 и 11.
„	Июль	Москва	Фабр. Третьяковых	1500	1500	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 40, л.л. 87—39.
„	„	Новая Ладога	Постройка Сясьского канала	—	—	„Голос" 1878 г. № 195.
„	Август	Серпухов	Фабр. Коншина	2500	2500	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 48, л. 39.
„	„	Кострома	Зав. Шипова	932	932	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 17, л. 15.
„	Сентябрь	Гродн. губ.	Фабр. Комшау и Филиппе	389	389	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 18, л.л. 52—53.
„	13 сент.	Нерехта	Фабр. бр. Дьяконовых	—	50 (мал.)	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 17, л. 18.
„	20 сент.	Москва	Моск.-Курск жел. дор. (ваг. маст.)	—	400	„Голос" 1876 г. № 266 и 266; „Русск. Вед." 1878 г. 240 „Совр. Изв." 1878 г. № 263; „Биржев. Вед." 1878 г. № 264 и „Моск. Вед." 1878 г. № 240.
„	„	Петербург	Фортеп. фабр. Беккера	287	40	„Земля и Воля" 1878 г. № 3, корресп. Г. В. Плеханова.
„	„	Петербург	Зав. Курикова	446	200	„Голос" 3 1878 г. № 174.
„	24 сент.	Петербург	Табачн. фабр. Мичри	803 (вместе с Шапшал)	100	„Земля и Воля" 1878 г. № 3, корресп Г. В. Плеханова.
„	26 сент.	Петербург	Табачн. фабр Шапшал		200	Там же.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1878	27 сент.	Петербург	Слес.-механ. мастерск. Ангарского	—	—	„Голос" 1878 г. № 271 „Русск. Вед." 1878; г. № 348; „Совр. Изв. 1878 г. № 273; „Моск. Вед." 1878 г. № 249; „Нов. Вр." 1878 г. № 932, „С. Пет. Листок" за 1878 г. № 193.
„	„	Боровичи	Строит. рабоч. Боровичск. ж. д.	212	212	„Набат" за 1878 г. корресп. стр. 47.
„	„	Белосток	Фабр. Розенталя	9	9	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 18, л.л. 50—52.
„	26 окт.	Одесса	Грузчики и литейщики Одесск. ж. д.	—	—	„Голос" 1878 г. № 305 и 308; „Нов. Вр. 1878 г. № 956; „Биржев. Вед." № 306; „Русск. Правда" 1878 г. % 36; „Правда" 1878 г. № 243 и 246 и „Русск. Вед." (из „Голоса") 1878 г. № 282. „Община" Соц. рев. и обзор. за 1878 г. № 3 и 4, стр. 31.
„	6 ноября	—	Боризанский свеклосах. зав.	—	—	„Голос" 1878 г. № 317.
„	29 ноября	Петербург	Фабр. Кенига	200	200	„Земля и Воля" 1878 г. № 3 корресп. Г. В. Плеханова.
„	Декабрь	Москва	Суконная фабр. В. С.	—	—	„Совр. Изв." 1878 г. № 342; „Голос" 1878 г. № 342; „Русск. Правда" 1878 г. № 73.
„	„	Колом. уезд	Фабр. Деминых	—	—	„Голос" 1878 г. № 355 и „Русск. Вед." 1878 г..
„	24 дек.	Варшава	Булочная Выгалковского	6	3	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 336, л.л. 34—35.

1879 год

Год	Месяц и число	Место стачки	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1879	Январь	Село Ясень, Новор. уезда, Петрок. г.	Стекл. зав. Фигимана	—	8	3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 39, л.л. 1—4.
„	„	Белосток	Шерст. фабр. Друкэр	9	9	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 18, л.л. 65—69.
„	15 января	Петербург	Новая Бумагопряд.	3000	3000	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 73 ч. 1. Плеханов. „Земля и Воля" 1873 г. № 3.
„	Январь	Петербург	Фабр. Шау	211	150	Там же.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1879	22 янв.	Волынкино, Петерб. г.	Екатерингофск. бумагопряд.	—	100 (мальч.)	Д. 3 отд. 3 экс. 1879 г. № 73, ч. 1.
„	29 янв.	Лодзь	Шерст. фабр. Двильона	50	50	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878—79 г.г. № 336, л. 28.
„	6 февр.	Петербург	Завод «Атлас»	90	90	Д. 3 отд. 3 эксп 1879 г. № 34, л.л. 11—12.
„	Февраль	Вологда	Рабочие по обделке льна	—	—	„Голос" 1879 г. № 82, была переп. в „Русск. Вед." № 76, „Нов. Вр." 1102, „Молва" № 84.
„	Март	Дмитровск. у. Моск. губ.	Вознесенская ман. Лепешкина	2371	1500	Д. 3 отд. 3 экс. 1879 г. № 22, л. 18.
„	„	Руза Моск. губ.	Фабр. Богомолова	—	100	„Голос" 1879 г. № 70.
„	17 — 19 марта	Киев	Киевские ж.-д. мастерские	2000	2000	„Правда" 1879 г. № 64 и „Голос" 1879 г. № 90.
„	19 марта	Пермь	Мотовилихинский зав.	—	62	Д. 3 отд. 3 эксп. 1979 г. № 78, л.л. 77—83.
„	Март	Подольск. губ.	Ольгиопольск. сах. зав.	450	47	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 158, л.л. 1—17.
„	Апрель	Петербург	Чугунно-лит. зав. «Кинг»	100	100	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 34, л. 9.
„	18, 19 и 20 апреля	Серпуховск. у. Моск. губ.	Фабр. Н. Н. Коншина	2700	2700	Д. 3 отд. 3 эксп. 1878 г. № 22, л.л. 28—29.
„	„	Петербург	Семянниковск. зав.	2500	2500	Мартов, стр. 18.
„	„	Иваново-Вознесенск	Фабр. Зубкова	700	700	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 37, л.л. 56—59.
„	1 мая	Верхнеуд. окр. Забайк. обл.	Иннокентьевск. прииск Краузе	—	150	В. Семевский т. II, стр. 708.
„	Май	Трубчевск	Раб. по обделке пеньки	—	—	„Неделя" 1879 г. № 11-13, стр. 390.
„	5 июня	Серпухов	Фабр. Третьяковых	1500	1500	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 22, л. 43.
„	5 июня	Серпухов	Фабр. Ильина	245	200	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 22, л.л. 43—55.
„	8 июня	Харьков	Кирпичн. зав. «Успех» Шпидтмана	—	14	Д. 3 эксп. 3 эксп. деп. пол. исп. 1879 г. ст. 1. № 242.
„	14 июня	Серпухов	Фабр. Мараева	370	370	Д. 3. отд. 3 эксп. 1879 г. № 22, л. 57.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1879	1 июля	Шахтная	Антрац. рудн. Русск. общ. пром. и торг.	—	—	„Русская Правда" 1879 г. № 83, „Нов. Вр." 1879 г. № 1220 и „Русск. Вед." 1879 г. № 186.
"	Июль	Пермская губ.	Миасские зол. прииски	—	—	„Русская Правда" 1879 г. № 76.
"	17 июля	Воронеж	Железно-дор. мастерск.	—	700	„Русская Правда" 1879 г. № 83.
"	18 июля	Одесса	Табачн. фабр. Попова	—	—	„Русская Правда" 1879 г. № 85.
"	31 июля	Калужская г.	Дугюнский зав.	—	100	3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 34, л.л. 94—95.
"	1 августа	Амурская обл.	Прииск Зейской Комп.	—	—	В. Семевский, т. II, стр. 713 и 717.
"	1 августа	Петербург	Кузница пожарн. ком.	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 73, ч. 3.
"	Август	Нежинский у.	Свеклосахарн. зав. Тарновского	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 45, л. 114.
"	Август	Гуслицы Московск. губ.	Фабр. Балашова	—	—	„Голос" 1879 г. № 234, „Русск. Вед." 1879 г № 214 и „Русская Правда" 1879 г. № 117.
"	16 авг.	Московск. уезд	Бумаготкацк. фабр. Гилля	1000	400	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 22, л. 145.
"	27 авг.	Царскосел. у. Петерб. губ.	Стеклянн. зав. Зиновьева	200	200 (солдаты)	Д. 3 отд. 3 эксп. деп. пол. исп. 1879 г. № 309. ст. 1.
"	Сентябрь	Москва	Суконн. фабр. Шрадера	—	600	„Голос" 1879 г. № 286, „Русск. Вед." 1879 г. № 257, „Нов. Вр." 1879 г. № 1306 (из „Рус. Вед.") „Молва" 1879 г. № 287.
"	6 окт.	Владимирск. г.	Собиновская мануфактура	2000	2000	Д. 3 отд. 3 эксп. 1879 г. № 37, л.л. 169—171.
"	30 ноябр.	Кинешемск. у.	Долматовская ман. Миндовского и Кокарева	770	770	Д. 3 отд. 3 эксп. деп. пол. исп. 1879 г. ст. 1, № 466.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
			1880 год			
1880	15 февр.	Москва	Шелкоткацкая фабр. Каверина	200	200	„Русские Ведомости“ 1880 г. № 52.
„	22 февр.	Киев	Жел.-дорожн. мастерские	1500	1500	„Голос“ 1880 г. № 67. „Русск. Вед.“ 1880 г. № 64. „Русск. Правда“ 1880 г. № 7 „Нов. Время“ 1880 г. № 1444; „Моск. Вед.“ 1880 г. № 69; „Киевлянин“ 1880 года № 51.
„	Февраль	Москва	Фабр. Бровкина	270	270	„Русск. Вед“ 1880 г. № 28.
„	8 мая	Петербург	Новая Бумагопрядил.	—	800	Д. 3 отд. 3 экс. 1880 г. № 508, л. 4.
„	10 мая	Петербург	Александровск. зав.	1500	1500	Д. 3 отд. 3 эксп. 1880 г. № 508, л. 6—7.
„	10 июня	Петербург	Строит. раб. подр. Астратова и Трифонова по прор. Финского кан.	150	150	Д. 3 отд. 3 эксп. 1880 г. № 508.
„	Июнь	С.-Петербургск. уезд	Кирпичн. зав. Агапонова	—	—	Д. 3 отд. 3. эксп. 1880 г. № 508, л. л. 14—15.
„	9 сент.	Ярцево	Хлудовская мануфактура	2600	2600	„Голос“ 1880 года №№ 252, 8; „Земство“ 1880 г. № 1. „Русск. Вед.“ 1880 г. №№ 234, 6, 9 и 247; „Моск. Вед.“ 1880 г. № 233; „Страна“ 1880 г. № 72; „Смол. Вестник“ 1880 г. №№ 102, 103 и 105; „Молва“, 1880 г. №№ 253 и 258; „Совр. Изв.“ 1880 г. № 254 и 257 „Русский Курьер“ 1880 г. № 252; „Дело“ 1880 г. X, стр. 114—5; „Слово“ 1880 г. XI стр. 78—81; „Русская мысль“ 1880 г. XI, стр. 39—40; „Неделя“ 1880 г. №№ 26, 27 и 39 Арх. б. мин. внутр. дел. деп. общ. дел. отд. II, ст. 2, 1881 г. № 382.
„	Сент.	Киев	Арсенал	—	—	Дел. о Южно-русск. союзе в Киеве за 1880 г. 3 отд. б. е. и. в. к. № 180.

Год	Месяц и число	Место стачки (губерния, город, уезд, село, местечко)	Название предприятия	Число рабочих	Число бастовавших	Источники
1880	Октябрь	Петербург	Александровский зав.	—	80	Д. 3 отд., 3 эксп. 1880 г. № 508. служ. зап. от 22 окт. 1880 г.
„	„	Коломенск. у. Московск. губ. с. Озеры	Фабр. Щербакова	—	600	„Русск. Ведом." 1880 г. № 256; „Голос" 1880 г. № 233; „Нов. Вр." 1880 г. № 1661; „Молва" 1880 г. № 284; „Русский Курьер" 1880 г. № 279; „Земство" 1880 г. № 3.
„	Ноябрь	Серпухов	Фабр. Серикова	—	—	„Голос" 1880 г. № 328; „Молва" 1880 г. № 329; „Соврем. Нов." 1880 г. № 331
„	Декабрь	Петербург	Механ. зав. Голубева	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1880 г. № 772, л. 2.
„	31 дек.	Петербург	Механ. зав. Фридландера	—	—	Д. 3 отд. 3 эксп. 1880 г. № 83. л.л. 58—59.

Источниками для настоящей работы служили: 1) дела 3 отделения б. соб. его имп. вел. канцелярии за одиннадцать лет, — а) 3-ей экспедиции с 1870 до 1880 г., б) описи делам деп. полиции исполнительной, стол первый за те же годы, в) архив мин. внутр. дел по канцелярии м. в. д. за те же годы, г) секретные сведения в пакетах II секр. архива за те же годы, 2) современная периодическая пресса (газеты и журналы, просмотренные за 11 лет с 1870 по 1880 г., ссылки на которые также даются), 3) немногочисленная нелегальная литература и 4) немногочисленные печатные статьи и работы по вопросу.

Таблица II

Число стачек и бастовавших рабочих в 1870—80 г.г.

Годы	Число бастовавш. рабочих	Число стачек с известным числом бастовавших рабоч.	Всего стачек	Число бастовавших в % к общему числу за 11 лет
1	2	3	4	5
1870	1592	8	18	1,32
1871	7389	9	17	6,14
1872	13273	12	25	11,01
1873	5213	12	16	4,32
1874	24260	22	30	20,12
1875	16059	17	23	13,32
1876	10616	18	25	8,80
1877	496	4	8	0,41
1878	13870	23	30	11,50
1879	20120	28	37	16,68
1880	7700	9	14	6,39
Всего.	120588	162	247	100

В подсчет в этой таблице не вошли стачки, которые проверить по имевшимся в нашем распоряжении сведениям было невозможно: стачки судовых рабочих в Петербурге в 1875 г. (работало 30 тыс. чел.), стачка на фабрике Коншина в январе 1879 г., о которой говорит Мартов, стачка на фабрике Дурунча, которую Мартов относит к 1875 г. (в 1872 г. она вошла), стачка строителей в Казани и те волнения на заводах, о которых говорится в примечаниях к таблице первой. Цыфры, кроме проверки по данным, находящихся в документах, проверялись и по печатным источникам, напр. по перечню фабрик и заводов за 1880 г. Цыфры второй колонки строго проверены по официальным документам, ссылки на листы дел находятся в списке источников первой таблицы и в подстрочных примечаниях текста. Подсчет, конечно, обнимает и случаи волнений.

Годы / Категории рабочех	1870		1871		1872		1873		1874		1875		1876		1877		1878		1879		1880		Итого		% % бастовавших ко всему числу бастовавших	% % стачек ко всему числу стачек
	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.		
Механические	2	—	2	1500/1	2	2782/2	1	—	10	16350/7	8	9380/7	8	7102/7	3	—	5	1532/3	8	5552/7	6	3080/3	55	47278/37	39,20	22,84
Текстильные	6	869/4	5	738/3	3	5100/2	4	1871/4	9	6938/8	6	5528/5	6	3133/6	2	71/1	14	11129/12	19	11149/16	6	4470/5	80	53996/66	44,78	40,74
Строительн.	4	500/1	4	1000/1	6	4928/4	2	2000/2	2	106/1	3	700/1	2	59/1	1	360/1	4	791/3	—	—	1	150/1	29	10534/16	8,74	9,87
Прочие	6	223/3	7	4151/4	14	463/4	9	1342/6	9	866/6	6	451/4	9	322/4	2	65/2	7	478/5	10	419/5	1	—	79	8780/43	7,28	26,54
Всего	18	1592/8	17	7389/9	25	13273/12	16	5213/12	30	24260/22	23	16059/17	25	10616/18	8	496/4	30	13870/23	37	20120/28	14	7700/9	243	120588/162	100,00	100,00

Примечание: Числитель дроби указывает число участников в стачках, а знаменатель число стачек, в которых известно число бастовавших.

Годы	1870		1871		1872		1873		1874		1875		1876		1877		1878		1879		1880		Итого		%% ко всему числу бастовавших
Районы \ Число стач. и бастов. рабоч.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	Число стачек	Число бастующ.	
Северный . .	11	1510/5	4	1538/2	6	7970/5	3	204/2	16	7263/12	8	8267/6	11	8807/11	4	15/1	12	4294/9	10	6148/8	7	2530/4	92	48546/65	40,26
Центральн. . .	4	82/3	4	576/2	5	283/3	5	3371/5	6	5149/5	3	2858/2	6	1649/6	—	—	10	8806/8	14	11640/13	5	3670/4	62	38084/51	31,58
Западный . .	2	—	3	205/2	1	—	1	—	3	348/3	2	370/1	4	160/1	2	71/1	5	640/5	2	59/2	—	—	25	1853/15	1,54
Урал и Сибирь	—	—	1	—	5	200/1	4	838/3	2	10000/1	1	700/1	3	—	1	360/1	—	—	4	212/2	—	—	21	12310/9	10,21
Юг	1	—	5	5070/3	8	4820/3	3	800/2	9	1500/1	3	3864/7	1	—	1	50/1	3	130/1	7	2061/3	2	1500/1	43	19795/22	16,41
Всего . .	18	1592/8	17	7389/9	25	13273/12	16	5213/12	30	24260/22	23	16059/17	25	10616/18	8	496/4	30	13870/23	37	20120/28	14	7700/9	243	120588/162	100,00

Примечание: Числитель дроби указывает число участников в стачке, а знаменатель число стачек, в которых известно число бастовавших.

Таблица V

Распределение стачек по результатам

Результаты стачек / Число стачек и бастующ. / Годы	В пользу рабочих		В пользу предпринимателя		Компромисс		Неизвестн. исход		Всего число	
	Число стачек	Число бастующ. в стачках, число которых указ. в знамен.	Число стачек	Число бастующ. в стачках, число которых указ. в знамен.	Число стачек	Число бастующ. в стачках, число которых указ. в знамен.	Число. стачек	Число бастующ. в стачках, число которых указ. в знамен.	Стачек	Бастовавших в стачках, число которых указано в знамен.
1870	3	50/1	10	1452/6	—	—	5	90/1	18	1592/8
1871	1	200/1	8	6113/6	—	—	8	1076/2	17	5389/9
1872	5	5258/3	5	2962/4	7	4870/3	8	183/2	25	14273/12
1873	2	200/1	5	2568/5	4	1320/3	5	1125/3	16	5213/12
1874	10	7205/8	9	2119/8	3	302/2	8	14634/4	30	24260/22
1875	6	5252/4	6	2128/5	1	300/1	10	8379/7	23	16059/17
1876	9	6233/8	10	4270/8	—	—	6	113/2	25	10616/18
1877	1	—	2	86/2	—	—	5	410/2	8	496/4
1878	12	6324/8	9	6356/8	3	150/1	6	1040/3	30	13870/23
1879	14	13160/12	12	6788/9	1	700/1	10	472/6	37	21120/28
1880	5	3200/3	4	3630/4	—	—	5	870/2	14	7700/9
Итого . .	68	46082/52	80	38472/65	19	7649/11	76	28391/34	243	120588/162
%		38,22		31,90		6,34		23,54		

В знаменателе указано число стачек, в числителе число рабочих, принимавших в них участие.

Распределение стачек по причинам возникновения

Причина стачек	Понижение зар. платы, расценка, низк. зараб. плата		Штрафы, вычеты и др. удержан. из заработной платы		Неправильн. расчет, задержка платы		Плохие услов. работы, жилища и т. п.		Плохое обращение администрац.		Плохое продовольств. в общ. фабр. столов. и т. п.		Продолжит. рабочий день		Прочие причины		Всего число	
Годы \ Число стачек и бастующих	Число стачек	Число бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Число бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Число бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Число бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Чис. бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Чис. бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Чис. бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Число стачек	Чис. бастовав. в стачк., число коих указ. в знамен.	Стачек	Чис. бастовав., в стачках число коих указано в знамен.
1870	16	1152/6	—	—	—	—	2	110/2	—	—	—	—	—	—	—	—	18	1592/8
1871	7	5613/6	—	—	2	1076/2	1	500/1	—	—	—	—	1	—	6	200/1	17	7389/9
1872	8	3062/6	1	108/1	1	150/1	6	1870/3	—	—	2	—	1	5000/1	6	83/1	25	13232/12
1873	4	918/2	1	1500/1	5	1204/5	—	—	2	620/2	—	—	—	—	5	971/2	16	5213/12
1874	9	3808/8	5	695/4	6	4621/3	3	10200/2	—	—	—	—	—	—	7	4936/5	10	21260/22
1875	6	4008/5	4	3113/4	8	5689/4	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3649/4	23	16059/17
1876	7	1875/6	3	374/3	10	5917/7	—	—	1	—	—	—	—	—	4	2099/2	25	10616/18
1877	2	71/1	—	—	1	15/1	1	369/1	—	—	—	—	—	—	4	50/1	8	496/4
1878	14	9687/12	2	150/1	3	716/3	1	135/1	1	—	1	—	1	269/1	7	2888/5	30	13870/23
1879	20	13412/15	1	770/1	5	2899/5	2	617/2	—	—	1	63/1	2	2000/1	6	160/3	37	20120/28
1880	7	3550/1	—	—	2	1500/1	—	—	2	2300/2	1	270/1	—	—	2	80/1	14	7700/9
ИТОГО. . .	100	17486/69	17	7070/15	43	23517/32	16	16852/12	6	2920/1	5	332/2	5	7269/3	51	15312/25	213	120588/162
%		39.38		4,95		19.95		13,98		2,41		0,27		6.03		12,72		100,00

В О-ВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

ДОКЛАДЫ

М. Н. Покровский

Н. А. Рожков

(Стенограмма доклада на заседании О-ва Историков-Марксистов от 14-го февраля 1927 г., посвященном памяти Н. А. Рожкова).

О-во Историков-Марксистов посвящает это свое заседание памяти скончавшегося около 2-х недель тому назад Н. А. Рожкова. В лице Н. А. мы потеряли, во-первых, одного из крупнейших историков материалистического направления, каких имела наша страна. Мы потеряли в нем, кроме того, исключительного по своему таланту и по своей энергии пропагандиста—просветителя, которого можно поставить на ряду с лучшими образцами этого типа 60-х г.г. Мы потеряли в его лице превосходного преподавателя истории, без которого мы ощущаем пустоту в целом ряде наших высших учебных заведений и мы потеряли, кроме того, старого товарища, человека, который был вместе с нами в самые трудные минуты и, как это было признано Лениным, даже в статьях, направленных прямо против Н. А., с честью нес знамя партии в эти тяжелые годы.

Я несколько самочинно начинаю выступления своим докладом просто потому, что первый докладчик, который должен был осветить фигуру Н. А., как нашего маленького политического центра в 1905 г., почему-то опоздал, не приехал; он, вероятно, приедет, и тогда мы поставим его доклад на соответствующее место, а пока позвольте мне мои 20 минут заполнить характеристикой Н. А. Рожкова, как историка-марксиста.

Хотя совершенно правильно было сказано на гражданской панихиде по Н. А., что он пришел к нам не через какую-нибудь либеральную организацию, тем не менее Н. А. не принадлежит к числу тех писателей, которые, как писатели, так сказать, родились марксистами, как, например, Ленин. У Ленина мы не знаем домарксистских произведений, он выступил уже как сложившийся марксист в своем первом произведении. Рожков в этом отношении больше похож на Плеханова и имел свой домарксистский период. И период довольно длительный, период, измеряющийся годами. Он, значит, не родился марксистом, а им сделался. Я был свидетелем того, как он делался марксистом, и поэтому позвольте сказать об этом несколько слов, хотя бы в порядке воспоминаний.

В наших маленьких докладах воспоминания и анализ, конечно, будут переплетаться. Свежа еще, слишком могила Н. А., чтобы над этой могилой можно было даже академическим людям предаваться чисто академическим изысканиям. А мы—марксисты, вообще, не склонны к чисто академическим изысканиям.

Н. А. Рожков приехал в Москву, по-моему, в 1897 г. И первая моя встреча с ним произошла на заседании комиссии по организации домашнего чтения, очень памятном, вероятно, многим учреждении, которое теперь — не самое учреждение, а его работа — начинает вновь входить в моду: теперь

о заочном обучении вновь везде говорят. Так вот, на первой попытке организации такого заочного обучения мы и сошлись с Н. А. Было это, вероятно, зимой 1897—98 г. Н. А., который немедленно же вошел в работу, немедленно же чуть ли не в первой беседе взял на себя задачу составить очерк развития русских финансов в XIX веке, т.-е. взялся дать программу и ряд вопросов, подобрать литературу и т. д., пришел на наше заседание и прочел чисто народническую программу. Ему было указано, что программа чисто народническая, а мы были тогда, хотя очень плохими, легальными, но все-таки марксистами. Мы указали Н. А., что нам это не подходит. Н. А. с характеризующей его на всем протяжении деловой добросовестностью не стал с нами спорить, не стал отстаивать своих народнических взглядов, а, свернув в трубочку свою программу, ушел и через 2 недели принес новую программу, нас вполне удовлетворившую. Совершенно ясно, что, конечно, он в течение этих двух недель не мог изучить марксизма, очевидно, кое-что марксистского было в нем заложено и раньше, но на первый раз он не решался,—может быть, тут провинция сказывалась, в которой он прожил столько времени, он не решался развернуть этого во всей широте.

И в дальнейшем, в ближайшие после этого годы, примерно до 1905 г., он все еще оперировал с марксизмом, как с какой-то вещью, которая ему довольно близка, которую он ценит, которую он одобряет, но к которой он не присоединяется целиком. Тут есть у меня пара цитат, которые я позволю себе прочесть для характеристики Рожкова периода становления, периода, когда он только шел к марксизму.

Вот, что он писал, например, в 1898 г. в «Образовании»:

«Второе недоразумение может заключаться в том, что пишущий эти строки будет принят за экономического материалиста».

В 1898 г. быть принятым за экономического материалиста еще казалось Н. А. каким-то искажением его физиономии. Еще в 1901 г. в «Мире Божьем» он писал:

«Я считаю нужным заявить, что в общем не принадлежу к тем крайним последователям т. н. экономического материализма, которые склонны все и вся об'яснять непосредственно из хозяйственных или производственных отношений».

Вы видите, что эта фраза звучит уже гораздо более по-марксистски, нежели та краткая формулировка, которую я прочитал. В 1901 г. он уже признает, что принадлежит к последователям так называемого экономического материализма, но не крайним. Н. А. с полным правом мог сказать: я не принадлежу к тем плохим последователям экономического материализма, которые все и вся об'ясняют непосредственно из хозяйственных или производственных отношений. Это будет, конечно, плохой, вульгарный исторический материализм, который все и вся выводит непосредственно из хозяйственных отношений. Это тот самый вульгарный материализм, с которым боролся Энгельс. Я цитировал Энгельса в своей речи при открытии О-ва Историков-Марксистов и позволю себе сослаться на эту цитату. Можно сказать, что Н. А. просто мог отмежевываться от плохих исторических материалистов, но он сказал не от плохих, а от «крайних». Ему казалось тогда, что настоящий стопроцентный материализм все и вся выводит из экономических отношений,—а я не крайний, я умеренный, и поэтому всего из экономики не вывожу. Это было в 1901 г. и совершенно естественно, что в то же приблизительно время у него могла встречаться и такая фраза:

«Выдающийся русский ученый,—пишет Н. А. Рожков о М. М. Ковалевском,—в одном из своих последних сочинений провел ту основную мысль, что развитие народного хозяйства в стране определяется в конечном счете

отношением населения в территории, иначе, степенью плотности населения. Я и в мыслях не имею отрицать справедливость этого обобщения».

Другими словами, Рожков этого периода находит возможным присоединиться к резко немарксистской мысли, потому что, конечно, рассматривать нарастание населения, как самодовлеющий биологический фактор, и из этого го выводить те или другие экономические отношения,—это значит ставить марксистское понимание истории на голову, ногами кверху, ибо для марксиста рост населения есть явление социальное, обусловливаемое, между прочим, и хозяйственным строем страны, но ни в коем случае не первоисточник, откуда приходится об'яснить самую хозяйственную систему. Так, что в первые годы мы у Рожкова встречаем еще большое количество явно немарксистских положений, и некоторую антипатию к термину «марксисты», «крайние марксисты», «крайние экономические материалисты». Но это черты, которые напрасно иногда историки Н. А. Рожкова распространяют на всю его биографию, говоря, что, вообще, Рожков не любил называть себя марксистом. Это не верно, это совершенно неправильно. Это правильно только по отношению к этим первым годам—к 1897—98 и 99 и 1901 г., когда, действительно, эта черта в Н. А. была, в период его «становления».

Но и в его диссертации тоже встречаются чрезвычайно немарксистские положения, вроде того, например, что будто бы эксцессы помещичьих хозяйств и дикая эксплоатация земель и крестьян, которые наблюдались у русских помещиков конца XVI века, определялись юридической природой поместья. Тут опять таки поставлен марксизм на голову, ногами кверху. Но Н. А. принадлежал к людям, которые никогда не перестают учиться. Если возьмете вышедшую в 1923 г. 4-ю часть его «Русской истории в сравнительно историческом освещении», вы увидите, как он постепенно подходил к настоящей марксистской постановке вопроса. Я возьму как раз тот момент, где он касается этой самой природы поместья. Давая характеристику хозяйства XVI века, он говорит:

«Теперь все понятно,—поместная система и по идее своей и на практике представляла собою форму землепользования, приспособленную к натуральному хозяйству и к экстенсивной, хищнической, заложной системе землепользования. Создалось, таким образом, непримиримое противоречие между главным господствующим в XVI веке видом земледелия и новыми экономическими условиями и задачами, противоречие, которое нашло свое конкретное выражение в острой нужде помещиков в деньгах, вследствие перехода к товарному хозяйству, и это только увеличило их грабежи и насилия, т.-е. усилило хозяйственный кризис, переходный к более интенсивной системе хозяйства».

Как видите, здесь марксизм, поставленный ногами кверху в диссертации, поставлен на ноги. Теперь уже доказывается не то, что система помещичьей эксплоатации была отражением юридической природы поместья, а что юридическая природа поместья была отражением этого кризиса, что безусловно верно. Таким образом, марксизм в данном случае одолел, и Рожков к 1923 г. в этом вопросе, на котором он споткнулся в 1899 г., дошел до правильной, четкой марксистской формулы. И он в этой книге, которую я считаю лучшим из томов его «Истории в сравнительно-историческом освещении», даже поправляет и хорошо поправляет целый ряд установок в книжках, которые считаются, вообще говоря, марксистскими. Так, например, он вносит ряд хороших поправок в характеристику смутного времени «Русской истории с древнейших времен». Там вообще имелось некоторое принижение массового движения. На книге отразилось жестокое разочарование в кре-

стьянской революции 1905—1906 г., которая, казалось нам, окончательно собьет самодержавие, но которая ничего не сбила, не только окончательно, но даже приблизительно. И под влиянием этого разочарования, я действительно склонен был в своем анализе социальных факторов смутного времени отводить очень мало места крестьянству. В силу этого я даже Болотникова изобразил не как вождя восставшего крестьянства, а как служилого человека, в связи с этим я подчеркивал, что Болотников был холопом князя Телятевского. Рожков великолепно меня здесь поправил:

«И напрасно М. Н. Покровский ссылается здесь на участие в бунте кн. Телятевского и на то, что Болотников обещал «ворам» боярство, воеводство, окольничество и дьячество. Неудивительно, что опустившийся, обедневший дворянин сражается против олигархии рядом со своим бывшим холопом, а обещания старых чинов, если они переданы даже точно, свидетельствуют лишь о том, что общественная мысль низов общества естественно и неизбежно отливалась в обычные, традиционные формы. Внушение Болотниковым боярской дворне «всяких злых дел на убиение и на грабеж», агитация среди боярских холопов, чтобы они «побивали своих бояр» и брали себе «их жен, вотчины и поместья», достаточно красноречивы. Понятна и та кровавая, беспощадная расправа, какую произвело над сторонниками Болотникова победившее их правительство боярского царя: «целая треть государственной территории отдана была на окончательное разорение и узаконенный грабеж»; «воеводы царя Василия и он сам осуждали на казнь сразу тысячи военнопленных» [1]).

Опять-таки очень хорошая поправка, явно не только не марксистской, а не революционной характеристики, которая была дана в моей книжке. Рожков в 1923 г. не только лучший марксист, чем я был в 1910 г., но и больший революционер, чем я был в 1910 г. Это несомненный факт.

Дальше он, опять-таки в моей книжке, выуживает совершенно правильно обмолвку о том, что будто бы воеводское управление XVII века носило характерные феодальные черты. Я вам подробно этого вычитывать не буду, но он хорошо развивает ту мысль, что это было зачаточное бюрократическое управление, которое никаких феодальных черт не носило. Как видите, тут мы имеем у Рожкова целый ряд хороших марксистских поправок к книжкам, которые, вообще говоря, признаются марксистскими.

Таким образом, Рожков не застыл на тех домарксистских формулах, которые он выдвигал в конце 90-х и начале 900-х годов, но он рос постепенно в настоящем марксистском направлении. Вот почему я думаю, что он в конце концов перерос бы и те ошибки, о которых я буду сейчас говорить, которые больше всего отделяли его от нас и нашли, к сожалению, отражение в последнем 12 томе этой «Истории в сравнительно-историческом освещении». Он, по всей вероятности, перерос бы и их, и в конце концов сделался бы настоящим ортодоксальным марксистом в понимании русского исторического процесса на всем его протяжении. Только глупая физиологическая случайность, которой кто-то из слушателей гражданской панихиды пожелал и мне (я получил на другой день открытку в этом духе) — эта глупая физиологическая случайность помешала ему выработаться в настоящего вполне ортодоксального марксиста историка.

И естественный вопрос, на котором приходится остановиться и анализом его я займу оставшиеся у меня 8 минут,—это вопрос—что же остановило его на этой дороге. В чем причина его «девиации», причина того, что он сбился с прямого пути. Вот тут приходится, может быть невольно, усвоить рожковскую манеру об'яснения индивидуальности, о которой будет говорить

1) Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческ. освещении. Том IV, стр. 177.

т. Фриче, и которая сама по себе, конечно, не есть марксистская, но мне кажется, что когда говоришь об индивидуальности, то привлекать к делу биолого-психологический фактор все-таки мыслимо. Я сошлюсь на то, что и сам В. И. Ленин об'яснял многое в поведении Н. А. около 1910—11 г.г. его «скоропалительностью», как он выражался, т.-е. фактором, несомненно, биолого-психологического свойства.

Защитившись, таким образом, примером Ленина, я и попытаюсь об'яснить, как я понимаю эту его аберрацию. Н. А. несомненно отличался необычайной возбудимостью, необычайной чуткостью ко всяким внешним влияниям, тем, что теперь назвали бы необычайной быстротою условных рефлексов. Это был человек изумительно находчивый, а находчивость как раз и есть бытовое выражение этого факта. Придя на какое-нибудь собрание, и встретив там ситуацию, которую он не ожидал, о которой он совершенно не знал до прихода на это собрание, он не смущался, не молчал, у него через 10 минут находились четкие формулы и определенные аргументы, словом, он справлялся с таким положением, с такой ситуацией, как не надо лучше. Вот эта необычайная быстрота его реакции на все окружающее, мне кажется, лежит в значительной степени в основе той аберрации, которая с ним произошла.

Лев Толстой в Севастопольских рассказах приводит совершенно правильное наблюдение, что если вы спросите тяжело раненого солдата, которого несут с поля сражения на носилках, как идут дела, вы, наверное, получите ответ: пропало, всех побили. Его самого ранили, ему больно, плохо, и ему кажется, что вообще все плохо.

Н. А. был чрезвычайно тяжело ранен реакцией после 1907 г. 3 года пришлось ему просидеть в тюрьме, потом сказаться в глуши Сибири. Эта рана и осталась у него, у него осталось преувеличенное представление о нашем поражении в 1905—07 г. Ему казалось, что мы разбиты вдрызг, что ничего не осталось и он начинает себя утешать тем, что если революция не удалась, то удастся эволюция. В этом он находил себе утешение, принимая за исходную точку совершенно правильно кое-какие прогрессивные черты столыпинщины. Экономически, конечно, в столыпинщине было кое-что прогрессивное, что толкало хозяйство вперед, а не назад. Исходя из этого, он начинает мечтать о победе культурного капитализма над хищническим грубым капитализмом дореволюционного времени и на этой победе культурного капитализма строить весь свой дальнейший прогноз. Бури, как он выражается, т.-е. революции больше не нужны. Местами даже проскальзывает мысль, что эта революция может испугать культурный капитализм, как она испугала его в октябре 1905 г. и от этого будет плохо: культурный капитализм, испугавшись, может броситься в об'ятия некультурного капитализма и даже в об'ятия феодализма. Произойдет опять жесточайшая реакция, будет много раненых, убитых и т. д., словом, будет совершенно ненужное кровопролитие. Он выступает со своими знаменитыми проектами образования политического общества защиты интересов рабочего класса чисто мирными средствами. Он подчеркивает, что в программу этого общества отнюдь никакие насильственные средства не входят. Оно будет действовать исключительно мирными путями. И таким образом, вторично такой неудачи, какую мы испытали в 1907 г., не будет. Но для того, чтобы сделать и для себя и для своих читателей приемлемой эту картину роста культурного капитализма и завоевания в среде его рабочими себе всяких прав и т. д., а может быть даже и социализма, при помощи мирных действий, не прибегая к революции, Рожков начинает густо розовой краской замазывать столыпинщину. Пуришкевичи, говорит он, и Мар-

ковы 2-е уже издыхают, это жалкая свора, которая в углу сидит и никакой воли уже не имеет. На первый план теперь выдвигаются люди типа Гучковых, Милюковых. типа людей, которые представляют собою более или менее культурный капитализм, в особенности Милюков, а вовсе не дикий помещик. С диким помещиком кончено. О нем больше, как о живой силе, говорить не приходится.

Выходит. что и самодержавия как будто-бы нет и т. д. Ленин жестоко посмеялся над всей этой концепцией и с чрезвычайной меткостью взяв за жабры этот «культурный капитализм», вытащил его и доказал, что в этой чисто либеральной концепции нет ничего общего с марксизмом, и что если бы все это на практике осуществилось, это повело бы к политическому порабощению рабочего класса либеральной буржуазией—кадетами и около кадетов, которые сделались бы, при таком порядке вещей, естественными вождями рабочего движения. Поэтому, конечно, Ленин с крайним отрицанием отнесся к этой концепции Рожкова и посвятил ей 2 статьи, одну в «Звезде», другую в «Социал-Демократе», в которых он радикальным образом разнес эту концепцию. Теперь мы знаем, что такое этот «культурный капитализм». Мы на примерах видим, где эта концепция заняла прочное место. Ведь все присутствующие, вероятно, уже перевели этот культурный капитализм Рожкова начала 2-го десятилетия нашего века на «нормальный капитализм» теперешней социал-демократии, нормальный капитализм, который отгораживает их и помогает им отгородиться от социалистической революции и превращает их в форменных пособников буржуазии. Так что Ленин был прав в своем прогнозе, и Рожков, действительно, здесь сильно ошибался, и к сожалению, эта ошибка оказалась у него довольно прочной.

Воспоминание о ране, полученной Рожковым в 1908 г., было еще довольно свежо в 1917 г. Я помню наши разговоры с ним в период выборов в Учредительное Собрание. Мы оба были кандидаты—он от меньшевиков, я от большевиков. Это не мешало нам в вагоне трамвая на очень длинном штреке—минут в 40—мирно разговаривать. Этот разговор оставил у меня о личности Н. А. одно из самых приятных воспоминаний. Нельзя было подумать, что это едут два кандидата резко враждебных между собою политических партий. Основной мотив был тот: «Вы идете, говорил он, на явную гибель, вы идете на разгром, я очень вас жалею, ибо вы все скоро станете покойниками». Мне пришлось ему доказывать, что, во-первых, без покойников, вообще, нельзя устраивать революций, что в истории не было таких революций, а, во-вторых, что не всегда побеждают те, кто остается в живых: иногда наоборот, победителями оказываются как раз покойники. Так что положение наше вовсе не такое безнадежное, как ему кажется.

Я пошел с ним на его лекцию. Он очень любезно согласился. Я слушал его великолепное, чрезвычайно популярное и ясное изложение как раз аграрного вопроса, при чем он даже никаких особенных ересей об этом вопросе не говорил, он только избегал упоминать о том, что аграрный вопрос может быть разрешен при помощи пальбы, при помощи винтовок и пулеметов. Этого он не говорил. И этим искажал радикальным образом ту действительность, какая была перед нами в начале октября месяца 1917 г. Но самое изложение аграрной программы меня поразило чрезвычайной яркостью, четкостью, общедоступностью и т. д. Так что с этой стороны это была популярная лекция, чрезвычайно полезная для слушателей.

Я не знаю, прошел ли на выборах Н. А., но это не имеет никакого значения. Я не интересовался ни тем, где я прошел, ни тем, где прошел Н. А. Рожков. Может быть, он где-нибудь и прошел.

Так вот та основная ошибка, которая отделяла Рожкова от нас. В своей рецензии я выражал надежду, что с этой ошибкой Рожков справится, что

он ее переварит и, как полагается, все переваренное извергнет и наполнит свое умственное содержание другой пищей, более марксистской. Тот факт, что в целом ряде исторических вопросов он от немарксистских положений перешел к положениям четко марксистским, по моему, оправдывает это предсказание и оправдывает то, что я сказал: что только глупая физиологическая случайность помешала нам видеть Н. А. Рожкова настоящим историком-марксистом.

Горев. Товарищи, мне хотелось бы в характеристике личности Н. А. заполнить тот пробел, который несомненно сказался в речах и воспоминаниях, которые мы здесь слышали. Этот пробел касается, главным образом, деятельности Н. А. в Сибири в ссылке. На основании тех речей, которые мы только что здесь слышали, можно подумать, что вот был Рожков до 1907 г., потом после тюрьмы он отошел от большевизма, затем следует какой то пробел, после чего Н. А. появляется на сцену опять только в 1917 г.

Так, вот, т. т., на деятельности Н. А. Рожкова в Сибири я и хочу остановитъся. Я хочу еще раз подчеркнуть одну замечательную черту его характера—это его огромную потребность в общественной деятельности, которую он проявлял при всяких обстоятельствах, в каких бы он ни очутился.

Тотчас же после тюрьмы он был отправлен в далекую глушь Сибири, в глухую деревушку Иркутской губернии. Но как только ему удалось в 1912 г. дорваться до Иркутска, хотя бы на время, он сейчас же обнаружил всегда присущие ему черты инициатора, организатора общественной работы.

Прежде всего—во время выборов в 4-ю Государственную Думу он единоличными усилиями сорганизовал, составил и издал однодневную газету, посвященную выборам в Думу. Вообще он необычайно оживил иркутскую ссылку. Он сразу сделался центром притяжения для иркутских ссыльных.

Когда он попал в Читу, так как ему в Иркутске долго остаться не позволили, ему удалось там приобрести для марксистов жалкую газетку, издававшуюся каким-то не то богачем, не то филантропом. Он в эту газетку влил сейчас же живую кровь и сделал довольно боевым органом. Затем ему даны были права «крестьянина из ссыльных». Это означало право передвижения по Сибири. Он переехал в Томск, и там, попав в центр, в самую гущу сибирской интеллигенции, он сейчас же завязал целый ряд сношений с интеллигентами, с писателями, кооператорами, так как кооператоры там представляли тогда довольно большую общественную силу, и с другими элементами, сочувствовавшими более или менее революционному движению. Это было в 1916 г. Из Томска он переехал в Ново-Николаевск и там сорганизовал опять-таки по своей инициативе, с обычной энергией взявшись за это дело, группу лиц, которые стали издавать новую газету. Для того, чтобы исходатайствовать разрешение на новую газету, нужно было проявить колоссальнейшую энергию, двинуть целый ряд связей с общественными деятелями и всякими другими. И вот, опираясь в общественном отношении на группу кооператоров, близких к марксизму, Рожков добился издания газеты, фактическим редактором которой был он. Газета называлась «Голос Сибири». Я чрезвычайно сожалею, что не захватил с собою уцелевший случайно у меня единственный номер этой газеты—№ 35 от 9 февраля ст. стиля 1917 г., т.-е. почти накануне революции. Вот по этому уже номеру можно судить о том направлении, которого более или менее держался Н. А. в Сибири. Отойдя от большевизма и заявив об этом публично своей знаменитой статьей, которую Ленин назвал «Манифестом либеральной рабочей партии», и которой Рожков, несомненно, впоследствии стыдился, прежде всего потому,

что она оказалась изумительно не пророческой,—отойдя от большевизма, он формально к меньшевикам в Сибири не примкнул, но был близок с той группой меньшевиков, которая была настроена умеренно-интернационалистски и которая в Иркутске пыталась издать под руководством Церетели два номера полуинтернационалистского журнальчика. Там Рожков написал статью под псевдонимом Наров. И вот в «Голосе Сибири», редактором которой был Н. А., он проводил позицию, при всех цензурных строгостях понятную для друга-читателя и для той сплоченной группы, которая вокруг него создалась, проводил тенденцию явно анти-антантовскую, т.-е. тенденцию, которая резко противоречила главной позиции русского с.-д. оборончества. Таким образом, в Сибири Н. А. отнюдь не ушел от общественной жизни, не погряз в личной жизни и не двинулся вправо, а занимал сравнительно довольно левую общественную позицию. В Ново-Николаевске можно было видеть опять-таки чрезвычайно характерное для него—и это подтверждает то, что писал в своем некрологе М. Н. Покровский,—его уменье работать при всяких условиях. Он редактировал газету, официальным редактором которой был некий купец Растегаев. Но этот купец Растегаев абсолютно никакого отношения к газете не имел, никогда в редакции не появлялся. В качестве редактора все время открыто заседал с утра до вечера там Н. А. Рожков, хотя он рисковал этим, в качестве ссыльного, подвергнуть опасности газету. Но со свойственным ему оптимизмом и верой в судьбу, которой он отличался и в эпоху своего нелегального существования, он редактировал эту газету.

Вот это его характерная черта — его кипучая энергия, его потребность в деятельности, в частности, потребность в журнальной работе, потому что он был природный журналист, прирожденный редактор.

Затем, мне хотелось в двух словах коснуться той эволюции, которую проделал Н. А. за последние годы. Надо сказать, что формально он вступил в партию меньшевиков только с конца 1917 г., и исторически сложившаяся политическая традиция меньшевизма была ему органически чужда. Можно про него сказать, действительно, что он отчасти оставался на старых позициях «большевизма 1905 г.», в том смысле, что сохранил до конца верность идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Вот как можно было-бы определить позицию Н. А. Он, действительно, был якобинец, придавал громадное значение Октябрьской революции, и если он скептически относился к возможности строительства социализма у нас, то, как свидетельствует последний разговор, который у меня с ним был за месяц до его смерти, он о деятельности II Интернационала отзывался так, как может и должен отзываться действительный революционер, как может отзываться действительный коммунист. В этом смысле между ним и официальным меньшевизмом действительно существовала непроходимая пропасть. Он признавал не только громадное исторически-прогрессивное значение Октябрьской революции, он признавал не только советскую власть властью самой прогрессивной в данную историческую эпоху, но он признавал, что советская власть и самый факт существования Советского Союза есть фактор громадной революционной важности для всего мирового революционного движения, что без этого фактора мировое революционное движение было бы обречено на долгий период поражения. Вот эта позиция, несомненно, отделяет Н. А. от каких-бы то ни было бывших сторонников его по меньшевистской партии, по меньшевистскому периоду его деятельности, и эта позиция, действительно, сближает его с подлинным революционным марксизмом.

Л. П. Мамет

Программно-методические вопросы преподавания истории на рабочих факультетах[1])

Я, товарищи, назвал свой доклад «Програмно-методические вопросы» преднамеренно. Дело в том, что давать сейчас точный анализ и точные перспективы того, как должно было бы поставить программу и методику преподавания истории на рабочих факультетах, я считаю преждевременным. Рабфаки переживают сейчас известного рода кризис, кризис роста. Раздаются голоса о ненужности рабфаков, о том, что рабфаки отжили свое время, что это слишком дорогая школа и т. д. Идет речь о повышении срока обучения на рабфаке до 4 лет. Все это говорит за то, что рабфаки сейчас находятся в стадии, когда им приходится ожидать какого-то перелома в своем существовании. Это не значит, что следует согласиться с теми, которые говорят о ненужности рабфаков.

Рабфаки уже сыграли большую роль в системе народного образования и им предстоит сыграть еще не меньшую роль. Но несомненно, что установка рабфаков на ближайшее время должна, в известной степени, измениться. Если наши рабфаки в прошлом имели главной задачей пролетаризацию вузов, то теперь, когда это дело в значительной степени выполнено, перед рабфаками стоит задача более серьезного характера: соответственная качественная подготовка тех слушателей, которые идут в вузы. Естественно, что приходится и следует ожидать в ближайшее время перемен на рабфаках, в первую очередь в смысле продления сроков обучения. Вернее всего, что в связи с этим придется поставить и вопрос об изменении постановки преподавания на рабфаках вообще. Исходя из этого, я не хочу поднимать вопроса о преподавании истории полностью и остановлюсь лишь на некоторых вопросах.

Рабфак не есть школа II ступени. И поэтому подход к разрешению програмных и методических вопросов не может полностью и целиком совпадать с разрешением тех же вопросов в школах II ступени, хотя казалось бы, что в общем они одинаковы.

Имеются различные средние школы, дающие общее образование, но рабфаки отличаются, по моему мнению, от школы второй ступени не только по своему социальному составу и не только по возрасту учащихся в них. Отличие по возрасту налагает известные обязанности на рабфаки. Ведь совершенно различно надо подходить к взрослому человеку и к подростку. В то время, как на рабфаке минимальным возрастом считается 17 — 18 лет, в школах II ступени это во всяком случае 12 — 14 лет. Уже по одному этому мы имеем право говорить об особых программных и методических условиях в преподавании на рабфаке.

---

[1]) Из стенограммы доклада в методической секции о-ва историков-марксистов от 4 февраля 1927 г.

Школа второй ступени является учреждением, которое дает если не вполне законченное, то во всяком случае оконченное образование. Рабфак же не ставит себе такой задачи, как школа второй ступени, — рабфак готовит в вуз.

Между прочим, основная масса второступенцев в вузы не идет, в то время как рабфаки являются учреждением, специально готовящим в высшее учебное заведение. Значит, это — подготовительные курсы для рабочих, которые хотят заниматься в вузах.

Это положение и облегчает и в то же время осложняет разрешение програмных и методических вопросов. Когда мы говорим об истории, я думаю, что у нас, в нашей секции, имеется известное единомыслие. Как будто договорились, что мы имеем в виду преподаванием истории дать, главным образом, возможность нашим слушателям научиться правильному марксистско-ленинскому пониманию исторических явлений, сознанию исторического процесса и т. д.

Но как подойти к разрешению этих вопросов, какой материал нужно дать для этого? Этот вопрос нужно варьировать, нужно расчленять его при подходе к каждому типу школ. Мне думается, что можно наметить три основных концентра в преподавании истории.

Во-первых, концентр элементарный, который дает совершенно непосвященному в исторические вопросы человеку, не разбирающемуся в этих вопросах, первые элементарные сведения по истории. Такой концентр мы имеем и для взрослых и для детей. Мы имеем курсы политграмоты, которые включают в себя такие элементарные сведения по истории. В школах-семилетках мы имеем курс обществоведения с известными элементами истории, где дается, конечно, не законченный цельный курс истории, особенно в первые годы обучения, а даются эпизодически-описательные темы, рисуются наглядно те или другие яркие моменты классовой борьбы, на которые обращается внимание детей.

Следующий концентр, наиболее важный, то, что можно условно назвать средним концентром. Что является задачей этого концентра? История есть наука в первую очередь конкретная. Нельзя, изучая историю, делать исторические обобщения без определенного количества фактических знаний. И мне думается, что задачей этого среднего концентра является в первую очередь сообщить слушателю определенное количество фактических знаний по истории. Можно спорить об об'еме, о количестве этих знаний, но некоторое количество их должно быть дано. Дальше в задачу этого курса входит дать слушателю умение ориентироваться в прошлом. Не просто сообщить определенное количество сведений, а эти сведения и факты, формальные знания, которые мы преподносим, дать в таком разрезе, чтобы помочь слушателям ориентироваться в этих фактах. И наконец, этот концентр должен дать слушателю первоначальное понятие о законах исторического развития.

Если этот концентр будет поставлен правильно и даст минимальные знания слушателю, тогда третий, высший концентр, на основании этих знаний, на основании анализа конкретных знаний, которые он получит в средней школе, сумеет подвести учащегося к самостоятельному научному изучению истории, к уменью анализировать исторические явления, разрабатывать те или иные проблемы истории.

Так вот, какие же концентры имеются на рабфаке и какие там должны быть? Мне думается, что на рабфаке в настоящее время есть не всегда и не полностью то, что должно быть. Во-первых, на рабфаке мы имеем 1-й концентр: мы имеем курс политграмоты, включающий в себя довольно много материала по истории. Если взять первый проект программы отдела

рабфаков по политграмоте 1924 г., то там специальный курс политграмоты включает довольно обширные вопросы истории. Мы в политграмоте имеем вопросы истории России, Запада, ВКП, вопросы Востока и т. д. Надо глубоко задуматься над тем, нужно ли давать на рабфаке этот элементарный курс. Когда он нужен? Он вполне необходим и нужен в 7-летках, там, где подростку трудно еще давать вполне законченный курс, который можно давать взрослому. Такой курс нужен на предприятиях в кружках политграмоты, там, где мы должны дать в короткий срок элементарные сведения, чтобы подготовить слушателей к дальнейшей самостоятельной работе. Но нужно ли давать эту политграмоту в учебных заведениях, где на первом году учеба не кончается, где учатся люди взрослые, уже умеющие в этом разбираться? Нужен ли здесь этот элементарный курс? Мне думается, что на рабфаке этот курс излишен.

Какие могут быть возражения против этого? Во-первых, могут сказать, что поступают неподготовленные товарищи. С этим нужно считаться. Нельзя ждать, чтобы они, скажем, историю партии изучали только на 3 году обучения на рабфаке, чтобы два года они сидели без всяких знаний хотя бы элементарных, по этой части. Это возражение отпадает. Оно, может быть, имело смысл в первые годы существования рабфаков, когда люди находились в таких условиях, что научиться даже самым элементарным простым понятиям было некогда и им это нужно было давать.

Сейчас можно пред'являть повышенные требования к поступающим на рабфак. И теперь это закономерно. Большинство из присутствующих здесь так или иначе связаны с рабфаковской работой. Они знают, что нынешний состав рабфаковцев совсем не тот, который был 2 или 3 года назад. Тип рабфаковца меняется. И тот тип рабфаковца, который запечатлен в литературе, сейчас изменился. Сейчас — это только литературный тип. Сейчас пошел молодняк. Если когда-то 30-летний рабфаковец был обычным нормальным явлением, то теперь он только исключение. Теперь обычный возраст 18—19 лет.

Я помню прошлогодний прием: большой контингент поступающих на рабфаки — это молодежь, кончившая школы фабзавуча. И поэтому естественно, что они эти элементарные сведения уже получили.

Между тем, что даст нам ликвидация курса политграмоты на рабфаке? Это даст то, что на рабфаках не будет того явления, что студенты вынуждены изучать по несколько раз историю в одном и том же об'еме, по одним и тем же пособиям. Я об этом уже говорил однажды на заседании нашей секции [1]). С другой стороны, освобождающиеся 4 годовых часа дадут возможность лучше проработать курс истории классовой борьбы. Таким образом, я высказываюсь за то, чтобы курс политграмоты в исторической его части, я не берусь судить о других частях, с рабфаков сейчас снять.

Зато центром работы рабфаков должен быть тот концентр, который я условно назвал средним концентром. Ведь большинство рабочих, поступающих на рабфаки, исторических сведений никаких не имеют. У них на этот счет самые неимоверные представления. Я не хочу здесь приводить отдельных примеров. Каждый из вас по своей практике знает, какие иногда чудовищные представления имеются у рабфаковцев. Их не придумаешь, если не выслушаешь их. Чем это об'ясняется? Об'ясняется это тем, что мы даем часто исторические обобщения, когда у слушателей нет даже простейших сведений из области конкретной истории. А ведь без них невозможно никакое историческое обобщение. Для этих обобщений нужны систематические знания, а рабфаковцы не имели возможности систематически заниматься. Это им нужно дать.

1) „Историк-марксист“, т. II, стр. 236.

Я думаю, что задача рабфаков не только при трехлетнем курсе, но и при 4-летнем, должна ограничиться теми заданиями, которые я поставил для среднего концентра: усвоение определенного минимума фактических знаний, умение ориентироваться в прошлом и первоначальные понятия о законах исторического развития.

Что касается 3-го концентра, о котором я говорил, то его нужно перенести на вуз.

Здесь можно поставить такой вопрос: не лучше ли дать на рабфаках и этот третий концентр? Тогда, быть может, не нужно было бы ставить курс истории в вузах. Конечно, не в социально-экономических, а я имею в виду специальные — медицинские, индустриально-технические и т. д. Такая постановка вопроса неправильна; я высказываюсь против этого не принципиально. Если бы была возможность дать на рабфаках этот общий курс, я бы ничего не имел против. Но даже при 4-летнем курсе преподавания рабфаки едва лишь смогут выполнить те программы, которые сейчас есть. Ведь беда сейчас не в том, что программа мала, а в том, что мало времени для прохождения этой программы. Естественно, что справиться и с 3-м концентром рабфакам будет не под силу.

Вот каково, по моему мнению, должно быть распределение материалов по истории, по отдельным типам школ.

Но что же мы имеем в действительности? Мы имеем два варианта программы для рабфаков. Один вариант 1924 г., другой 1926 г. Вариант 1926 г. более удовлетворителен, он уточняет программу 1924 г. и вносит в нее некоторые коррективы, так что за основу эту программу мы могли бы принять; но эта программа по существу представляет собой только схему и дает возможность самых широких толкований. Исходя из программы 1926 г., можно дать и социологически-обобщающий материал, при отсутствии знаний отдельных исторических фактов; можно дать простой описательный курс. Несомненно, что задачей отдела рабфаков в этом отношении является — уточнение своей программы, хотя бы по образцу тех программ, которые выпустил Главполитпросвет для совпартшкол.

Чтобы показать насколько эта программа дает возможность различных толкований, которые сводятся к тому, что рабфаки сбиваются на голые обобщения, я приведу несколько примеров из опытов рабфаков. Имеется несколько печатных сборников, в которых рабфаки приводят итоги своей работы. Вот опыт рабфака Института народного хозяйства имени Плеханова. Я приведу два задания, характеризующие то, что я говорил. Тема—«Промышленный переворот в Англии». Вот текст для учащихся:

«В современной жизни вы знаете о существовании стран, которые проходят одновременно различные стадии экономического развития. У вас, наверно, возникает вопрос: в силу каких условий одна страна опережает другую в своем развитии, влекут ли за собой технические изменения в одной отрасли хозяйства сдвиг в другой отрасли и создает ли развитие новых производительных сил изменение общественных отношений. Для разрешения этих вопросов продумайте следующее:

1. покажите связь между ростом английского рынка и обезземелением крестьянства.

2. определите новый тип сельского хозяйства и его отличие от мелкого крестьянского хозяйства.

3. покажите пути влияния пролетаризации английского крестьянина на рост промышленности.

4. думаете ли вы, что раньше машины совсем не применялись в промышленности?

5. проследите на цифрах влияние нового способа производства на: а) рост производительности труда, б) сокращение издержек производства, в) рост потребления сырья, г) рост продукции, д) изменение состава населения в Англии, е) рост городов—и изобразите графически соотношение этих цифр.

6. попробуйте, обобщив все данные, ответить (устно) на вопросы, поставленные во вступительной части задания» [1]).

Возражать против этого нельзя. Но если так будут итти занятия, слушатели будут хорошо разбираться в типах сельского хозяйства, они будут хорошо разбираться в росте английского хозяйства и т. д., но они не будут иметь представления о том, что это за явление, что это за промышленный переворот, что это и где это происходило.

Вот другой образец уже из области русской истории. Тема «Крепостное хозяйство и самодержавие в России в конце XVIII века и в первой четверти XIX века»...

«Цель темы,—говорит автор,—помочь учащимся проникнуться сознанием зависимости отсталого хозяйства России от опередивших ее , европейских стран» [2]).

Учащимся даются следующие вопросы для проработки:

«1. какие признаки делают Россию начала XIV в. (? *Л. М.*) резко выраженной аграрной страной (сравните с Англией того же периода)?

2. покажите связь между промышленным переворотом в Англии и эволюцией сельского хозяйства в России.

3. какими способами приспособлялся помещик к требованиям рынка» и т. д. в том же роде» [3]).

Эта тема включает и материал о декабристах. Этот материал прорабатывается только в заключительной беседе и вот каким образом:

«Разрешив вопрос, почему неорганизованные спорадические гвардейские перевороты дворянство, в лице своей интеллигенции, заменяет проектом организации постоянного контроля над самодержавием (т. е. конституцией), мы переходим затем к социально-экономической программе декабристов и вспоминаем из первого задания влияние хлебной конъюнктуры на эмансипаторские устремления землевладельцев. Тут же зачитывался проект конституции Муравьева, сопоставляли ее с Пестелевским и переходили к фактической истории восстания.

Художественная картина для 14 декабря (из романа Мережковского) составит канву для беседы о причинах неудачи восстания» [4]).

Опять-таки, что мы тут имеем? Мы имеем определенный анализ эпохи, без изучения самой эпохи. Между тем, эта эпоха дает целый ряд красочных и ярких моментов, которыми можно увлечь слушателя. Нужно дать ему историю классовой борьбы такой, какой она была, и после этого можно дать те обобщения, которые имеют здесь место. Такое же положение на других рабфаках. Вот опыт Бухаринского рабфака. Тема: «Крепостное хозяйство и самодержавие в России». Тут очевидно между работниками Бухаринского рабфака были разногласия, и поэтому имеются 2 варианта программы. Один вариант мотивирует задание следующим образом:

«Задание всецело ориентируется на самостоятельную работу студентов по первоисточникам, заранее примирившись с мыслью, что слушатели не усвоят целиком того материала, который входит в тему, и стремясь лишь к тому, чтобы они приобрели навыки к работе над документами, навыки в обращении с ними. Для этого слушатели разбиваются на подгруппы соответственно тому, как эта группа разбита и для работы по другим предметам, и каждая берется непо-

---

1) О. Лейтнеккер и Д. Розенталь. История классовой борьбы. (Из практики рабочего факультета Института народного хозяйства имени Плеханова), стр. 16—17.

2) Ib., стр. 47.

3) ib., стр. 50.

4) ib., стр. 53.

средственно за документы, приведенные в хрестоматии первоисточников Коваленского»[1]).

Конечно, это очень хорошая и нужная вещь приобретать навыки в работе над документами. Но тогда, это очевидно, будет курс навыков, для которого история служит только какой-то подсобной иллюстрацией, а самого последовательного изучения курса истории, установления характера эпохи, конечно, не получается. В самом деле, что же получается в действительности? В действительности получается следующее:

«5. Декабристы».
Сравнить конституцию Никиты Муравьева с конституцией Пестеля.
Покровский—«История революционного движения в России», стр. 26—40»[2]).

А что это за течение, имевшее место в начале XIX века? Что это за декабристы, какие группировки существовали между ними, какие отличительные черты этого течения, связь его с дальнейшим ходом революционного движения, — этого нет. Тут увлечение изучением источников, увлечение социологическим обобщением убивает совершенно изучение конкретной истории. А что это за история без конкретных фактов?

Вот, например, опыты ленинградских рабфаков. Тут мы наблюдаем такую же историю: Тема «Великая французская революция», подтема «Диктатура мелкой буржуазии»:

«1. Какова роль Парижской Коммуны 1793 года в ходе Великой Французской Революции.
2. почему Парижская Коммуна настоятельно требовала ареста жирондистских депутатов и каково значение 2 июня 1793 г.
3. каков классовый состав контрреволюционных мятежей в Лионе, Тулоне, и др. городах.
4. какова классовая природа так называемой Вандеи.
5. как организован был правительственный аппарат диктатуры мелкой буржуазии (его практика и теория).
6. каковы наиболее важные законодательные акты Конвента за период диктатуры мелкой буржуазии»[3]).

Вот какие вопросы даются для проработки студентам. «Какова роль Парижской коммуны?» Тут замечательна даже сама формулировка вопроса. Не что представляла собою Парижская коммуна, не что она делала, а какова ее роль. Предполагается, что материал известен, но только нужно обобщать и указать на роль. Или: «Каково значение 2-го июня». Что было 2-го июня, конкретные факты, разобрать фактическую обстановку — этого нет.

Тема о декабристах, прорабатывается следующим образом:

«1. Каковы взгляды Н. Муравьева, Якушкина и др. на крестьянский вопрос (в чьих интересах освобождение крестьян без земли).
2. воззрения Н. Муравьева на государственное устройство России (в частности—какие общественные группы, согласно его конституции, могут получить право участвовать в законодательной деятельности страны).
3. в чем коренные разногласия «Русской Правды» Пестеля с конституцией Н. Муравьева по вопросам:
а) крестьянскому (каковы взгляды Пестеля на распределение земли);
б) политическому (идея буржуазно-демократической, централизованной республики)?

---

[1]) „Практика лабораторных работ в школе". Опыт применения лабораторной системы на рабфаке им. Бухарина. Под ред. К. Былинского, Я. Менделева и С. Стародубцева. Стр. 180.
[2]) ib., стр. 182.
[3]) Дальтон-план на рабфаке. (Искания и достижения). Изд. „Прибой". Л. 1925, стр. 99—100.

4. интересам каких классов соответствуют основные положения «Русской Правды».

5. есть ли влияние идей Великой Французской Революции на основных положениях Н. Муравьева и Пестеля» [1]).

Опять-таки, если дать такую проработку, студент получит очень интересные ценные сведения о «Русской Правде», но получит ли он представление о самих декабристах, о движении декабристов? Я думаю, что он этого не получит.

Таким образом, на практике рабфаки сбиваются на 3-й концентр, на обобщения исторических фактов без изучения самой конкретной истории, которой они не знают.

С другой стороны, вузы сбиваются часто на обратное. Но тут играет роль целый ряд обстоятельств: неподготовленность студентов по фактической истории, то, что при поступлении в специальный вуз не требовалось никаких знаний по истории, и студент вуза часто бывает на этот счет совершенно «невинен». Правда, в последнем сборнике программ для поступающих в вуз на 1927 г., который только что вышел, эта ошибка исправлена.

Мне думается, что одним из важнейших вопросов, который сейчас стоит, является разграничение материалов по концентрам, чтобы в результате обучения студента на рабфаке, при переходе его в вуз, он вышел бы с определенными историческими знаниями. Тут могут быть возражения. Надо же мол дать на рабфаках законченное образование. Об этом я говорил в начале доклада. Рабфаки это не школа второй ступени. Это — подготовительная школа в вузы. А законченное образование дает не рабфак, а вуз.

Теперь я перехожу к анализу самой программы, которая имеется в ее последнем варианте. Тут, товарищи, если вы внимательно просмотрите программу, бросается в глаза вот какой ляпсус. Программа называется, и вполне справедливо, программой по истории классовой борьбы. Начинается программа так: «Первобытная культура. Простейшие формы хозяйственной деятельности. Применение орудий. Огонь» и т. д.

Товарищи, конечно, история человечества есть история классовой борьбы, но мы знаем, что это далеко не вся история человечества, а лишь история, начинающаяся с определенного момента. Об этом говорит Энгельс в примечании к «Коммунистическому Манифесту». «Со времени разложения первобытной общины начинается разделение общины на различные, а затем противоположные классы».

Ясно, что классовая борьба может быть только тогда, когда есть противоположные классовые интересы. Поэтому тут противоречие между курсом и его содержанием. История первобытной культуры не есть история классовой борьбы. Мне думается, что подробную разработку этого отдела не нужно давать на рабфаке. Наша задача научить рабфаковца, будущего студента и будущего инженера или врача специалиста, уметь ориентироваться в настоящем на основании учета опыта исторического прошлого. Мне думается, что для этого достаточно, если он сумеет разобраться в основных вопросах эпохи торгового и промышленного капитала и современной эпохи. Так что систематическое изучение истории было бы справедливо начать с эпохи торгового капитала. Для сохранения исторической перспективы, всю предшествующую историю достаточно уложить в 1—2 вступительные лекции.

Составляя программу, можно было бы вполне принять то положение, которое было принято на одном из заседаний научно-методической секций Гуса по вопросу о средней школе: «исторические сведения должны дать

[1]) ib., стр. 100.

целостное представление о процессе происхождения современного строя, начиная с общественного уклада до-Петровской Руси» [1]).

Примерно в соответствующем масштабе нужно взять и историю Запада, и тогда мы получим такой курс истории классовой борьбы, который нужно дать на рабфаке.

Следующий вопрос, который возникает в связи с программой, это правильно ли поступили авторы этой программы, давая единый курс истории классовой борьбы и не выделив отдельно историю России, отдельно историю Запада. Отдел рабфаков в своей об'яснительной записке мотивирует единый курс таким образом: «Материал, касающийся русской истории, не выделен в особый курс, а включен в общий курс. Совершенно очевидно, что этого требуют соображения научные, политические и педагогические».

Я полагаю, что можно спорить насчет того, требуют ли научные, педагогические и политические соображения обязательно единого курса. Конечно, прав отдел рабфаков, когда говорит, что надо показать, что исторический процесс в основном одинаков и в России и на Западе. Но это не значит, что единую историческую науку не следует дифференцировать по отдельным ее частям: отдельный курс истории Запада, отдельный курс истории России, истории партии и т. д. То же самое можно сказать о педагогических и политических соображениях. В данном случае надо подойти с иным мерилом. Научными педагогическими и политическими соображениями можно одинаково обосновать и единый курс и раздельный курс. Это скорее всего вопрос практической возможности в зависимости от условий работы в данной школе. Если взять коммунистические вузы, совпартшколы, то там, конечно, нельзя об'единять все в один курс, там необходимо, чтобы этот курс был разделен. Но на рабфаке, исходя из конкретных условий, думается мне, можно согласиться на такой единый курс.

Но когда мы говорим о таком едином курсе, не надо себе его представить механически об'единенным. Против механического об'единения надо возражать, но в основном программа отдела рабфаков с этой задачей справилась.

Теперь я хочу остановиться на некоторых вопросах методической работы на рабфаках. Тут, конечно, никаких особенных методов, никаких методических приемов, специально рабфаковских, вырабатывать не приходится. Точно так же, нельзя идеализировать один какой-либо метод и считать его единственно приемлемым. Метод играет служебную роль и зависит от условий школы. Известны многочисленные случаи, когда такой общепризнанный метод, как лабораторный, не давал нужных результатов, потому что приспособление программы к лабораторному методу вызывало замедление в прохождении програмного материала. Лабораторный план требует ряда благоприятных обстоятельств. Мне думается, что если рабфаки получат четырехлетний курс и сумеют уточнить те задачи, которые стоят перед ними, то для них вполне приемлема будет лабораторная система занятий, но с некоторой оговоркой.

Просматривая материалы отдельных рабфаков, я вижу, что поскольку вводится лабораторный план, поскольку переходят к исследовательской работе, — товарищи считают, что раз лабораторный план введен, то кроме самостоятельных работ над книгой и источником, другие педагогические приемы недопустимы.

И в результате получается, что, скажем, о декабристах выделяется отдельная часть темы, примерно вопрос о конституции, и прорабатывается исследовательским путем, а все остальное пропадает. Мне думается, что в условиях рабфака, учитывая ограниченное время, которое имеется на раб-

[1]) „На путях к новой школе" № 5—6. 1926 г., стр. 77.

факе, и еще более незначительное время, которое уделяется истории, нужно сказать, что исследовательский метод не может быть исключительным и единственным методом в работе.

Пополнять проработку всего материала исследовательским методом, самостоятельной работой студентов над материалом допустимо и необходимо, но по отдельным частям программы нужны и лекции. Я предвижу, что по этому вопросу я встречу большие возражения, если это будет так, я подробнее остановлюсь в заключительном слове. Я считаю, что лекции необходимы, когда нужно увязать отдельные части курса, увязать одну эпоху с другой, подвести итоги проработанной теме и т. п.

Наконец, последний вопрос — это вопрос о литературе, об учебных пособиях. Тут говорить приходится немного. Нет литературы. Об этом приходится говорить и в отношении рабфаков, и школ второй ступени, и вузов, и комвузов, и совпартшкол. Особенно это больно отражается на рабфаке. Специальных учебников нет, а условия работы на рабфаке довольно своеобразны. Единственный учебник, который имеется и который имеет большое хождение, это — «Сжатый очерк» т. Покровского, но «Сжатый очерк» т. Покровского не написан, как учебник вообще и тем более для рабфака. Он написан, как говорится в предисловии, для читателей «Азбуки коммунизма», для массового читателя, который хочет повысить свои знания. Поэтому методически эта книга, — не нужно говорить о ее достоинствах, М. Н. не нуждается в наших похвалах, — не приспособлена к работе, в особенности по лабораторному плану, не только на рабфаке, но и в других школах.

Поэтому вопрос о создании учебника является одним из главных вопросов, который стоит перед рабфаками.

Прения по докладу

Покровский, М. Н. Мы попали в такую полосу, когда вопрос о преподовании истории в школе дебатируется почти также, как вопросы истории революции дебатировались в начале 1905 г. и конце 1904 г. Я сегодня с утра разговариваю на эту тему. С утра, потому что было заседание комиссии о программе обществоведения в школах второй ступени, а теперь попал к вам. Вопросов тут действительно целая тьма. Прежде всего тут приходится поставить вопрос о том, какие задачи ставит себе в общем образовании, в частности на рабфаке, история, как таковая. Тут, всякому известно, произошел излом, совершенно естественный. Я не знаю, как это происходило на рабфаке, но в школах второй ступени история была совершенно изгнана и заменена обществоведением, обществоведением не диалектическим, а описательным, значит метафизическим, берущим общество в разрезе, как оно есть в настоящий момент. Это чрезвычайно привилось в нашей, в особенности провинциальной, средней школе. Очевидно тут педагог обрел, наконец, ту смычку, которая ему была нужна с существующим строем. С одной стороны, он преподавать диалектически не может, он не диалектик, он мыслит не диалектически. Про себя он думает, что революция это плохое дело. Поэтому он не может стать на точку зрения нашей классовой борьбы. В то же самое время от него требуют, чтобы курс был современный, чтобы он не читал о египетских фараонах и меровингских королях. Вот и великолепно, я буду читать о современности, о кооперации, о кооперативах, банках и т. п. Все это есть современность, я и буду это преподавать. Теперь пытаются историю вернуть обратно. Мне кажется, что когда мы историю возвращаем обратно, тут надо поступать так, как мы поступаем с механически выбывшими из партии людьми. Их не прямо прини-

факе, и еще более незначительное время, которое уделяется истории, нужно сказать, что исследовательский метод не может быть исключительным и единственным методом в работе.

Пополнять проработку всего материала исследовательским методом, самостоятельной работой студентов над материалом допустимо и необходимо, но по отдельным частям программы нужны и лекции. Я предвижу, что по этому вопросу я встречу большие возражения, если это будет так, я подробнее остановлюсь в заключительном слове. Я считаю, что лекции необходимы, когда нужно увязать отдельные части курса, увязать одну эпоху с другой, подвести итоги проработанной теме и т. п.

Наконец, последний вопрос — это вопрос о литературе, об учебных пособиях. Тут говорить приходится немного. Нет литературы. Об этом приходится говорить и в отношении рабфаков, и школ второй ступени, и вузов, и комвузов, и совпартшкол. Особенно это больно отражается на рабфаке. Специальных учебников нет, а условия работы на рабфаке довольно своеобразны. Единственный учебник, который имеется и который имеет большое хождение, это — «Сжатый очерк» т. Покровского, но «Сжатый очерк» т. Покровского не написан, как учебник вообще и тем более для рабфака. Он написан, как говорится в предисловии, для читателей «Азбуки коммунизма», для массового читателя, который хочет повысить свои знания. Поэтому методически эта книга, — не нужно говорить о ее достоинствах, М. Н. не нуждается в наших похвалах, — не приспособлена к работе, в особенности по лабораторному плану, не только на рабфаке, но и в других школах.

Поэтому вопрос о создании учебника является одним из главных вопросов, который стоит перед рабфаками.

Прения по докладу

Покровский, М. Н. Мы попали в такую полосу, когда вопрос о преподовании истории в школе дебатируется почти также, как вопросы истории революции дебатировались в начале 1905 г. и конце 1904 г. Я сегодня с утра разговариваю на эту тему. С утра, потому что было заседание комиссии о программе обществоведения в школах второй ступени, а теперь попал к вам. Вопросов тут действительно целая тьма. Прежде всего тут приходится поставить вопрос о том, какие задачи ставит себе в общем образовании, в частности на рабфаке, история, как таковая. Тут, всякому известно, произошел излом, совершенно естественный. Я не знаю, как это происходило на рабфаке, но в школах второй ступени история была совершенно изгнана и заменена обществоведением, обществоведением не диалектическим, а описательным, значит метафизическим, берущим общество в разрезе, как оно есть в настоящий момент. Это чрезвычайно привилось в нашей, в особенности провинциальной, средней школе. Очевидно тут педагог обрел, наконец, ту смычку, которая ему была нужна с существующим строем. С одной стороны, он преподавать диалектически не может, он не диалектик, он мыслит не диалектически. Про себя он думает, что революция это плохое дело. Поэтому он не может стать на точку зрения нашей классовой борьбы. В то же самое время от него требуют, чтобы курс был современный, чтобы он не читал о египетских фараонах и меровингских королях. Вот и великолепно, я буду читать о современности, о кооперации, о кооперативах, банках и т. п. Все это есть современность, я и буду это преподавать. Теперь пытаются историю вернуть обратно. Мне кажется, что когда мы историю возвращаем обратно, тут надо поступать так, как мы поступаем с механически выбывшими из партии людьми. Их не прямо прини-

мают обратно, а всегда ставят вопрос: что? зачем? какой человек? и т. д. Здесь нам надо также поступать: какая история? зачем история? почему история? какие цели ставит? Если мы это существо в старом костюме выгнали и заперли за ним дверь, то теперь, когда мы его возвращаем, надо некоторым образом подвергнуть его исследованию. И тут огромное количество недоразумений. Прежде всего, некоторые старые педагоги, благополучно пережившие этот промежуток времени, обрадовались, что опять будут цари, министры, реформы и т. д. Надо говорить, что надо вбить в этих царей, министров, реформы не осиновый, а железный кол, эта история никогда не будет преподаваться. Это первое.

Второе, надо совершенно трезво, реально выяснить, чего мы собственно ждем от курса истории? Тут приходится исходить отчасти из потребностей высшей школы, а отчасти из культурных потребностей, потребностей образования вообще. Чем отличается человек исторически образованный от человека исторически невежественного? Тем, что у исторически образованного человека есть некоторая сетка в голове, некоторые перспективы и эта сетка позволяет ему ориентироваться в этих границах. Я приведу один пример, он очень хорошо это показывает. Один чрезвычайно выдающийся молодой философ приписал философу Антисфену такую фразу: «Если бы я встретил Афродиту, я бы застрелил ее». Из какого оружия застрелил бы — я не знаю. Защитники этого молодого философа упорно говорили о том, что лук и стрелы были. Они были бы в известной степени правы, если бы он сказал: «Если бы я увидел Афродиту, я бы застрелил ее». Но он говорит: «Если бы я встретил...», т.-е. на близком расстоянии. Как он смог бы достать лук, натянуть его—Афродита убежит. Это было совершенно гнилое оправдание, а на самом деле блестящий молодой философ, автор многих статей, очень интересных, глубоких, не знает, когда было изобретено огнестрельное оружие. У него нет той сетки, по которой разбирается исторически образованный человек. Эту сетку, эту историческую перспективу нужно дать. Вовсе не обязательно, чтобы были все цари и реформы, они нам в этом отношении не помогут. Но та история первобытной культуры, которую т. Мамет отвергает, она в известной степени помочь может, поскольку не даст вообразить, что, скажем, первобытный человек, отправясь из первобытной пещеры, сел в трамвай и поехал по своему делу. Этого, конечно, не может быть, но что-нибудь в этом роде может быть. Так что эта сетка необходима.

Второе, это — и тут нам до некоторой степени пригодятся если не цари, то некоторые исторические персонажи,—это возможность читать исторические книжки, из которых не все написаны марксистами. Тут нужно дать запас исторических собственных имен, чтобы человек, который встретит имя Луи Блан, понимал, что это такое. Это вторая задача, конечно, второстепенная и подсобная, на нее так и надо смотреть.

И, наконец, есть третья задача, гораздо более важная для нас, на которой т. Мамет остановился, только несколько иначе охватил, чем нужно. Тут дело не в том, чтобы были яркие образы. Это нужно, но это только средство. А дело в том, чтобы человек понимал, что история творится при помощи классовой борьбы, что классовая борьба есть стержень, на который нанизывается исторический процесс. Старые курсы истории отличались двумя качествами. Во-первых, это была история государства реформистская, ибо государство из одной стадии переходило в другую при помощи мудрых реформ, сочиненных тем или другим царем или министром. Вот какая была схема. Эта схема нам совершенно ни к чему. Если бы мы ее начали проводить (а она чувствуется в некоторых наших программах: «Развитие общественного строя в России, начиная с Петра»), это ясно рисуется самой формой, то у нас будут и губернские реформы, и министерства и т. д., и пр. Тут

еще знаменитое крепостное хозяйство фигурирует. Должен сказать, что в этом термине повинен до известной степени я, я его ввел в науку о русской истории, меня уж теперь от него тошнит, ибо нельзя же итти от крепостного хозяйства. Нужно говорить о крепостном строе. Да. Это интересно, ярко и красочно будет, но нельзя же все время итти от крепостного хозяйства. У старых историков государство самодовлеет, а у нас, наоборот, все государственные формы являются продуктом этой самой классовой борьбы.

Я приведу пример, как старый курс подходил к реформам Екатерины II, к губернской реформе, и как мы подходим. Старый курс так об'яснял, что оказалось неудобным в административном отношении старое деление и поэтому ввели новое. Мы расшифровываем: почему неудобно. Пугачевщина показала, что властей слишком мало, сидят они слишком далеко, что они не спаяны между собой и с тем классом, о самосохранении которого идет речь. И в результате, вместо огромных старых губерний, из центра которых губернатор не мог, особенно при тогдашних средствах сообщения, когда не только телеграфов, но и железных дорог не было, не мог получать известий о начавшемся бунте во время, а получал, когда бунт уже охватывал его губернию,—в меньших губерниях губернаторы будут сидеть чаще, да, мало того, в каждом уезде посадить капитан-исправника, приблизить власть к народу, затем спаять эту власть с дворянством, с помещиками, капитан-исправник избирается среди них и т. д. Получается система самозащиты дворянского государства от новой пугачевщины. Подход совершенно различный. Мы об этом еще будем говорить.

Таким манером нам придется перестроить всю историю. Это тяжелая штука, и для того, чтобы это сделать, нам нужно сотрудничество трех элементов: ученого, потому что нельзя себе представить, чтобы рядовой педагог одолел это. Тут нужно брать первоисточники, печатные, конечно, в архив ходить не нужно, нужно уметь найти в этих первоисточниках все, что нужно. Значит, во-первых, ученый, во-вторых—политредактор. Это само собой разумеющаяся вещь. Но, главное, нужен педагог, который бы умел это изложить. Это вопрос, который для средней школы стоит более остро, чем для рабфака, потому что на рабфаке люди все-таки более взрослые, хотя говорят, что он становится менее взрослым, юнеет. Но по отношению ко второй ступени это совершенно другое дело. Наша программа написана таким языком,—там в одной маленькой строчке дано содержание всех семинариев Института красной профессуры по экономике. И это для 12—14-летних детишек. Когда я на это указал, то авторы смутились и принялись вымарывать все эти места, но это было поздно. Там был кредит, банки, теория денег в этой строчке, содержание чуть не всех семинариев Института красной профессуры вкатили в одну строчку. С этим приходится бороться и нужно привлечь педагога, который умел бы ясно и понятно излагать то, что совершенно необходимо. И только сотрудничество этих трех элементов даст нам курс истории, действительно нужный, основанный в значительной степени на свежем материале и разгруженный в значительной степени от всей старой рухляди. Поскольку речь идет о ближайшей действительности, придется давать некоторые внешние сведения, потому что иначе люди не поймут книжки, которые будут читать. Вот как мне рисуется курс истории. Для рабфака, как такового, этот вопрос упрощается. Спрашивается: этот курс истории должен быть оторван от обществоведения? Некоторые авторитетные люди считают, что он обязательно должен быть оторван. Это совершенно не марксисткий подход, хотя некоторые весьма авторитетные люди стоят на этой точке зрения.

Наконец, в заключение два слова относительно моей книжки. Конечно, моя книжка это не учебник, который можно изучать лабораторным

путем. Она может быть полезной книжкой для людей, знающих русскую историю потому, что она дает массу марксистских обобщений, которых как раз нехватает человеку, читавшему в свое время Костомарова, Соловьева и даже Ключевского. Она дает марксистские обобщения, марксистский метод, так что в этом смысле она полезна, но за исключением этого там ничего нет. Но я не понимаю, ведь есть хрестоматии, вы о них ни слова не сказали, как ими пользоваться. Существуют прекрасные хрестоматии, напр., Коваленского, она дает громадный материал. Может быть вы говорили об этом вначале, я пришел, когда вы были на середине вашего доклада. Этими хрестоматиями надо пользоваться, они дают материал, который годится для лабораторного изучения. Можно ли изучать лабораторным путем весь курс, или только некоторые темы. Этот вопрос решен комвузами совершенно определенно. Установлено, что только некоторые темы разрабатываются лабораторным методом, а лекции допустимы. В некоторых случаях необходимо просто давать прочесть книжку, известное количество страниц из книжки, как пособие для лабораторного метода. А иначе ничего не даст этот лабораторный метод, даже перспектив не даст. Эти перспективы должен дать учебник, книжка, назовите ее рабочей книжкой, но без этих перспектив половина — 50% преподавания — на рабфаке не будет достигнуто потому, что все-таки будут люди, которые будут заставлять Антисфена стрелять из револьвера в Афродиту. Так что тут какая-то рабочая книжка совершенно необходима. Стиль, изложение для рабфака должны быть несколько иные, чем для школы второй ступени, но содержание может быть приблизительно одно и то же. В чем тут различие? В школах второй ступени, для детей давать систематический курс истории нельзя, придется дать сначала эпизодический курс, систематический для 12—14-летних детей давать нельзя. А на рабфаках, поскольку там молодежь в возрасте от 17 — 18 лет, можно дать систематический курс. Это будет подходить ко второму концентру второй ступени.

Милюков: Товарищи! Я хочу остановиться на той части доклада тов. Мамета, где он высказывается за допустимость лекций в преподавании истории. Тов. Покровский тоже признает, что лекции необходимы. Я лично являюсь горячим сторонником того, чтобы в учебно-педагогическом процессе сохранилась лекция.

Вопрос о лекциях снова становится у нас одним из злободневных вопросов. В педагогической среде существует в настоящее время и даже, повидимому, господствует взгляд на лекции, как на тяжелое наследие прошлого. В методической литературе, напр., дается толкование лекции, как орудия школы отживающей, разлагающейся буржуазии типа рантье. (Смех). Чтобы не быть голословным, я сошлюсь на одну группу ленинградских педагогов, которые в своих произведениях усиленно заняты доказательством того, насколько необходимо раз навсегда избавиться новой школе от лекций, так как они будто бы дают знания в готовом виде. Эти товарищи даже выдумали специальный термин: лекция — это «метод готовых знаний», говорят они.

Я думаю, что этот термин несостоятелен и что лекцию нельзя считать каким-то «методом готовых знаний». Наоборот, лекция есть один из способов, который помогает слушателю, выражаясь словами тов. Покровского, в том, чтобы у него «вертелось в голове» и вертелось именно в том направлении, в каком нужно нам, руководителям коммунистического образования. Вот что нам нужно.

Лабораторный план требует исследовательской работы, — исследовательской, конечно, в учебном смысле. Но и для такого исследования необходимо, чтобы приступающие к нему знали бы о том, что они собираются

исследовать и для какой цели. Иначе это будет механическая работа над материалом. Тов. Мамет говорил о содержании одного задания. В нем определяется задача, но не дается никаких знаний; указывается метод работы над учебным материалом, но не раскрывается его содержание. Ограничиваясь такими заданиями, противники лекций исходят из того, что надо давать только навыки работы над материалом, полагая, что этим уже обеспечена самодеятельность учащихся.

Но правильно построенная, хорошая лекция отнюдь не исключает этой самодеятельности. Наоборот, она заинтересовывает предметом, показывает смысл изучения документов, дает образец того, как надо правильно понимать исторические события. Такая лекция нужна, так как она помогает лабораторной работе учащихся, а не стоит поперек дороги их исследовательного процесса. Она не атрофирует волю учащегося, а наоборот вызывает в нем большее желание просмотреть и проработать целый ряд документов. Иначе получается именно та картина, которую изобразил тов. Мамет: товарищи работают над документами, пытаются давать им об'яснения. Но из массы учащихся находятся лишь отдельные единицы, об'яснения которых правильны. Этого, конечно, очень мало.

Между тем противники лекций идут дальше: они отрицают не только лекции, но и учебную литературу, об'ясняющую исторический процесс, дающую те или иные выводы из исторических фактов. Учебники — ведь это тоже «метод готовых знаний». Послушать их, так просто становится непонятным, зачем люди пишут книги по истории партии и на другие исторические темы.

Позвольте, товарищи, закончить свое выступление такой мыслью: исследовательский процесс, представляющий основу лабораторного плана, является большим достижением нашей методической работы последних лет. Но в этом процессе пока много лишнего и много не хватает. Наблюдается с одной стороны — чрезмерное увлечение в снабжении учащихся излишним, подчас непосильным материалом; с другой — стремление превратить педагога в простой справочник. Здесь, по существу, получается ликвидация преподавания. Я это называю, товарищи, хвостизмом в педагогике. Может быть я резко выразился, но зато основания для такого резкого суждения имеются несомненно.

С точки зрения противников лекций главной задачей педагога является выработка задания. Это безусловно необходимая задача, научиться составлять правильно задания. Но если эту задачу превратить в главную, то педагог атрофируется как лектор, как преподаватель. Нет! Не задание, а — уменье освещать исторический процесс, уменье читать лекции, уменье преподавать — вот что является главной задачей для нас — педагогов. Направление, о котором я говорил, совершенно упускает это из виду, отводя педагогу роль простого словаря и справочника. Поэтому я думаю, товарищи, что это направление обязательно должно встретить в педагогической среде большое сопротивление.

А. В. Шестаков

Лабораторный план и рабочие тетради по истории

Преподавание истории в том или ином масштабе ставит себе три главных задачи: 1) ознакомление учащихся с основными моментами исторического процесса с возможным насыщением их фактическим материалом и постановку проблемы для изучения в связи с общей целевой установкой данного учебного заведения; 2) научение их владеть в той или иной степени марксистской методологией при изучении соответствующего раздела истории и 3) научение читать исторический документ или знакомиться с историческим памятником и уметь делать из них соответствующие выводы исторического значения. В разрезе этих задач проведение лабораторного плана (употребляю наш обычный термин) при преподавании истории одна из серьезных задач, которую до настоящего времени нашим преподавателям не удалось разрешить в полной мере ни на одной ступени исторического образования.

Всюду, где проводится лабораторный план, основные его элементы состоят из четырех ступеней проработки: планового занятия, консультаций индивидуальных и зачетных, лабораторной проработки и конференций. Центральное место в этих ступенях занимает лабораторная проработка по специальному заданию, выдаваемому учащемуся перед плановым занятием. В задание входят: целевая установка, указание на стадии проработки, содержание тем и подтем, при чем последние формулируются чаще всего в виде вопросов, затем идут указания на литературу, большей частью, с пометкой страниц той или иной книги и, наконец, вопросы для сдачи групповых зачетов на консультации и вопросы для конференции. Варианты типов заданий сходятся в зависимости от различных ступеней обучения к количеству прорабатываемой литературы и ее трудности, а также более или менее сложной формулировке вопросов как для проработки, так и для консультаций и конференций.

Достигается ли этим путем возможность самостоятельной работы учащегося и разрешение им поставленных выше трех главных задач? На этот вопрос мы должны ответить со всей откровенностью, что если учащийся кое-что усваивает из фактов, сообщаемых в литературе, то вопросы обучения марксистской методологии при изучении истории и особенно научение разбираться в историческом памятнике достигаются в очень слабой мере. Кое-какие указания по этим последним вопросам учащийся получает от преподавателя дидактическим путем во время планового занятия или на конференции. Самостоятельной же работы в этом направлении учащийся не может проделать и, главным образом, потому, что задание строится на основе той литературы, которая имеется на рынке, при чем эта литература совершенно не приспособлена к указанным нами задачам. Большое количество историче-

ских хрестоматий, составленных большей частью по трафарету из неудобоваримых отрывков из статей и документов, ни в коей мере не может разрешить вопрос. Монографическая историческая литература не может применяться для изучения истории на первых ступенях обучения, а отрывки из нее приводят к тем же результатам, как и изучение отрывков из хрестоматий. У учащегося не может получиться ни цельности восприятия, ни возможности научения методологическим приемам, ни методике работы над документом. Создать учебники по истории для системы лабораторного плана для различных ступеней обучения дело настолько трудное, что до сих пор никто за эту работу всерьез не принялся и выполнить ее силами педагогов вещь совершенно невозможная. М. Н. Покровский в одной из своих речей как-то указал, что исторический учебник пока еще не разрешенная задача и создать его возможно только коллективным трудом ученого педагога и самих учащихся (см. «Ист.-Марк.» № 3, стр. 176). Всякое задание для лабораторной проработки создается сейчас с огромными затруднениями. Педагог, составляющий задание, знает какая мука-мученическая подобрать нужные для темы странички и затем втиснуть их в прокрустово ложе учебных часов. И часами корпит над заданием преподаватель, ломая голову, как ему сжать текст из так уже достаточно «сжатого» очерка М. Н. Покровского или какой-нибудь отрывок из монографии, чтобы была хоть какая-нибудь «связь» с вопросами, поставленными в задании. В результате, из задания получается такое лоскутное одеяло (в которое обязательно нужно вставить еще кое-что из работ классиков-марксистов), что у учащегося в глазах, и, особенно, в мозгу «рябит» от этой пестроты. До методологии ли уж тут, а тем паче до научения исследовательскому методу работы с документами. Никакие плановые занятия, консультации, конференции тут не помогут, когда центральное звено лабораторного плана так плохо.

Вопрос об учебниках, или точнее, «рабочих книгах» по истории, специально приспособленных к лабораторному плану и для разных ступеней обучения, является, таким образом, актуальнейшей задачей в нашей педагогической работе. Как к нему подойти?

В поисках выхода из создавшегося тупика, грозящего омертвением всей системы лабораторного плана, о чем мне уже приходилось высказываться на страницах «Историка-Марксиста» (№ 3, стр. 183 — 184), группа преподавателей историков Сталинского университета (Кутв) остановилась на мысли создать вместо лабораторного задания так называемые «рабочие тетради».

По предположениям этой группы преподавателей рабочие тетради по истории варьируются в зависимости от дисциплины, курса, уровня, кружков и времени, в которое прорабатывается та или иная тема. В рабочей тетради дается основное содержание по теме, причем ее дальнейшее построение мыслится так: в начале даются общие методические указания о работе с тетрадью (учащимся рекомендуется на самой тетради делать отметки, какие из предлагаемых советов методического характера по работе с рабочей тетрадью были ими использованы, какие были придуманы самим учащимся и какие оказались непригодными. Полученный опыт обобщается и вносится в указания в последующие тетради). Дальше, в зависимости от уровня развития учащегося, тетрадь строится для I ступени обучения путем популярнейшего изложения содержания той литературы предмета, которая должна быть изучена по данной теме. В предисловии к изложению или в конце его даются некоторые методологические указания, увязанные с постановкой проблемы в теме и методами ее разрешения. Возможно привлечение и других методологических подходов для сравнения с марксистской методологией. В конце тетради после изложения вносятся вопросы фактического порядка для сдачи групповых зачетов и общие вопросы для проработки их на заключительной

по заданию конференции. После вопросов приводится краткий библиографический указатель литературы по теме с аннотациями; параллельно с темой устраивается выставка указанной в рабочей тетради литературы, которая просматривается учащимися, и на консультациях преподавателями даются те или иные об'яснения по выставленным книгам.

В максимальной степени на I ступени обучения привлекаются к проработке темы наглядные пособия, экскурсионный материал и т. д.

Для следующей ступени обучения рабочая тетрадь строится уже несколько по иному принципу, чем для первой ступени. Кроме вводных методических указаний, общих для всех тетрадей, в предисловие вносятся в развернутом виде методические указания, в зависимости от числа проблем в теме, сложности материала в ней и задач, которые ставятся учащемуся. В текст содержания тетради, прежде всего, вносится пространное ее оглавление, дальше идет текст составителя, в обычной его форме серьезного учебника, разбитый на разделы, при чем каждый раздел сопровождается документами, в начале и в конце которых ставятся вопросы, относящиеся как к тексту, так и особенно к документам. Центральное внимание учащегося обращается на методологию разработки темы и документа, и в связи с этим в вопросы для зачетной групповой консультации вводятся и такие, которые могут быть сделаны только на основании обобщения документации. Этим дается определенный навык к чтению и изучению исторических документов, и учащийся научается из документов делать соответствующие выводы. В остальной части рабочие тетради второго типа имеют вопросники для зачетных консультаций и для заключительных конференций, а также библиографию с аннотациями, сопровождаемую выставкой литературы и пр. в несколько более расширенном размере, чем в рабочих тетрадях первого типа. В рабочие тетради второго типа вводятся также указания на наглядные пособия, материал, который можно найти во время экскурсий в музее, на выставке, при осмотре тех или иных достопримечательностей и т. д. в большей степени, чем в тетрадь первого типа.

Наконец, для дальнейшего хода обучения, который варьируется курсами, триместрами или семестрами, вводятся рабочие тетради, составленные, главным образом, из документов, с введением методологического характера более сложного характера, чем в предшествующих типах рабочих тетрадей. Остальной текст составителя по возможности невелик и, главным образом, дается для увязки той или иной документации и методологических обобщений по документам. Более трудная задача для составителя рабочей тетради третьего типа сводится к подбору документов таким образом, чтобы они могли осветить изучаемую тему с достаточной полнотой и вместе с этим разработку вопросов к документам таким образом, чтобы дать возможность учащимся на этой основе делать самостоятельные методологические заключения более общего порядка, чем при работе с тетрадями второго типа. Привлечение для работы с тетрадями третьего типа материала, диаграмм, таблиц и разного рода других пособий должно быть обусловлено максимальным усилием для учащегося выявления самостоятельной исследовательской мысли. Точно также при работе с тетрадями третьего типа целесообразно привлечение целых отдельных статей классиков исторической литературы, а также более широкое ознакомление и через выставку книг с литературой разных направлений и критической оценкой их, при помощи преподавателя на консультации или даже на специальных конференциях.

Рабочая тетрадь третьего типа должна быть переходным мостом к тому роду занятий, которые обычно называются просеминарской работой, и там, где возможно при обучении применение этого метода, роль рабочих тетрадей заканчивается.

Остаются ли при рабочих тетрадях задания?

На этот вопрос надо ответить отрицательно, так как сами рабочие тетради и являются такого рода заданиями.

Против системы рабочих тетрадей делались возражения, что они отучают учащегося от навыков пользования книгой, особенно при заданиях первого типа. Но это возражение также нельзя принять, так как рабочая тетрадь заключает в себе материал, заимствованный из той же книжной литературы и, кроме того, он сопровождается книжной выставкой, проработка которой вводится или в период планового занятия или в заключительную конференцию, кроме обязательности для учащегося просмотра выставки в период самостоятельной лабораторной работы, особенно при заданиях II и III типов; затем, на дальнейших ступенях применения рабочей тетради, внесение документации с ссылками на источники, откуда она заимствована, и т. д. не отрывает учащегося от возможности ознакомиться с документом по книге на выставке и, наконец, в последней ступени введение в лабораторную проработку статей классического характера в дополнение к рабочим тетрадям уже окончательно увязывает работу учащегося с книгой.

Как быть с теми фактическими моментами, которые не могут быть вмещены в рабочую тетрадь, но ознакомление с которыми желательно? На этот вопрос приходится ответить, что рабочая тетрадь, конечно, не может дать материала в достаточной степени полно освещающего тот или иной вопрос, как и вообще нельзя проработать историческую тему во всей ее полноте по тому количеству страниц, которое отводится на нее строгим режимом часов учебного плана. Количество страниц книжного материала или учебника по прорабатываемой теме также дает возможность только общего ознакомления с фактической стороной истории, и ни в коем случае не исчерпывает вопроса, но рабочая тетрадь может дать материал значительно компактнее, чем какой-либо общий учебник или лоскутный материал по теперешним заданиям. Рабочую тетрадь легче индивидуализировать к уровню развития учащихся, к курсу, к моментам проработки, проводя принцип постепенного усложнения, предлагаемого к изучению материала как в количественном, так и в качественном отношении. Кроме того, рабочая тетрадь может дать в наиболее сжатой форме и методологические установки по теме, а также в последовательности усложнения, чего мы не найдем в теперешней учебной литературе по историческим темам, и также последовательно научить навыкам исследовательской работы, чего уже нельзя получить ни из какой книжки, имеющейся сейчас в нашем распоряжении, хотя бы с разного рода методическими примечаниями или указаниями, но не пригнанными к задачам обучения того или иного учебного заведения и потребностям данной группы учащихся. Те моменты изучаемого периода истории, которые не могут быть вмещены в рабочую тетрадь, кроме того, могут освещаться и на иных стадиях работы по лабораторному плану, а именно, на плановых занятиях или в заключительных конференциях. Если выбирать, то предпочтительней вносить дополняющие моменты прежде всего в плановые занятия, которые должны охватить тему более широко, чем она изложена в рабочей тетради, и увязать факты предыдущих заданий с предлагаемыми к изучению, а также и с последующими историческими явлениями и выводами, особенно в тех случаях, когда в преподавании проводится система увязки с современностью. Таким образом, при введении рабочих тетрадей, часть времени преподавателя на плановом занятии должна тратиться на небольшие (20 — 30 минут) лекционно-беседные вступления к теме. Вместе с этим при подведении итогов проработки в заключительном слове преподаватель должен и имеет возможность дать уча-

щимся тот материал, которого они не смогли получить ни из планового занятия, ни при работе с тетрадью и с другими вспомогательными материалами по теме.

Как видно из изложенного, рабочая тетрадь может быть применима при изучении истории в различных учебных заведениях, начиная со старших классов II ступени и кончая рабфаками, комвузами и даже 1-ми курсами вузов, где не введена просеминарская и семинарская проработка исторических тем.

Работа преподавателей методистов и специалистов историков при создании рабочих тетрадей должна вестись именно по линии применения рабочих тетрадей к той или иной конкретной обстановке. Только в результате такой работы и можно получить тот опытный материал, который в конечном счете придвинет нас к разрешению задачи о создании типового исторического учебника для различных ступеней обучения, для различных возрастных составов и уровня знаний учащихся применительно к программным заданиям. Организованная опытным путем рабочая тетрадь удачнее всего может разрешить эту проблему, так как она будет строиться при учете всей конкретной обстановки учебной работы.

Есть еще один вопрос, который очень тесно связан с «производством» рабочей тетради — это затрата средств на их изготовление и сверхобычная нагрузка преподавателей, работа которых по составлению тетрадей должна быть оплачиваема. Опыт, который уже проделан преподавателями Сталинского комуниверситета, указывает, что стоимость рабочих тетрадей для двухнедельных заданий колеблется при производстве их на стеклографе от 30 — 40 коп. за книжку. Такого рода расходы по существу невелики, так как учебное заведение не затрачивает средств на приобретение книг для студентов, и книг в немалом числе, при той системе лоскутов, которая практикуется сейчас. Затем при рабочих тетрадях создается экономия на библиотекаря и особенно экономится время учащихся, вынужденных бесконечное количество раз сдавать и получать книгу из библиотеки для проработки, при чем план их работы часто нарушается, так как книги могут быть заняты и учащимся приходится ждать или перебрасываться на другую часть своей темы или даже на другой предмет, что, конечно, чрезвычайно дезорганизует работу, и в результате получается огромная растрата сил и средств. Если все же эта работа вызовет некоторые добавочные траты, то в конечном результате она может дать такой плюс в улучшении методики преподавания истории, который покроет с большими процентами вызываемые рабочими тетрадями расходы. Одними из плюсов рабочих тетрадей является опытная проверка отдельных типов программ, доселе являющихся больше продуктом творчества отдельных специалистов-историков, чем коллективной работой историков и педагогов. Программы по истории для отдельных групп учащихся давно требуют их переработки и улучшения, и главным образом с педагогической точки зрения.

И, наконец, последнее. Составление рабочих тетрадей вовлекает в живую творческую работу преподавателей, заставляет их с полной серьезностью отнестись к делу, к проработке каждой темы, изучить достаточное количество литературы, отобрать из нее наиболее важное и существенное, обдумать со всей глубиной вопросы к документам, к групповым зачетам и консультациям и конференциям. Рабочие тетради—это также путь для повышения квалификации преподавателей истории.

Подводя итоги сказанному, мы склонны признавать за идеей рабочих тетрадей здоровое педагогическое начало, их осуществление делом вполне назревшим и своевременным. При практическом осуществлении этой идеи мы неизбежно встретимся с рядом затруднений, которые, конечно, дадут

серьезный материал для критики и самой этой идеи. Может быть в предлагаемую нами систему рабочих тетрадей будет предложено внести существенные изменения или дополнения, что в конечном результате принесет только пользу общему делу. В настоящем сообщении мы и ставим вопрос о рабочих тетрадях, как проблему для нашей педагогической мысли и практики, отнюдь не претендуя на ее полное разрешение.

Опыт рабочих тетрадей по истории в Сталинском комвузе по целому ряду преимущественно технических причин не дал должного эффекта, потому что это был первый опыт, который мы надеемся продолжить в несколько измененных условиях и который все же может быть использован другими в более подходящей обстановке. Во всяком случае этим опытом Сталинский комвуз поставил перед историками вплотную ряд методических задач — о типе рабочей книги, об использовании книжных выставок и т. п.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ: А. Ивин, Ел. Драбкина, Е. Косминский, Е. Мороховец. ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: А. Васютинский, А. Шестаков. РЕЦЕНЗИИ: А. Гуковский, А. Ломакин, М. Нечкина, Л. Райский, М. Ахун, Ш. Левин, А. Сидоров, С. Кривцов, С. Пионтковский, Рабинович, С. Красный, Я. Захер, Гингорн, Ц. Фридлянд, А. Пресняков, Г. Рейхберг, Шатов, Г. Кокиев

ОБЗОРЫ

ЛИТЕРАТУРА О КИТАЕ

«Сегодняшний Китай уже не тот, каким он был всего лишь несколько десятков лет тому назад с его нелепым самомнением, как и не Китай, ударившийся затем в другую крайность, Китай, пресмыкающийся перед иностранцами,—сегодняшний Китай стремительно развивается, стремительно идет вперед во всех областях. Вот почему, чтобы увидеть ясно истинный лик Китая, уже нельзя подходить к нему так, как это делалось несколько десятков лет тому назад, ибо тот старый Китай уже умер, чтобы больше никогда не воскреснуть, как нельзя к нему подходить и с поверхностным взглядом любителя курьезов, ибо китайская жизнь сложна и поверхностному дилетантскому взгляду в истинную сущность ее не проникнуть. И вот мы смеем утверждать, что, за исключением лишь японцев, для всего остального мира Китай попрежнему отделен стеной непонимания. И хотя в настоящее время мы находимся в сношениях со всеми странами, хотя в самом Китае живет не мало иностранцев, способных, кажется, ясно разбираться в китайских делах, тем не менее ничего подобного (т.-е. понимания Китая—А. И.) мы не наблюдаем. И европейские и американские страны все еще продолжают смотреть на нас попрежнему, подходя к нам, как к дикарям. Может быть, чересчур резко сказано, но фактически это так и есть... Поэтому интерес советской общественности к Китаю, рост советского китаеведения нам приходится только приветствовать. Иной позиции мы не можем и не желаем занимать. Изучение Китая в Советской России... преследует цель ознакомления с истинным положением вещей, вследствие чего публикуемые результаты должны заключать в себе долю истины и, таким образом, заслуживают нашего внимания». Вот что еще в начале позапрошлого года можно было прочесть в распространенном китайском журнале «Тун-Фан-Ца-Чи» (Журнал «Восток», в статье посвященной «Изучению Китая Советской Россией»). Автор статьи, констатируя «кое-какие достижения» советского китаеведения, указывал, однако, что последнее «находится еще в зародыше».

С тех пор, как была написана эта статья, прошло около 1½—2 лет. За этот срок нами сделан заметный прогресс. Более того, можно смело сказать, что в области изучения китайского рабочего вопроса, а также в области освещения аграрно-крестьянской проблемы и крестьянского движения в Китае наше советское китаеведение хотя еще и не дало солидных трудов, тем не менее стоит, вероятно, уже на первом месте, (что, разумеется, не столь уже трудно, принимая во внимание, что на Западе эти вопросы по существу даже не поставлены. Если раньше, кроме компилятивных и по большей части чрезвычайно неряшливых работ, у нас почти ничего не было, то теперь мы имеем не только переводы, но и оригинальные произведения.

В нашей краткой заметке мы далеко не можем коснуться всех более или менее ценных книг и брошюр о Китае, имеющихся на нашем книжном рынке; нам придется поэтому остановиться лишь на тех, которые необходимо знать в первую очередь каждому интересующемуся Китаем, и прежде всего на книге немецкого коммуниста К. А. Виттфогеля: «Пробуждающийся Китай» (перевод с немецкого Д. Страшунского, Изд. «Прибой». Ленинград, 1926 г., стр. 182).

Работа т. Виттфогеля начинается раз'яснением некоторых распространенных о Китае ошибок и кратким очерком классовой истории китайского народа; далее автор останавливается на триумфальном шествии европейской «культуры» в Китае, на китайской революции 1911 г., на положении рабочего класса, на шанхайских событиях и, наконец, на взаимоотношениях, существующих между Китаем, империалистическими странами и нашим Советским Союзом. Этот сухой перечень основных тем, затронутых автором, далеко, разумеется, не передает всего богатства фактов, идей и знаний, заключенных в «Пробуждающемся Китае». Нельзя, однако, не пожалеть, что в такой талантливой и добросовестной работе ее исто-

рическая часть, несмотря на целый ряд весьма здравых и интересных положений, содержит или чересчур рискованные или совершенно неверные выводы. Так, что касается феодального периода китайской истории, то нужно сказать, что обычные, ходячие представления европейской синологии об этом периоде покоятся на весьма сомнительных, во всяком случае, недостаточно проверенных научной критикой исторических материалах. Вот почему строить, как это делает т. Виттфогель, на основании добытых материалов законченную теорию пока еще преждевременно. С данными европейской синологии, относящимися к после-феодальному периоду и касающимся основных проблем китайской истории, дело обстоит немногим лучше. Будучи, однако, вынужден базироваться, главным образом, именно на этих данных буржуазной синологии, т. Виттфогель и дает слишком патриархально-упрощенную и по существу немарксистскую картину после-феодального Китая.

«Над десятками миллионов участков крестьянских семей, которые в свою очередь снова об'единились в общины («кланы»), в течение 2.000 лет возвышалась надстройка чиновничьего государства. Как раз достаточно сильный для того, чтобы помешать новому расцвету классовых феодальных юнкеров, мандаринат сдерживался в определенных границах великим социальным регулятором постоянно угрожающей крестьянской революции. Разрушив феодализм, тем самым разбили машину, создавшую в Европе «свободного» наемного рабочего. Мандаринов же массы держали под угрозой «шаха», чтобы они могли рискнуть взять на себя роль экспроприаторов крестьянства». Неудивительно, если «социальные корни всех тысяч восстаний и мятежей, которые с правильностью верстовых столбов на шоссе перемежают историю китайского чиновничьего государства», т. Виттфогель сводит лишь к «злоупотреблениям мандаринов», к непосильному фискальному гнету. Эту теорию, которую недавно столь неудачно пытался обосновать т. Канторович («Система общественных отношений Китая докапиталистической эпохи». «Новый Восток», № 15, Изд. «Научной Ассоциации Востоковедения»), нужно признать в корне неправильной.

Основным кардинальным вопросом китайской истории за последние 2.000 лет являлся, как мы уже имели случай писать («Аграрный вопрос в китайских революциях». «Новый Восток» № 15 и «Китайская проблема». № 21—22 «Большевик»), вопрос аграрный. Китайский мандаринат не висел в воздухе, но, как общее правило, был тесными узами связан с земледельческой и торговой буржуазией. Социальные корни главных восстаний и мятежей нужно искать не только в непосильном фискальном гнете и злоупотреблениях чиновничества, но также, или вернее—прежде всего, в очередной более или менее значительной концентрации земельной собственности, сопровождаемой очередным ростом торгового капитала, в очередном обезземелении значительных масс крестьянства и очередном росте деклассированных элементов, в очередном обострении противоречий между арендаторами и землевладельцами. Не зная или игнорируя эти факты, при всем желании никакой «классовой истории китайского народа» не написать. Вот почему будем надеяться, что ко второму изданию своей, повторяем, талантливой, добросовестной и чрезвычайно полезной книжки т. Виттфогель заново переработает ее историческую часть.

Мы так долго остановились на работе т. Виттфогеля потому, что, как было уже сказано выше, считаем ее пока лучшей из имеющихся у нас, популярной работой о Китае, которая должна быть прочитана в первую очередь. Для более подробного ознакомления с различными вопросами, которые лишь кратко и схематично затронуты в «Пробуждающемся Китае», мы могли бы рекомендовать прежде всего прекрасную, со знанием дела написанную брошюру т. Г. Войтинского: «Что происходит в Китае» (Госуд. издательство. Второе дополненное издание. С предисловием К. Радека), в которой автор, главным образом, останавливается на британском империализме в Китае, на партии Гоминдана и китайской компартии, а также на их взаимоотношениях.

Затем брошюру т. Б. Семенова: «Китай в борьбе с империализмом», изданную в прошлом году «Правдой и Беднотой».

Специально по рабочему вопросу в Китае у нас имеются такие достижения, как «Рабочий Китай»—сборник статей под редакцией К. Радека, и вышедший недавно отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай: «Рабочий Китай в борьбе против империализма». Отметим еще: сборник статей т. Л. Геллера: «Национальное и рабочее движение на Тихом Океане» (изд. Профинтерна, Москва. 1926 г.), брошюру т. П. Мифа: «Уроки шанхайских событий». И, наконец, «Вопросы кит. революции. Том I. Положение пролетариата и развитие рабочего движения в Китае»—сборник на котором следует остановиться несколько подробнее.

«Отсутствие научных работ, посвященных общественным вопросам Китая, принуждает, —говорит в своей вступительной статье К. Радек,—прибегнуть к очень несовершенному методу: составлению сборников из работ, представляющих разную ценность, но в совокупности дающих более правильное понятие о происходящих в Китае общественных процессах, чем могут их дать публицистические обобщения популярных брошюр, которыми заполнен наш рынок...

В настоящий сборник входят как работы коммунистов: т.т. Лиау, Мусина и пишущего эти строки, так и работы христианского демократа Шервуда, представителя известной Американской ассоциации христианской молодежи, наконец, доклады английских консулов... Я прилагаю к этому сборнику материалов свою статью, написанную после шанхайских событий, чтобы наметить те вопросы, которые выдвигаются событиями в Китае».

Так, повторяем, пишет К. Радек в своем вступлении к этому, скажем с самого еще начала, весьма интересному и полезному сборнику, посвященному описанию положения рабочего класса в Китае. Действительно, за исключением заключительной статьи К. Радека, все остальные статьи и материалы целиком заняты рабочим вопросом. Так, в статье: «Рабочий класс в Китае» т. Лиау специально останавливается на численности китайского рабочего класса, на заработной плате и, наконец, на рабочих организациях; статья Шервуда Эдди: «Положение труда в Китае», несмотря на прекраснодушные мечты автора о примирении труда с капиталом дает чрезвычайно правдивую и яркую картину жестокой эксплоатации китайского рабочего класса, значительное большинство которого составляют женщины, подростки и дети, начиная чуть не с пятилетнего возраста; в чрезвычайно дельных и добросовестных «Очерках рабочего движения в Китае» т. Мусин более подробно. чем т. Лиау, останавливается на численности и организованности китайских рабочих масс, на характеристике различных районов рабочего движения (Шанхайский, южный, средний и северный районы), на положении рабочих масс в Шанхае, на гонконгской забастовке моряков 1922 г., на рабочих волнениях в Макао того же года, на последовавшем в 1923 году под'еме рабочего движения, в частности на знаменитой февральской железнодорожной забастовке, свирепо подавленной У-Пей-Фу, и, наконец, на социалистическом и коммунистическом движении в Китае.

Как ни интересны очерки тов. Мусина, статьи Шервуда, тов. Лиау, а в особенности ценная статья К. Радека, тем не менее гвоздем настоящего сборника являются относящиеся к 1924 года. «Донесения английских консулов о положении рабочего класса в Китае», и это не только потому, что по своим размерам они занимают добрую половину книги, но и потому, что, несмотря на всю «суб'ективность», они, захватывая большинство китайских провинций, дают весьма значительный материал. Разумеется, далеко не все донесения равноценны, многие из них являются лишь более или менее добросовестной бюрократической отпиской, зато встречаются среди них написанные не только за страх, но и за совесть, а иногда и с явным желанием блеснуть и отличиться. Таково, напр., «донесение» о профессиональном движении в Шанхае, сделанное консулом Моссом, в особенности же доклад консула в Фу-чжоу м-ра Кленнеля, специально рекомендованный Чемберлену английским посланником Маклеем, в следующих выражениях: «Он (т-е. доклад),—пишет Маклей,—несколько более широк, чем тот, на который рассчитывало министерство труда, но я смею предположить, что его размеры не помешают министерству обратить на него особое внимание, так как он заключает ценный анализ многих весьма трудных и сложных вопросов, касающихся экономической жизни трудящихся классов Китая».

Этот обширный доклад К. Радек справедливо называет попыткой «дать чуть ли не социологию и философию развития Китая».

Таково содержание сборника, если, разумеется, не говорить о заключительной статье К. Радека, которую как по времени ее написания так и по самому существу следовало бы, думали бы мы, включить во второй том, специально посвященный шанхийским событиям, а отнюдь не в первый, с которым она непосредственно не связана. В самом деле все основные положения статьи относятся к шанхайскому периоду или, по выражению самого К. Радека, к «началу китайской революции». В ней говорится о «Китайской буржуазии и революции», о «союзниках китайского пролетариата» об «империализме в Китае», об «этапах и перспективах китайской революции» и, наконец, о «китайской революции и международном пролетариате».

Уже простой перечень затронутых в сборнике тем свидетельствует о значительности его интереса и полезности. Но именно потому, что сборник является довольно ценным вкладом в нашу, все еще чрезвычайно бедную, осо-

бенно качественно, литературу о современном Китае, будет не лишним остановиться на его бросающихся в глаза недостатках.

Первым недостатком уже является то, что сборник, вместо того, чтобы появиться если не в конце 1924 г., то самое позднее в 1925 году, появляется в конце 1926 г., т.-е. с опозданием чуть не на два года. Чем об'ясняется это запоздание, мы не знаем, во всяком случае его отнюдь нельзя об'яснить характером сборника, представляющего собою переводы, а то и простое воспроизведение, за исключением разве очерков т. Мусина, уже появившихся в печати статей и материалов. Если так дело будет обстоять и дальше, то, пожалуй, сборник старых статей об аграрном вопросе в Китае или, скажем, о крестьянском движении 1925—1926 г.г. увидит свет не ранее 1928—1929 г.г. Как это ни прискорбно, но создается впечатление, что несмотря на все более и более глубокий интерес, проявляемый советской общественностью к великой борьбе китайского народа, наши советские издательства, если не советское китаеведение, сильно отстают в этой области от буржуазного Запада.

Это во-первых.

Во-вторых, хотя на обложке и стоит: «под общей редакцией и со вступительной статьей Карла Радека», тем не менее в самой книжке мы этой статьи не нашли, ибо даже с натяжкой нельзя назвать 30½ строк текста, фигурирующего под заглавием: «вступление»—вступительной статьей. А между тем для сборника, в котором, как мы уже сказали, добрую половину занимают донесения английских консулов, необходимость в более или менее обстоятельном анализе этих донесений вряд ли может кем оспариваться. Нельзя поэтому не пожалеть, что К. Радек оказался в данном вопросе совершенно иного мнения, ограничившись лишь несколькими весьма краткими примечаниями. Следующим хотя, разумеется, несравненно менее значительным недостатком является, главным образом в статье т. Лиау, транскрипция китайских имен, которая зачастую есть по существу не транскрипция а сплошное недоразумение как напр. Лау-Чжоу-Танг-Чи, Ие-Кон-Хо, Чен-Хонг-Кин, Кай-Воан и т. п.

Весьма большое неудобство для широкого круга читателей, мало знакомых с географией Китая, представляет также отсутствие географической карты. Наконец вместо заключительной статьи логически принадлежащей скорее ко второму тому, мы, как вероятно и большинство читателей, предпочли бы увидеть статью подытоживающую материалы именно данного, а не будущего сборника.

Все это, разумеется отнюдь не умаляет серьезных достоинств заключительного очерка К. Радека. В наши задачи не входит подробный анализ этого очерка и потому мы ограничимся здесь лишь указанием некоторых спорных, а то и просто недостаточно ясных положений, выдвинутых в нем автором

...«Сейчас и на ближайшие годы,—пишет К. Радек, китайский пролетариат не в силах еще будет захватить власть в свои руки..., если бы ход революционной борьбы в этот ближайший период поставил его перед вопросом о захвате власти совместно с мелкой буржуазией, то он был бы вынужден пока что развивать экономические силы страны в формах капиталистических».

Если пролетариат, захвативши власть, хотя бы и «совместно с мелкой буржуазией»—приступил бы (что, по нашему мнению, он рано или поздно вынужден будет сделать) к государственному насаждению и развитию жизненно необходимых для независимого национального существования Китая отраслей крупной индустрии и промышленности, то означало ли бы это „развивать экономические силы страны в формах капиталистических"? Здесь К. Радек несомненно делает большой теоретический промах.

Далее, говоря о целях, во имя которых будет бороться китайское крестьянство, когда оно восстанет против своих поработителей, К. Радек пишет: «Это прежде всего—национальное об'единение Китая, устранение провинциального раздробления, являющегося источником беспрерывных войн всех против всех. Об'единительное движение, завершившееся образованием современных капиталистических государств, вызвано в первую очередь интересами промышленной буржуазии, стремящейся создать единый крупный рынок, который обеспечивал бы ей достаточный простор ее деятельности. В Китае это движение находит затем широкую поддержку и со стороны крестьянства, задыхающегося и изнемогающего в обстановке государственного распада Китая.

Другой близкой и понятной крестьянству целью, за которую оно будет готово бороться, явится справедливая податная система, возможная лишь при государственной организации, которая, сосредоточивая в центре функции защиты страны и ее внешнего представительства, сумеет

избегнуть крайностей централизма, не мирящегося с самоуправлением крестьянства в области его местных интересов. Эти две основные цели, вытекающие из положения китайского крестьянства, упираются в борьбу с **иностранным империализмом**, который до сих пор поддерживал раздробление Китая». (стр. 245—246). Все это, разумеется, глубоко справедливо, однако далеко недостаточно, ибо К. Радек совершенно упустил из виду такой основной вопрос китайской революции, как вопрос аграрный. Это досадное упущение приходится, как мы в этом глубоко убеждены, отнести насчет того, что статью свою К. Радек написал еще в августе 1925 г. В настоящее время К. Радек вряд ли бы сделал подобное упущение, равно как, думаем мы, вряд ли бы повторил свое чересчур категорическое утверждение о том, что «господствующая в Китае бюрократия рекрутировалась всегда из масс крестьянства и мелкой городской буржуазии», или другое не менее категорическое утверждение: «Если до этого времени империалистические державы могли рассматривать армии военных генерал-губернаторов, как свои армии (Япония считает своей армию Чжан-Цзо-Лина, а англо-американский блок—армию У-Пей-Фу), то теперь они этого больше делать не могут».

Таковы недочеты в общем интересного и полезного сборника, который, вероятно, в самом непродолжительном времени увидит, несмотря на свою чрезвычайно высокую цену (3 руб.) второе издание.

Что касается аграрно-крестьянской проблемы, то, к сожалению, мы пока еще не можем указать ни на одну заслуживающую внимания книгу или брошюру. Читателю, желающему ознакомиться с этой проблемой, придется обратиться к ряду статей, появившихся в течение последних 1½ лет в «Правде», «Известиях», «Большевике», а также к статьям и очеркам, печатаемым в журналах: «Новый Восток», «Коммунистический Интернационал» и «На аграрном фронте». Кроме того, всякий интересующийся китайской проблемой и перспективами китайской революции, должен, разумеется, тщательно проштудировать китайскую часть доклада Бухарина на последнем пленуме ИККИ, а также речь Сталина в китайской комиссии ИККИ 30/XI 1926 г.: «О перспективах революции в Китае» («Коммунистический Интернационал», № 13).

Что касается книг, изданных на русском языке, более подробно знакомящих с китайской историей, с китайским революционным движением, а также с жизнью, деятельностью и идеями Сун-Ят-Сена, то здесь дело обстоит пока не важно. Кроме далеко неудовлетворительной работы Шпильмана о тайпингском восстании («Крестьянская революция в Китае», Изд. «Московский Рабочий». Перевод со второго немецкого издания Даваровой. С предисловием М. Павловича и вступительной статьей К. Радека), можно указать лишь на „Записки китайского революционера“ и „Капиталистическое развитие Китая» Сун-Ят-Сена, под редакцией и с предисловиями — Виленского - Сибирякова, а также на дельную статью К. Радека: «Жизнь и дело Сун-Ят-Сена», служащую предисловием к книжке С. Далина: «В рядах китайской революции» («Московский Рабочий». 1926 г.).

В заключение отметим работу А. Я. Канторовича: «Иностранный капитал и железные дороги Китая» (изд. «Плановое Хозяйство». Ред. и предисловие К. Радека) и книгу А. Ходорова: «Народное хозяйство Китая»—первую—за ее сравнительную добросовестность, вторую—лишь за неимением у нас более сносного учебника экономич. географии Китая.

Это все, что мы можем пока рекомендовать читателю из книг, появившихся у нас о Китае, во всяком случае книг, с которыми нам удалось ознакомиться.

А. Ивин

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ [1]

(Обзор литературы на русском языке)

1. **Г. САНДОМИРСКИЙ**, «Фашизм». Ч. ч. I и II. ГИЗ. 1923.
2. **Г. САНДОМИРСКИЙ**, «Закат фашизма». Прибой. 1925.
3. **Г. САНДОМИРСКИЙ**, «Италия наших дней». ГИЗ. 1926.
4. **СБОРНИК.** «Мировой фашизм». Статьи Мещерякова и Иорданского. ГИЗ. 1923.

[1] Этот обзор написан до того, как поступила в продажу 19-я книжка „Вестника Коммунистической Академии“ со статьей тов. Пашуканиса о фашизме. Редакция.

5. **СБОРНИК.** «Фашизм в Италии». Статьи Мещерякова и Сератти. ГИЗ. 1923.

6. **ДЖУЛИО АКВИЛА.** «Фашизм в Италии». ГИЗ.

7. **Д. СЕРАТТИ.** «Современная Италия», Прибой. 1926.

Русская литература об итальянском фашизме очень бедна, несмотря на то, что изучение этой новой своеобразной формы буржуазной диктатуры имеет исключительный теоретический интерес и громадное политическое значение. Небольшим списком книг исчерпывается все напечатанное у нас по этому вопросу, если не считать мелких брошюр и небольших случайных журнальных статей.

Три работы тов. Сандомирского охватывают историю фашистской Италии, начиная с момента зарождения предвестников фашизма и кончая серединой 1926 г. Первая из них «Фашизм»— посвящена происхождению фашизма, истории образования фашистской партии, ее программы и теоретическим воззрениям, истории захвата власти и политики фашизма в первый год его управления страной. Вторая книга «Закат фашизма»—рисует фашистскую Италию в момент кризиса, переживавшегося фашизмом после убийства Матеотти. В ней подробно описаны парламентские выборы первой четверти 1924 года, давшие небывалую победу фашистам, борьба партий во вновь избранном парламенте, биография Матеотти, история его убийства и поисков трупа и тот рост антифашистских настроений в стране, который был вызван этим убийством. Последняя книга «Италия наших дней»—описывает фашистскую Италию 1925 и первой половины 1926 г. Она имеет преимущественно описательный характер и поэтому наиболее доступна мало осведомленному читателю.

Всем этим работам тов. Сандомирского общи одни и те же достоинства и одни и те же недостатки. Их достоинства в насыщенности фактическим материалом, в обилии документации, в популярности изложения. Они написаны на основе добросовестной проработки фашистской и антифашистской иностранной литературы. Правда, автор мало пользуется сырыми материалами: даже итальянские, в частности фашистские, газеты использовывались им лишь случайно и не систематично; он пишет преимущественно по книгам, но на данной стадии изучения итальянского фашизма даже эти печатные работы являются, по существу, «сырыми материалами», и разработка и обобщение их имеют, в особенности для русского читателя, громаднейшую и несомненную ценность.

Основной недостаток всех трех работ тов. Сандомирского—в отсутствии детального анализа классовых отношений, сложившихся в Италии к моменту окончания мировой войны, в отсутствии анализа классовых интересов этих классов, их непосредственных требований и т. п. По этому решающему вопросу, без ответа на который нельзя понять сущности итальянского фашизма во всей ее конкретности, в работах тов. Сандомирского имеются только отдельные замечания, не сведенные в единую точку зрения. Из нее не видно, каковы взаимоотношения итальянской буржуазии и крестьянства, крупной буржуазии и мелкой, отдельных групп внутри самой крупной буржуазии, городской мелкой буржуазии и крестьянства, насколько значителен конфликт между буржуазией и помещиками и т. д. и т. п. Из отсутствия анализа классовых отношений проистекает нечеткость выводов автора о социальной сущности фашизма, и основной вопрос, стоящий перед исследователем этой проблемы,—вопрос о том, какие социально-политические условия определили то, что фашизм созрел именно в Италии,—остается без ответа. Поэтому, делая правильные выводы о том, что фашизм представляет собой «попытку имущих классов предупредить социальную революцию», что «фашизм—синоним анти-коллективизма и анти-диктатуры пролетариата», что итальянский фашизм защищает интересы крупной буржуазии, автор не выясняет причин того, что эта новая форма буржуазной диктатуры сложилась именно в Италии, что «милицией класса» крупной буржуазии и всего капиталистического порядка оказались широкие массы мелкой буржуазии. Указания на то, что в результате войны многочисленные элементы итальянской мелкой буржуазии оказались деклассированными, что послевоенная Италия переживала глубокий экономический кризис и разочарование жалкими плодами своих побед, вообще правильны, но недостаточны для об'яснения причин того, что именно Италия оказалась родоначальницей фашизма, так как все эти явления в большей или меньшей степени были общи для всех стран послевоенной Европы, хотя в Италии они сказывались больше, чем в других странах-победительницах, но меньше, чем в странах побежденных.

Несмотря на эти недостатки, работы тов. Сандомирского не теряют, однако, своей большой ценности и являются одними из лучших исследований итальянского фашизма не только в русской, но и в мировой литературе.

Небольшие статьи об итальянском фашизме т.т. Мещерякова и Иорданского в сборниках «Мировой фашизм» и «Фашизм в Италии» ставят своей за-

дачей выяснение социальных процессов, породивших фашизм. В отличие от работ тов. Сандомирского, наполненных фактическим материалом, документами и выдержками из произведений фашистских писателей, эти статьи ставят вопрос лишь в научно-публицистической плоскости, привлекая конкретно-исторический материал лишь в той мере, в какой это необходимо для обоснования социологических выводов автора. Излагая краткую историю образования фашистской партии и классовой борьбы в послевоенной Италии, тов. Мещеряков приходит к выводу, что фашизм—это «чисто классовая организация буржуазии», «последняя форма буржуазной диктатуры», и делает ударение на том, что фашизм—явление интернациональное, которое неизбежно охватит все буржуазные страны. Что касается причин победы фашизма в Италии, тов. Мещеряков совершенно справедливо видит их не только в послевоенном кризисе и деклассировании широких масс мелкой буржуазии, но и в ожесточенности классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. К сожалению, из этого верного анализа основных причин, обусловивших перерождение неизбежной буржуазной демократии в фашистскую диктатуру, тов. Мещеряков делает неправильные выводы о конкретных причинах победы фашизма. «Демократия потеряла всякое значение для буржуазии,—говорит он о настроениях итальянской буржуазии после разгрома рабочего движения 1920 г.—...Но создать сразу новую чисто-классовую государственную машину вместо прежней, «демократической»—невозможно. Для этого нужно время. А обстоятельства не давали времени для такой работы. Положение дел было слишком угрожающим для буржуазии. Надо было поэтому немедленно создать какую-нибудь силу, которая взяла бы на себя дело охраны интересов буржуазии и т. д.».

Из этого определения следует, что буржуазная диктатура в Италии приняла форму фашизма только вследствие «административных соображений», вследствие того, что фашистские организации можно было использовать легче, чем наладить новый государственный аппарат. Мы никак не можем согласиться с подобной постановкой вопроса. Фашизм—не особая разновидность государственного аппарата, а новая форма классовой организации буржуазного господства. Буржуазная диктатура в Италии приняла форму фашизма не из-за того, что в лице фашистских союзов она имела налаженный аппарат, а оттого, что после поражения рабочего движения в Италии сложилось новое соотношение классовых сил, которое и нашло свое выражение в форме фашистской диктатуры.

На совсем особой, оригинальной точке зрения о социальной сущности фашизма стоит тов. Иорданский. Он начинает свою статью «Судьбы фашизма» с правильного указания на то, что определение фашистского движения, как самозащиты буржуазии от пролетарской революции, будучи вообще верным, может привести к неправильным выводам, что фашизм—это новый вид буржуазной полиции, что он ставит перед собой только оборонительные цели, тогда как на деле фашизм прежде всего является наступлением буржуазии на рабочий класс. Поэтому такие определения, не противоречащие действительности, недостаточны для ее понимания.

Основной, важнейшей и существеннейшей чертой фашизма тов. Иорданский считает блок буржуазии и крестьянства. Фашизм, с его точки зрения, вырос из того, что буржуазия, почувствовав приближение гибели капиталистического строя и свою неспособность в одиночку справиться с наступающей пролетарской революцией, решила избрать своим союзником крестьянство, которое после войны сделалось активной, а во многих случаях, даже решающей силой. Чтобы достичь этой цели, «крупная буржуазия,—говорит тов. Иорданский,—учла крестьянскую тягу к земле. Волна аграрного законодательства в пользу крестьян прошла по всей Европе. Вместе с тем, в области государственного устройства проведены были повсюду широкие формально-демократические реформы. Этот социальный компромисс дал возможность крупной буржуазии ослабить натиск крестьянского моря и направить его по иному руслу—против «разрушителей» буржуазного благополучия, против рабочего класса».

Из всей этой тенденции тов. Иорданского мы согласны лишь с тем положением, что в фашистском движении принимает участие не только городская мелкая буржуазия, но и мелкая буржуазия деревень, в первую очередь кулаки и лавочники. Но эта крестьянская поддержка фашизма определяется отнюдь не тем, что буржуазия наделила крестьян землею и облагодетельствовала их политическими реформами: тов. Иорданский чудовищно преувеличил значение тех жалких реформ, которые были проведены в некоторых странах Европы после войны—часть крестьянства отметнулась к фашизму там, где пролетарская революция не сумела сделать крестьянство своим союзником, где крестьянство увидело в ней своего врага. В этом, а не в том, что буржуазия наделила крестьян

землею, причины участия не-кулацких слоев деревни в фашистских организациях. Неверным, с нашей точки зрения, является и утверждение тов. Иорданского, что без союза буржуазии и крестьянства не может быть фашизма. Фашистская диктатура может быть направлена не только против рабочего класса, но и против крестьянства, как это было, например, в Италии, где фашизм пролагал себе путь к власти через подавление крестьянской революции.

Работа тов. Джулио-Аквила—«Фашизм в Италии» также имеет скорее научно-публицистический, чем исследовательский характер. Начав с общей характеристики мирового фашизма, автор переходит к истории фашизма итальянского, останавливаясь на классовой борьбе, раздиравшей Италию в эпоху зарождения и побед фашизма, и разбирая политику фашистского государства. Книга его написана очень популярно и дает краткий и доступный рядовому читателю очерк фашистского режима.

Так же, как и тов. Иорданский, тов. Джулио Аквила отвергает определения фашизма, как «победы вооруженной реакции» или белого террора, считая эти определения недостаточными для уяснения его социально-политической сущности. Фашизм, с его точки зрения, не террористическая организация буржуазной самообороны, а наступление промышленного капитала. «Империалистическая война,—говорит автор,—настолько расшатала хозяйственный базис мирового капиталистического общества, что восстановление хозяйства на основе капиталистического производства стало при «нормальной» эксплоатации пролетариата невозможно». Таким образом, тов. Джулио Аквила видит в фашизме не только новую форму политической диктатуры буржуазии, но и новый способ организации капиталистической эксплоатации.

Происхождение итальянского фашизма тов. Джулио Аквила связывает с той борьбой, которая велась между «Севером» и «Югом» Италии, между итальянской буржуазией и помещиками. Буржуазия была за войну, земледельцы же были пацифистами. Союзниками джингоистской буржуазии оказались многочисленные мелкобуржуазные организации, принимавшие участие в «интернационалистическом» движении. «Конец войны,—говорит тов. Аквила,—застал в Италии некоторую общественную группу, которая—хотя бы и бессознательно в значительной своей части—защищала интересы промышленной буржуазии и которая всем своим политическим и хозяйственным положением была предназначена к роли носительницы фашизма. При помощи этой общественной группы, при помощи фашизма, промышленная буржуазия вела свою борьбу и против «старого строя»—борьбу *об'ективно-прогрессивную*» (курсив автора). Это подчеркнутое положение,—не случайная обмолвка; несколькими строками выше автор говорит, что в результате победы помещиков над буржуазией после окончания войны на долю фашизма выпала «специальная задача, которая состояла в дальнейшей *борьбе за устранение пережитков «старого строя»* (курсив автора). Таким образом, с точки зрения т. Аквила, итальянский фашизм сочетает в себе наступление на рабочий класс с борьбой против пережитков феодализма, т.-е. представляет собой своеобразную буржуазную революцию XX века, где фашисты выполняют роль буржуазных революционеров. Эта точка зрения опровергается всей историей фашистского управления Италии, ибо фашисты не только не провели ни одной реформы, сколько-нибудь затрагивающей «старый порядок», но вступили в союз с монархией и с помещичье-реакционными партиями.

Что касается условий, определивших победу итальянского фашизма, автор совершенно справедливо подчеркивает значение поражения пролетариата после движения за захват фабрик.

«Эта революция, застрявшая на полдороге, оказалась той плодотворной почвой, на которой в столь изумительно краткий срок развились и взошли семена фашизма»,—говорит он. К сожалению, эта точка зрения только сформулирована автором, но не развита, хотя на основании приводимого им материала автор мог бы сделать более четкие выводы о том, что условием победы итальянского фашизма был кризис буржуазного порядка в Италии, кризис, наступивший тогда, когда пролетарская революция не сумела победить, а буржуазия оказалась неспособной в одиночку поддерживать капиталистический порядок, и организатором буржуазной диктатуры сделалась мелкая буржуазия, напуганная угрозой социализма.

Ел. Драбкина

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ

(Окончание)

В Англии в классической форме протекал и достиг почти полного завершения процесс обезземеления крестьян. Это известно каждому школьнику. Эра капиталистического производства открывается грандиозной экспроприацией английского крестьянства. Казалось бы, этот вопрос имеет все права рассчитывать на усиленное внимание исследователей, тем более, что его не отделяет от нашего времени непреодолимая грань столетий, и что нет, как будто бы, недостатка в материалах для его изучения. А между тем он продолжает оставаться в тени и лишь сравнительно недавно стали ставить его на твердую почву; но и на этой новой почве он подвигается вперед необычайно медленно. Какие твердые данные добыты наукой для его разрешения? Какие причины вызвали обезземеление? К какой, наконец, эпохе относится это обезземеление? Даже последний, казалось бы очень конкретный и простой вопрос разрешается чуть ли не каждым ученым по своему. Маркс думал, что крестьянство (yeomanry) исчезает в Англии в середине XVIII в; Рэ полагал, что оно дожило до XIX в., даже выросло во время войн с Францией и получило смертельный удар лишь в связи с послевоенным кризисом; Леви относил эпоху его исчезновения к 1760—1815 г.г., при чем считал период войн с Францией особенно губительным для английского крестьянства [1]). В своих построениях исследователи исходили от показаний современников, наблюдения которых были по большей части и односторонни и пристрастны; научная литература нашего времени лишь воспроизвела тот хаос мнений, который господствовал в этом вопросе и тогда. Еще недавно наиболее надежным источником считались очерки Артура Юнга и Уильяма Маршала, а также описания графств, составлявшиеся в конце XVIII и в начале XIX в. по поручению Ведомства Земледелия (Board of agriculture); но эти описания, интересуясь главным образом прогрессом сельскохозяйственной техники, давали лишь случайные и отрывочные сведения о социальных сдвигах в английской деревне. Лишь в появившейся в 1909 г. книге Джонсона (A. Johnson. The Disappearance of the smale Landowner) привлечен к освещению вопроса об'ективный и документальный материал, а именно списки плательщиков поземельного налога (Land Tax Assessments). Джонсон изучил эти списки для 500 приходов (общее число приходов в Англии для этого времени можно считать примерно в 10.000). Его данные относятся главным образом к одному графству (к Оксфордширу). Исследование Джонсона подтвердило правильность мнения Маркса, что гибель английского крестьянства стала фактом к середине XVIII в.; после 1785 г. наблюдаются лишь остатки этого когда-то многочисленного и сильного класса. Но эти остатки обнаруживают значительную живучесть. В изученном Джонсоном материале число мелких хозяев-собственников увеличивается к 1802 г.; крупное землевладение растет лишь насчет тех мелких собственников, которые сами не вели хозяйства на своей земле. Между 1802 и 1832 г. г. число мелких хозяев-собственников снижается, но не всюду и не для всех их разрядов одинаково. Кое-где число мельчайших хозяев-собственников даже растет. Процесс исчезновения остатков английского крестьянства затягивается на весь XIX в. и не приходит к концу к тому времени, когда поднимается встречное движение в виде попыток возрождения мелких хозяев-собственников. Примерно к таким же выводам пришел Грэй (H. L. Gray. Jeoman farming in Oxfordshire from the XVI century to the XIX, Quarterly Journal of Economics, 1910). Его материал относится к тому же графству, на котором сосредоточил свое изучение и Джонсон. Грэй констатирует, что к 1785 г. в руках йоменов (а к ним он относит хозяев-собственников участков до 300 акров) было лишь 9% всей площади, находившейся под сельскохозяйственной эксплоатацией. Притом мелкое землевладение было сосредоточено примерно в $^1/_3$ изученных им приходов; в $^2/_3$ приходов оно было совсем незначительно. Несомненно, цифры Грэя надо еще урезать, так как 300 акров слишком высокая граница для крестьянского землевладения. Грэй констатирует под'ем числа мелких собственников к 1804 г. и снижение его между 1804 и 1832 г., причем цифры этого года падают ниже даже 1785 г.; но уменьшение числа мелких собственников компенсируется ростом площади мелкого землевладения (с 9% в 1785 г. до 11,9% в 1832). Работы Джонсона и Грэя наметили новый путь к решению вопроса об обезземелении английского крестьянства; они показали, что центр тяжести вопроса падает на более ранние эпохи, как это гениально провидел Маркс; но наблюдения обоих исследователей были слишком

---

[1]) Обстоятельный обзор литературных мнений по этому вопросу см. в статье В. М. Лавровского „Проблема исчезновения крестьянства в Англии“, I кн. „Трудов Института Истории“.

локально ограничены и настоятельно требовали распространения на более широкую территорию. Однако, прошло семнадцать лет прежде, чем появилось продолжение их исследований.

В первой книжке нового журнала «TheEcon omic History Review» (январь 1927 г.) напечатана статья Дэвиса о мелком землевладении в Англии за период между 1780 и 1832 г. по данным списков земельного обложения (E. Davies. The Small Landowner, 1780—1832, in the Light of the Land Tax Assessments).–Статья написана очень сжато и суммарно, она похожа на краткий реферат большой работы; приемы исследования и некоторые выводы вызывают возражения; но все же перед нами очень важный шаг в направлении к разрешению поставленного вопроса. Главная заслуга Дэвиса состоит в распространении наблюдений на сравнительно широкую территорию; он изучал податные списки для 2.000 приходов, т.-е. примерно для $^1/_5$ всех приходов Англии. Его наблюдения охватывают графства Чешир, Дербишир, Лестершир, часть Линконшира (Lindseu), Норзэмптоншир, Ноттингемшир, Оксфордшир и Уорвикшир. Все это, если не считать Чешира, графства земледельческие, сохранившие до середины XVIII в. систему открытых полей и сильно затронутые парламентскими огораживаниями со второй половины века.

Главным недостатком работы Дэвиса является крайне произвольное толкование самого основного в его исследовании термина «йомен», «мелкий собственник». Термин «йомен», «йоменри», внес немало путаницы в исследовательскую литературу. Совершенно ясно, что и в старой Англии он не имел точно и определенно смысла, и поэтому восстановление его старинного значения было бы методологически бесплодно. В конце концов каждый понимает под ним, что хочет. Дэвис относит к йоменам всех хозяев-собственников, не обозначенных в податных списках, как «помещики» (эсквайры) или священники. Таким образом в это число попадает и плательщик налога выше, чем в 20 фунтов; тяжесть налога варьировала по графствам и поэтому сумма в 20 фунтов соответствует собственности от 282 до 533 акров. Как бы мы ни растягивали понятия «крестьянство», такие собственники под него не подойдут. Но по счастию, Дэвис в своих статистических таблицах (составляющих главную часть статьи) дает различные разряды этого крестьянства и позволяет таким образом перестроить его выводы. В дальнейшем я не буду точно следовать за изложением Дэвиса, а дам те выводы, которые можно извлечь из его таблиц, подсчитывая приведенные им цифры по другим принципам. Я думаю, что будет правильно вслед за Леви принять верхнюю границу для крестьянства в 100 акров; это приблизительно соответствует пяти фунтам поземельного налога[1]). Плательшиков от 10 фунтов и выше я отнесу к крупным хозяевам, плательщики налога от 5 до 10 фунтов (т.-е. собственники от 70 до 266 акров) составят промежуточную группу. Можно возражать против такого деления, но оно наиболее удобно при работе над таблицами Дэвиса.

Что понимает Дэвис под собственниками? При особенностях английского земельного права это вопрос немаловажный. Он относит сюда фригольдеров, копигольдеров и пожизненных лизгольдеров. Это, пожалуй, несколько расширительное толкование собственности, но тут приходится за ним следовать, так как Дэвис не выделяет в своем материале отдельных категорий. Интересно лишь его указание, что фригольдеры не обнаружили большей живучести, чем копигольдеры и пожизненные лизгольдеры, и не являются доминирующей группой мелких собственников.

Посмотрим теперь, что представляло собой английское крестьянство в 1780—86 г. (только с этого времени податные списки делаются достаточно детальными, и с него начинает Дэвис свое исследование). Податные списки показывают, что в это время в руках собственников, которые вели хозяйство на своей земле, находилось всего лишь 10% (с небольшим) всей территории, на которую распространяется изученный Дэвисом материал. Но, несомненно, эту цифру надо сильно урезать, памятуя, как широко понимает Дэвис термин «йоменри». Численно из 11.163 хозяев-собственников (в 706 приходах) 636 платят налог выше 5 фунтов и не могут быть причислены к крестьянам. Среди остальных больше половины мелкие и мельчайшие собственники, платящие не более 10 шиллингов налога. Если мы поэтому цифру в 10% снизим наполовину, то, вероятно, нисколько не преуменьшим доли крестьянства в общей сумме земельной собственности изученных Дэвисом графств. Эти остатки когда-то крепкого английского крестьянства расположены по приходам крайне неравномерно. Более или менее значительные группы мы находим лишь в 38% всех приходов; в 62% они почти или совсем исчезли: примерно то же самое, что мы видели у

[1]) Пяти фунтам налога соответствуют от 70 до 133 акров. Более точной границы по таблицам Дэвиса провести нельзя.

Грэя. Дэвис отмечает при этом (это усмотрел уже и Грэй), что крестьянство лучше сохранилось в тех приходах, которые сохранили до середины XVIII века старинные общинные формы; в приходах, давно огороженных, концентрация собственности сделала наибольшие успехи: лишь в 18% приходов, огороженных до середины XVIII в., уцелело сколько-нибудь заметное крестьянство. В среднем на каждый приход приходится 3 собственника-хозяина; на каждый приход, неогороженный или огороженный недавно,—10 собственников-хозяев. В виду того, что не всех собственников-хозяев мы признаем крестьянами, эти цифры надо еще снизить. Эта связь исчезновения крестьян со старинными, а не новыми огораживаниями заставляет отодвинуть дату завершения процесса до середины XVIII в. и, может быть, ранее. Повидимому, цифры 1750 года мало отличались бы от цифр 1786. Если мы примем в расчет, что изученные Дэвисом графства принадлежат к таким, где открытые поля сохранились особенно упорно до середины XVIII в., что единственным в своем материале графством старинного огораживания—Чеширом Дэвис пользуется очень мало, то, пожалуй, мы без особенного риска сможем распространить на всю Англию заключение о незначительности крестьянской собственности в 1780—1786 г.г. Очень ли мы ошибемся, если от 10.500 крестьян в 1.706 приходах сделаем заключение к 60.000 крестьян в 10.000 приходах?

Тут возникает одно затруднение. Как быть с теми мелкими собственниками, которые не вели хозяйства на своей земле? Их было много, больше чем собственников-хозяев. Возможно, что некоторые из них не потеряли связи с сельским хозяйством; возможно, что некоторые из них переходили иногда к хозяйству на своей земле. Но в целом я затруднился бы причислить их к крестьянству; во всяком случае это уже «разложившаяся», отколовшаяся от класса группа, стоящая на пути к обезземелению. Повидимому, преимущественно на их счет происходит покупка мелких участков земли в собственность фермерами и крупными землевладельцами.

С другой стороны мельчайшие собственники, платившие не более 4 шиллингов налога[1]), могут заключать немало элементов, несвязанных с сельским хозяйством или очень мало с ним связанных. Здесь должно быть (Дэвис не показывает этого) немало таких, у которых не было ничего, кроме усадебной оседлости. Не говоря о ремесленниках, лавочниках, поселявшихся в деревне мелких рантье, пенсионерах, среди этих мельчайших собственников могло быть немало лиц, занятых в домашней промышленности (некоторые из изученных Дэвисом графств обладали развитой домашней промышленностью), служащих, мастеров и квалифицированных рабочих развивающейся фабричной промышленности. Развитие этой группы идет, как мы увидим, своим путем, несхожим с путем крестьянства.

Вот что представляло собою английское «крестьянство» в восьмидесятых годах XVIII в., и, повидимому, уже и в середине этого века. Это небольшая почти исчезнувшая и полуразрушившаяся группа; но местами остатки ее сидели еще довольно густо и создавали у наблюдателей иллюзию хорошо сохранившегося класса; эта иллюзия передалась и некоторым исследователям нашего времени.

Дальнейшая судьба английского крестьянства до 1832 г. может быть представлена следующими двумя таблицами, охватывающими 1.395 приходов в Дербишире, Лестершире, Линкolншире, Норзэмптоншире и Ноттингемшире. Этих таблиц у Дэвиса нет, они составлены путем переработки данных, приведенных в его таблицах № 1 и 2.

I. Собственники-хозяева

Дата	Поземельный налог			
	Менее 4 ш.	От 4 ш. до 5 ф.	От 5 до 10 ф.	Выше 10 ф.
1780—86	2.289	6.331	483	153
1832	3.074	7.397	648	255
	(+28%)	(+16%)	(+34%)	(+67%)
1802	4.303	6.898	565	286
	(+88%)	(+ 9%)	(+17%)	(+87%)

[1]) Верная граница их землевладения колеблется между 3 и 5 акрами.

В процентах дано увеличение численности плательщиков сравнительно с цифрами 1780—1786 г.г.

II. Собственники хозяева и не-хозяева[1])

Дата	Собственники—хозяева, платящие налог			Собственники не-хозяева, платящие налог			Все собственники, платящие налог		
	Менее 10 ш.	10 ш.— 5 ф.	Выше 5 ф.	Менее 10 ш.	10 ш.— 5 ф.	Выше 5 ф.	Менее 10 ш.	10 ш.— 5 ф.	Выше 5 ф.
1780—86	4.944	3.676	636	4.593	6.461	2.731	9.527	10.136	3.367
1802	5.812	4.659	903	4.152	5.251	2.620	9.964	9.910	3.523
1832	6.963	4.236	841	5.699	5.285	2.686	12.662	9.524	3.527

Общее число собственников (хозяев и не-хозяев. См. таблицу II) и их распределение по разрядам мало колеблется за период между 1780 и 1832 годом, если не считать значительного увеличения числа мелких (и мельчайших) собственников, о чем речь впереди; но это увеличение не могло серьезно изменить распределения земли между разрядами собственников. Во всяком случае не может быть и речи о какой бы то ни было концентрации собственности. Такие же указания дают и колебания в распределении суммы налога между различными разрядами собственников (они даны у Дэвиса слишком суммарно). Доля налога, уплачиваемого крупными собственниками (налог в 20 ф. и выше) остается почти неизменной за все это время. Зато очень значительные перемены происходят в числе собственников хозяев, причем этим переменам отвечают обратные движения в числе собственников не-хозяев.

К 1802 году замечается увеличение числа собственников хозяев за счет собственников не-хозяев (табл. II). Здесь, очевидно, сказывается влияние под'ема сельского хозяйства, вызванное войнами с Францией. Может быть, мы имеем здесь частичное «возвращение к земле» собственников, отставших от хозяйства, может быть покупку земель в собственность фермерами, ранее снимавшими эти земли. Очень жаль, что Дэвис не дает даты поближе к концу войны, когда непомерный рост цен должен был выявить все эти тенденции гораздо ярче. Весь под'ем до 1815 года и последующее падение остаются закрытыми для нас вплоть до 1832 года, когда мы наблюдаем снижение числа собственников хозяев (не считая самых мелких и самых крупных) и увеличение числа собственников не-хозяев, своего рода обратное движение. Но цифры собственников хозяев и в 1832 г. все же еще превышают цифры 1780—1786 г.г.

Рассматривая движение числа собственников хозяев по разрядам (табл. I), мы увидим, что меньше всего перемены испытал тот разряд, который больше всего подходит под понятие «крестьянства» (налог от 4 шил. до 5 ф.). Он вырос численно на 16% к 1802 г., и сохранил еще прирост в 9% к 1832 г. Сильнее колебания хлебного рынка сказались на примыкающем к нему разряде хозяев-плательщиков налога от 5 до 10 фунтов. Их число выросло к 1802 г. на 34% и к 1832 г. этот прирост снизился до 17%. Сильно вырос за время до 1802 г. разряд крупных хозяев-собственников, плативших свыше 10 фунтов налога; по-видимому, он меньше других пострадал и от кризиса (к сожалению, мы не знаем цифры для 1814 г.!), и в 1832 г. был численней, чем даже в 1802 г. Все это не представляет неожиданности: рост хлебных цен больше воздействовал на крупные хозяйства, чем на мелкие, работавшие в значительной мере на потребление; с другой стороны, кризис сильнее отозвался на более слабых хозяйствах, особенно в связи с задолженностью и ипотеками. Во всяком случае английское крестьянство не «погибло при Ватерлоо»: и 1832 г. оно было численней, чем в 1780. Но дело в том, что, как класс, оно погибло значительно раньше.

Своеобразна кривая роста численности мельчайших собственников, с налогом менее 4 шиллингов. Мы видим заметный рост этой группы (на 28%) до 1802 г. и очень большой (до 88%) до 1832 г. При этом, насколько можно судить по цифрам Дэвиса, за время между 1802 и 1832 г.г. возрастает не только число

---

[1]) Эту таблицу нельзя было соединить с предыдущей в виду того, что Дэвис не дает отдельно числа собственников не-хозяев, платящих налог ниже 4 шиллингов.

мельчайших хозяев-собственников, но и собственников, не ведущих своего хозяйства. Конечно, движение цифр в этой рубрике не может стоять в прямой зависимости от условий хлебного рынка; но раньше, чем искать для него об'яснений, нам надо рассмотреть другой, весьма существенный вопрос, а именно, вопрос о влиянии парламентских огораживаний на распределение земельной собственности. К сожалению, выкладки Дэвиса говорят лишь о собственниках-хозяевах: при том они позволяют проследить влияние огораживаний лишь за ближайший к огораживанию период. Вывод из его таблиц получается очень определенный: парламентские огораживания (им изучено 149 приходов, огороженных между 1780 и 1802 г.г., и 158 приходов, огороженных между 1802 и 1832 г.г.) всюду содействуют росту числа собственников хозяев, и особенно мелких. В приходах, огороженных между 1780 и 1802 г.г., число мельчайших собственников выросло к 1802 г. на 67%, в приходах, огороженных между 1802 и 1832 г.г., число их выросло на 85%. При этом за последний период цифра хозяев крестьянского типа (налог от 4 шилл. до 5 ф.) в огороженных за это время приходах не снизилась, как в других прихходах, а возросла на 17%. Другое наблюдение Дэвиса—среднее число собственников-хозяев в приходах, огороженных парламентскими актами до 1780—1786 г.г., к этой дате выше, не только чем в приходах старинного огораживания, но и чем в неогороженных приходах (3 на приход старинного огораживания, 9,3 на приход неогороженный, 12,2 на приход, огороженный парламентским актом). Это еще ничего не говорит о переменах в распределении собственности, но во всяком случае свидетельствует об усиленном «возвращении к земле» или приобретении земли с целью вести на ней хозяйство, именно в приходах, огороженных актами парламента. Большой рост числа мельчайших собственников Дэвис весьма правдоподобно об'ясняет тем, что после огораживания часть коттэджеров и скуотеров получала право собственности и привлекалась к уплате налога (между тем, как другая, менее счастливая, сгонялась с земли). Число мелких собственников могло расти также в результате продажи фермам мелких участков пустоши с целью покрыть расходы по огораживанию.

Этим отчасти, но лишь отчасти, может быть об'яснен прирост мельчайших собственников, наблюдаемый в таблице I. Полное об'яснение было бы возможно лишь по установлении состава этих мельчайших собственников и, в частности, по выяснении роли, которую среди них играли не сельскохозяйственные элементы. Но здесь мы уже сходим с почвы данных Дэвиса. Впрочем, вопрос не так уже важен: ведь нам надо об'яснить прирост в 1,4 человека на приход за период в 52 года!

Распределение земельной собственности как будто мало изменяется с 1780 до 1832 г. Число «крестьян» как будто даже растет. Но за этими цифрами могут скрываться важные смещения. Мы не знаем, сохраняется ли «старая крестьянская раса» (пользуясь выражением Леви), или на место прежних собственников становятся новые. Все это можно изучить по податным спискам. Дэвис в своей статье дал далеко не все, что можно было бы от него ждать. По некоторым указаниям мы можем догадываться, что им проделана более широкая работа и, в частности, выяснен вопрос о переходе земельной собственности в руки новых общественных групп. Так, он говорит, что новая раса крупных землевладельцев, созданная промышленным переворотом и войной, выросла не за счет мелких хозяев-собственников, а за счет земельной аристократии XVIII века. Рядом с ростом некоторых крупных владений наблюдается, по его словам, некоторое раздробление других. Усиленная мобилизация земли во время и после войны не видна за малоподвижными рядами цифр. Надо надеяться, что статья Дэвиса есть лишь предвестник большого и интересного исследования.

Дальнейшая работа над списками плательщиков поземельного налога сулит много интересных открытий; но едва ли она изменит важнейший результат, к которому подошли Джонсон и Грэй и который вполне определялся после работы Дэвиса: едва ли можно сомневаться, что английское крестьянство, как класс, исчезло уже с середины XVIII века. Центр тяжести в изучении аграрной истории второй половины XVIII и начала XIX века перемещается с вопроса об исчезновении крестьянства на другие проблемы, среди которых первое место занимает вопрос о парламентских огораживаниях. У нас есть все отнования думать, что результаты их были далеко не столь безобидны, как это выходит из выкладок Дэвиса, как это рисуют новейшие апологеты помещичьего класса[1]). Грэй и Гаммонд[2]) указали на очень деятельный и точный источник для изучения этого вопроса, а именно, на, так называемые, «приговоры об огораживании» (Enclosure awards). Это сложный источник, берущий много времени и терпе-

[1]) W. Curtler. The and Inclosure Redistribution of our Land. 1920.

[2]) Jand. B. Hammond. The village labourer 1760—1832. Первое издание 1911 г.

ния. Русский исследователь В. М. Лавровский изучил значительное число этих приговоров, хранящихся в Лондонском Публичном Архиве; его предварительные сообщения, сделанные в Институте Истории, позволяют ожидать богатых результатов от работы в этой еще мало известной области. Что же касается проблемы исследования английского крестьянства, то исследователю этого вопроса придется обратиться к изучению более ранних периодов. Все более выясняется, что центр тяжести вопроса лежит в XVII и в начале XVIII века. Работы Гэя[1]) показали, что в «аграрной революции» XVI века можно видеть лишь начало переворота, изменившего лицо английской деревни. Исследования того же Гэя[2]), Леонарда[3]), Гоннера[4]) выяснили ложность предположения, что в XVII века наблюдается ослабление темпа аграрных перемен, начавшихся в предыдущем столетии. Монографии Савина[5]) и Леннарда[6]) приоткрыли богатство и сложность проблем, стоящих перед исследователем английской деревни XVII века. Уже указанные работы Джонсона и Грэя показали огромную важность перемен, происшедших в английской деревне ранее середины XVIII в. Наконец, исследование Дэвиса окончательно отодвинуло проблему исчезновения английского крестьянства назад к XVII и началу XVIII века и вместе с тем—назад к Марксу.

Е. Косминский

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА О БАКУНИНЕ

1926 год отмечен появлением значительного количества материалов и статей, касающихся жизни и деятельности Бакунина. В «Печати и Революции» опубликованы письма Бакунина к Альберту Ришару (кн. 1 и 5), письма Энгельса к Т. Куно (кн. 3) и статья Б. И. Горева «Диалектика русского бакунизма». В 5-й книжке «Каторги и Ссылки» Бакунину посвящен особый отдел, включающий ряд статей и материалов; кроме того, в 4-й книжке журнала напечатана статья В. П. Полонского «К вопросу о побеге Бакунина из Сибири». Во II томе «Историка-Марксиста» помещены статьи В. П. Полонского «Бакунин в первом Интернационале» и Ю. М. Стеклова—«Бакунин и подготовка нечаевского дела». В № 7 «Пролетарской Революции» напечатаны материалы допроса Бакунина саксонской следственной комиссией. Новые материалы о Бакунине опубликованы также в 17 томе «Красного Архива». Во II выпуске «Летописей Марксизма» помещен конспект знаменитого памфлета Бакунина «Государственность и Анархия», сделанный Марксом. В «Вестнике Коммунистической Академии» (кн. 18) напечатаны доклады Ю. М. Стеклова и В. П. Полонского, прочитанные на об'единенном заседании Коммунистической Академии и Общества историков-марксистов. Ряд статей Ю. М. Стеклова о Бакунине помещен в «Красной Нови» (№ 12), «Звезде» (№№ 3 и 4) и «Сибирских Огнях» (№ 4). Общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев выпустило особый сборник, посвященный Бакунину, куда вошли, кроме материалов и статей, помещенных в № 5 «Каторга и Ссылка», еще статьи В. П. Полонского («М. А. Бакунин») и М. Н. Покровского («Бакунин в русской революции»). Анархистский «Голос Труда» издал сборник «Очерки истории анархического движения в России», посвященный памяти Бакунина и содержащий ряд статей о великом анархисте. В 1926 г. вышли, кроме того: 2-е издание I тома работы Ю. М. Стеклова «М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность» и 3-е издание популярного очерка В. П. Полонского «Жизнь Михаила Бакунина».

Не все, перечисленное выше, относится к юбилейной литературе в собственном смысле слова, т.-е. к литературе, непосредственно связанной с пятидесятилетней годовщиной смерти великого бунтаря. Но само обилие появив-

---

[1]) E. F. Gay. „The Inquisitions of Depopulation in 1507 and the Domesday of Inclosures“. Trans. of the Roy. Hist. Soc. N. S. XIV. Его же „Inclosures in England in the XVI century“. Quarterlu Journal of Economics, vol. XVII.

[2]) E. F. Gay. „Inclosure of Common Lields in the XVII century“. Его же—„Zur Geschichte der Einhegungen“, 1902. Его же—„The Midland Revolt and the jnquisitions of Depopulation of 1607“, Lrans. of the Roy. Hist. Soc., № 5. XVIII.

[3]) E. M. Leonard. „The Inclosure of Common Fields in the XVIII century“, Trans. of the Royal Hist. Soc., N 5.XIX.

[4]) E. C. Gonner. „The Progress of Inclosure during the XVII century“. English Historical Review. XXII. Его же—„Common Land and Inclosure“, 1912.

[5]) А. Н. Савин. „История одного восточного манора“. 1915 (Сборник в честь М. К. Любавского). Его же—„История двух маноров“, Журн. Мин. Нар. Просв., 1916. См. также мою статью „Исследования Савина по истории Англии“ в Трудах Института Истории, вып. I.

[6]) R. Lennard. Rural Northamptonshire under the Commonwealth. Oxford. Studies, V.

шихся в 1926 г. работ и материалов, касающихся Бакунина, несомненно об'ясняется этой годовщиной. Поэтому настоящий обзор охватывает все упомянутые выше материалы и работы, за исключением лишь книги Ю. М. Стеклова; как известно, теперь уже вышли из печати II и III томы этой книги, и разбору ее необходимо посвятить особую статью. Не входит в обзор поэтому и критическая статья В. П. Полонского «О новой книге т. Ю. М. Стеклова», помещенная в № 8 «Печати и Революции».

Из опубликованных в 1926 г. материалов остановлюсь прежде всего на неизвестных до сих пор русскому читателю сочинениях и письмах Бакунина. Очень большой интерес представляют письма к Альберту Ришару, опубликованные В. П. Полонским в «Печати и Революции» (кн. I, стр. 59—75, кн. 5, стр. 63—72). Из этих 16 писем только 4 были ранее опубликованы полностью, но и то лишь по-испански (в предисловии М. Неттлау к аргентинскому собранию сочинений Бакунина 1924 г.); несколько отрывков было опубликовано по-немецки и по-французски (Неттлау, Ришаром и Гильомом); большая часть писем появляется в печати впервые. Письма охватывают период от 4 декабря 1868 г. по 23 августа 1870 г., т.-е. первый период борьбы между бакунинским Альянсом и Генеральным Советом Интернационала; эта борьба, естественно, и составляет главное содержание писем. Но в них, кроме того, имеются суждения и обо многом другом: о Нечаеве, о франко-прусской войне, о лионском восстании и проч. Письма эти содержат богатый материал для характеристики взглядов Бакунина в эти годы. В письмах, например, от 4 дек. 1868 г., 7 февр., 12 марта и 1 апреля 1870 г. он со свойственной ему страстностью высказывается за необходимость немногочисленной, но тесно сплоченной, строго дисциплинированной организации, за необходимость «коллективной диктатуры, невидимой, не облеченной никакой властью, но тем более действенной и могущественной», на необходимость «полного растворения личности в воле, в организации и действии коллектива», в чем именно и заключалась—добавляет он характерное замечание—«главная причина могущества и живучести иезуитского ордена». При помощи этой невидимой, но мощной, коллективной диктатуры тайная организация должна руководить разнузданной стихией анархической революции, направляя ее, как кормчий, на надлежащий путь. Настойчиво и упорно защищая идею о «незримой диктатуре», Бакунин странным образом не замечал, что эта его любимая идея находилась в противоречии с основами его анархического мировоззрения. Интересны также письма от 12 марта и 4 августа 1870 г., содержащие пламенный призыв к восстанию, обращенный к французским рабочим, и яркую, пропитанную ненавистью характеристику предательской роли буржуазного либерализма и демократизма в революции.

Очень большой интерес представляет большое письмо Бакунина от 23 января 1872 г., напечатанное в № 5 «Каторги и Ссылки» (стр. 106—133). Письмо это было впервые опубликовано полностью М. Неттлау только в 1924 г. и оставалось до сих пор не переведенным на русский язык. Этим письмом, адресованным «Рубикону (Люд. Набруцци) и всем остальным друзьям» и предназначенным для распространения среди итальянских интернационалистов, Бакунин имел в виду, с одной стороны, дискредитировать в глазах итальянцев Маркса и Генеральный Совет Интернационала, а с другой—побудить итальянцев выполнить все формальности, требуемые для вступления в Интернационал, чтобы усилить таким образом анархистское крыло на предстоящем Гаагском конгрессе. Но расчеты Бакунина не оправдались: разагитированные им против Генерального Совета итальянцы решили вовсе отказаться от участия в Гаагском конгрессе, и таким образом бакунистская фракция на конгрессе была значительно ослаблена.

В той же книжке «Каторги и Ссылки» (стр. 93—105) напечатан неизданный до сих пор отрывок «Программы Общества международной революции», извлеченный Н. Лебедевым из архива П. А. Кропоткина. Этот документ, как убедительно доказывает Н. Лебедев в своем предисловии, относится ко второй половине 60-х годов и представляет один из первоначальных вариантов программы «Международного Альянса социалистической демократии».

Два очень ценных документа напечатаны В. П. Полонским в 17-м томе «Красного Архива» (стр. 138—155). Один из них, второе воззвание Бакунина к славянам, извлеченное из материалов саксонской следственной комиссии 1849 г. Воззвание это, оставшееся неизвестным даже М. Неттлау, было написано по поводу вступления русских войск в пределах Австрии и напечатано в № 49 Dresdens Zeitung; затем оно было переведено на чешский язык и получило широкое распространение. Оно содержит горячий, пламенный призыв к восстанию, призывая славян примириться с мадьярами и соединенными силами

разбить армию Николая. Другой документ—впервые опубликовываемая рукопись «Шведа»—«Михаил Бакунин, сам себя изображающий», составленная III Отделением в 1863 г., дважды получившая одобрение Александра II, но почему-то оставшаяся не напечатанной. Рукопись опубликована с дополнениями, сделанными в 1870 г. К сожалению почти все, цитаты заменены ссылками на I т. «Материалов для биографии Бакунина», выпущенный В. П. Полонским в 1923 г.; научная ценность публикации от этого, конечно, не пострадала, но цельность впечатления от этого продукта творчества III Отделения, создаваемая именно искусным подбором цитат, значительно ослабляется.

Довольно обширные материалы саксонской следственной комиссии 1849—1850 г.г., впервые опубликованные В. П. Полонским в «Пролетарской Революции» (№ 7, стр. 162—226), дают возможность документальной проверки того, что писал Бакунин о своей деятельности в этот период в «Исповеди». Кроме того, рисуя поведение Бакунина на допросах, они прибавляют ценные данные для характеристики его личности.

Переходя от собственных высказываний Бакунина к свидетельствам о нем других лиц, нужно отметить прежде всего чрезвычайно интересные письма Энгельса к Теодору Куно, опубликованные В. П. Полонским в «Печати и Революции» (№ 3, стр. 45—65). Письма эти, опубликованные по-немецки Б. Николаевским только в конце 1925 г. (примечания его сохранены в переводе), относятся к 1871—1872 г.г.—периоду особенно ожесточенной борьбы между Марксом и Бакуниным за руководящее влияние в Интернационале. Эти письма лишний раз показывают, что в основе борьбы лежала не личная неприязнь Маркса к Бакунину, не вопрос личного самолюбия, как до сих пор продолжают утверждать анархисты, а глубокие принципиальные расхождения в понимании того пути, по которому должна быть направлена деятельность Интернационала. В письме от 24 января 1872 г. Энгельс очень ярко и сжато формулирует сущность этих разногласий. «В то время как огромная масса с.-д. рабочих вместе с нами,—писал Энгельс,—придерживается того взгляда, что государственная власть представляет только организацию, которую придают себе господствующие классы, землевладельцы и капиталисты, для ограждения своих собственных привилегий, Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист владеет своим капиталом только по милости государства. Так как государство является, таким образом, главным злом, то прежде всего следует разрушить государство, и тогда капитал уже сам собою погибнет; мы же, наоборот, говорим: уничтожьте капитал, присвоение всех средств производства немногими, и государство само погибнет».

Очень интересна также рукопись Маркса «Бакунин: Государственность и анархия», опубликованная Д. Б. Рязановым в «Летописях Марксизма» (вып. II, стр. 60—102). Рукопись представляет конспект названной работы Бакунина, составленный Марксом, как предполагает Д. Б. Рязанов, в начале 1874 г. Конспект сопровождается комментариями, большей частью немногословными. Более подробно Маркс останавливается лишь на характеристике разногласий по вопросу о диктатуре пролетариата.

Кроме отмеченных выше материалов, в № 5 «Каторги и Ссылки» напечатаны два небольшие документа, касающиеся отношений Бакунина к польскому восстанию 1863 г. (стр. 134—135) и воспоминания М. П. Сажина, касающиеся первого знакомства автора с Бакуниным в 1870—1871 г.г. (стр. 9—19). Эти же воспоминания М. П. Сажина помещены и в анархистском сборнике, изданном «Голосом Труда» (стр. 70—184).

Из работ исследовательского характера нужно отметить прежде всего статьи двух крупнейших наших специалистов по изучению Бакунина—Ю. М. Стеклова и В. П. Полонского. Статья В. П. Полонского «Тайный интернационал Бакунина» («Каторга и Ссылка», № 5, стр. 67—92), представляющая отрывок из готовящегося к печати II тома его большой работы, содержит анализ обширного проекта устава интернационального тайного общества, который был разработан Бакуниным в годы его итальянского уединения (1864—1867) и заключал в себе основные линии всей дальнейшей теоретической и практической деятельности Бакунина, как анархиста. Проект этот, опубликованный полностью М. Неттлау только в 1924 году, до сих пор не был переведен на русский язык, а между тем «без знакомства с этим проектом,—как справедливо указывает В. Полонский,—не может быть ясности ни в понимании дальнейшей деятельности Бакунина вообще, ни в понимании его деятельности в Интернационале, закончившейся его исключением». В статье приведен небольшой отрывок этого устава, в котором содержится резюмирующая сводка принципов, положенных в его основу.

Другая статья В. П. Полонского «Бакунин в первом Интернационале» (из готовящейся к печати книги «Маркс и Бакунин»—«Историк - Марксист», т. II, стр. 5—43), содержит историю борьбы Бакунина, во главе основанного им «Тайного Альянса», против Генерального Совета Интернационала. В итоге автор приходит к выводу, что Бакунин старательно разрушал Интернационал, как международную организацию рабочего класса, стремясь превратить его в такое состояние, при котором автономные национальные федерации могли бы все-таки быть подчинены единой воле, но исходящей и не из среды Генерального Совета, марксистского большинства, а из той тайной революционной организации, которая, по его замыслам, призвана была невидимо руководить Интернационалом и которая была бакунистской на все 100%». Любопытно, что Бакунин был искренне убежден в том, что у Маркса имеется в недрах Интернационала свое тайное общество, действующее еще с 1848 г. Статья основана на переписке Бакунина, не опубликованной еще на русском языке. В приложении даны четыре письма Бакунина испанскими «друзьями», относящиеся к 1872 г. и имеющие очень большой интерес.

В небольшой статье «К вопросу о побеге Бакунина из Сибири», напечатанной в № 4 «Каторги и Ссылки» (стр. 142—155), В. П. Полонский анализирует воспоминания С. А. Казаринова, помещенные в «Историческом Вестнике» за 1907 г.; к статье приложены материалы, касающиеся отношений между Бакуниным и нач. штаба командующего войсками Восточной Сибири ген.-майором Б. К. Кукелем, способствовавшим, повидимому, побегу Бакунина.

Очень интересен доклад В. П. Полонского «Бакунин-якобинец», напечатанный в 18 книжке «Вестника Ком. Академии») (стр. 42—62). Докладчик убедительно доказывает, что если понимать анархию, как беспорядок, разрушение, вспышкопускательство, то Бакунин никогда анархистом не был. Анархию Бакунин понимал, как участие в движении широчайших народных масс, нуждающихся однако, в организованном руководстве. Борьба Бакунина против диктатуры является лишь борьбой против диктатуры Генерального Совета во имя диктатуры бакунинского тайного Альянса. Мало того: когда Бакунин пытался дать конкретное построение своей свободнической федерации, «он приходил к авторитаризму, к власти, к законам, правительству, суду». Во всем этом В. П. Полонский справедливо усматривал элементы бланкизма.

Из работ В. П. Полонского еще «опыт характеристики» Бакунина, как выразителя «революционной стихии пролетарского периода русской и европейской революции» (сборник «Михаил Бакунин», стр. 170—178), и популярный очерк «Жизнь Михаила Бакунина», вышедший третьим изданием с исправлениями и дополнениями и являющийся лучшей популярной работой на эту тему.

Ю. М. Стеклов напечатал в 1926 г. ряд отдельных глав из II и III томов своей большой работы: «М. А. Бакунин в Швеции в 1863 г.» («Каторга и Ссылка» № 5, стр. 20—66), «Бакунин в Лиге мира и свободы» («Звезда» № 3, стр. 151, 167, № 4, стр. 135—161), «Бакунин и подготовка нечаевского дела» («Историк-Марксист», т. II, стр. 44—83), «Существовал ли тайный Альянс?» («Красная Новь». № 12, стр. 183—206). В виду того, что II и III томы работы Ю. М. Стеклова вышли уже полностью, я на этих отрывках останавливаться не буду.

Интересен доклад Ю. М. Стеклова, «Что разделяет и сближает нас с Бакуниным», напечатанный в 18 книжке «Вестника Ком. Академии» (стр. 17 и 41). Указав, что современных коммунистов отделяет от Бакунина «непонимание им роли и значения пролетариата в развивающемся капиталистическом обществе, значения его политической организации, участия во всех проявлениях жизни, непонимание им необходимости завоевания политической власти, как орудия для торжества социалистической революции и для уничтожения классов»,— Ю. М. Стеклов отмечает и те черты Бакунина, которые сближают его с современным коммунизмом: 1) будучи революционным социалистом, Бакунин решительно отрицал возможность «вживания социализма в буржуазный мир», который может быть разрушен только вооруженной рукой; 2) для победы он считал необходимой организационную спаянность «воль и характеров» на основе «убеждения и страсти»; 3) он первый во всю ширь поставил национальный вопрос, признав право наций на полное отделение; 4) он настойчиво подчеркивал огромную роль крестьянства, как союзника пролетариата в социалистической революции; 5) наконец, он вел ожесточенную борьбу с религией, рассматривая ее, как опаснейшее оружие в руках господствующих классов. Та же оценка революционных заслуг Бакунина дана Ю. М. Стекловым и в небольшой статье, помещенной в «Сибирских Огнях» (№ 4, стр. 93—97).

Небольшая статья М. Н. Покровского «Бакунин в русской революции» (в сборнике «Михаил, Бакунин», стр. 179—185) характеризует Бакунина, как «идеолога и политического выразителя крепостного крестьянского бунта».

Б. И. Горев в статье «Диалектика русского бакунизма» («Печать и Революция», № 3, стр. 7—14), очертив беглыми штрихами эволюцию анархизма на русской почве с 70-х годов до эпохи гражданской войны, приходит к заключению, что все наиболее ценное, что имелось в учении Бакунина, вместе с наиболее ценным в учении Ткачева, вошло в «тот марксистский синтез опыта европейского и русского революционного движения, который называется ленинизмом», а «бакунинское отрицание государства окончательно похоронено в грохоте гражданской войны и превратилось, благодаря иронии истории, в трагикомическую карикатуру, в махновщину».

Н. Л. Бродский, в статье «Бакунин и Рудин» («Каторга и Ссылка», № 5, стр. 136—169) по новому подходит к этой старой теме. Справедливо указывая, что «в романе Тургенева фактически мог проявиться только молодой Бакунин— эпохи кружка Станкевича и следующего десятилетия до тюремного заключения», автор преследует шаг за шагом высказывания Бакунина этой эпохи и свидетельства о нем его современников, сопоставляя их с соответствующими местами романа, и в результате приходит к выводу, что в образе Рудина Тургенев дал «превосходный литературный портрет Бакунина, его молодости, его романтических исканий, философского идеализма и страстной тяги к активному вмешательству в политический водоворот без четких целей и реалистических программ».

Остается сказать еще о статьях, вошедших в анархистский сборник, выпущенный «Голосом Труда». М. Неттлау дал очерк жизни и деятельности Бакунина (стр. 58—130). Несмотря на свою исключительную осведомленность в материалах, автор не только неверно истолковывает многие излагаемые им факты, но иногда просто их искажает. Так, признавая факт наличия тайного альянса в 1869—1872 г.г., М. Неттлау старается ослабить значение этого факта, затушевать боевой характер альянса, утверждая, что он «был не чем иным как частным контактом между наиболее активными деятелями движения», лишь некоторой организационной связью» между ними, «обычно практикуемой», что «весь вопрос не стоил выеденного яйца». Признавая Бакунина автором «Катехизиса революционера», М. Неттлау в то же время изображает его по отношению к Нечаеву «жертвой излишка доброты и энтузиазма» и не делает никакой попытки сопоставить идеи «Катехизиса» с другими высказываниями Бакунина. Борьба между бакунистами и марксистами в Интернационале изображается по обычному анархистскому трафарету: первые рисуются кроткими овечками, одушевленными «искренним желанием честной дисскусии», последние—одержимыми ненавистью и заносчивостью злодеями, не останавливавшимися ни перед формальными придирками, ни перед гнусной клеветой, ни перед злоупотреблением своей властью». Статья А. Борового, помещенная в этом же сборнике (стр. 131—169), содержит попытку систематизировать философские и социально-политические воззрения Бакунина, представить их, как единое целое, при всех их видимых противоречиях. Несмотря на яркую печать суб'ективизма, на спорность трактовки некоторых вопросов, статья имеет несомненный интерес. Курьезное впечатление получается, однако, когда автор утверждает, напр., что «опыт Октябрьской революции, заставивший анархистов пересмотреть свой идейный и практический багаж, оставил основные теоретические и тактические положения Бакунина незыблемыми, дал решительные доказательства его гениальной прозорливости».

Е. Мороховец

ОБЗОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ КОНЦА 1926 И НАЧАЛА 1927 г.

„Пролетарская революция“ —№№ 11 (58)—5 (64); **„Красная Летопись“** — №№ 6 (21)—1 (22); **„Красный Архив“** т.т. 18—19; **„Каторга и Ссылка“** — №№ 6 (27)—3 (32).

Историческая журналистика за последние полгода продолжала развиваться в том же направлении, как и в прошлом году. Новым моментом в ней следует отметить значительное внимание, отводимое революции 1917 г. Наиболее заметных успехов в этой области удалось достигнуть „Пролетарской революции“, которая выпустила несколько номеров журнала, специально посвященных в основных статьях 1917 году. „Каторга и ссылка“ выпустила также специальный номер к десятилетию падения царизма. Интересный материал по 1917 г. публикуется и в „Красном Архиве“, хотя безусловно в недостаточном количестве. Можно все же полагать, что во второй половине 1927 г. десятилетию Октябрьской революции 1917 г. будет уделено

больше внимания. Итак, начало юбилейной литературе в исторической журналистике положено, и первое место здесь занимает „Пролетарская революция".

Далее следует отметить, что вопросами истории продолжают заниматься также ряд общих научных и литературных журналов, помещая в отдельных случаях статьи на ту или иную тему. Такие статьи мы встречаем в журнале „Под знаменем марксизма", в „Летописях марксизма", в „Вестнике Комакадемии", „Красной Нови" и т. п., что указывает, что исторические работы все же еще недостаточно об'единены в своем журнале, каким должен был явиться для них „Историк-марксист", и вместе с тем помещение исторических статей в неисторических журналах подчеркивает общий интерес к вопросам истории со стороны широкой читающей публики.

Необходимо отметить еще одну общую особенность нашей текущей исторической журналистики—это „сырость" печатающегося в ней материала: недостаточную его обработку, отсутствие целевых установок, низкое качество в литературном отношении и т. д., в связи с чем вполне своевременно поставить вопрос о необходимости „рационализации" исторической литературы, о более кратких и сжатых статьях, в которых, применяя старую русскую литературную поговорку, „словам было бы тесно, а мысли свободно".

„Пролетарская революция" — №№ 11 (58)—1926 г. № 5 (64) 1927 г. — за истекшие полгода пережила значительные изменения в отношении своего содержания. В № 3 „Историка-Марксиста," мы указывали на необходимость превращения „П. Р." в журнал, который бы давал главным образом материал по научной истории ВКП(б) и по истории Октябрьской революции. Вместе с этим мы подчеркивали необходимость для „П. Р". увеличения числа статей исследовательского типа. Наши пожелания в значительной степени получили свое осуществление и, особенно, с февральско-мартовского номера за 1927 г. Так в №№ 58 и 59 за ноябрь и декабрь 1926 г. имелось всего по 4 статьи, которые можно отнести к исследовательским, а в № 60—за январь 1927 г., если не считать работ Шкловского и Кедрова о В. И. Ленине, которые носят характер воспоминаний с привлечением некоторой документации, мы имеем всего лишь одну исследовательскую статью О. Вейланд „Об августовском блоке 1911—1914 г. г.". В последующих номерах журнала число исследовательских статей возрастает весьма значительно: так в № 61—62 за февраль-март 1927 г. мы имеем таких статей — 7, в № 63 за апрель — 6 и в № 64 — 5. Огромное большинство исследовательских статей относится к периоду Октябрьской революции и гражданской войны. Их кривая такова: в № 58 — 3, в № 59—3, в № 60—1, в № 61—62—7, в № 63—5 и в № 64—4. Из остального материала исследовательского типа в указанных номерах мы имеем в шести книжках 3 статьи, посвященные революционному движению и истории партии до 1905 г., и 4 статьи за период 1905—1917 г. г. В указанных шести томах имеется еще 3 статьи характера воспоминаний, посвященные В. И. Ленину. Таким образом, можно сказать, что „П. Р." вступила на путь совершенно правильного решения вопроса о содержании журнала и, в связи с десятилетним юбилеем Октябрьской революции, также правильно обращает главное внимание на материал, посвященный этой революции.

Переходя к оценке содержания отдельных статей в указанных шести №№ журнала, прежде всего внимание останавливается на № 2—3 (61—62), где собран ряд ценных статей по Февральской революции. Передовая статья М. Н. Покровского „Исторический смысл Февраля"—блестящий образчик исторической работы, где в немногих словах в яркой и образной форме дается концепция Февральской революции. М. Н. Покровский главным образом использовал „Дело штаба главкомандующего армиями северного фронта об изменении государственного строя России" и известные материалы „Падение царского режима", и на этом дал ряд важнейших исторических обобщений. Своеобразие русского Февраля он иллюстрирует любопытнейшими фактами, мало известными широкой публике. Так, автор сообщает, что председатель первого Временного правительства князь Львов несомненно был назначен Николаем, что в то время было никому неизвестно. „Думский комитет", во главе с Родзянко действовал по заранее подготовленному плану, по тому плану, по которому князь Львов еще до революции был назначен председателем Совета Министров. Приглашенный „спасать" Петербург от анархии генерал Корнилов тоже был назначен с разрешения Николая. „Самодержавие не было представителем промышленного и банкового капитализма", говорит М. Н. Покровский, „но этот капитализм в борьбе с рабочими не прочь был прикрыться даже и лохмотьями „ из'еденной молью царской порфиры". Если это не удалось, то лишь потому, что „мозолистая рука миллионов рабочего люда была слишком сильна, чтобы средневековая ткань могла выдержать ее прикосновение. И лишь появления на сцене этой роковой силы боялось всерьез самодержавие". Здесь же М. Н. Покровский подтверждает положение В. И. Ленина, говорившего, что „победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии, это кажется парадоксальным, но это факт" (Ленин. т. XI, ч. 1, стр. 78).

Значительный интерес представляет статья Ем. Ярославского „Большевики в февральско-мартовские дни 1917 г.", в которой он подробно останавливается на

анализе сил партии в начале революции, вскрывая при этом те уклоны, которые были в рядах большевиков в первый месяц революции до приезда В. И. Ленина из заграницы.

В статье С. Катаяма „Февральская революция и ее влияние в Японии и на Дальнем Востоке" приводится ряд новых материалов, хотя в общем статья носит фрагментарный характер. Более глубокий анализ отражений Февральской революции на европейскую политическую мысль мы имеем в статье Ц. Фридлянд. Он приводит ряд оценок революции немецкими социал-демократами, французскими и бельгийскими социалистами, французскими историками во главе с Оларом. Текст телеграммы последнего настолько характерен для буржуазных французских историков. что мы приводим из него несколько выдержек: „Общество по изучению истории французской революции, собравшись на общее собрание в Сорбонне, чувствует себя охваченным восхищением и полно симпатий к русской революции. Оно в ней находит идеал героизма и в оригинальности русского гения видит дела французской революции. Общество гордится этим сходством. Оно приветствует ваших Дантонов, ваших Мирабо, ваше взятие Бастилии, ваш день 10 августа. Оно будет вскоре приветствовать ваших Келлерманов, ваших Журданов, ваш Вальми, ваш Флерюс. Как французы 1793 г. и II-го г. вы выкиньте чужестранцев из вашего отечества; как французы 1793 г. и II-г. вы совершите вашу революцию как для себя самих, так и для всего мира". Здесь видна совершенно ясно тенденция использовать русскую революцию в интересах империалистической политики своей буржуазии.

Несколько особняком от тем 1917 г. в том же номера „П. Р." стоит статья В. Ледера „Национальный вопрос польской и русской с.-д.". Эта работа посвящена постановке национального вопроса польскими социал-демократами с 1893 г. до революции 1917 г., при чем ряд положений, касающихся оценки истории в польской с. д., вызывают некоторые недоумения. Вместе с этим изложение автором взглядов В. И. Ленина на национальный вопрос также недостаточно точно и исчерпывающе. Наиболее полно в статье представлены расхождения взглядов В. И. Ленина и Р. Люксембург по национальному вопросу.

Нельзя не отметить большой ценности материалов № 61—62 „П. Р.", где помещены протоколы первого легального Петербургского Комитета Р. С. Д. К. П. (б) с 15 марта по 7 апреля 1917 г. (с 2/III—25/III ст. ст.). Они являются частью протоколов ПК за 1917 г., выходящих отдельной книгой в издания Ленинградского Истпарта; окончательная подготовка протоколов к печати сделана К. Воиновой с достаточной тщательностью и знанием дела.

В № 63 „П. Р." наибольшее внимание привлекает к себе статья „Всероссийская апрельская партийная конференция 1917 г." т. А. Станчинского, в которой он дает анализ партийной борьбы в рядах большевиков в этот период времени. Занимающиеся историей апреля должны будут обращаться к этой работе Станчинского, дающего достаточно полную установку ленинских взглядов на развертывание революции 1917 г. Далее в той же книге следует отметить статью В. Владимировой „Левые эсеры в 1917—18 г. г.", в которой излагается преимущественно фактическая история эсеров с октября 1917 г. и до периода после их июльского выступления. Приходится сожалеть, что т. В. Владимирова уделила очень мало внимания левым эсерам дооктябрьского периода и не установила их преемственности с прошлыми расколами в эсеровской партии.

В № 64 „П. Р," из материалов, посвященных 1917 г., мы имеем две статьи, Р. Хабас „ 1 мая в России в 1917 г." и А. Шестакова „Крестьянские организации и первый Совет крестьянских депутатов", написанные по печати 1917 г.

Следующий раздел статей и материалов в рецензируемых 6-ти №№ „П. Р." это работы, посвященные В. И. Ленину. Из них большую ценность представляют статьи-воспоминания: Г. Шкловского „Владимир Ильич и Плеханов", М. Кедрова „Из красной тетради об Ильиче" в № 60 „П. Р.", О. Варенцовой — „Ленин о Февральской революции" в № 61—62, в которой излагаются взгляды Ленина на характер и движущие силы Февральской революции, Ф. Драбкиной „Приезд Ленина и мартовское совещание представителей большевистских организаций" — № 63 „П. Р. и др: Во всех этих статьях использован богатый газетный материал соответствующих периодов. Очень тепло и с большим литературным талантом написаны воспоминания А. Елизаровой об Александре Ильиче Ульянове.

Исключительный интерес представляет статья Ф. Самойлова „Малая Башкирия в 1918—1919 г. г.", напечатаная в №№ 58—59 „П. Р." с подзаголовком „Из истории одного опыта применения национальной программы ВКП (б)". Статья Ф. Самойлова, написанная с большой вдумчивостью и богато снабженная новыми материалами, затрагивает вопросы большой и острой важности, при чем следует отметить, что с некоторыми из его выводов и характеристик башкирских деятелей все же нельзя согласиться. Т. Самойлов рисует советских деятелей из националов в Башкирии чуть ли не всех под одну гребенку, как лиц заведомо чуждых идеям пролетарской революции, очень мало находит в их работе полезного для революции и т. д. Такого рода подход

дает основание для ряда башдеятелей рассматривать статью т. Самойлова. как задачу дискредитации мало опытных политических деятелей „Молодой Башкирии". Конечно, это не так, и т. Самойлов имел в виду другую задачу, но, в результате, излишнее внимание тем или иным персонажам несколько затушевало истинное намерение автора, и таким образом задача, им поставленная, оказалась разрешенной лишь наполовину.

В рассматриваемых номерах „П. Р." приходится отметить некоторые недостатки по отделу библиографии, где отсутствует такой вид литературы как „Обзоры". библиографические указатели и т. д.

Следует еще раз подчеркнуть чрезвычайную важность основной линии „П. Р."— стать научно-исследовательским журналом в области истории ВКП (б) и Октябрьской революции по преимуществу и особенно в ближайшие годы, когда предстоит поднять массу важнейших вопросов, связанных с Октябрьской революцией и эпохой гражданской войны, десятилетний юбилей которой будет перманентно продолжаться.

Появившийся уклон журнала в сторону истории революции на Западе может стать некоторым отходом от его прямых задач и поведет к ослаблению обслуживания той основной линии исторической науки, которую журнал призван обслуживать.

„Красный Архив" — (т. т. 18 и 19 — за 1926 г.) значительно запаздывает в опубликовании материалов, связанных с 1917 г., причем значительная их часть печатается в специальных сборниках Центрархива, и вероятно поэтому подготовительно-юбилейного характера рецензируемые тома не имеют. Материал в них сосредоточен главным образом все же по истории XX в. и здесь мы имеем много ценного. В первую очередь следует отметить в 18 т. документы на тему „Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г." с предисловием М. Н. Покровского—большого знатока вопросов внешней политики России. Он вскрывает один чрезвычайно важный вопрос относительно восточной политики Николая II в эту эпоху и говорит, что„ и на Дальнем и на Ближнем Востоке преследовалась одна цель—нанести возможно более чувствительный удар Англии, исконной, наиболее опасной сопернице царской России". Таким образом, М. Н. Покровский снова еще раз на основании документов подчеркивает свою мысль о русско-японской войне, отразившей борьбу между Россией и Англией, как борьбу, имевшую дальние исторические корни. Тем же автором снабжены интересными примечаниями „Записки Ф. А. Головина" с характеристиками Николая II и Столыпина. (т. 19-й).

В 18 т. А. Ивиным подобраны документы по китайской революции 1911 г., сведений о которой особенно на русском языке очень мало. В связи с современными событиями в Китае материалы А. Ивина представляют актуальный интерес. Из материалов, относящихся к эпохе русских революций XX в., в 18 томе следует выделить документы экономического характера о „Продуголе" с предисловием А. Гайстера и из истории гражданской войны—собранные А. Гуковским документы о совещании 30 (17 ст. ст.) ноября и I (18/XI ст. ст.) дек. 1918 г. русских контр-революционеров в Яссах, подготовлявших выступление против Советской России. На совещании присутствовали в числе других—представитель эсеров Бунаков-Фундаминский, П. Н. Милюков, представитель крестьянского союзаА. А. Титов, фабрикант С. Н. Третьяков, царский министр А. Р. Кривошеин, генералы Меллер-Закомельский, Гришин-Алмазов и др. Докладчик Гришин-Алмазов рисовал тогда картину огромного роста Добровольческой армии, которая-де быстро сокрушит враждебные ей большевистские элементы. Белогвардейцы, как известно, просчитались. Как это произошло, отчасти видно из опубликованных в 19 т. Д. Кином материалов „Из истории французской интервенции на юге России", относящихся к декабрю 1918—апрелю 1919 г. и представляющих донесения адм. Колчаку его добровольческих информаторов о положении дел на юге России. Французская интервенция на юге России представляет собой один из наиболее ярких эпизодов интервенции, весьма мало освещенных в литературе, и особенно мало изучена история катастрофически быстрого оставления французскими интервентами Одессы в 1919 г. Д. Кин в предисловии говорит: „разгадку нужно искать в области международной политики и, главным образом, в соперничестве между Францией и Англией.... Разложение французских войск и наступление партизанских частей Григорьева могут служить частичным и далеко не самым важным об'яснением". Со взглядами т. Д. Кина нельзя не согласиться, так как несомненно, что Англия была меньше всего заинтересована в оккупации юга России французами, а сама участвовать в широком масштабе в этой интервенции не могла, так как политика интервенции встречала сопротивлени в рабочих кругах Англии, с которым буржуазии приходилось серьезно тогда считаться.

В том же 19-м томе и в той же связи с иностранной интервенцией могут быть поставлены материалы И. Минца „Англичане на севере", где дана переписка командующих союзными войсками, английских, французских и американских дипломатов и в частности заявление известного исследователя полярных стран Ч. Шэкльтон, который обратился к помощнику генерал-губернатора в Мурманске с просьбой о концессии участков города Мурманска на 99 лет для эксплоатации района, для чего

он организовывал специальное коммерческое общество с капиталом 1—2 млн. фунт. стерлингов. Между прочим, интересно отметить, что этот же Шэкльтон в заседании Архангельского общества изучения севера заявил, что „он прибыл на север как представитель чистой науки для согласования научной деятельности". Хороша чистая наука г.г. Шэкльтонов! Не меньшим цинизмом несет от донесения М. Гияра—французского поверенного в делах в Архангельске. Он пишет: „французское правительство поставлено в необходимость принять во внимание, что уплата процентов по русскому государственному долгу приостановилась. На нем поэтому лежит обязанность рассматривать неразрабатываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как и государственные имущества, уже существующие, как, например, сооружения сети железных дорог, порты, рудники и копи, леса и пр. Французское правительство полагает в виду этого, что оно не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо из областных правительств, чтобы кто бы то ни было из них отчуждал часть государственного достояния, которым те и другие в настоящее время распоряжаются или чтобы они связывали бы его обязательствами в будущем". Комментарии, как говорится, излишни!

Другим периодам русской истории в 18 и 19 т.т. „К. А," отведены документы: письма А. Щапова Александру II (1861 г.) с предисловием А. Сидорова (т. 19-ый), „Программа Тамбовского поселения землевольцев" (из истории „Земли и воли" 70-х годов), сообщенная Кузьминым, несколько показаний Н. И. Рысакова с предисловием С. Н. Валка и др.

Много ценных исторических указаний помещенно в отделе „Из записной книжки архивиста" в обоих рецензируемых томах.

„Красная Летопись" — № 6 (21) и 1 (22). В двух последних книжках „Кр. Л." имеется ряд мелких воспоминаний с документальными данными, касающимися В. И. Ленина. Наиболее полно этого рода материал представлен в № 6 (21) „Кр. Л.". Здесь мы встречаем подлинное письмо Ленина от 22 июля 1902 г. из Лондона относительно работы Петербургской организации, в котором В. И. Ленин подробно раз'ясняет огромную важность работы с рабочим кружком. Интересны статьи-воспоминания Н. Л. Сергеевского и И. А. Давыдова. Первый из них собщает об отношении В. И. Ленина к Н. Е. Федосееву, вернее к его литературным работам в период Шушинского „сидения" Ильича в Сибири, И. А. Давыдов рассказывает о встрече с Владимиром Ильичом весной 1900 г. Такой же характер воспоминаний о Владимире Ильиче в период 90-х г.г. и начале 900 носят воспоминания Е. И. Кулябко, т. П. К. о периоде 1904—7 г.г. и пр. Из эпохи 1917 г. интересны две телеграммы В. И. Ленина начальнику 2-й бригады крейсеров Балтийского флота Модесту И. Иванову, которого уволил в отставку Керенский и которого В. И. Ленин назначил управляющим Морским комиссариатом и председателем Верховно-морской коллегии и т. п.

Из статей более или менее научного характера в обоих номерах могут быть выделены: Т. Шатиловой „Петроградская крупная буржуазия между двумя революциями 1917 г." № 6 (21); отрывок из книги Ильина-Женевского „Начало гражданской войны" — № 1 (22) и К. П. — „В Петрограде накануне Февральской революции" (там же).

Ряд интересных документов приводится в статье в № 6 (21) — „Петербургская городская железнодорожная организация Р. С. Д. Р. П. в 1906 — 1908 г.г." (о союзе трамвайщиков), „Из истории петербургской организации Р. С. Д. Р. П. в 1905 г. (материалы обвинительного акта процесса 44-х в петербургской судебной палате), сообщенные А. Суздалевым, и в том же номере опубликованная К. Кареевым большая историческая справка „Рабочая печать и военно-промышленные комитеты".

Г. Шидловский дал две справки из истории „Правды" — „Разгром Трудовой, Правды" в 1914 г., о моменте, который и до сих пор почти не был освещен в литературе, и „О разгроме редакции „Правды" в июле 1917 г.—№ 1 (22). В этом же номере помещены воспоминания С. Я. Аллилуева о Л Б. Красине и о нем же—неопубликованные материалы о периоде исключения Л. Б. из технологического института в Петербурге.

Несколько особняком от других стоит статья И. И. Генкина „Среди преемников Бакунина", посвященная истории российского анархизма. Русскому анархизму в нашей историко-революционной литературе вообще уделено очень мало внимания, и материал об анархистах периода первой русской революции в главе „Отчаянные головы" дает несколько новых штрихов для характеристики этого течения. Слабее освещено автором то течение, которое известно под названием „махаевщины". Очень мало уделено внимания таким группировкам в анархизме как „безначальцы", „безмотивцы", „чернознаменцы", „черные вороны" и др. Автору следовало бы дать несколько более содержательную критику анархистских течений в России, чем это им сделано в предложенном очерке. Несколько неуместна у автора характеристика

одного из лидеров „безначальцев“ И. С. Гроссмана-Рощина как „бурно-пламенного агитатора и философа“, следовало бы дать кое-что из документов и т. п.

„Каторга и Ссылка“ — №№ 6 (27) — 3 (32). Журнал О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев продолжает свою полезную работу собирания историко-революционных материалов. Из четырех рецензируемых №№ большую ценность представляет № 1 (30), посвященный 10-летию падения царизма, с передовой статьей Виленского-Сибирякова, ценными воспоминаниями Е. Ярославского, Нестроева и др. Большинство статей этого номера журнала носят характер мемуаров. Некоторые из них очень красочно описывают политическую каторгу в период мировой войны и в начале Февральской революции. Отражение Февральской революции заграницей представлено в статьях Г. Крамарова: „Февральские дни в Сан-Франциско“, О. Равич — „Февральские дни 1917 г. в Швейцарии“, Р. Цецилии — „Февральская революция и эмиграция 16-го марта 1917 г. в Женеве“, Страхова — „Из эмиграции на родину“ и др. Две предпоследние статьи дают некоторые штрихи эпизода возвращения Ленина из Швейцарии в Россию. Библиография и хроника частично увязаны с десятилетием Февральской революции. Ценным является приложение к этому номеру „Революционное движение в России XVII—XX в. в.“ — систематический указатель литературы, вышедшей в 1925 г. Указатель составлен Р. С. Мандельштам под редакцией Б. П. Козьмина.

Три других номера „К. и С“ касаются отдельных моментов истории революционного движения XIX в. и, главным образом, народнического периода. В № 6 (27) и № 2 (31) имеются также статьи и материалы, посвященные декабристам. В упомянутых трех книжках „К. и С.“ имеются также ценные воспоминания Л. Федорченко (Н. Чарова) „Первые шаги социал-демократии в Киеве“ (№ 6 (27), которые прекрасно иллюстрируются воспоминаниями А. Поляк и Мельниковой в том же номере журнала. Там же в связи с сорокалетием политической каторги на Сахалине помещен ряд статей, рисующих эту каторгу в различные периоды ее истории. Картины подчас прямо потрясающие, и их следовало бы при соответствующей обработке издать в той серии популярных брошюр, которая издается журналом „Каторга и ссылка“.

В №№ 7—8 (28—29) дан материал к пятидесятилетию демонстрации у Казанского собора в Петербурге в воспоминаниях двух ее участников М. Н. Чернавского и А. Н. Бибергаль, в достаточной степени полно рисующих эту страничку начального периода революционного движения в России.

В №№ 6, 7—8 и 2 (31) тщательно обработан отдел „Лики отошедших“.

Библиографический отдел журнала по прежнему дает довольно полную картину состояния нашей, главным образом, историко-революционной книжной журнальной литературы. В отделе „Хроника“ довольно подробно освещена деятельность о-ва политкаторжан за соответствующий период времени.

Необходимо в двух словах остановиться на воспоминаниях А. В. Соколинского в № 2 (31) „К. и С.“ — „Фидлеровское дело“, где он пишет, что „Московский стачечный комитет в 1905 г. сыграл в бурные незабываемые дни (октябрь 1905 г.) роль, правда, кратковременную—временного революционного правительства Москвы“, при чем в сноске он говорит: „Московскому стачечному комитету не повезло в революционной мемуарной литературе. О нем почти ничего не написано, а то, что имеется, представляет собой какие-то обрывки подчас тенденциозно и неверно освещенные“ (стр. 9). В свое время в книжке „Октябрьская стачка 1905 г.“ мною отмечалась роль Московского стачечного комитета, который в выступлении 15 октября в городской думе и в переговорах с московским генерал-губернатором 18 октября по поводу освобождения из тюрем политических заключенных вел далеко не революционную политику. Там же отмечалось, что Московский комитет большевиков вынужден был поднять агитацию за роспуск этого стачечного комитета, мотивируя это требование недостаточностью представительства в нем пролетариата: в стачечном комитете огромное большинство принадлежало разного рода радикалам и эсерам, об'единявшимся с союзом союзов—этой полупрофессиональной, полуполитической организацией, главным образом, буржуазной интеллигенции (вплоть до кадетского союза равноправия женщин). Таким образом, говорить, что этот стачечный комитет играл роль временного революционного правительства в Москве, можно только с очень большой натяжкой. Если все же считать этот комитет неразвернутой формой совета рабочих депутатов, то это была наиболее узкая оппортунистическая организация такого типа, по существу сорвавшая октябрьскую забастовку 1905 г., как об этом подробно рассказано в упомянутой книге: „Октябрьская стачка 1905 г.“, изд. „Пролетарий“ стр. 152—153.

А. Шестаков

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ The American Historical Review. 1925 г. XXX. №№ 2, 3, 4. 1926 г. XXXI, №№ 2, 3, 4.

Сто лет прошло со времени американской декларации независимости, и бывшие английские колонии Сев. Америки обратились в мирового банкира. Торжествующая северо-американская плутократия подчинила себе и науку: магнаты финансового капитала воздвигают над своими могилами гигантский телескоп, создают университеты (к примеру университет Вандербильда), финансируют крупные научно-исследовательские учреждения (институт Карнеджи), биржевики—«боссы»—становятся главными администраторами университетов.

Щедро поливаемые золотым дождем американского капитала, пышным цветом распустились во славу его и американская историография и университетская учеба. Во всех штатах, в крупных и даже средних городах есть свои университеты, колледжи, музеи громадные библиотеки. Всюду обосновались исторические общества и ассоциации от Нью-Йорка до далекого Орегона, от Колорадо до Иллинойса. Все эти местные организации уже сорок лет с лишним тому назад (1884) были возглавлены Американской Исторической Ассоциацией American Historical Association.

В настоящее время это поистине мощная ассоциация. Она об'единяет на своих годичных конгрессах[1]) и ассоциации библиотекарей и историков-экономистов и археологов и историков-клерикалов. На конгрессах присутствуют часто представители европейской историографии,(большей частью английской), ее делегаты на с'ездах англо-американских историков в Англии приветствуются самим министром мистером Болдуином, она после мировой войны явилась инициатором основания международной исторической ассоциации и международных исторических конгрессов. Конгрессы ее многолюдны (2.962 члена на конгрессе в Ann. Arbor, декабрь 1925 г.), фонды в прекрасном состоянии. Все американские исторические организации не только созывают ежегодные конгрессы, с'езды, но и издают периодические сборники трудов своих членов. Некоторые штаты даже имеют своих собственных «придворных» историков (Нью-Йорк, Сев. и Юж. Каролины) и заказывают или субсидируют многотомные истории штата или определенной эпохи его истории (напр., A. C. Flik. The American Revolution in New York).

Естественно, что и А. Н. А. имеет свой солидный печатный орган—The American Historical Review—Американское историческое обозрение, во главе которого стоит издательская коллегия из 6 человек, среди которых один клерикальный историк и один из руководителей отдела исторических исследований Института Карнеджи. Орган Ассоциации показателен в высшей степени для всей американской историографии: он не только дает точное и определенное понятие о состоянии северо-американской исторической науки, но и об ее взаимоотношениях с историками других стран, главным образом, Англии, наконец, об ее стремлении приспособить для себя виднейших ученых из русской эмиграции (М. Ростовцев, А. Васильев и др.).

Статьи журнала не только интересны и содержательны, но выгодно отличаются своей формой и стилем: простые, сжатые, в кратких словах без риторики и словоизлияния (исключая некоторых крикливых докладов на с'ездах, о которых ниже), дают многое и рассчитаны на широкую читающую аудиторию.

Библиография и информация поставлены не хуже солидных старых западно-европейских журналов, не только в области отечественной историографии.

Особенно ценны специально введенные отделы заметок и документов, дающие умело выбираемую мемуарную, эпистолярную и дипломатическую литературу, свежесть и интерес которой в рецензируемых №№ журнала не позволяют нам продемонстрировать читателю лишь узкие пределы нашего обзора.

Наименьшее место уделено в журнале вопросам древней истории.

Отметим статью Ольмстеда, одного из крупнейших ассириологов (A. G. Olmsted Lavd Tenure in the Ancient Orient v. XXXI, № 4)—сжатую, но содержательную сводку данных по аграрным отношениям на древнем Востоке (Египет, Вавилония, Ассирия по преимуществу). Статья интересна широким применением сравнительно-исторического метода, опирается на богатую документальную литературу, хотя автор наиболее внимания уделяет особенно хорошо им обследованной мэнориальной системе в древней Ассирии.

Ф. Марш из хаоса фактов, морализирующих древних римских историков, пытается выделить данные для реконструкции политических партийных группи-

1) В рецензируемых нами номерах Am. Hist. Rev. помещены подробные отчеты о двух конгрессах Ам. Ист. Ассоциации: в Ричмонде дек. 1924 г. (v. XXX № 3) и Ann. Arbor, дек. 1925 г. (v. XXXI № 3).

ровок в правление Тиберия (F. B. Marsh, Romen parties in the Reign of Tiberius v. XXXI, № 2).

Большое внимание, разумеется, уделяется родственной английской истории.

Так, К. Стифенсон делает, по нашему мнению, удачную попытку об'яснения происхождения английских городов на основании известной теории о происхождении средневекового города Анри Пиренна (C. Stephenson. The origin of the english towns v. XXXI, № 4).

Конайерс Рид дает блестящую по форме характеристику королевы Елизаветы, в стиле «Четырех Георгов» Теккерея; но при всей психологической тонкости и литературной эрудиции автору не удается доказать, что Елизавета проводила надклассовую политику демократической монархии. Тезис, показательный для буржуазных историков нашего времени (Conyers Reod. «Lood Queen Kess» v. XXXI, № 4). Вера Броун сообщает, как компания Южного моря искусно использовала в начале XVIII века свою привилегию для широкой постановки контрабандной торговли в испанских колониях.

Но, как и следовало ожидать, тем более в дни полуторастолетней годовщины революции, главным полем деятельности американских историков является отечественная история.

Руководящей статьей служит зачитанный на с'езде в Эни-Арбор А. И. А. доклад старшины американских историков Ч. М. Эндруза «Американская революция, опыт ее истолкования» (Ch. M. Andrews. American revolution, on Interpretation).

Читатель этой статьи будет, однако, глубоко ею разочарован: это обыкновенный академический доклад, рассчитанный на массовую академическую аудиторию. Нового ничего нет. Автор, типичный представитель исторического эклектизма, сначала соглашается признать, что в основе американской революции лежит противоречие интересов английского командующего класса и колонистов, но сейчас же, словно испугавшись своей смелости, сворачивает на спасительную дорожку политической истории: «во-первых (!) американская революция была политическим и конституционным движением и только, во-вторых, как финансовой, торговой, так и социальной». Характерная нечеткость и сбивчивость мысли для нынешнего историка американской буржуазии. Еще немного далее Эндруз утверждает, что «отделение от метрополии началось как раз с того момента, когда меркантильная система торгового контроля начала уступать давлению молодых и растущих колониальных общин». Очевидно, не желательно для американского историка говорить о революции его предков в наши дни, и он старается всячески стерилизовать свою «интерпретацию» американской революции от неприятной революционной бациллы.

Интересно задуманная статья Коруина «Развитие конституционной теории» (1776—1787) испорчена юридически-догматическим построением анализа: автор сам указывает на громадное значение в развитии американского конституционализма восстания Шэя, борьбы социальных группировок и партий и в то же время осторожненько и спокойно обходит их, углубляясь в милый сердцу сухой юридический анализ (E. S. Corvin. The Progress of the Constitutonal Theory 1776—1787 v. XXX, № 3).

Неутомимый французский историк Анри Сэ дает ряд документов с сопроводительной статьей, анализирующей торговые отношения во время революции между Францией и Соединенными Штатами. Любопытно упорное отстаивание французской торговой буржуазии пред королевским правительством ее исключительной монополии на торговлю с колониями (H. Sée. Commerce between Franc and United Stats. v. XXXI, № 4).

О. Стифенсон документально доказывает, что снабжение порохом американской революционной армии шло главным образом из Франции (O. W. Stephenson. The Supplv of Gunpovder in 1776, XXX, № 2).

Анна Лингльбах характеризует перестройку английской колониальной политики после американской революции при Питте Младшем с учреждением Британского Бюро Торговли (Anna L. Lingleboch. The Inception of the British Boxrd of Trode v. XXX, № 4).

Очень примечательны статьи, посвященные гражданской войне: полная переоценка прежних взглядов аболиционистски настроенной историографии. Если действительно ценна для нас своими солидными цифровыми данными статья Селлера [1]), дающая сравнительный анализ финансового положения Севера и Юга, но не делающая новых выводов, то вовсе бесполезна, хотя весьма показательна для настроения американской империалистической буржуазии статья Филлипса (Phillips. Plentations with slaves leben and free v. XXX, № 4), которая ие только доказывает экономическую необходимость рабского труда на плантациях, но и дает откровенно-циничную апологию гуманных патриархальных взаимоотношений

хозяев и рабов, как на основании дневников плантаторов, так и на основании существования подобных же систем хозяйства в Калифорнии, Колорадо, Вест- и Ост-Индии нашего времени (!!?).

Столь же показательно, но совершенно не разработано сухое повествование Ничольса о ликвидации судебного процесса экс-президента Южных Штатов Джефферсона Дэвиса (K. F. Nichols. United States and Jefferson Devis v. XXXI, № 2).

Попытку вскрыть идеологию одного из крупнейших вождей Юга до войны Колгуна делает Н. Стифенсон (N. W. Stephenson. Calhoun. 1812 and afsten v. XXXI, № 4), но не многие интересные факты, сообщаемые им,—выступление на политическую арену «пограничников», как ярых представителей откровенного первоначального накопления капитала,—совершенно тонут в потоке красноречия. Эта статья, очевидно, стенографическая запись доклада, сделанного на с'езде А. Н. А. в Ann. Arbor, типичный образчик американского застольного «спича» на серьезную тему с необходимыми аксессуарами, «словечками», каламбурами, лже-академическими цветистыми фразами.

Самой содержательной из всех является статья М. Кэрти о «Молодой Америке» (Merle E. Kirti „Joung" America, v. XXXI № 4). Автор детально проследил рождение, развитие и смерть этой группы воинствующей фракции американской демократической партии, выступившей после мексиканской войны с лозунгами поддержки буржуазных европейских революционных движений и провиденциальной роли американского конституционализма в Западной Европе. Под идеалистическими лозунгами скрывались определенно конкретные цели проникновения американского капитала на западно-европейский рынок, всемерной его экспансии („to full expansion of the energies of thos greet and progressive people"), причем наиболее активный лидер группы—Сандерс, добывший себе пост американского консула в Лондоне, искусно сочетал энергичную, моральную и материальную поддержку политических эмигрантов с продажей ими партии ружей устарелой системы, а за спиной активных членов стоял крупный капиталист и спекулянт G. Lan, проектировавший развитие прямого пароходного сообщения между Америкой и Европой.

Очень много места, как и полагается в эпоху империализма, отводится истории международных отношений и колониальной политике.

В. Лэндтер разрабатывает дипломатические данные французской оккупации Туниса, исключительно под углом зрения политической истории, не внося почти ничего нового в освещение вопроса (W. L. Langer. The european powers and the Frensh dicupation of Tunis. 1787—1881; v. XXXI, №№ 1, 2). Тоже можно сказать и о статье Э. Кэрроля «Французское общественное мнение о войне с Пруссией в 1870 г.» (v. XXXI, № 4). Л. Б. Шиппи на основании изучения публикуемых в Германии капитальных документов по иностранной политике рушившейся империи (Gross Politik etc.) удачно изображает тщетные попытки маленькой Испании добиться посредничества великих хищников империализма перед грозящим наступлением северо-американского империалистического гиганта и любопытные махинации германского империализма, стремящегося не опоздать к разделу испанского наследства и, пользуясь удобным моментом, урвать из него жирный кусок,—если возможно, Филиппинские острова (L. B. Shippe. Germany and Spovish—American War. v. XXX, № 4).

П. Кнаплунд (швед) рассказывает о боязни британской дипломатии покушений со стороны царской России на захват норвежского Финмаркена и о попытках в связи с этим дополнить дипломатическое окружение России во время Крымской войны привлечением к концерту враждебных ей европейских держав Швеции и Норвегии; чего и удалось достигнуть гарантийным договором со Швецией в ноябре 1855 г., который обеспечивал ей поддержку Франции и Англии в случае агрессивных выступлений России (Paul Knoplund. Finmark in British Diplomacy 1836—1855. v. XXX, № 3.) .

Г. Рэпп путем тщательного изучения архивных документов доказывает, что так называемое Рейхштедтское соглашение между Россией и Австро-Венгрией (8 июля 1876 г.) было чисто словесным и отразило в записанных его версиях, русской и австрийской, интересы этих держав по-разному (G. U. Rupp. The Reichstadt Agrecnaent. v. XXX, № 3).

Фрэнк Гольдер на основании русских архивных источников рассказывает о попытках русской дипломатии использовать трения между Англией и С.-А. С. Ш. во время Крымской войны, чтобы привлечь последние на свою сторону и втянуть в войну. Обнаруживается, что уже в то время молодой северо-американский капитал подумывал о захвате Сандвичевых островов и о расширении своего экономического влияния на Персию (F. A. Golder. Russian American—Relations during the Crimeon War. v. XXXI, № 3).

---

[1]) I. L. Seller. An Interpretation of Ciwil War Finance. v. XXX, № 2.

Зорко следит американская историография и за политикой текущего момента, особенно в близком сердцу американского империализма бассейне Тихого океана: три доклада на конгрессе в Ann. Arbor, вызвавшие особое к себе внимание, посвящены были проблемам Дальнего Востока: 1) экстерриториальное право в Китае, 2) направление пути японской политики в Китае в 1905—07 г.г. и позиция Японии по отношению к политике «открытых дверей», 3) положение и обязанности С.-А. С. Ш. на Востоке. Содержание этих докладов не помещено в журнале. То же острое устремление внимания на Дальний Восток отражает и статья Мэллона о «первом»[1]) возвращении излишка вознаграждения, полученного С.-А. С. Ш. после боксерского восстания Китая (1908). Согласно плану президента Рузвельта слишком 12 миллионов перебора были по соглашению с китайским правительством обращены на создание стипендий для китайских студентов в американских университетах (отнюдь не на нужды китайских рабочих и крестьян, пострадавших во время интервенции), причем детали воспитательной схемы выработаны были американским министерством иностранных дел и одобрены Китайским правительством. К сожалению, эта-то последняя схема не приводится автором и для нас лишь частично вскрывается осторожно продуманный план воспитания и обработки молодой китайской буржуазной интеллигенции в направлении, выгодном для интересов американской буржуазии; еще более замечателен ловкий дипломатический трюк, который перебранные с китайского народа деньги оставляет в кармане великодушно их возвращающего благодетеля (Carrol B. Malone. The first remission of the Boxer iudemnity, 1926. October, v. XXXI, № 4).

Направление настоящей американской исторической мысли ясно, но точным и полным манифестом ее может служить обстоятельный, деловой доклад Эндруза на конгрессе Американской Исторической Ассоциации в Ричмонде (1924 г., декабрь), который совпал с сорокалетием самой Ассоциации (Ch. M. Andrews, These Forty Jears. v. XXX № 2). Автор дал не только сжатый содержательный очерк развития научного исторического исследования в Сев. Америке со времени введения семинарского метода университетского преподавания, но кроме того, попытался определить и самый метод исторического исследования. Как мы уже видели раньше, Эндруз — типичный эклектик. Этот исторический эклектизм он детально и обстоятельно демонстрирует и иллюстрирует. Философия истории Эндруза — философия довольного и оптимистического американского буржуа, стремящегося к сохранению достигнутой с.-американским империализмом стабилизации. Идеал его — «золотая середина», политическая тактика, подкрепляемая историческими аргументами, — приспособляемость, т.-е. оппортунизм и реформизм. «Крайние консерваторы и крайние радикалы — угроза социальному миру»... «Торжество неподвижности тупых реакционеров ведет к восстанию или революции, равно как торжество бесконтрольного радикализма сопровождается реакцией»... Цитаты сами говорят за себя.

Таковы отличительные черты американской историографии.

А. Васютинский.

---

[1]) Не намек ли на отказ СССР, с явным желанием присвоить приоритет С.-А. С. Ш. великодушия.

РЕЦЕНЗИИ

П. КУШНЕР (КНЫШЕВ). Очерк развития общественных форм (учебное пособие для Комвузов, Вузов и Совпартшкол). III издание, исправленное и дополненное. Изд-во Коммунистического У-та им. Я. М. Свердлова. Москва. 1927. Тираж 7.000. Стр. 580. Цена 3 р. 50 к.

Первое издание «Очерка» вышло осенью 1924 г. и очень быстро разошлось. В обиходе Комвузов «Очерк» стал основным пособием по курсу истории развития общественных форм. II (и стереотипное III) издание во многих частях заново переработано. Книга особенно выиграла от переработки главы «Родовое общество». Выиграл от переработки и сильно расширенный раздел «Феодализм»: удачнее расположен материал и, главным образом, введен специальный параграф, выясняющий сущность феодализма, как обще-социологического явления. Здесь совершенно правильно ставится ударение не на внешней политической стороне феодализма, а на экономической сущности этого общественного строя.

Однако, следует остановиться на некоторых моментах, могущих вызвать кое какие сомнения.

Курс истории развития общественных форм является вводным в учебном плане комвузов и общественных вузов. Строя этот курс, надо учитывать знания современного студента. Ни вторая ступень, ни рабфак, подготовляющий студентов вузов, ни, тем более, совпартшкола, через которую предварительно проходят многие, идущие в комвуз,—не дают никаких сведений в области истории за исключением «новой» истории Западной Европы и истории России нескольких последних десятилетий. Хорошо ли это, плохо ли, но с этим надо считаться. Современный студент не знает истории периодов, предшествующих промышленному капитализму. Между тем, как это отмечено в предисловии к «Очерку», и он «не даст ни подробного, ни хотя бы краткого изложения исторического процесса в отдельных странах».

При таких условиях студент не может с успехом, т.-е. критически, а не догматически, воспринять широко обобщающую социологическую конструкцию «Очерка». Не имея перед собой исторического стержня, он вынужден принимать социологические обобщения, как абстрактные схемы. Многочисленные этнографические и исторические примеры, выхваченные из прошлого и настоящего разных народов, не могут явиться для студента тем «вполне конкретным материалом», на котором автором «Очерка» строится «схема генетической социологии».

Впрочем, сказанное выходит за пределы рецензируемой книги и скорее касается постановки курса «Истории развития общественных форм» в принятых в настоящее время программах. Поэтому ограничимся до более удобного случая этими общими замечаниями и возвратимся к разбору самого «Очерка».

Тов. Кушнер в предисловии пишет, что весь конкретный материал «Очерка» разбит на четыре социологических эпохи, сообразно несколько видоизмененной классификации И. Степанова и А. Богданова. «Не скажу,—добавляет тов. Кушнер,—чтобы эта классификация была слишком хороша, но все же она лучшая из существующих». С этой оценкой квалификации Богданова и Степанова можно согласиться, но нельзя признать, что все видоизменения, внесенные в схему тов. Кушнером—удачные изменения.

В первую очередь трудно согласиться с тем, как из схемы исключен так называемый «ремесленно - городской строй». Бесспорно ошибочно построение Богданова-Степанова, по которому «ремесленно- городской строй представляется в виде самостоятельной эпохи. Этот строй не самостоятельная эпоха, а некое социальное образование, возникшее в пределах феодализма, разлагающее его и являющееся зародышем нового торгово - капиталистического уклада жизни. «Ремесленно-городской строй» существовал и раньше, в эпоху феодализма и позже в эпоху торгового капитала.

Итак, правильно сделал тов. Кушнер, исключив «ремесленно-городской строй» из схемы, как самостоятельную эпоху, и введя город в эпоху феодализма. Но, поступив так, надо было здесь же указать и на ту роль, какую играл город в деле разложения натурального хозяйства. В «Очерке» же единый вопрос о городе, как источнике разложения натурального хозяйства, механически разделен по двум частям книги. В разделе «Феодализм» говорится о феодальном городе, но ничего не сказано о его роли разрушителя натурального хозяйства. Зато последнему вопросу посвящена специальная глава в разделе «Торговый капитализм». Подобное расчленение вопроса, заставляющее дважды говорить об одном и том же, помимо методических неудобств

представляется неудачным и в теоретическом отношении.

В главе о разложении натурального хозяйства пока речь идет о Западной Европе (из 28 стр. главы специально Западной Европе посвящено 23 стр.), ни слова не сказано о городах, как рынках потребления продуктов сельского хозяйства. И только в тех немногих строчках, которые посвящены России, вскользь упоминается об этой стороне вопроса. Создается впечатление, что это не суть дела, а некая мелочь, свойственная, быть может, одной России. Последнее впечатление усиливается тем, что «Разложение натурального хозяйства России» выделено в особый параграф. Между тем, если говорить о разложении натурального хозяйства, то гораздо больше внимания надо было уделить именно роли городов, как рынков потребления продуктов сельского хозяйства, а не международной торговле городов и не ярмаркам, как центрам крупной оптовой внутренней торговли.

Второе неудачное изменение схемы Богданова — Степанова заключается в том, что из нее выкинуты рабовладельческие системы. Оставляем в стороне возражения, предусмотренные в предисловии,—что античный мир нужен для понимания западно-европейского феодализма. Этот вопрос спорный. Не правы, конечно, «романисты», которые в европейском феодализме видят всецело наследие Рима, но вряд ли правы и «германисты», которые вместе с тов. Кушнером считают, что западный строй германских племен развивался совершенно самостоятельно, вне всякого влияния от Рима.

Следует, однако, выставить и другое, на наш взгляд более важное, методологическое возражение. По словам тов. Кушнера «Очерк» намечает только «общую линию развития общественных форм» и дает «обще-социологические эпохи с достаточно широкими рамками, чтобы в них вместилось и развитие античного мира» (на ряду с развитием Запада, России и Востока).

Между тем социологическая закономерность исторического процесса ведь не предполагает, что имеется какая-то единая, неизменно универсальная схема общественного развития. Давая даже самую общую социологическую схему, надо в самой этой схеме отметить те опять же социологические, т.-е. не случайные, а вполне закономерные отклонения, которые являются типичными при известных условиях. Краткая схема может ограничиться немногими отклонениями, более подробная—даст их в большем количестве. Но, во всяком случае, совершенно необходимо подчеркнуть, что отклонения бывают и что эти отклонения также подлежат социологическим обобщениям.

Надо далее отметить один существенный и вряд ли чем-либо оправдываемый пропуск, являющийся результатом не вполне выдержанной архитектоники книги. Социологический обзор можно строить или по отдельным проблемам (техника, производственные отношения, брак и семья, государство и т. д.) или по эпохам. Можно было бы сказать—вертикально или горизонтально. Тов. Кушнер избрал горизонтальное построение по эпохам. Став на этот путь, надо было бы внутри каждой эпохи говорить об одних и тех же основных общественных формах. Между тем в «Очерке» здесь нет единства. Брак и семья рассматриваются только в родовом и торгово-капиталистическом обществе. В феодальном обществе соответствующего обзора не имеется, зато в главе «Семья и брак в эпоху Торгового капитала» имеется рубрика «Положение женщины в семье феодалов». То же относится к религии. Католицизм, как феодальная религия, частично рассматривается в главе о феодальной идеологии, частично в главе о христианстве, которая, будучи помещенной в разделе «Торговый капитал», по содержанию своему далеко выходит за пределы этой социологической эпохи. Во всех этих случаях речь идет только о расположении материала. Здесь нарушения основной схемы можно, пожалуй, об'яснить удобствами изложения. Но совершенно непонятно, почему в эпоху торгового капитала вся идеология сведена к одному христианству, в то время как для феодализма дан обзор не одной религии, но и всей идеологии. Если можно было говорить о средне-вековой «диалектике» и о схоластике, то как можно на ряду с этим совершенно ничего не сказать о расцвете науки, искусства и литературы в эпоху торгового капитала? А между тем в «Очерке» на эту тему речь идет только в одном месте (в главе о феодализме), там где доказывается, что римская культура не была «родоначальницей современного европейского общества». Здесь тов. Кушнер, возражая «романистам», замечает: «Правда—для развития европейского общества римская культура не пропала даром, но много было воспринято Европой гораздо позже, только в эпоху, когда возродившийся на новой базе торговый капитал стал нуждаться в образованных людях (XV—XVI века) и в формальной защите своих прав собственности. Тогда в Западной Европе возрождаются» («Ренессанс»—эпоха возрождения) науки и искусства, известные античному миру, тогда «рецептируется» римское право, защищающее собственность». Вот и все, что имеется в «Очер-

ке» об идеологическом расцвете эпохи торгового капитала.

Невольно напрашивается мысль, что в своем месте, в главе о торговом капитале, тов. Кушнер ничего не говорит о европейском «возрождении» только потому, что раньше он доказывал ненужность знакомства с возраждающейся теперь античной культурой.

Наконец, последнее замечание. Тов. Кушнер избегает давать твердые опрделения различным социологическим понятиям. Выделение таких определений сделало бы книгу более сухой, лишило бы ее присущей ей живости, но зато приблизило бы ее к типу учебника.

Надо также отметить, что пользование очерком в качестве учебника затрудняется и его излишней громоздкостью.

А. Гуковский

М. М. ХВОСТОВ. История древнего Востока. Учебное пособие для вузов. 2-е издание, под ред. Г. Пригоровского. ГИЗ. 1927. Тираж. 2.000. Стр. 274. Цена 3 р. [1]).

Содержание этой книги составляют лекции известного буржуазного историка, впервые появившиеся в печати в 1909 г., и ныне выходящие под редакцией, с дополнениями и примечаниями Г. Пригоровского. Хотя эти лекции и озаглавлены—«История древнего Востока»,—но посвящены они, главным образом, истории древнего Египта; изложение истории Ассирии и Вавилона занимает в книге только пятую ее часть, истории же других древне-восточных стран, как, например, Индии и Китая, автор вовсе не касается—потому только, что эти страны «вложили в сокровищницу человеческих знаний гораздо менее, чем страны более западные» и что их культуры были «отдалены» от культур передней Азии и Египта (стр. 14 и 16). Подробное об'яснение ограничения круга рассматриваемых нашим историком древне-восточных стран, по меньшей мере, неубедительно, но находится в теснейшей связи с его общими ошибочными социологическими взглядами.

Излагая историю древнего египетского царства, автор располагает конкретный исторический материал по схеме: уровень техники, экономические отношения, социальный и государственный строй. Но для автора эта схема отнюдь не является руководящей в его трактовке истории древнего Востока. В качестве главных факторов, обусловливающих эволюцию человеческих обществ, автор перечисляет—«влияние природы, роста населения, влияние потребностей индивидов—материальных, альтруистических (?!), правовых, потребностей интеллектуальных» (стр. 7). Вот почему египетское государство нашему историку представляется не продуктом классовых противоречий, но только результатом влияния окружающих географических условий (стр. 77), царская же власть в Египте, по мнению автора, «возвышалась в силу удовлетворения ею необходимых потребностей населения» (стр. 96).

Вообще «потребности» для Хвостова представляют основную движущую пружину исторического процесса. «Все общества,—говорит он,—начинают с примитивной племенной организации... С ростом потребностей в обществе появляется феодальная организация... Позднее все общество, по мере экономического роста, разрушают эту организацию. Создается центральная власть, ибо в обществе растет потребность в порядке: ...с ростом обмена является потребность в сильной центральной власти для охраны торговли. Эта власть разрушает феодальную организацию. Так общества создают бюрократическую монархию» (стр. 11—12, разрядка наша). Такова, по Хвостову основная концепция истории древнего Востока, которой он строго придерживался в своих лекциях.

Непонимание нашим историком метода исторического материализма, согласно которому отнюдь не потребности, а развитие производительных сил лежит в основе истории человечества, неизбежно обуславливает и непонимание им своеобразия древне-восточных обществ, как особой общественно-экономической формации, названной Марксом азиатским обществом.

Хвостов задается вопросом—каковы научные основания для того, чтобы «выделить изучение истории данных обществ в особый отдел исторической науки?»,—и так отвечает на него: «Основания к этому суть следующие. Во-первых, мы имеем здесь дело с наиболее ранними цивилизациями, которые возвысились над уровнем каменного века. Во-вторых, эти цивилизации сравнительно изолированы. Общества древнего Востока развиваются сравнительно обособленно» (стр. 5—6). Но эти два признака характерны отнюдь не только для древнего Египта, Ассирии и Вавилона, история которых излагается в данной книге; сам автор указывает еще на Японию, Китай, Индию, Мексику и Перу и принужден прибегать к дополнительным «научным «основаниям» того рода, что об истории этих стран «мы имеем меньше данных», или то, что эти страны «вложили в сокровищницу человеческих знаний гораздо менее».

К тому же автор сам как будто сознает, что установленные им «научные

[1]) Редакция помещает данную рецензию, как дискуссионную.

основания» охватывают лишь внешние черты древне-восточных обществ, а потому сами по себе явно недостаточны для выявления своеобразия их истории; вот почему он ставит перед собою еще вопрос о том,—«каковы особенности эволюции этих восточных обществ?». Эти особенности Хвостов видит в достижении по бюхеровской схеме экономической истории ступеней домашнего и городского хозяйства, в росте и усложнении общественной дифференциации и в возникновении феодальной организации, с последующим ее разрушением (стр. 10—12). Но первые две из отмеченных нашим историком особенностей более или менее характерны и для других древних, не только одних восточных, обществ; что же касается до третьей особенности, то как раз подобная трактовка древне-восточного социально-экономического строя, как феодального в основном, и разоблачает нагляднее всего непонимание Хвостовым своеобразия структуры обществ древнего Востока.

В чем заключается это своеобразие, отличающее древне-восточные общества, как особую общественно-экономическую формацию в ряду других? В том, что здесь нет частной феодальной собственности на землю, что здесь земельная собственность сосредоточена в руках государства, что здесь государство по отношению к мелким землевладельцам выступает как своего рода «организованный помещик» и потому рента и государственные подати совпадают или, как говорит Маркс, «тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы (отработочной) ренты». «Государство здесь верховный собственник земли,—продолжает Маркс в цитированном нами месте.—Суверенитет здесь—земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя и существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». («Капитал», т. III, ч. 2-я, стр. 327). Именно это отсутствие частной земельной собственности и является, по выражению Маркса и Энгельса, «ключем ко всему Востоку», ко всей его политической и религиозной истории (см. письма Маркса и Энгельса в сборнике Адоратского под №№ 29 и 30, стр. 65). Причину же того, почему восточные народы не дошли до феодальной собственности, Энгельс видит главным образом в климатических и почвенных условиях речных долин, окруженных пустынями, благодаря чему «первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а это является делом или общин, или областного, или центрального правительства. «У восточных правительств,—добавляет тут же Энгельс,—всегда только три отдела: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри и за пределами) и общественные работы (забота о воспроизводстве)».

Эти основные положения марксизма об азиатских обществах, высказанные более полстолетия тому назад и до сих пор, к сожалению, не получившие более или менее обстоятельной разработки в марксистской литературе, находят, однако, себе яркое подтверждение в конкретно-историческом материале, содержащемся в лекциях Хвостова и дополненном рядом редакторских указаний на новейшие данные. Так, относительно древне-египетского царства наш историк указывает: «Когде речь идет об организации египетского общества, первый вопрос, встающий перед нами, это—вопрос о египетсом землевладении: в чьих руках находилась земля? Не может быть сомнения, что большая часть земли находилась в руках фараона... Вероятно, в эту эпоху, как и позднее, номинальным собственником всех земель считался царь», который «сохранял право верховной собственности»... «В эту эпоху все государственное казначейство основано на собирании натуральных повинностей. Египетские казначейства этой эпохи, это—склады натуральных сборов» (стр. 88 и 91). О земельных же порядках при новом царстве Хвостов говорит: «Царь считается собственником всех земель в Египте. Правда, царь передает их в пользование своим родственникам, чиновникам, воинам и храмам, но право собственности сохраняет за собой. Даже весь скот признан собственностью царя, находящейся только в пользовании у частных лиц» (стр. 131—132).

Но по отношению к среднему царству Хвостов пытается доказать наличие феодальных порядков, повторяя здесь ходячие положения буржуазно-исторической литературы, склонной трактовать азиатские общества, как феодальные. Период среднего царства он называет «эпохой феодализма» (стр. 116). «В Египте,—говорит он,—создается феодальный порядок, напоминающий то положение вещей, которое создалось в известный момент и в Западной Европе» (стр. 100). Но как раз период среднего царства является наиболее темным, менее всего освещенным научно-историческими открытиями периодом во всей истории древнего Египта—это отмечает и сам Хвостов. Пригоровский указывает: «Раньше описания египетского феодализма, наступившего после эпохи древнего царства, были очень неопределенны и по существу мало убедительны вследствие почти полного отсутствия соответствую-

щих документов» (стр. 109) и приводит выдержки из одного, недавно открытого Изарского указа, как новейшее свидетельство в пользу признания феодальных порядков в среднем царстве древнего Египта. Но этот указ говорит только о льготах по отношению к храмам, а сами льготы сводятся к освобождению их от ряда налогов и личных повинностей.

Для доказательства и об'яснения феодальных порядков в среднем царстве Хвостов выдвигает такие аргументы: «Необходимость борьбы с природой ведет к тому, что Египет об'единяется в одно большое государство; так слагается государство-хозяйство древнего царства. Это государство-хозяйство держится, пока ощущается потребность в сильной центральной власти для урегулирования Нила и орошения нильской долины. Как только этот стимул перестает действовать, Египет распадается на феодальные владения» (стр. 100). Хвостов, таким образом, утверждает, что в эпоху среднего царства уже не было необходимости в централизованных общественных работах по регулированию орошения—поэтому берут верх центробежные силы, порождающие феодальный порядок. Этот порядок слагается, по Хвостову, во время 11 и 12 династий — он даже сравнивает тогдашний Египет с Францией эпохи первых Капетингов. Но там же, говоря о двух выдающихся царях 12 династии—Сенусерта III и Аменемхаре III,—указывает на восстановление при них запущенного канала и устройство плотины, обратившей часть пустыни в плодородную местность (стр. 122—123). Значит, «потребность» в регулировании орошения «ощущалась» и в эпоху среднего царства. Приводимыми фактами Хвостов сам опровергает свои доказательства и об'яснения господства феодализма в этот период истории древнего Египта.

Этих наших указаний достаточно для того, чтобы судить о том, что Хвостов в своем изложении истории древнего Востока не понял основного своеобразия азиатских обществ, требующих выделения их, как особой общественно-экономической формации, в особый, выражаясь его словами, отдел исторической науки, хотя конкретный материал его лекций и дает многое для понимания этого своеобразия. Эта основная ошибка нашего историка всецело обусловливается тем, что он в своих социологических взглядах далек от понимания метода исторического материализма, установившего понятие общественно-экономической формации и тем самым поставившего социологию на научную почву. Надо, впрочем, заметить, что в «Истории древнего Востока» нередко встречаются правильные материалистические об'яснения отдельных исторических событий—для примера укажем хотя бы на описание попытки религиозного переворота при Аменхотепе III (стр. 155—156).

Сделанными общими указаниями по поводу основной методологической ошибки Хвостова в его трактовке истории древнего Востока мы ограничиваем свой критический разбор его лекций. Но необходимо указать, что все же книга Хвостова оправдывает свое назначение учебного пособия для вузов. Положительные стороны содержания этой книги составляют краткие, но содержательные очерки по историографии древнего Египта, Ассирии и Вавилона, сжатое и увлекательное изложение фактической истории этих стран, а также ряд дополнительных указаний редактора на новейшие источники и данные по истории древнего Востока и приложение перевода интереснейшего документа—Лейденского папируса, красочно описывающего великую социальную революцию в Египте, происшедшую в конце 6 династии.

Арк. Ломакин

Проф. Б. Д. ГРЕКОВ. **История русского народного хозяйства.** (Материалы для лабораторной проработки вопроса). 1. Промышленный капитализм (дореформенный период). Составили проф. Б. Д. Греков и И. М. Троцкий. Изд. Брокгауз-Ефрон. Л. 1926. Стр. VII+293. Тир. 5.000 экз. Ц. 2 р. 25 к.

Эта новая хрестоматия—самая интересная из всех вышедших доселе. Она имеет очень много достоинств и главное из них—попытка дать учащемуся не ворох сырого материала, а педагогически обработанный документ. Педагогическая чуткость авторов сыграла тут свою роль: «уже сколько раз твердили миру», что наспех нарезанные документы и их куски, вложенные в обложку под названием «хрестоматия», школе не нужны и вредны, но все было напрасно—уже очень «рентабельная» вещь хрестоматия... Греков и Троцкий отнеслись к задаче иначе, и их хрестоматия—несомненный шаг вперед.

Хронологически материал охватывает конец XVIII и первую половину XIX в. Первый отдел «Основные черты переходного времени» (кстати, выпавший из оглавления)—самый крупный, дает большое количество документов, характеризующих приспособление крепостного сельского хозяйства к вторгшимся в него промышленно-капиталистическим отношениям (почему, кстати, не заменить расплывчатого названия отдела более определенным, хотя бы «Кризисом сельского хозяйства» или еще более точным?). Второй отдел посвящен фабрике, третий—торговле,

четвертый—финансами и шестой—путям сообщения. Основная черта приводимых документов — их яркость и, главное, свежесть. В книге есть много интересного и для специалиста, например, ряд впервые публикуемых документов в особенно любопытно «доношение» в государственную Мануфактур-коллегию из Московской «полицмейстерской» канцелярии (стр. 197 и сл.), о наборе праздношатающихся женщин, рекрутских «женок» и проч. в число фабричных работниц. В подборе документов сказалась обширная осведомленность составителей и их связь с научной работой в архивах, с монографической проработкой документов. Педагогическая их обработка видна прежде всего в довольно тщательном комментарии: поясняются отдельные понятия, даются вводные замечания к тексту, подчас пояснения вкраплены в самый текст. Недостаток тут тот, что все же комментарий всех непонятных мест не охватил: нет, например, пояснений понятий «тягла» (стр. 45, док. № 15), «регул» (стр. 170). Хрестоматия может прорабатываться частично, поэтому учащийся, принявшийся за проработку вопроса о дворовых декабриста Лунина (стр. 104 и сл.), вправе не знать, что понятие «однодворец» пояснено где-то раньше на стр. 14. Во избежание этого лучше давать в конце алфавитный указатель поясненных терминов, а не ограничиваться единичным пояснением при первой встрече термина в тексте. К сожалению, и документ, и комментарий имеют один шрифт и часто сливаются в единый текст, скорее похожий на выдержку из монографии, чем на комментированный материал (пример—стр. 188—89, 197 и др.)—это безусловно непедагогично. Кроме того, комментарий то дан в примечании, то в самом тексте—тут необходимо какое-то единство. Необходимо, расшифровать сокращенные заглавия источников: не всякий студент догадается, что П. С. З.—Полное Собрание Законов (стр. 197), а хрестоматия претендует на широчайший охват лиц—от школьника II ступени до студента вуза (см. предисл., стр. 2). В этом один из больших недостатков как этой, так и всех хрестоматий. Самая назревшая задача—педагогическая обработка текста, а она не может ориентироваться сразу и на второступенца и на студента. Необходимо точное приспособление к определенному типу школы.

Большое достоинство и, кстати, новость—наличие исследовательских вопросов для проработки после многих документов; они не претендуют на охват всего содержания документа, но стремятся подчеркивать главное. Часто они бьют в цель, но часто и мимо. Их характеризует некая статичность в подходе к документу,—они не стремятся выявить динамику явления. Например, просьба фабриканта Колокольцева о разрешении освободить поссессионных рабочих 1839 года поднимает важнейший вопрос о причинах отказа от купленных ранее крестьян, лишь бы можно было пользоваться вольнонаемным трудом,—но подобного основного вопроса нет в числе вопросов по документу (стр. 190). Неправильно, по непонятным причинам, оставлять многие,особенно цифровые документы без такого рода исследовательских вопросов (стр. 292—293, 263—264)—цифры особенно трудный для учащихся материал. Очень хорошо, что перед всем текстом (стр., VI—VII) помещен примерный список тем, которые можно проработать по материалу хрестоматии; несмотря на интерес выдвинутых тем и отсутствие претензии исчерпать весь запас возможных тем, авторов можно упрекнуть за их статичность: в темах нет формулировок внутреннего движения, процесса. Есть тема о крепостных рабочих, но о процессах формулирования пролетариата—нет и т. д.

Жаль, что хрестоматия не снабжена аннотированной библиографией вопросов: если ставится исследование, то к документу необходимо дать книгу. Особенно необходимо потому, что общие очерки авторов о финансах (стр. 273—274) и путях сообщения (стр. 289—290)—чрезвычайно узки и не связывают вопросов с общей экономикой страны. Потом,—зачем в заглавии хрестоматии сохранен устаревший термин «народное хозяйство», ведь он имел смысл именно в противопоставлении хозяйству «государственному», которое очень часто захватывается приводимыми документами.

Указанные недостатки не уничтожают большой ценности этой книги, как сдвига в истории наших хрестоматий, большого шага вперед. Пожелаем второй части хрестоматии углубления ее достоинств и второго шага вперед по пути педагогической обработки.

Милица Нечкина

ПЕТРАШЕВЦЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ. Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев, с предисловием Н. Рожкова. Госиздат. 1926. Стр. 295+XX. Ц. 1 р. 80 к.

ПЕТРАШЕВЦЫ. Сборник материалов. Редакция П. Е. Щеголева, т. II. Госиздат. 1927. Стр. 261+VIII. Ц. 2 р. 20 к.

За последние несколько лет появился ряд работ о петрашевцах. Из них книга В. Лейкиной: «Петрашевцы» (М. 1924) не имеет научной ценности, так как но-

сит, главным образом, характер биографических очерков и психологических характеристик, которые к тому же почти не опираются на новый материал. Годом раньше была издана Госиздатом работа Г. Бешкина «Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев», которая преследует научно-социологические цели. В книге Г. Бешкина есть ряд фактических неточностей, проистекающих из недостаточного знакомства автора с источниками; в силу этого ряд интересных и по существу правильных гипотез у автора повисают в воздухе.

Сборники, выпущенные Госиздатом под редакцией П. Е. Щеголева, стремятся дать «интересующемуся читателю, слушателю вуза, начинающему исследователю возможность непосредственного ознакомления с источниками».

Должен тут же заметить, что выполнить эту задачу рецензируемые сборники не в состоянии. Я полагаю, что эти сборники скорее в состоянии направить «начинающего исследователя» на ложный путь, чем помочь ему в исследовательской работе. Рассмотрим подробнее эти сборники.

На том I материалов в № 1 журнала «Историк—Марксист» была уже помещена рецензия Л. Мамета. Считаю необходимым, однако, коснуться и этого сборника, как потому, что критика Л. Мамета недостаточна, так и потому, что меня к этому вынуждают несправедливые упреки редактора сборника по адресу рецензента (эти упреки сделаны в предисловии редактора ко II т.).

Предисловие Н. Рожкова, повидимому, преследует цель—дать начинающему исследователю ключ к пониманию приводимых в сборниках материалов. Целиком присоединяюсь к оценке Л. Мамета этого предисловия, как крайне неудовлетворительного. И не только в той части, где Рожков ищет социальную базу мировоззрения петрашевцев, но, добавлю, и там, где он излагает свое мировоззрение.

В самом деле, Рожков совершенно бездоказательно утверждает, что переход к социалистическому строю петрашевцы мыслили себе не иначе, как путем революции (стр. XIII и XX). Это абсолютно неверно. Некоторые петрашевцы допускали насильственный переворот, но они строго ограничивали его рамками борьбы против самодержавия и крепостничества, т.-е. задачами буржуазной революции. Однако, и эта революционность у основной группы петрашевцев была чисто теоретическая; на практике же они избегали революционных методов, боялись их. И эта боязнь, как я пытался доказать в моей работе («Социальные воззрения петрашевцев», «Прибой» 1927 г.), коренилась в страхе перед крестьянским движением. Что же касается перехода к социализму, то здесь петрашевцы не сходили с фурьеристского пути, т.-е. пути мирной пропаганды. Что касается Спешнева, то было носторожным, во всяком случае поспешным причисление его к ученикам Вейтлинга (с. XIII). Эта гипотеза была в свое время выдвинута В. И. Семевским, но обосновать ее он не смог. Рожков же эти гипотезу трактует, как факт.

Н. Рожков прав, когда, говоря о месте петрашевцев в истории русской общественной мысли, находит у них струйку народнического социализма; научная об'ективность требует, однако, добавить, что кружки петрашевцев в некоторой своей части являлись также поставщиками либерально-буржуазной идеологии.

Теперь о самих сборниках. Первый том состоит из воспоминаний о петрашевцах и из взаимных характеристик петрашевцев, затем из воспоминаний петрашевцев, о ходе судебного следствия. Второй том содержит статьи Петрашевского в «Словаре иностранных слов», его записку об увеличении ценности земли, подследственные раз'яснения сущности социализма и фурьеризма; такого же рода раз'яснения Ястржембского и Данилевского, два философских очерка Толля и Кошкина, речь Ахшарумова, и, наконец, написанные для суда автобиографические очерки трех петрашевцев.

Может ли этот материал служить базой для какой бы то ни было научной работы? Нет. В то время, как первый том перегружен никому не нужными воспоминаниями, вроде «дамских» воспоминаний Огаревой-Тучковой о прекрасных кудрях и задумчивых глазах Спешнева, или воспоминаний Боборыкина, из которых видно, что его дядя Григорьев не вел с ними никаких серьезных бесед в виду юности автора воспоминаний и т. п.,—во втором томе, наоборот, нехватает крайне важных документов и материалов.

Удачной является идея перепечатки статей из 2-го выпуска «Словаря иностранных слов», являющегося весьма ценным документом. Однако, крупной ошибкой является перепечатка лишь тех статей, относительно которых с большей или меньшей достоверностью установлено авторство Петрашевского. Последнему принадлежит редакция всего выпуска; стало быть, весь выпуск является изложением воззрений петрашевцев и, в частности, Петрашевского. В сборники не включены статьи (из имеющих серьезное значение): «Монтаньяры»,—дающая оценку якобинизма, «Национальная Гвардия»,—критикующая милитаризм, «Неологизм»,— напра-

вленная против славянофилов, «Номады»—трактующая роль поземельной собственности в истории человечества, и др.

Статьи другого раздела подобраны таким образом, что они могут ввести в заблуждение недостаточно подготовленного читателя (впрочем, только ли недостаточно подготовленного).

Здесь фигурируют, главным образом, подследственные показания. На суде петрашевцы стремились представить свои воззрения и возможно более безобидном виде, поэтому они настойчиво подчеркивали аполитизм и «религиозность» системы Фурье, несмотря на то, что подавляющее большинство петрашевцев решительно порвали с этими «благоглупостями» своего учителя. В сборниках нет такого рода указания и поэтому они в состоянии ввести в заблуждение читателя. Жертвой рецензируемых сборников уже пал некий «рецензент», поместивший недавно в одной авторитетнейшей московской газете свои безграмотные суждения о воззрениях петрашевцев...

Воззрения петрашевцев были в высшей степени пестры и противоречивы. Требуется большая чуткость, чтобы подобрать о них материалы более или менее разносторонне и об'ективно. Досадным является отсутствие в сборниках таких документов, как пропагандистские письма Беклемишева, дневник Ахшарумова, письма Петрашевского и т. д.

I том целиком состоит из в разное время опубликованных в печати материалов. Что касается II тома, то по словам редактора, только статьи из словаря и литографированная записка Петрашевского были ранее опубликованы, все же остальные появляется в печати впервые. Это не совсем точно. Очерк Н. Я. Данилевского, занимающий в сборнике около двух печатных листов, полностью был уже приложен В. Лейкиной к ее работе о петрашевцах. Кстати сказать, В. Лейкина принимала ближайшее участие в составлении этих сборников. Редактор анонсирует помещение в 3-м томе библиографии, составленной В. Лейкиной. Но вед эта библиография была уже напечатана автором в книге о петрашевцах.

Л. Райский

P. S. В предисловии ко второму тому редактор замечает, что рецензент «Историка-Марксиста» (Л. Мамет) будто бы осуждает книгу за тяжелый стиль 40-х годов, которыми написаны статьи петрашевцев. «Ну что же делать с таким рецензентом»—восклицает редактор. В действительности же упрек рецензента не в этом, а в том, что «часто встречающиеся иностранные слова и целые фразы (стр. 149, 150, 165, 199 и др.) не переведены на русский язык». Упрек серьезный, если принять во внимание, что сборники предназначены для неподготовленного читателя.

Л. Р.

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Под редакцией Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А. А. Шилова, П. Козьмина, В. И. Невского. Том первый. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Часть I—до 50-х г.г. XIX в. Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. Москва. Всесоюзное Общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. 1927. Стр. XV + 222. Ц. 2 р. 50 к.

Не приходится доказывать, что всякий исследователь при работе над документами ощущает настоятельную потребность в био-библиографических материалах, как при наведении справок, касающихся жизненного пути отдельных лиц, так и при составлении к изданиям архивных материалов научно-вспомогательного аппарата, в котором далеко не последнее место занимают биографические примечания [1]).

В наследие от старого режима мы получили обширную био-библиографическую литературу, посвященную писателям, ученым, художникам и т. п. Помимо словарей, охватывающих деятелей определенной специальности, мы располагаем общими биографическими пособиями («Русский биографический словарь», «Петербургский Некрополь», «Московский Некрополь» и т. п.), в которых, как это указывается в предисловии к одному из них, «при выборе материала» отдавалось «первое место дворянству, за дворянством родовым и служилым следует черное духовенство всех степеней, а за ним белое не ниже священника... из купеческого сословия помечены члены именитых фамилий и представители крупных торговых фирм» [2]). Помимо этих изданий биографические сведения о лицах, состоявших на государственной службе в царской России, можно найти в официальных списках чинов, издававшихся различными ведомствами. Но все эти биографические издания очень мало нам могут помочь при наведении биографических справок об отдельных участниках революционного движения. Эта скудность

---

[1]) См. работу С. Н. Валка—„Проект правил издания трудов В. И. Ленина“. М. Л. Гиз. 1926. Стр. 46.

[2]) Вел. кн. Николай Михайлович—„Петербургский Некрополь“, т. I. (А—Г). СПБ. 1912. Стр. I.

изучения революционного прошлого, поставить на очередь вопрос о создании био-библиографического словаря участников этого движения. Этот вопрос был неоднократно предметом обсуждения в литературе[1]) и были изданы весьма ценные словари, посвященные революционерам определенной эпохи или участникам отдельного движения. И, наконец, всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев приступило к монументальному изданию био-библиографического словаря деятелей революционного движения в России от предшественников декабристов до дней падения царизма. Вышедшая в свет первая часть первого тома (от предшественников декабристов до 50-х г.г. XIX в.), составленная А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой содержит около 2.000 имен, относительно которых даны краткие биографические сведения и указаны литературные, а иногда и архивные источники о них. Среди имен внесенных в рецензируемый том словаря, мы встречаем рядовых участников революционного движения из солдатских и матросских низов, выявление которых зачастую требовало огромной работы по сырым архивным материалам.

Настоящая работа является результатом долгого, упорного и кропотливого труда по собиранию материалов, разбросанных в мемуарной литературе, в отдельных исследованиях и, наконец, в архивных документах. В первой части первого тома из рукописных материалов использованы так называемые «всеподданнейшие доклады» III отд. с. е. и. в. канцелярии, в которых нашло отражение всякое мало-мальски заметное явление в истории революционного движения и дела управления коменданта Петропавловской крепости 1825—1826 г.г., дающие ряд сведений о заключенных в крепости солдатах и матросах петербургского гарнизона. Из литературных источников использованы не только мемуарная литература и журнальные статьи специальных исторических и историко-революционных журналов, но и провинциальная периодическая печать (газеты и журналы).

Имея перед собой необ'ятный материал и стремясь включить в словарь не только активных участников революционного движения, но также лиц, заподозренных в принадлежности к революционным группам, составители не могли избежать пропусков, свойственных всем био-библиографическим работам подобного рода. Отметим некоторые из них. Так мы не встречаем в списке революционеров имен крестьян — участников возмущения 1826 г. на фабрике Гагарина, в Ярославской губ. (Дремина, Смурова, Кувшинова, и др.)[1]) и солдат участников выступления Семеновского полка (Степанова, Хрулева, Кузнецова и др.)[2]). Не отмечены также в настоящем издании имена поэтов, которые имеют, нам думается, право на включение в словарь: Д. В. Веневитинова (был подвергнут по связи с декабристами аресту, который и свел 22-летнего поэта преждевременно в могилу)[3]) и А. И. Полежаева[4]). Не упомянуто имя Белинского, за распространение письма которого к Н. В. Гоголю, как известно, А. Н. Плещеев был присужден к ссылке «в каторжную работу на заводах на 4 года».

Если в список революционеров занесены Н. Г. Белоусов и И. Я. Ландражин—профессора Нежинского лицея, отрешенные от должности «за вредное влияние на юношество» (стр. 15, 209), то с таким же правом могли бы быть включены в словарь и другие профессора высших учебных заведений, пострадавшие за свою педагогическую деятельность. Судьба профессоров Петербургского университета: К. И. Арсеньева, А. И. Галича, К. Ф. Германа, А. П. Куницина, Э. В. Раупаха[5]), Казанского — Г. И. Солнцева[6]) и Харьковского—И. Б. Шада[7]), имена которых не отмечены в настоящем словаре, в высшей степени интересна, как иллюстрация того нередкого в истории русского просвещения порядка, по которому весьма ценные для академической жизни единицы выбрасывались за борт по обвинению «в безбожии и революционных замыслах».

Следовало бы также дополнить неко-

---

[1]) См. ст. П. Е. Щеголева. („Книга и революция". 1920. № 1) и А. А. Шилова („Историко-революционный вестник", 1922. № 1 (4).

[1]) К. А. Пажитнов.—„Возмущение крестьян на фабрике кн. Гагарина". („Былое" 1923., № 21, стр. 41 и сл.).

[2]) П. П. Карцов.—„Событие в л.-гв. Семеновском полку в 1820 г." („Русский архив" т. XXXVIII, стр. 82).

[3]) М. Веневитинов.—„К биографии поэта Д. В. Веневитинова" („Русский архив", 1885, кн. I, стр. 113—131.

[4]) См. ст. А. Н. Пыпина („Вестник Европы" 1889, № 3) и В. Е. Якушкина („Вестник Европы", 1897 г. № 6).

[5]) С.-Петербургский Университет в первое столетие его деятельности 1819—1919. Материалы по истории С.-Петербургского Университета. т. I. 1819—1835. ПТГ. 1919. (см. Указатель личных имен стр. 723 и сл.).

[6]) Г. С. Фельдштейн.—„Главные течения в истории науки уголовного права в России". Ярославль, 1909. стр. 382 и сл.

[7]) Историко-филологический факультет Харьковск. Унив. за первые сто лет его существования. 1805—1905. Харьков, 1908, стр. 20 и сл.

торыми биографическими данными, имеющимся в литературе, те скудные сведения об отдельных лицах, которые сообщаются в настоящем словаре. Так, например, о привлекавшихся по делу общества военных друзей Буняковском и Колаковском [1]), об одном из основателей Оренбургского тайного кружка Величко [2]), о привлеченном по делу Сунгурова преподавателе Московской гимназии Браво [3]) не указаны основные биографические даты (не отмечены их имена и отчества) и нет ссылок на источники их сообщающие.

Сделанные нами замечания отнюдь не умаляют значения рецензируемого труда.

Нет сомнения, что рассмотренное нами издание, крайне богатое материалом, станет настольным в качестве справочного для всякого, занимающегося историей русского революционного движения. Остается пожелать, чтобы это издание было доведено до конца.

Со стороны внешности книга производит впечатление самое отрадное. Словарь обильно иллюстрирован портретами, из которых многие впервые опубликованы.

М. Ахун.

Н. А. ЧАРУШИН. О далеком прошлом. Ч. I и II. Кружок Чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х г.г. Москва. 1926. Стр. 222. Ц. 2 р. (Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и Ссылка», кн. 4/16).

Литература о кружке чайковцев, влиятельнейшей революционной группе начала семидесятых годов, довольно обширна. О чайковцах —разумеем и центральный кружок, и местные отделения —писали с большей или меньшей подробностью сам Чайковский, Шишко, Кропоткин, Кравчинский, Синегуб, Тихомиров, Корнилова-Мороз, В. Перовский, Драго, Аптекман, Ковалик, Фроленко, Морозов, Аксельрод, Чудновский, Ланганс и т. д. и т. д. Тем не менее, далеко не все в истории кружка было выяснено названными авторами с достаточной отчетливостью и желательной полнотой, тем более, что большинство из них писало свои воспоминания в дореволюционное время, когда иные из мемуаристов, часто даже без сколько-нибудь веских оснований, кое-чего сознательно недоговаривали. Н. А. Чарушин, автор новейших воспоминаний о чайковцах, был активнейшим работником кружка и хорошо знал как состав и деятельность основной, петербургской, группы, так и работу московских, одесских и киевских чайковцев, с которыми петербуржцы поддерживали связь в значительной степени именно через него. Кроме того, Чарушин писал позже всех других своих товарищей и современников, имея перед собою и воспоминания упомянутых выше революционеров, и ряд опубликованных в последнее время, весьма существенных для истории кружка документов, благодаря чему его работа не могла не принять характера, так сказать, итоговой. Все это достаточно об'ясняет тот интерес, с которым все, занимающиеся историей нашего раннего революционного движения, ожидали появления книги Чарушина. И можно смело утверждать, что ожидания эти не оказались обманутыми. Для истории возникновения кружка, для истории его личного состава и изменений в нем, для характеристики его работы в интеллигенции и среди рабочих, наконец,—что особенно важно,—для выяснения общественного мировоззрения его членов. книга Чарушина дает много ценного материала.

Но, при всех своих несомненных достоинствах, книга Чарушина, как и всякое, конечно, произведение мемуарной литературы, не свободна и от некоторых прямых неточностей, и от более или менее произвольных заключений и оценок.

Ошибки Чарушина касаются, прежде всего, деятельности чайковцев среди петербургских рабочих. Будучи сам одним из инициаторов и руководителей пропаганды среди рабочих, Чарушин, однако, имел дело только с так называемыми фабричными рабочими, а с заводскими почти не сталкивался. Именно поэтому, говоря о революционной пропаганде в среде последних, он допустил крупную ошибку, приурочив, вслед за Шишко и, отчасти, Кропоткиным, всю эту работу к району Васильевского острова. В действительности (об этом позволяют судить даже данные обвинительного акта по делу 193-х, который, конечно, доступен был автору), пропаганда и кружковое строительство имели место отнюдь не на одном василеостровском патронном заводе, игравшем, правда, весьма выдающуюся роль в движении, но и на Выборгской стороне, и за Невской заставой, откуда вышли такие активные рабочие-революционеры, как Сергей Виноградов (зав. Лесснера на Выборгской стороне), Алексей Лавров, Михаил Орлов, Игнатий Бачин (рабочие Семянниковского завода за Невской заставой) и т. д. Говорить толь-

1) Материалы по истории восстания декабристов, т. VIII, алфавит декабристов. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л. 1925, стр. 289 и 326.

2) Архив декабриста С. Г. Волконского. Под ред. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, ПТГ. 1918, стр. 19.

3) И. Гобза. Столетие Московской первой гимназии. 1804—1904, М. 1903, стр. 354.

ко о Васильевском острове, не упоминая о других центрах пропаганды, значит сильнейшим образом суживать размах тогдашнего движения среди заводских рабочих Петербурга.

Но и в изложении истории пропагандистской деятельности среди фабричных, гораздо лучше известной Чарушину, он допускает некоторые ошибки. Так, рассказывая о провале пропаганды в среде фабричных рабочих Выборгской стороны, Чарушин доказывает,—на этот раз вопреки сообщению Шишко и прямо оспаривая последнее,—что «рабочие-шпионы» в этом деле были не причем, и что просто некоторые вовлеченные в пропаганду фабричные не устояли перед угрозами жандармов и купили свою безнаказанность ценою выдачи и предательства. На самом деле, Шишко, в рассказе которого об этом эпизоде также есть неточности, все же прав в основном: шпионы, действительно, были, так как двое рабочих (Тарасов и Кондратьев—к ним потом присоединился третий,—Корюшкин) сразу после знакомства с пропагандистами сделали на них донос и потом регулярно продолжали доставлять сведения о них в полицию, покуда последняя не сочла момент подходящим для ликвидации: мало того, эти же рабочие выступали затем в той же роли в двух других политических процессах: Дьякова с товарищами и рабочих Осипова и Луки Иванова (известного впоследствии по Морозовской стачке).

В связи с этим, следует также отметить ошибку в сообщении Чарушина относительно судьбы виднейшего из распропагандированных чайковцами фабричных Выборгской стороны — Григория Крылова—он был арестован не в 1875, а в 1874 г., умер же (в 1876 г.) не в Твери, а в Москве.

Работа чайковцев среди рабочих других, помимо Выборгского районов началась, по Чарушину, как и в Выборгском районе, в 1872 г. Эта дата представляется нам слишком ранней, так как все данные, и документальные, и мемуарные, располагают к выводу, что и на Лиговке, и за Нарвской заставой[1]), и за Невской заставой дело было поставлено только летом и осенью 1873 г.

Есть и другие фактические неточности и пробелы в книге Чарушина: В. М. Александров эмигрировал не в 1870, а в 1871 г., нечаевец Тейльс был вывезен из Олонецкой ссылки Клеменцом не в 1872, а в 1873 г. (и был, кстати, немедленно схвачен в Петербурге), Кропоткин ездил за-границу не в 1871, а весною 1872 г.; при перечислении участников кружка Натансона и Александрова—родоначальника кружка чайковцев—не упомянут Д. М. Герценштейн (впоследствии близкий к с.-д., официальный редактор газеты меньшевиков и Парвуса-Троцкого «Начало»), а при перечислении вступавших в кружок чайковцев в период 1873—1874 г.г. опущен А. О. Лукашевич и т. д.

Не во всем также можно согласиться с Чарушиным в его характеристике—в общем, повторяем, интересной и ценной—взглядов и настроений чайковцев.

Несколько наивными кажутся старания Чарушина доказать, что политические вопросы не чужды были чайковцам и «лишь» заслонялись в их глазах обширностью задачи по подготовке масс к участию в освободительной борьбе. Ведь, ошибка семидесятников была именно в непонимании связи между интересами и движением масс и политической задачей, стоявшей перед страной—и перед массами в первую голову. С точки зрения чайковцев,—как и их преемников,—благодаря вовлечению в борьбу народных масс снимался с очереди специально-политический вопрос и в порядок дня ставился непосредственно социалистический переворот, попутно разрешающий, конечно, и задачу политического раскрепощения. Апелляция к именам Желябова, Тихомирова и других чайковцев, ставших впоследствии народовольцами, ничего, разумеется, не доказывает, и с таким же точно «успехом» можно было бы утверждать, что и программа, скажем, землевольцев не игнорировала задачи политической борьбы с самодержавным правительством за политическую свободу и демократический строй, потому что народовольцами оказались Ал-др Михайлов, Квятковский, Баранников[1]).

Вызывает также возражения постановка Чарушиным вопроса об отношении чайковцев к бакунизму. Сила сопротивления многих из чайковцев по отношению к овладевавшим все более умами революционной молодежи бунтарским идеям далеко не была особенно велика. Об этом говорят хотя бы воспоминания чайковцев Аксельрода, Фроленко, Ланганса. Мы не убеждены даже, несмотря на противоположное мнение Чарушина и Корниловой-Мороз, что уцелевшими петербургскими чайковцами, под конец организованного существования кружка,

[1]) Чарушин говорит о Московской заставе, где, действительно, тоже велась пропаганда, но, кажется, независимо от чайковцев; близкие же к чайковцам Л. Попов и С. Жуков, работу которых, повидимому, имеет в виду Чарушин, действовали в районе Нарвской заставы.

[1]) Упоминание, на-ряду с именами Желябова и др., Кравчинского, основано на недоразумении, т. к. Кравчинский долгое время вовсе не был сторонником „политической“ тактики, хотя он и дал толчок ее развитию своим покушением.

не была принята умеренно-бакунистская программа, предложенная Кропоткиным, в пользу чего свидетельствует не только Шишко, как, повидимому думает Чарушин, но и Чайковский (см. его рецензию на книгу В. Я. Богучарского «Активное народничество 70-х г.г.» в «Голосе Минувшего», 1913, № 6).

Сделанные нами замечания касаются той части воспоминаний, которая посвящена собственно деятельности кружка чайковцев. Две последние главы книги, посвященные тюремному сидению автора и делу 193-х, также нуждаются в кое-каких поправках. Неверно, что И. И. Добровольский был судим заочно: и до суда, и во время суда Добровольский находился под стражей, освобожден он под залог лишь незадолго до окончания процесса, в январе 1878 г., и бежал за-границу в мае, когда выяснился неблагоприятный результат возбужденного сенатом ходатайства о смягчении приговора. Неверно также изображена обстановка перевода в крепость во время суда части подсудимых (20-ти человек): перевод произведен сразу, а не частями,—19 ноября 1877 г., после известного выступления Мышкина и сопровождавших его «беспорядков».

Таковы замеченные нами и заслуживающие упоминания промахи автора,—промахи, ничуть, конечно, не умаляющие значения книги Чарушина, которая останется одним из лучших мемуарных источников по истории кружка чайковцев.

Ш. Левин.

А. М. БОЛЬШАКОВ и Н. А. РОЖКОВ История хозяйства России в материалах и документах. Выпуск III. Гиз. 1926. Стр. 395. Ц. 2 р. 75 к.

Третий выпуск хрестоматии по истории хозяйства охватывает эпоху в 20 лет: с 1905 года по 1925 год. Одна часть хрестоматии освещает экономическое развитие России при капитализме, другая—при диктатуре пролетариата.

Перед авторами стояли большие трудности. Из громадного материала надо было выбрать наиболее ценное, с другой стороны, надо подобрать материал так, чтобы все важнейшие явления экономической жизни были освещены.

Как авторы выполнили свою работу?

Прежде всего приходится отметить осторожный и добросовестный подход авторов к материалу, который они используют. Авторы дают не только сырой материал, но они очень часто подвергают его первичной научной обработке. Статистическая таблица, сводка—часто результат самостоятельной работы над статистическими материалами. Отчасти благодаря такой обработке, авторам удалось в одном томе охватить такую сложную эпоху.

Книга состоит из трех глав: I. Капитализм 1905—1914 г.г.; II. Влияние империалистической и гражданской войны на хозяйство; III. Хозяйство при новой экономической политике.

Можно не согласиться с авторами в пропорции отдельных глав: третья глава по размерам занимает столько места, сколько обе первых. Во второй главе непропорционально распределен материал: характеристике хозяйства во время империалистической войны отведено непропорционально мало места. Общий итог такой: советская экономика оттеснила историю хозяйства при капитализме. Для исторической хрестоматии это, пожалуй, не является плюсом, тем более, что очень важные стороны капиталистической эволюции России остались незатронутыми.

Первая и третья главы освещают определенные эпохи истории нашего хозяйства. Вторая глава построена менее удачно: авторы соединили в одну главу две различных эпохи—капиталистическую экономику и советское хозяйство. Методологически было бы правильнее, чтобы эти две эпохи были освещены в отдельных главах. Есть только один аргумент за то, чтобы период с 1914 по 1920 годы дать вместе: так нагляднее можно показать период упадка народного хозяйства. Но авторами приводятся не только, и не столько статистические таблицы, но и другие материалы, характеризующие социальное и политическое лицо эпохи. В результате в этой главе получается вермишель: таблицы и отрывки о войне перемешались с советской экономикой периода военного коммунизма. Такая путаница может сбить «с толку» неподготовленного читателя.

Еще одно общее замечание относительно всей работы. Авторы слишком усердно подчеркивают аграрную историю и не дают достаточно полной картины развития крупной промышленности. Аграрная эволюция представлена достаточно полно, использованы очень ценные материалы, но эволюция крупной промышленности, развитие империализма, влияние империалистической войны на промышленность—все эти вопросы задеты очень поверхностно, материал использован далеко недостаточный.

В первой главе это «противоречие» сказывается особенно резко.

Сельское хозяйство, столыпинская политика, экспорт продуктов сельского хозяйства за границу и еще ряд вопросов, связанных с сельским хозяйством, нашли очень интересное освещение. Подобран ценный материал. Получилось достаточ-

но законченное освещение этой темы. Зато освещение развития крупной промышленности довольно слабое. У читателя получается представление обо всей предвоенной эпохе, как об одной фазе развития. Надо было подчеркнуть конец депрессии и новый промышленный под'ем.

Литература по этой части использована недостаточно. Собственно авторы использовали всего только 3—4 источника. Работы Ронина, Струмилина, Гриневецкого, Эвентова, не говоря уже о других, более сырых материалах, остались неиспользованными. Почти из 140 страниц главы на промышленность приходится около 15 страниц. Авторы ограничились таблицей роста продукции по основным отраслям промышленности; интересно было бы показать и рост акционерных капиталов, размеры участия иностранного капитала по отдельным отраслям хозяйства. Материалы для освещения этих вопросов имеются.

Авторы приводят таблицу бюджета России за 1905—13 годы и ничего не дают о росте задолженности царизма. Мимо этого вопроса при характеристике политики царизма пройти никак нельзя.

Вопрос о доходности промышленности во время депрессии и под'ема в книге совершенно не нашел никакого отражения. Наконец, опущена эмиссия ценных бумаг и их размещение.

Вторая глава оставляет также противоречивое впечатление: слабо освещено влияние империалистической войны на хозяйство России, особенно на промышленность, сравнительно лучше—военный коммунизм. Но и в этой главе сказался аграрный уклон умершего Н. А. Рожкова: все, что касается сельского хозяйства, сделано более тщательно и серьезно, чем в части промышленности. Относительно влияния империалист. войны на хозяйство приходится сказать, что это—самое слабое место в книге. Здесь, очевидно, сказалось и недостаточное знакомство авторов с источниками. Авторы не прикоснулись к журнальной литературе, к ведомственной литературе, как обзоры деятельности особых совещаний, к «Известиям» особых Совещаний по топливу и продовольствию. Из этих источников можно получить серьезные материалы. С документами дело обстоит совсем плохо: не использованы даже напечатанные записки Родзянко и Степанова. Не приведены сведения о военных расходах правительства. Сводка бюджета России за время войны приводится лишь по «обыкновенному» бюджету, без военных расходов. Финансирование войны союзниками, работа на оборону, мобилизация промышленности, общая тенденция дороговизны, заработная плата рабочих—вот ряд вопросов, которые в большинстве случаев совсем не затронуты. Между тем, на военную экономику надо было обратить особое внимание, так как в экономических сдвигах за время войны надо искать ключ Февральской и Октябрьской революций.

Третья глава занимает слишком много места. Авторами использован богатый материал, задеты все важнейшие стороны хозяйственной жизни. Более пропорционально распределены материалы между отдельными частями темы: промышленность, транспорт, сельское хозяйство, монополия внешней торговли, финансы, заработная плата и производительность труда—все эти вопросы нашли достаточное освещение.

Общее заключение о книге. Авторы удовлетворительно справились с частью работы: подобрали достаточно ценный материал по сельскому хозяйству и по советской экономике и значительно слабее осветили эволюцию промышленности при капитализме. В последнем вопросе пробел довольно ощутим, так как имеющегося в хрестоматии материала недостаточно для серьезного знакомства с капиталистическим развитием России.

В таком виде книга все же пригодна для пользования в рабфаках, совпартшколах II ступ. и в старших классах школ II ступени.

Арк. Сидоров.

«ИСКРА», №№ 1—52, декабрь 1900 г.—ноябрь 1903 г. Полный текст под редакцией с предисловием П. Лепешинского и со вступит. статьей Н. Крупской. Вып. I. №№ 1—7. Стр. 150. Вып. II—№№ 8—15. Стр. 148. Вып. III—№№ 16—23. Стр. 167. Истпарт. Изд. «Прибой». Л. 1925/26.

К. И. ЗАХАРОВА-ЦЕДЕРБАУМ и С. И. ЦЕДЕРБАУМ. Из эпохи «Искры», с предисловием В. И. Невского. ГИЗ. М.—Л. 1926. Стр. 162.

Н. РУБИНШТЕЙН и Г. СТОПАЛОВ. «Искра» 1900—1903. Истпарт. ГИЗ. М.—Л. 1926. Стр. 93.

Гордый ответ декабристов Пушкину—«Из искры возгорится пламя», поставленный в качестве эпиграфа на социал-демократической «Искре» полностью оправдался. Зажженным старой «Искрой» пламенем освещен целый период в истории нашей партии, о значении которого нет смысла распространяться. Чтобы вполне понять значение «Искры» и ее период необходимо ознакомиться с ее обликом, с ее содержанием, только после этого становится вполне ясным план Ленина об организации партии через газету и при посредстве газеты.

С появлением в свет изданной Истпартом (пока вышли три выпуска, охватывающие первые 23 №№) перепечатки старой ленинской «Искры», дается возможность правильной постановки изучения этого периода истории нашей партии в школьной практике. Полный комплект со всеми приложениями нелегальной «Искры» встречается ведь очень редко.

В связи с этим и в чаянии дальнейших переизданий главнейшей с.-д. литературы не мешает, думается нам, высказать несколько общих соображений о желательном типе подобных изданий. Надо помнить, что переиздание подобных «Искре» материалов становится документом, над которым и будут работать как над документом, изучая данную эпоху (пример французских Archives Parlementaires). Поэтому первое требование, которое мы пред'явим к подобному изданию—это возможная точность передачи материала. Оговоримся сейчас же, что в данном случае речь вовсе не идет о старой орфографии с ее неизбежными ъ и ѣ. придерживаться их в подобном издании было бы смешным и ненужным педантизмом. Сверяя бегло с подлинным изданием, мы разногласий не нашли, но одно обстоятельство не могло не броситься в глаза—это несоответствие верстки перепечатки оригиналу. В виду этого особенно необходимо давать хотя бы на полях пагинацию оригинала, а то у современного читателя может составиться впечатление, что «Искра» выходила тетрадками в 26 стр. (как к примеру дан № 1 «Искры»).

Это обстоятельство не оговорено редакцией. Совершенно правильно поступает редакция, что раскрывает псевдонимы или дает авторов неподписанных статей сейчас же под статьей, при чем такие вставки резонно даются в скобках, но зато неправильно поступает редакция, когда дает не подлинные имена авторов, под которыми они известны и теперь, а их тогдашние псевдонимы—В. И. Ленин даже в неподписанных статьях всюду именуется Н. Ленин, Д. Б. Рязанов—Н. Рязановым и т. п. Наконец, последнее и на наш взгляд самое важное замечание—касательно примечаний. Надо ясно отдать себе отчет в том, что «Искрой» будут пользоваться товарищи кое-что уже знающие и в области истории партии и в области марксизма. Поэтому странное впечатление производят примечания вроде примечаний к ссылке Плеханова на известное герценовское выражение—«на Западе никому и в голову не пришло высечь Спинозу или отдать Лессинга в солдаты»—Спиноза Барух (годы) знаменитый философ живший и умерший в Голландии или—Лессинг (годы) знаменитый немецкий писатель и литературный критик (стр. 146, прим. 1 и 2 вып. 3). Думается, что подобными примечаниями никто не будет удовлетворен. Если же давать комментарий к этому месту—следовало бы отметить, что, собственно говоря, имел в виду Герцен этими словами. Если же давать биографии всех упоминаемых лиц, то и места нехватит.

К тому же дело не обошлось и без курьезов: характеристика Струве дается дважды—I, 45 стр. и III, 167 стр., при чем редактором они не согласованы. В первой есть и неудачное указание на эволюцию Струве «от марксизма к кадетам», очевидно автор хотел сказать, если оставить «марксизм»—к идеализму, а если оставить «к кадетам»—от социал-демократии. В примечании на стр. 45 автор совершенно правильно останавливается на непонятном для современного читателя вопросе о сотрудничестве Струве в «Искре»—подобные указания очень важны и желательно видеть примечания именно в таком духе, то-есть дающие ключ к непонятным без такого комментария фактам.

Еще один пример неудачного типа примечания: указание в ст. «Еще о политическом разврате наших дней» № 10, стр. 57, что «Зубатов рекомендует рабочим... книги г.г. Прокоповича, Бернштейна, Геркнера»... следует на наш взгляд сопроводить указанием на то, какие именно книги названных авторов рекомендует г. Зубатов и почему. Следует указать ради курьеза и зубатовское издание книги Бернштейна, вместо же этого на стр. 65 дается общая характеристика Бернштейна, Прокоповича и Геркнера, при чем книгу последнего «Рабочий вопрос» автор примечания называет ценной по своим материалам, но характеристики ее, за что же она удостоилась одобрения Зубатова, читатель не узнает. К этой и другим статьям о зубатовщине следует дать характеристику всех либеральных соучастников зубатовщины. Ведь не случайно, что в 1912 г. к моменту ленской бойни проф. Озеров оказался не то работником, не то акционером Лензото (кстати прим. 3 на стр. 79, вып. II, путает момент процветания Лензото с предшествовавшими этому его сумерками, из коих оно вышло с помощью громадных казенных субсидий (безвозвратных, разумеется). Также не случайно, что проф. Вормс являлся в нашем суде представителем интересов концессионеров против пролетарского государства. На стр. 94, вып. II, прим. 3 о Ветровской истории слишком решительно говорит о насилии жандарма, в книге Куделли «Народовольцы на перепутьи» об насилии не говорится (стр. 28 и 40). В прим. 4—11, 20 предполагаемым автором записки Витте «Самодержавие

и земство» называется проф. М. Липинский—разве ее автор не Н. Н. Кутлер?

Одно примечание вызывает и ряд принципиальных возражений. Мы имеем в виду примечание к ст. Ленина «Рабочая партия и крестьянство» из № 3, где автор примечания указывает на ее кажущуюся «случайность и затушеванность» остальным содержанием номера. Это дело суб'ективного вкуса, но всегда ст. Ленина в этом № считалась основной до его же статьи в «Заре» об аграрной программе. Сомневаемся мы и в утверждении автора, что «она возбудила самый живой интерес среди рабочих и крестьянских масс». Думается это такое извращение исторической перспективы, что на нем останавливаться не приходится. «Искра» всегда обвинялась в те времена, что она обращается не к массе, а к передовику рабочему, но чтобы ее читали «крестьянские массы»—сомневаемся. Наконец, автор перепутал эту статью с ленинским же комментарием к аграрной программе Р. С.-Д. Р. П. напечатанной в «Заре» в 1902 г., когда говорит, что ст. «Рабочая партия и крестьянство» является лучшим исчерпывающим комментарием к принятой на II с'езде аграрной программе. Как это статья 1901 г. может комментировать программу, намеченную только в 1902 г., вызвавшую тогда же почти что раскол «Искры» (см. III Ленинский сборник) и принятую только в 1903 г.—это только одному автору этого примечания известно. Исходя из этих положений мы полагаем, что редакция настоящего издания на будущее должна обратить большее внимание на комментирующий материал.

По плану, задуманному В. И. Лениным еще в ссылке, впервые высказанному в трех его статьях 1899 г., предназначавшихся для 3 № «Рабочей Газеты», но увидевших свет только в 1925 г. в III Ленинском Сборнике, будущий орган должен был явиться коллективным организатором партии. Для этой цели и созданы были раз'ездные агенты «Искры», которые на местах постепенно и завоевали партию в пользу искровского направления.

Вот почему крайне важны воспоминания К. И. Захаровой-Цедербаум и С. О. Цедербаума (Ежова), так как они нам дают картину работы на местах этих агентов «Искры», профессиональных революционеров, на необходимости создания которых и заострено «Что делать». Ленин вел с агентами «Искры» в России оживленную переписку, чем и создавалось организационное единство партии на основе программного единства. Плеханов как-то в это время жаловался в письме Ленину на то, что для Ленина «Искра» является всем, а «Заря» золушкой и выговаривал за это. Теперь из появившейся в III и IV Ленинских Сборниках переписки редакции «Искры», из «Писем Аксельрода и Мартова», из «Переписки Плеханова и Аксельрода», мы знаем, что тройка (Ленин, Мартов, Потресов) сознательно выбрали Мюнхен вместо Женевы местом пребывания редакции. Не говоря уже о трудности редакционной работы с Плехановым, о чем свидетельствует запись Ленина еще осенью 1900 г. («Как чуть было не потухла «Искра»), из вышеприведенного места из письма Плеханова Ленину ясно видно, что ему было чуждо понимание роли газеты как организатора партии. Эта работа нам еще неизвестна (институт Ленина только подготовляет к печати переписку «Искры» с товарищами в России) и пока о ней мы можем судить только по отрывочным данным—нам известно письмо Ленина Глебову-Носкову по организационному вопросу, известно опубликованное в 1904 г. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», также в воспоминаниях Ежова-Цедербаум мы находим ссылки на подобные письма. Вот почему воспоминания К. Захаровой-Цедербаум и С. Цедербаума-Ежова, которые были убежденными искряками и раз'ездными агентами «Искры», представляют большой интерес и большую историческую важность. Из них мы узнаем, с какими реальными трудностями в среде интеллигентов — социал-демократов приходилось сталкиваться «Искре».

Вот что пишет о задачах агентов «Искры» К. Захарова (стр. 17): «В виду тех задач, которые себе ставила «Искра», ей было необходимо соприкасаться со всеми слоями, чтобы было возможно следить за всеми проявлениями русской общественной мысли, и отзываться на них с с.-д. точки зрения. Связь с фабриками и заводами обеспечивалась постоянной связью с местными организациями. «Искра» не стремилась создавать на местах новые чисто «искровские» организации. Она не хотела вносить раскола и расстройства в местную работу и только там, где она встречала явное противодействие распространению ее литературы, ей приходилось создавать свою группу для ведения местной работы. При обострении борьбы с представителями отживших взглядов, ей в дальнейшем пришлось пойти на это в ряде городов. Но первоначально на нас многочисленных агентов «Искры» возлагалась задача установить дружественные отношения с местной организацией, снабжать ее для распространения «Искрой» и иной литературой, получать через нее корреспонденции и иные материалы для газеты, а также самостоятельно заводить с этою целью знаком-

ства в «обществе», используя их также для собирания средств, получения квартир для транспорта, явок, адресов для писем. Это, конечно, не исключало косвенного воздействия на постановку работы местной организации. Агент «Искры» не ограничивался выполнением своих непосредственно организационно-технических задач. Встречаясь с местными работниками, он старался воздействовать на них в определенном направлении, критиковал, если надо было, характер местной работы, предлагал новые методы. Когда «Искра» несколько упрочилась, она через своих агентов добивалась вынесения местными комитетами постановления о солидарности с нею и признании ее руководящим органом».

А сопротивление, непонимание на местах, пропитанных еще к тому же своеобразным местным «кустарным» патриотизмом было велико—приведем только два примера. Вот одессит «крайне, абсурдно-правый сторонник «Рабочей Мысли» Батырев» руководитель одесской организации, отстаивающей следующие положения: «всякое правительство представляет собою равнодействующую наличных общественных сил» и поэтому надо только изменить удельный вес пролетариата—и само собою без всяких усилий, падет самодержавие; что законодательство лишь регистрирует достигнутое в жизни, а потому свободу стачек рабочие получат если будут устраивать их, не взирая на запрещение их, что таким же путем они обеспечат свободу печати, если будет расти и множиться свободная, выходящая нелегально рабочая печать. Таким путем не ведя непосредственной борьбы против существующего правительства, не ведя политической борьбы, рабочий класс в результате своей повседневной борьбы за непосредственные интересы автоматически завоюет тот политический строй, какой ему необходим» (25). Это в Одессе, а в Петербурге в это время «сторонники «Рабочей Мысли» сжигали Манифест партии, выпущенный после состоявшегося с'езда, потому что такое чтение—отрава для рабочих, затуманивание их голов» (43).

Мы выше указали, что только еще начата публикация материалов, относящихся к организации «Искры», почему написать историческую монографию об «Искре» еще невозможно: пример — только из материалов, опубликованных в III и IV Ленинских Сборниках, мы узнали о серьезнейших разногласиях внутри редакции, прежде со стороны казавшейся совершенно монолитной, откуда всегда проистекало чувство полнейшего недоумения, когда впервые приходилось узнавать о расколе на II с'езде, а главнейший материал по переписке «Искры» с Россией еще только ждет своего опубликования. Вследствие этого работа т.т. Рубинштейна и Стопалова является только хорошим введением для популярной истории «Искры». В своей книге авторы рассказывают о том, как зародился у Ленина еще в Сибири план сорганизовать партию посредством всероссийской газеты, и о том, как этот план был проведен последовательно в жизнь. Дается вместе с тем и картина роста искряков и организация агентов, работа которых, направляемая Лениным, и создала партию. Работа т.т. Рубинштейна и Стопалова вышла к 25-летнему юбилею «Искры».

Будем надеяться, что с опубликованием полностью всех мельком указываемых нами материалов будет написана монография по искровскому периоду нашей партии, периоду, особенно важному потому, что те организационные идеи, которые закрепились у В. И. Ленина в результате его работы в Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, были за этот период проверены двумя опытами: одним отрицательным — отрицанием старых основ поклонниками нового направления, на деле проводившими попятное направление в РСДРП, и другим—положительным—завоеванием российских комитетов организационными основами будущего большевизма. Эта двойная проверка показала верность искровских организационных основ главным целям и задачам революционной социал-демократии в России.

Пока же в книге т.т. Рубинштейна и Стопалова мы имеем недурное введение в изучение искровского периода, в легко написанных воспоминаниях К. Цедербаум-Захаровой и С. О. Цедербаума-Ежова живую и образную картину практической работы искровских агентов на местах, а в воспроизведенных №№ «Искры» читатель найдет ту «общественную» и классовую обстановку, в которой вела свою линию «Искра», и сумму тех идей, с которыми «Искра» выступила на фоне развертывавшейся накануне революции 1905 г. классовой борьбы в России.

Ст. Кривцов.

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРЫ. 1916—1917 г. Том V. С предисловием Покровского. Госиздат. 1927. Стр. 303.

V том переписки Николая и Александры Романовых охватывает конец 1916 года и первые месяцы 1917 года. Кончается он февральской революцией, соединившей странствующего по фронтам Николая Романова с семьей под арестом в Царском Селе. Этот том, как

и предыдущие, дает большой и ценный материал, вскрывающий закулисную сторону царизма. Он обрисовывает, как и предыдущие тома, активную роль Распутина; теперь все более и более перед носителем самодержавия встает вопрос грядущего кризиса, продовольственный вопрос начинает привлекать к себе внимание Николая Романова, и он откровенно сознается в одном из своих писем, что в этом вопросе он ничего не понимает. «Я никогда не был купцом,— пишет Николай Романов,—и просто ничего не понимаю в этих вопросах о продовольствии и снабжении». Если Николай сознавал, что есть вопросы, в которых он ничего не понимает, то Александра Федоровна находила, что она отлично во всех делах разбирается, в особенности, когда передает советы Распутина. В одном из своих писем Александра Федоровна говорит: «Я больше уже ни капли не стесняюсь и говорю по русски с быстротой водопада и они имеют любезность не смеяться над моими ошибками; они видят, что я полна энергии и передаю тебе все, что слышу и вижу, что я твоя опора, очень твердая опора в тылу и что, уповая на божью милость, я могу быть тебе немножко полезной. Шах. просил разрешение приходить во всех трудных случаях; Бобр. тоже, а Шт. приходит каждую неделю так, что, может, мне удастся их об'единить. Я настойчива и твержу одно и то же, а наш друг поможет мне советом» (стр. 54).

Самодержавие фактически находилось в руках помогавшего советами «друга» Распутина: Александра Федоровна настойчиво требовала осуществления советов Распутина как от Николая, так и от его министров. «Друг» вмешивался во все. Наступления на фронте чрезвычайно интересовали Распутина и хотя Николай отлично сознавал, что о предполагающихся военных планах не всегда следует говорить даже такому ясновидцу, каким являлся Распутин, по крайней мере в одном из писем Николай, сообщая о предполагаемых планах наступления на фронте Александре Федоровне пишет, что это должно остаться тайной для всех и для Распутина в том числе. «Эти подробности только для тебя одной. Прошу тебя, дорогая, передать ему только папа приказал принять разумные меры» (стр. 64).

Распутин вмешивался во все назначения, Распутин распоряжался наступлениями на фронте. Все, кто не желал подчиняться влиянию Распутина, в глазах Александры Федоровны становились врагами династии. Она так и писала, что эти люди враги, не наши люди, они не хотят слушать Распутина. Особую ненависть Александры Федоровны возбуждали представители буржуазии. Ей казалось и не без основания, что между высшим командным составом в лице Алексеева и представителями буржуазии в лице Родзянко и Гучкова назревает какое-то соглашение. В целом ряде своих писем она к этому возвращается. В одном из своих писем она пишет о Родзянко: «Как бы я хотела, чтобы Родзянко повесили. Ужасный человек и такой нахал» (стр. 36). В другом месте, сообщая о перехваченной переписке между Алексеевым и Гучковым, она пишет: «Идет переписка между Алексеевым и этой скотиной—Гучковым, и он начиняет его всякими мерзостями. Предостереги его. Это такая умная скотина, а Алексеев бессомненно, увы, станет прислушиваться к тому, что тот говорит ему против нашего друга и это не принесет ему счастья» (стр. 38). В другом месте она опять возвращается к этому вопросу, указывая на то, что представители буржуазии хотят связаться с высшим командным составом. «Родзянко и Гучков действуют сейчас за одно и они хотят обойти сейчас Алексеева, утверждая будто никто не может работать против них. Его дело заниматься исключительно войной» (стр. 43).

Александра Федоровна требовала изолировать Алексеева от влияния Гучкова, ей был необходим свой собственный преданный ей Совет министров. Александра Федоровна усиленно указывала Николаю желательных с точки зрения Распутина и ее министров и когда Николай на фронте, в ставке попробовал было назначить министров по своему усмотрению и выбору, то Александра Федоровна засыпала его целым градом писем и телеграмм с требованием подумать, не решать одному, подождать и т. д. В письмах Александра Федоровна касалась вопросов внутренней и внешней политики. Ее письма представляют целый ряд практических советов и указаний относительно тех или других политических мероприятий. Александра Федоровна требовала от Николая вмешательства в процессе Сухомлинова. Она утвеждала, что процесс Сухомлинова останется на веки «на нашей совести».

Смерть Распутина оставила Александру Федоровну одну, и вынудила Николая спешно приехать в конце декабря в Царское Село. С конца декабря и до начала февраля Николай пробыл в Царском Селе. Новая серия писем охватывает момент февральской революции. В них интересна оценка февральской революции, падающей монархии. С первого момента февральской революции Александра Федоровна решила, что это — хулиганское движение. Развертывающиеся события доказали, что

это последняя схватка. В эти дни Александра Федоровна пыталась бороться за существование самодержавия до последней минуты. В ее письмах есть ряд указаний на то, как по ее мнению нужно бороться. 25 февраля она высказывала мысль о необходимости иметь в распоряжении кавалерийский полк, который установил бы порядок; 26 февраля она указывала в своем письме на необходимость ввести карточную систему на хлеб, что уже сделано было в других странах. У нас же,—писала она—«идиоты». В ответ на письмо Александры Федоровны 26 февраля Николай извещал, что беспорядки будут подавлены. Последнее письмо послано было Александрой Федоровной 4 марта. 3 марта Александра Федоровна уже знала об отречении Николая. В письмах 3 и 4 марта она возвращается к вопросу об отречении, указывая на то, что это отречение вынужденное и что вопрос о новом возвращении династии и завоевании власти Романовых стоит как насущная задача перед нами...

Переписка снабжена именным указателем встречающихся в изданных томах собственных имен. Здесь указывается, где встречается данное лицо, и иногда даются краткая биография и даты, иногда не даются, указатель не выдержан в смысле данного в нем материала. Указано не только, где встречается то или другое лицо, но делаются попытки дать биографическую справку. Эти справки нужно было или давать полностью, как это сделано о некоторых, например, о Витте; или же не давать вовсе. Указатель производит впечатление случайной незаконченной работы.

Изданный том снабжен предисловием М. Н. Покровского.

С. Пионтковский

Е. И. МАРТЫНОВ. Царская армия в февральском перевороте. Л. Изд. воен. тип. Упр. Дел. Наркомвоенмор и РВС СССР. 1927. С. 212. Т. 3.000 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Разбираемая книга принадлежит перу старого военного писателя, первая работа которого относится к 1894 г., но она не носит специально военного характера. Наоборот, в предисловии к ней подчеркивается, что ряд достоинств «делает (ее) несомненным вкладом в нашу общую литературу о февральской революции» (стр. 7).

Но именно вот это-то положение и заставляет особенно внимательно подойти к книжке. В работе, посвященной революции и армии, совершенно необходим четкий марксистский подход, однако здесь-то и обнаруживаются наиболее уязвимые места книжки. Следует подчеркнуть, что автор предисловия, т. Горев, сам сделал ряд дополнений, серьезных поправок и оговорок к отдельным местам книги. Но, вероятно, трудность его положения, как автора предисловия, не дала ему возможности со всей резкостью и определенностью поставить точки над «и» в тех местах, где автор допускает особенно грубые ошибки, давая свою концепцию отдельным проблемам февральской революции.

Нужно прежде всего подчеркнуть, что заглавие книги совершенно не отвечает ее содержанию. Подчеркиваем это гораздо резче, чем это отмечается в предисловии. Автор ограничился «почти исключительно петроградским гарнизоном и действиями командующих фронтами»—читаем на стр. 7. Но фактически даже гарнизон и его действия не разобраны достаточно подробно. На стр. 58 перечисляется свыше 20 крупных частей, указывается на ряд школ, устанавливается численность гарнизона до 160.000 (стр. 59), а в книжке говорится только о 3—4 частях гарнизона, упоминаются 1—2 запасные пулеметные полки, гвардейский экипаж, причем делается это очень бегло, без какого бы то ни было описания настроения солдат, влияния на них рабочих, жизни казарм в эти дни и т. д. Восстали, убили командира, захватили оружие, выступили на улицу—и почти все.

Основной материал посвящен переговорам правящих кругов, связанных с отречением Романова. Так что правильнее было бы назвать книгу, напр., «Свержение (или отречение) Николая Романова» (по документам и воспоминаниям). Над автором довлеют старые, немарксистские методы; и в основе всей его работы лежит не армия, не классовый анализ событий, а действия и переписка ставки, генералов, царя, министров и Думы. Суммирование и разбор воспоминаний и отдельных документов, написанных «вождями» дореволюционной России—вот на чем фиксирует внимание автор. И ясно, что, идя по этому пути, совершенно не желая использовать марксистские работы, он допускает ряд ошибок, к рассмотрению которых и перейдем.

Автор в первой главе касается исключительно положения в армии перед революцией ставя задачу вскрыть основные причины революционизирования армии и переход ее в П-де на сторону восставшего пролетариата. Автор дает следующий перечень причин: 1) недоверие к высшему командному составу (стр. 19); 2) негодование против военного министерства, не сумевшего в период решительных боев обеспечить армию (стр. 27); 3) отсутствие близости между офицерами и сол-

датами (28); 4) тяжелое положение семейств (30); 5) озлобление против буржуазии, нажившейся от войны (34); 6) возмущение самоуправством придворной камарильи, которая игнорировала желания народа (читай—буржуазии. Р.)—(37); 7) слухи об измене (39); 8) недовольство союзниками (40) и 9) утомление войной и жажда мира (41).

Не будем останавливаться на том, что даже в его постановке следовало бы все причины расположить в большей последовательности, соответственно удельному весу каждой из этих причин. И в этом случае у автора была бы та же путаница.

У автора основных причин—земли и свободы—совершенно нет. А требование мира у него перемешалось с такими—второ- и третьестепенными причинами, как негодование против военного министерства, рознь между солдатами и офицерами.

Не учитывая классовых прослоек армии (пролетариат, крестьянство, мелкая и крупная буржуазия), автор, ничто-же сумняшеся, суммирует в одно целое без какой бы то-ни было оговорки эти совершенно различные, а главное приводящие к прямо противоположным выводам, причины.

Требование мира—оно отвечало интересам пролетариата и крестьянства. Отсюда борьба за мир с их стороны—поддержка большевиков. А недовольство двором, слухи об измене—они отражали боязнь буржуазии, что восторжествует германская ориентация и будет заключен сепаратный мир с Германией, отсюда требование войны до победного конца, борьба с большевиками.

Перечисленные автором причины влияли не на армию в целом, а на отдельные ее прослойки. И если все же армия в самые первые дни революции против самодержавия выступила в целом, то лишь потому, что на время здесь, как и в революции вообще «в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления» [1]) (курсив всюду Ленина. Р.). Вот этого-то как раз Мартынов и не учел в своей книжке.

Вопросу о характере революции, о движущих силах ее, о гегемонии пролетариата в революции и проблеме союза с крестьянством (в данном случае—армия) автор не уделяет и нескольких строк. Поэтому у него основная сила в вооруженном восстании не рабочий класс, а армия. Именно бунты в полках и выступление последних с оружием привели к вооруженному восстанию, ну, а пролетариат—это такая величина, которой в вооруженном восстании можно пренебречь, ей и уделено всего несколько слов.

Ну, а раз вооруженное восстание сводится в основном к выступлению войска, то, конечно, в вооружении рабочих надобности нет. Больше того, с вооружением рабочих, с организацией рабочих дружин—надо бороться. И тут автор подчеркивает (и неоднократно) тактику т. Шляпникова, отказывавшегося снабжать рабочих оружием и содействовать им в организации боевых дружин. Это автору страшно нравится, и те места из книги Шляпникова «1917 г.», где об этом говорится, автор неоднократно цитирует и комментирует. Автор пытается оправдать одно из очень спорных, если не сказать ошибочных, мероприятий тов. Шляпникова, при чем делает это так, что и сам тов. Шляпников не поблагодарит его.

Как известно, тов. Шляпников в первые дни февральской революции, несмотря на требование рабочих, запрещал им организацию боевых дружин и отказывался от снабжения рабочих оружием. Это не значит, что он был против вооружения рабочих; он только считал более целесообразным, чтобы рабочие *сами доставали* оружие от солдат, в казармах и т. п., считая, что таким путем и солдат можно будет легче привлечь на сторону восставшего пролетариата (см. «1917 г.»—книга I, стр. 67, 105, 122, 134 и др.).

Такую постановку вопроса нельзя считать правильной, ибо агитация среди солдат, получение от них оружия не исключает вооружения рабочих другими путями и организации боевых дружин. Партия всегда учитывала и предлагала и то и другое. В резолюции «о демонстрациях», принятой 2-м с'ездом партии, рекомендуется: «... 4) должны быть применяемы меры для того, чтобы в случае необходимости демонстранты могли дать активный и по возможности *вооруженный* (курсив здесь и дальше мой—Р.) отпор полицейским ордам; 5) Ввиду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об *ознакомлении* солдат с характером и целью демонстрации и призвать их к *братанию* с народом; следует *не допускать ненужного раздражения* их со стороны демонстрантов» [1]).

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 9.

[1]) В. К. П. (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций (1898—1926 г.г.) изд. 3-е. ГИЗ. 1927 г. стр. 21.

Таким образом в резолюции даже не о вооруженном восстании, а пока только о демонстрациях, в полной мере учтены и необходимость вооружения рабочих, и агитации среди них и осторожного подхода к ним.—Совершенно очевидно, что все эти указания сохранили силу для дальнейшего. Уже в резолюции III с'езда «о вооруженном восстании» предлагается: « . . . . в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата» [1]) Далее в предложенной большевиками на IV с'езде резолюции о «вооруженном восстании» также говорится: «... 4) что следует развить еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин..., 5) что необходимо усилить работу в войсках, имея при этом в виду, что для успеха движения недостаточно одного брожения в войсках, а необходимо прямое соглашение с организованными демократическими элементами войска в целях самых решительных наступательных действий против правительства» [2]).

Наконец специальная конференция военных и боевых организаций РСДРП (в ноябре 1906 г. [3]) подробнейшим образом, на основе учета опыта 1905 г. *определяет тактику партии в вооруженном восстании*. Таким образом, совершенно ясно, что односторонние мероприятия т. Шляпникова не отвечали задачам момента и правы были рабочие, упорно требовавшие от него оружия. В ответ на критику его действия т. М. Н. Покровским, т. Шляпников сообщил ему, что действовал таким образом исполняя директиву ЦК нашей партии. «Но,—замечает тут же Покровский,—сам я этой директивы не видал, и точное содержание ее мне не известно» [4]).

Вернемся к Мартынову.

Его изложение отношения бюро ЦК партии о привлечении на сторону народа армии не совсем соответствует повествованию Ш.—Чем это вызвано?—Тем, что автору необходимо было как можно резче подчеркнуть с его точки зрения совершенно правильное мероприятие Ш., запрещавшего организации дружин и вооружение рабочих. Для этого он: 1) переоценивает роль армии, 2) излишне подчеркивает одиночные голоса, недооценивавшие необходимость активного вовлечения армии в борьбу рабочего класса с царизмом, 3) не точно передает их истинное отношение к армии (ставка на нейтрализацию ее) и к вопросу о боевых дружинах (для борьбы с полицией, и 4) целиком и полностью (без единого возражения) принимает ошибочную тактику Шляпникова.

На этом моменте М. останавливается неоднократно. Так на стр. 77, описывая события 25 февраля, он снова цитирует из Шляпникова, как последний «решительно отказывал в поисках оружия всем». Описывая события 26 февраля (стр. 89), он отмечает, что на вновь поднятый Выборгским райкомом вопрос о снабжении рабочих оружием Бюро ЦК, в лице Ш., опять ответило категорическим отказом.

Наконец, в последней главе «Заключение» он подчеркивает, «что в особую заслугу Бюро Центрального Комитета должно быть поставлено то, что оно сумело удержать некоторых увлекшихся деятелей, неоднократно настаивавших на безотлагательном формировании боевых дружин» (стр. 209) и—что следует из других его замечаний, ранее цитированных—от вооружения рабочих вообще.

Мы видим, что то, что автор считает «особой заслугой Бюро ЦК»—в основном принадлежит Шляпникову и вовсе заслугой не является.

Так вопрос чисто тактического порядка у Ш. (каким путем вооружать рабочих) он поставил в плоскость уже чисто принципиальную (нужно ли вооружать рабочих) и, исходя из совершенно неправильных предпосылок, разрешил его отрицательно: так как исход восстания или революции зависит от армии, то вооружение рабочих и организация боевых дружин заранее и в момент восстания (революции) ненужны.

Но это не наш, не большевистский вывод; за такой «рецепт» рабочий класс и братские компартии нас не поблагодарят. Нам, свидетелям борьбы вооруженных рабочих организованных в дружины (красная гвардия) — в Октябре 1917 г.—несмотря на то, что армия и в частности Питерский гарнизон, были в основной своей массе на стороне б-ков; нам свидетелям борьбы с вооружением рабочих у нас в 1917 г. со стороны всех правых партий в Германии, в Китае—сейчас и т. п. таких выводов не надо. Наш путь—вооружение рабочих, ибо рабочий класс гегемон революции. Попытка Мартынова пересмотреть вопрос о вооружении рабочих и их роли в вооруженном восстании встретит решительный отпор.

Непонимание того. что происходило, видно у автора и по другим вопросам. Особенно бросается это в глаза в тех местах, где автор говорит о том, что большевики были со своей «пораженческой» точки зрения заинтересованы в подрыве боеспособности армии и ускорении ее разложения (стр. 138, 212). Особенно подчеркивает роль приказа № 1 в разложении армии. О действительной роли

[1]) Там же, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 51.
[3]) Там же р. 77—80.
[4]) См. Покровский, „Очерки по истории рев. движения в России XIX и XX в.в.“ ГИЗ. 1927 г. Изд. 2, примечание на стр. 180.

приказа № 1 говорит в предисловии тов. Горев, поправляя ошибку автора. Он же отмечает ошибочность взгляда, будто бы большевики были пораженцами после революции.

Разлагали ли большевики армию, понимая под разложением дезертирство, сдачу в плен, отказ от исполнения приказаний, призывы к грабежам, избиению офицерства и т. д., т.-е. все то, в чем в 1917 г. обвиняли б-ков? Если Мартынов думает, что большевики выдвигали такие лозунги, то он, очевидно, не знаком с тем, что по этому поводу говорил, т. Ленин: «Остановлюсь на одном месте из речи Камкова, где он указал, что... мы... участвовали в разложении армии. Воистину, попал пальцем в небо. Он слышал, что мы были пораженцами и вспомнил об этом тогда, когда мы пораженцами быть перестали. Мы были пораженцами при царе, а при Церетелли и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко... опубликовал по армии: «почему я еду в Питер». Он сказал: «к бунтам мы вас не зовем»... Я утверждаю, что мы, начиная с этого воззвания... которое не было первым и которое... особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт» (т. XV, стр. 180).

Вот, как ставился вопрос.

Непонимание того, что было, мы встречаем у автора и в ряде других мест. Чего стоит такое, безоговорочно сделанное, утверждение, что «между ними (Вр. Пр-ство и Совет Р. и С. Д.) с первого же дня началась борьба за армию, причем Вр. Пр-ство опиралось на м-ков и офицерство, а Совет Р. и С. Д.—на солдат» (ст. 212).

Не Вр. Пр-ство—против Советов, а Вр. Пр-ство при поддержке Советов (соглашательских) — против пролетариата — вот между кем шла борьба. И то такая постановка вопроса нуждается в ряде уточнений в соответствии с различными этапами революции. Одно дело до июльского наступления и июльских дней; другое дело до Корниловского мятежа; третье—в период от Корнилова до октября.—Сплошная постановка вопроса, как у Мартынова, только путает вопрос.

«Роль личности», как уже отмечалось выше, довлеет над автором. Чего стоит, напр. такое утверждение: « . . . . государь... боялся войны и был вовлечен в нее кучкой шовинистов, во главе коей стоял великий князь Николай Николаевич, мечтавший о славе полководца» (стр. 44). Но зато об интересах и роли торгово-промышленного капитала почти ничего не найдете. Или: «Монархия в России рухнула не от замены Алексея Михаилом, а по той причине, что Романовская или, точнее, Гольштейн-Готторпская династия успела уже совершенно дискредитировать в глазах народа монархический строй» (стр. 182).

Резюмируем: автор проделал очень большую и очень интересную работу по подбору материала, относящегося к первым дням февральской революции. В этой части книга представляет определенный вклад в литературу о феврале. Но отсутствие у автора марксисткого мировоззрения, неумение диалектически подходить к материалу привели его к тому, что в важных, принципиальных вопросах он допустил грубые ошибки. И об этих ошибках следует помнить каждому, кто возьмет в руки его книжку.

С. Рабинович.

С. КУНИСКИЙ и В. ПОЗНЯКОВ. Общинные земли в эпоху Великой Французской революции. Под редакцией и со вступительной статьей Н. М. Лукина. Изд. Ком. Академии. 1927. Стр. 169.

Судьбе общинных земель и классовой борьбе из-за них в Англии посвящена огромная литература. Этот вопрос привлек к себе не одно поколение исследователей, между тем как та же проблема во Франции освещена до сих пор самым скудным образом: даже в специальных исследованиях аграрного строя дореволюционной Франции общинным землям уделялось недостаточное внимание. Уже в силу изложенных обстоятельств рецензируемая книга приобретает большой интерес: ее значение увеличивается и вследствие того, что написана она марксистами. Она представляет в основном опыт марксистской интерпретации важнейшего источника, освещающего состояние общинных земель в эпоху революции — материалов, опубликованных Бурженом (Bourgin. Le partage de biens communaux. Collection des documents inédits sur l'histoire économique de la Revol. Franç. Paris. 1908).

Книга открывается кратким очерком тов. Лукина, выясняющим положение общинных земель накануне революции. Проникновение товарно-денежных отношений во французскую деревню шло значительно медленней, чем в Англии, это определило темп ломки старых феодальных форм землевладения и землепользования и, в частности, замедлило процесс исчезновения одного из существеннейших элементов аграрного строя феодальной эпохи — общинных угодий. Все же уже в XVI веке с полной определенностью обнаруживаются тенденции со стороны сеньеров к захвату общинных земель. Это явление принимает постепенно столь значительные размеры, что понуждает правительство принять

ясно пренебрегала интересами пользователей и нанесла им явный ущерб своими решениями. В общем «Конституанта во всем своем законодательстве упорно становилась на точку зрения помещика, принимая всегда его интерес, его право собственности и его претензии за первичные по сравнению с таковыми крестьян».

Легислатива приступила к законодательной работе в значительно изменившихся условиях. Возросла активность крестьян, увеличилась их требовательность, изменился, наконец, самый классовый состав Собрания и «Комитета Земледелия», которому-то и поручено было рассмотрение вопроса об общинных землях. Деятельность этого собрания оказалась значительно плодотворней, тому причиной прежде всего были крестьянские бунты. Собственно декретом от 14 августа раздел общинных земель был разрешен в положительном смысле, но так и остался нерешенным вопрос о способах раздела. Характерно, что Законодательное Собрание в общем склонялось к такому решению, которое удовлетворяло бы уже не помещика, а богатого крестьянина.

Общее решение о разделе общинных угодий не могло, однако, удовлетворить широкие крестьянские массы, а так как окончательное решение затягивалось, то деревня сама приступила к ликвидации общинного земледелия. Теперь уже почти все деревенское население решительно высказывается за раздел. Кстати, автор очень убедительно опровергает точку зрения Кропоткина, считавшего бедняцкую часть деревни ревностными сторонниками общинного землевладения. В действительности происходило как раз обратное. Классовая борьба в деревне приобретает все более и более острый характер; будучи направленной на первых порах против феодалов, она постепенно разворачивается в борьбу между различными слоями крестьянства: в некоторых случаях делаются даже, правда, неудачные, попытки отобрания части земли у деревенских богатеев. Положение вещей требовало вмешательства государственной власти и скорейшего законодательного решения вопроса. Закон 10 июля разрубил узел противоречий и в общем разрешил вопрос в интересах малосостоятельных слоев деревни. Позднейшие попытки прекратить раздел общинных земель в эпоху директории (декрет 9 июня 1796 года) и империи (9 брюмера VIII года) не смогли серьезно отразиться на процессе ликвидации общинного землевладения. Аграрная революция была свершена.

В общем книга представляет собой ценный вклад в научную литературу по аграрной истории Франции, мимо нее не сможет пройти специалист. Широкому читателю она, конечно, малодоступна. Отметим еще некоторые стилистические шероховатости и не всегда удачный перевод.

С. Красный.

П. П. ЩЕГОЛЕВ. Заговор Бабефа. «Прибой». Л. 1927. Стр. 206. Ц. 2 р.

Несмотря на довольно значительное количество книг, посвященных Бабефу, в марксистской литературе по этому вопросу до сих пор все же был довольно значительный пробел. Если оставить в стороне популярные брошюры, вроде, очень впрочем неплохой работы Мориса Доманже [1]), а также и переведенного Ю. Стекловым сборника Альберта Тома [2]), то все, что мы до сих пор имели в марксистской научной литературе, посвященной «заговору равных» и его вождю, исчерпывается очерком В. П. Волгина [3]) и «Гракхом Бабефом» А. М. Пригожина. Но очерк В. П. Волгина, при всех его несомненных достоинствах, посвящен только одному—и притом довольно узкому—вопросу, а книга Пригожина, как это и было отмечено в прессе, основана на изучении лишь очень небольшого числа источников. Таким образом, в научной марксистской литературе о Бабефе до самого последнего времени имелся совершенно несомненный пробел, и мы полагаем, что только что вышедшая работа П. П. Щеголева этот пробел заполняет. Как отмечает в своем предисловии автор рецензируемой книги, первоначально она проэктировалась в виде популярного биографического очерка и лишь потом переросла в самостоятельную научно-исследовательскую работу. Это отчасти отразилось на характере книги; главам II—VII, носящим чисто исследовательский характер предпослана чересчур популярная гл. I («Исход Великой Французской Революции»), врядли уместная в работе подобного рода. Этим, пожалуй, и исчерпываются все упреки, которые можно сделать автору. Переходя к положительным сторонам «Заговора Бабефа», следует прежде всего отметить, что П. П. Щеголев широко использовал все первоисточники, какие только имеются в Ленинграде, в частности, газеты Бабефа «Journal de la Libertè de la Presse» и «Tribun du Peuple», а также его брошюры: «Du systéme dépo-

[1]) Maurice Dommanget. „Babeuf et la conjucation des Égaux“. 1922. Русский перевод в изд. „Прибой“.

[2]) Бабеф.—Учение Равных.

[3]) В. П. Волгин. „Идейное наследие бабувизма“ в книге „Очерки по истории социализма“.

puiation, ou la vie et les crimes de Carrier» и «Voyage des Jacobins dans les quatre parties du monde». Кроме первоисточников в собственном смысле слова, использованы также документы о термидорианской реакции, изданные Оларом [1]), богатая отрывками из источников книга Адвиэля [2]) и т. д. Исходя из всех этих материалов, П. П. Щеголев в своей книге чрезвычайно подробно прослеживает генезис теоретических воззрений Бабефа (этой теме посвящены главы II, III и V), и об'ясняет и как социально-экономическими и политическими условиями эпохи (гл. III и особенно IV), так и идеологическим воздействием предшествовавших Бабефу теоретиков, на первое место среди коих автор выдвигает Морелли (гл. VI). При этом автор не ограничивается анализом развития теоретических взглядов Бабефа, но чрезвычайно подробно освещает эволюцию его тактических принципов, причем особенно интересны страницы, посвященные рассмотрению истории перехода Бабефа от его анти-робеспьеризма к полному приятию всех основ террористической системы 1793—1794 г.г.

Что касается самого заговора 1796 г., рассмотрению которого посвящена седьмая и последняя глава, то здесь П. П. Щеголев, не имея под руками необходимых первоисточников, все же сумел дать вдумчивый и марксистски-продуманный анализ этой попытки, которую он вполне правильно рассматривает, как результат тактического об'единения весьма разнородных по своей классовой природе элементов—остатков мелкобуржуазной якобинской партии с одной стороны и представителей интересов полуремесленного пролетариата того времени—с другой. Точно так же автор безусловно прав, когда утверждает, что и независимо от предательства Гризеля «вряд-ли бабувистам удалось бы захватить власть в Париже даже на один день» (стр. 202). Победа бабувистского блока решительно противоречила бы всем об'ективным задачам французской революции, и поэтому «заговор равных», *неизбежно обреченный на неудачу*, интересен нам не столько с точки зрения своего влияния на события того времени, сколько по линии изучения социалистических систем, легших в основание научного социализма. С этой точки зрения теория и тактика бабувизма заслуживает, без всякого сомнения, самого внимательного изучения, и работа П. П. Щеголева достойна занять достойное место в ряду марксистских научных работ по истории социализма.

Як. Захер.

М. М. АЙЗЕНШТАТ. *Революция* 1848 г. во *Франции*. (История Франции I половины XIX в.). Из серии «Библиотека для работы по Дальтон-плану». Стр. 102. Ц. 80 к. Изд. Брокгауз-Ефрон.

Настоящая книжка принадлежит к серии книжек, выходящих под общим заглавием: «Рабочая библиотека по Дальтон-плану». Появление ее (как и всей предполагаемой к выпуску серии) вызвано, как указано в предисловии от редакции, отсутствием нужной для рабфаков, доступной по форме и содержанию литературы по истории классовой борьбы. «Рабочая библиотека по Дальтон-плану берется восполнить этот пробел. Книжка имеет в виду читателя, ищущего серьезного содержания, но в незамысловой форме».

Данная книжка, как и повидимому, вся серия «Рабочая библиотека по Дальтон-плану» ставит себе двойную задачу: дать не только доступное по форме изложение исторического материала, но и «сырой» документальный материал для самостоятельной проработки его студентами-рабфаковцами.

Содержание книжки охватывает обширный период, начиная с эпохи Реставрации и кончая последним этапом февральской революции—2 декабря 1850 г. В главы, излагающие события, вкраплен материал, большей частью в виде выдержек из лучших произведений, посвященных этой эпохе (из Маркса, Ленина, Герцена, Токвиля); очень редко автор прилагает выдержки из исторических документов. Первая часть—до февральской революции, занимающая большую половину книжки (56 стр. из 102), является наиболее слабой. Она почти сплошь состоит из авторского изложения, в ней мало выдержек и еще меньше документального материала.

В этой части имеется много ляпсусов и ошибок, недомолвок и противоречий, не говоря уже о частых повторениях. В главе I (о реставрации и июльской революции) автор не указывает экономических и политических причин Реставрации, не дает изображения обстановки, при которой она произошла. Он ограничивается только глухим упоминанием об «усталости масс» после поражения Наполеона. Картина классовых взаимоотношений того времени остается для читателя совершенно неизвестной. Глава II—об июльской монархии вызывает ряд недоуменных вопросов. Прежде всего у читателя возникает законный вопрос: какой же класс или классовая группировка стоял у власти в эпоху

---

[1]) A. Aulard. „Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le directoire".

[2]) V. Advielle. — „Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme".

Июльской монархии. Автор на этот счет не дает ясного ответа, или—вернее говоря—дает несколько противоречивых ответов. На стр. 15, напр., сказано: «Так как власть в это время (при июльской монархии. *Г.*) находилась как раз в руках крупных помещиков и крупных промышленников[1]), высокие пошлины оставались нетронутыми, как при Реставрации, так и в Июльской монархии»... и т. д.

Вслед за тем, на той же странице приводится выдержка из Маркса, гласящая: «При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а одна ее фракция, так называемая финансовая аристократия—банкиры, биржевые короли, железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов—и часть об'единившегося с ним землевладения». Это не мешает однако автору на стр. 17 говорить уже о господстве не одной определенной группы буржуазии—«помещиков и представителей тяжелой индустрии», а на стр. 25 о финансовой аристократии, «использовавшей свою близость (только близость. *Г.)* к государственной власти. Кто же стоял у власти: финансовая аристократия или помещики и крупные промышленники? На стр. 32 черным по белому написано: «Буржуазия (какая?), которая с 1830 г. является господствующим классом, должна (?) обладать или (?) образованием или (?) капиталом». Это классическое «или-или» прямо неподражаемо: достаточно, повидимому, обладать «образованием», чтобы быть причисленным Айзенштат к буржуазии (видно, к крупной, которая стояла тогда у власти). Не везет и другим классам у автора. Ремесленников, например, он отказывается причислить к мелкой буржуазии, относя их, видимо, к пролетариату: «Между рабочими и ремесленниками, с одной стороны, и крупной буржуазией, с другой, находится мелкая буржуазия, особенно многочисленная» и т. д. (стр. 31). Зато в другом месте автор значительно расширяет круг «промежуточных классов», находящихся между буржуазией и пролетариатом: сюда он относит не только мелких лавочников и торговцев, но и офицеров в отставке (?), студентов, писателей, журналистов (стр. 53).

В разделе о социалистах-утопистах автор причисляет Луи Блана к революционным социалистическим писателям (стр. 46), хотя он ниже сам же говорит, что Луи Блан надеялся «мирным путем изжить частную собственность на орудия производства путем сотрудничества капиталистов и рабочих». Айзенштат смело утверждает, что рабочим Луи Блан «предлагает встать на тот путь, который Маркс рекомендует в «Коммунистическом манифесте», вышедшем в 1848 г. (а не в 1847 г. *Г.*). Итак, Луи Блан «предлагает» пролетариату то же, что ему «рекомендует» Маркс. В чем же отличие их? Если бы автор внимательнее вчитался в приводимый им же вслед за этим отрывок из «организации труда» Луи Блана, то он безусловно пришел бы к другому заключению. А сказано там буквально следующее: «Мы требуем,—говорит Луи Блан,—чтобы государство, преобразованное в демократическом духе, приступило бы к организации общественных мастерских, которые постепенно и без потрясений заменяют частные мастерские» и т. д. (стр. 48—49).

Если Луи Блана автор превращает в революционера, то сен-симонистов и Фурье (стр. 44—45) он причисляет к коммунистам (следуя, повидимому, Вышинскому по его «Истории коммунизма»), хотя они в коммунизме не повинны. Герцена он без всяких обиняков называет социалистом.

Книжка привлекает наше внимание со стороны методической, поскольку она не является обычным популярным пособием, а ставит себе целью дать материал для самостоятельной проработки студентов по Дальтон-плану. К сожалению, с этой стороны дело обстоит из рук вон плохо. В книжке нет ни плана, ни системы, ни метода. В ней дано слишком мало материала и отрывков для самостоятельной проработки учащимся, а то, что есть, разбросано и случайно.

Выводы (и не всегда верные, а, как мы видели уже, часто противоречащие тому, что дано в прилагаемом материале), дает всегда сам автор. В тех же случаях, где это предлагается сделать учащемуся, ему дается недостаточный и несоответствующий материал В главе I, например, приводится отрывок из Энгельса, дающий характеристику взглядов Сен-Симона, и учащемуся предлагается выяснить ошибочность этих взглядов. Между тем, на основании приводимого отрывка учащийся не в состоянии этого сделать, так как в отрывке обрисована кратко социальная среда, в которой сложилось учение Сен Симона, и дана не только положительная, но прямо восторженная оценка самого Сен-Симона. Откуда же учащемуся заключить об ошибочности (исторически обусловленной, разумеется, что также следовало оговорить) взглядов Сен-Симона? Не правильнее ли было бы предложить учащемуся выяснить на основании отрывка (и, пожалуй, дополнительного материала—лучше всего из самого Сен-Симона) социально - экономические

1) Разрядка здесь, как и всюду, где это не оговорено, моя. *С. Г.*

корни учения Сен-Симона, или, например, значение его для дальнейшего развития социализма. То же с Фурье. Выяснить воззрение Фурье учащемуся предлагается по одному маленькому отрывку, дающему изображение противоречий буржуазного общества. Недостаточность этого сознает, повидимому, сам составитель книжки, потому что вслед за этим он дополняет его изложением взглядов Фурье на будущее общество (фаланстер и пр.) опять-таки вместо того, чтобы дать выдержки из самого Фурье.

«Чтобы яснее представить себе взгляды Луи Блана» прилагаются отрывки из его «Организации труда». Позволительно усумниться в том, насколько «яснее» будет представлять себе учение Луи Блана учащийся после той путаницы, которую успел уже внести в его голову автор книжки своей сногсшибательной оценкой Луи Блана, о которой мы говорили (оценку Луи Блана автор дает раньше, а затем приводит отрывок из него). Единственное правильное задание в книжке—это предложение учащемуся выяснить отражение взглядов Луи Блана в декрете об учреждении Люкс. Комиссии (это, вместе с тем, чуть ли не единственный документ в книжке).

Основной методический грех книжки, долженствующий дать материал для работы по Дальтон-плану, тот, что в ней не только слишком мало материала, но что он бессистемно, случайно, разбросан.

Гораздо правильнее поступил бы автор, если бы сам сократился, т.-е. меньше излагал бы, и в важнейших отделах (не обязательно во всех главах) вслед за кратким введением, дал бы достаточное количество соответственно подобранных приложений из документов и выдержек из классических произведений. От этого книжка несомненно выиграла бы во всех отношениях.

В общем же, первая часть книжки страдает большой путаницей, отсутствием четкости и ясности и большой разбросанностью материала. Вторая часть (о февральской революции) в целом значительно лучше первой; большим достоинством ее является уже то, что автор здесь приводит несколько больше отрывков (из Маркса и Ленина).

К достоинствам всей книжки следует отнести то, что она написана простым и доступным языком, хотя попадаются нередко стилистические погрешности. В первой части дано хорошее и живое изображение положения рабочих и крестьян в эпоху Июльской монархии. Приводимые в книжке выдержки большей частью удачны и доступны для массового читателя но эти достоинства не искупают всех имеющихся в книжке недостатков. В настоящем своем виде она для массового читателя, для рабфаковцев, на которых она рассчитана, не пригодна.

С. Гингор.

И. БРАСЛАВСКИЙ. Материалы к истории 1 и 2 Интернационалов. Предисловие А. Тальгеймера. „Новая Москва". 1926. Ц. 5 р.

А. ЭССЕН. Три Интернационала ГИЗ. 1926. Стр. 252. Ц. 2 р. 25 к.

В. БУШУЕВ. II. Интернационал. ГИЗ. Украины. 1925. Стр. 120. Ц. 50 к.

Интерес к истории западно-европейского рабочего движения у нас огромный, а, между тем, нельзя сказать, чтобы у нас было достаточно книг, по-новому, по-марксистски и коммунистически разрабатывающих эти вопросы. Особенно это касается истории Европы и Америки эпохи империализма, в частности вопросы истории II Ин-ла. Вот почему с первыми попытками в этой области мы должны внимательно ознакомиться.

Огромное значение при данной стадии разработки вопросов имело бы критическое издание протоколов и резолюций конгрессов II Ин-ла (1889—1914). Эта работа большая и сложная, прежде всего потому, что материалы еще не систематизированы, а французские, как и немецкие издания протоколов Ин-ла должны быть подвергнуты тщательному анализу и критике. Старое издание резолюций на русском языке («Международные соц. конгрессы»—1906 г., изд. «Утро») не только библиографическая редкость, но и мало пригодно (плохие переводы). С большим интересом мы поэтому ознакомились с изданием резолюций конгрессов под редакцией И. Браславского. Книга, однако, при ближайшем рассмотрении оставляет желать лучшего. Первый и решающий недостаток этого издания тот, что составитель сборника часто приводит резолюции, не пользуясь немецким или французским текстом, а собирая их из различных русских книг. Среди источников: сборник резолюций изд. «Утро», сборник Грюнберга. Стеклов, статьи Е. Сталинского, Гильом (в изд. «Голос Труда») и т. д. Подобные источники предрешают вопрос о качестве и научном значении сборника и переводов. Переводы скверные, а иногда и отвратительные. Приведем ряд примеров. Документ № 147 (стр. 225),—резолюция Пар. Конгресса «О необходимых условиях освобождения труда». В тексте мы читаем: «...und das Proletariat muss daher der kapitalistenklasse als Arbeiterklasse kämpfend gegenübertreten в русском переводе—«По этому пролетариат

должен решително выступить против класса капиталистов, как побеждающий рабочий класс».

Из той же резолюции. В нем. оригинале: «... und lieber alle dem Rechtsbewusstsein des Volkes entsprechenden Mittel anzüwenden die politische und soziale Situation ihr jeweils an die Haud giebt...»: переведено: «... и пользоваться для этой цели всеми средствами, которые дает ему в руки современный политический и общественный строй и которые внушает ему его высшее понимание справедливости». Возьмем другой пример. В резолюции о колониальной политике того же конгресса пропущены в пункте «2» слова: «wo die wirthschaftlichen verhältnisse es gestatten!!!

Но в этих словах центр тяжести резолюции об условиях автономии колониальных народов. Отвратителен перевод резолюции конгресса «о борьбе за право всеобщей подачи голосов» (№ 151). В пункте 1-м резолюции слова: «für alle Körperschaften der gesetzgebenden und ausübenden Staatsgewalt переданы словами: «для выборов хранителей общественной власти». В этой же резолюции слова «wesèntlich. Mittel» переведено, как «первоначальное условие». Но это искажает смысл резолюции!

Два-три примера из резолюций других конгрессов. В резолюции Штудгартского конгресса пункт о милитаризме гласит: «Kriege liegen also im Wesen des Kapitalismus» переведено: «война имеет капиталистический характер». В резолюции копенгагенского конгресса о милитаризме «... bei drohender Kriegsgefahr!!!»' переведено: «...в случаях международных конфликтов «...А в резолюции о единстве проф. движения абзац In vielsprachigen Staaten müssen selbstverständlich die einheitlichen Gewerkschaften der sprachlich-kulturellen Bedürfnissen aller ihrer mitglieder Rechnung tragen» переведен: «В многоязычных странах об'единенные синдикаты должны однако считаться, безусловно с культурными и лингвистическими интересами своих членов». Это, скажем, „литературная" сторона.

Но в резолюции того же конгресса об интернациональной солидарности опущены в переводе две строки, никак не отмеченные составителем сборника, от слов: «... Ne näher...» до слов «... beschleinigt werden». В этой же резолюции слова: « gewerkschaftliche Massengefechte von Riesen-Aussperr ungen provoziert» переведены: массовые проф. выступления, провоцируемые буржуазией».

Можно было бы увеличить количество примеров, но в этом нет необходимости. Приведенные выше образцы достаточны, чтобы заявить: книга Браславского не дает критического, удовлетворительного издания резолюций II Ин-ла на русском языке. Но это еще тем более справедливо, что в книге ряд других, весьма значительных погрешностей. Так составитель приводит за № 230 резолюцию Парижского Конгресса «Об общинном социализме». Смеем утверждать, что текст резолюции совершенно не совпадает ни с немецким, ни с французским изданиями протоколов, и мы не знаем где взят приведенный текст резолюции: составитель сборника ничего об этом не говорит. На этом же конгрессе докладчиком о минимуме заработной платы (№ 146) был не Гере, а Гэд. Часто не отмечаются поправки, внесенные ком-ми, скажем, последний абзац в резолюции Копенгагенского конгресса о войне.

Отметим затем, что пользование русскими книгами не дало возможности составителю привести ряд важных документов. Скажем, речь Энгельса на Цюрихском Конгрессе 1893 г. Автор не пользовался Бюллетенями Ин. Бюро и не дал даже устава Ин-ла. При изложении резолюции Копенгагенского Конгресса опущены резолюции о Турции, Персии и т. д., но приведена длинная резолюция против смертной казни.

Очень незначительную ценность имеют вступительные статьи к документам отдельных конгрессов. Здесь мы встречаем иногда перлы безграмотности. Так в лондонском конгрессе 1896 г., где решался вопрос об анархистах, где из 5 дней 3 были отданы на решение вопроса о допущении или изгнании анархистов, составитель пишет: после 1893 г. Ин-л вступил «в нормальные берега», порядок дня конгресса носил полу-академический» характер. «Анархисты совершенно отсутствовали на лондонском конгрессе».

Составитель пытался пойти по интересному пути, он дает кроме текста резолюций, также и речи на пленуме или в комиссиях по спорным вопросам. Так, из речей в ком-ии о тактике Амстердамского Конгресса приведены речи Жореса, Ансееле, но не дана речь Гэда. Почему? Речь Ансееле была характерным образцом на Парижском конгрессе, но в 1904 г. она была бесцветной репликой, а выступление Гэда носило исключительно революционный характер. Не опущена ли эта речь потому, что ее не было раньше в русском переводе?

Сборник И. Браславского — первое издание резолюций Ин-ла на русском языке но это не критическое, не научное издание, а потому весма мало удовлетворительное издание.

Книги по истории II Интернационала А. Эссена и В. Бушуева представляют собой популярные руководства. Бушуев, автор книги «II Ин-л», пишет, что даже

«дать сводку фактического материала» ему было трудно в Харькове, потому что здесь не было необходимых материалов. Книга это нечто вроде хрестоматии, вернее справочник по отдельным конгрессам. Автор сообщает о составе конгрессов, о порядке дня, дает выдержки отдельных резолюций. Книга может быть использована, как краткий справочник.

Более полным очерком является книга А. Эссена «Три Интернационала», она сжато излагает историю Интернационалов в свете ленинизма. Очень часто с автором можно и не соглашаться, но это единственная популярная книжка по истории Интернационалов, которая пока существует и может быть использована, как учебное пособие. В книге А. Эссена, скажем, по вопросу о колониальной политике (117—118) не отмечена сущность «положительной программы» Ван-Кооля, что является существом постановки колониального вопроса II Интернационалом. Следуя за Плехановым, автор в положительных тонах оценил конгресс 1904 г., далеко не достаточно выяснив значение и размеры победы оппортунизма в 1900 г. Очевидно, что одно определение резолюции Каутского, как «каучуковой», здесь недостаточно. Совершенно неправильно также заявление А. Эссена, что в 1904 г. «Гора» победила «Жиронду» и что оппортунизм на Амстердамском Конгрессе был разбит теоретически на-голову. Но в книге поставлена и дана удачная характеристика аграрного вопроса в постановке Интернационала. Словом, при всей беглости изложения, книга А. Эссена может быть использована, как учебное пособие в пропагандистских целях.

По истории II Интернационала еще должны быть написаны исследования, популярные книги, а, главное, изданы научно-критические сборники резолюций и протоколов.

Ц. Фридлянд.

LEON BILINSKI. Wspomnienia i dokumenty. 1896—1922. 2 tomy, Warszawa, 1924.

IGNACY DASZYNSKI. Pamiętniki, I—I tomy, Kraków, 1925—1926.

Перед нами воспоминания о недавно пережитом двух польских общественных деятелей. Они весьма различны и недурно дополняют друг друга. Билиньский—бывший австрийский министр и председатель консервативного «польского кола» в Галиции, верный и преданный слуга старого австрийского императора Франца Иосифа и с ним—интересов австро-польского крупного землевладения и банкового капитала. Дашиньский—лидер польских социалистов, убежденный польский социал-патриот и преданный поклонник Пилсудского, каким остался и в Польской республике, прикрывая нападками на правительственную «камарилью» свое неуклонное доверие к новоявленному «диктатору». Оба автора, прежде всего, польские патриоты галицийской складки, и это не раз сближало и перекрещивало их ориентации, при всей их партийной противоположности. Конечно, «воспоминания» обоих весьма далеки от об'ективности: это писания политических деятелей, полные защиты своих точек зрения и своей деятельности, пояснения былых руководящих мотивов и оправдания тех былых действий, которые приходилось, задним числом, признать ошибочными. Взятые вместе, они проливают яркий свет на недавнее прошлое галицийской политической жизни, именно, галицийской, а не вообще польской: оба автора четко уясняют, каждый по-своему, поистине трагичную для современной Польши, разноголосицу интересов и политических тенденций ее составных частей—б. Царства Польского, Познани и Галиции, не говоря уже о «кресах»—непольских областях.

Обширные мемуары эти охватывают обзор всей деятельности их авторов до образования первого правительства независимой Польши включительно. Оба дают немало существенного для внутренней истории Австро-Венгерской монархии за последнее десятилетие ее существования. Но в этой заметке о них отмечу только то, что представляется ценным для освещения польского вопроса в итоге мировой войны, в том и заключается главный их интерес. С древнейших времен над судьбами Польши тяготели противоречия между экономической и политической географией страны: борьба за свободу использования путей «от моря и до моря» была и осталась основным нервом польской исторической жизни. Эта проблема особенно остро ощущалась в Галиции, как австрийской провинции, чьи экономические интересы были постоянно в загоне и приносились систематически в жертву интересам Венгрии, немецких областей и Чехии. Билиньский отмечает, что с 1904 г. для галицийских политиков на очереди стоял проект постройки системы каналов, которые связали бы Дунай—Одер—Вислу и Днестр: богатая по природе область задыхалась в своих суженных политическим разграничением рамках и тянулась к большему простору свободных сношений. Проект придушен сопротивлением центральных имперских властей, и только с 1911 года стал входить в силу, как вынужденная уступка полякам; работы начаты (участок Краков—Заторск, 1912 г.), но прерваны войной 1914 г. Этот эпизод показателен. Для Галиции не было выхода из положения Австрийского захолустья без вы-

хода к более широким связям в северном направлении. Такова польская точка зрения, так как расширение восточных связей грозит усилить украинский элемент за счет польского. А интересы Австрии—до мировой войны—ориентированы, преимущественно, к югу: основной вопрос—югославянский. Билиньский, как министр финансов, работал над развитием южной сети железных дорог и экономическим развитием юго-славянского края, о чем сообщает интересные сведения, хотя почти замалчивает свое участие в освобождении боснийских крестьян (кметов), которое провел в ущерб крестьянству (эти «реформы» несколько освещает Дашиньский). С сожалением отмечает Б. неудачу попытки сербского премьера Пашича установить—накануне Балканской войны—соглашение Сербии с Австрией за цену крупных привилегий для австро-венгерских капиталистов в Сербии, с одной стороны, и приобретения Сербией порта на Адриатике, с другой; такое соглашение было бы шагом к осуществлению программы одной из сербских политических партий (т. наз. группы Ивановича)—об'единением сербов в составе австрийской монархии. Характерна двойственность отношения Б—ого к этим вопросам. Как австрийский министр, он видит в укреплении южной базы условие жизнеспособности Австрийской монархии, но как польский деятель—он чувствует, что такая эволюция вовсе оттеснит на задний план значение польского элемента: тому «триализму», который строился бы на приобщении к Австрии и Венгрии, равноправной с ними Югославщине он сочувствовать не мог. Зато условия, создавшиеся в годы мировой войны, открывают ему другие перспективы: «австрийское» решение польского вопроса. С австрийской точки зрения это был один из варьянтов мощного расширения монархии, обсуждаемых накануне, по существу неизбежной, ее ликвидации, вроде сербофильских планов или проекта Николая Филиппеску о соединении Румынии с Седмиградией в составе Австро-Венгрии.

Для «австро-польской проблемы» воспоминания Б—ого дают не лишенную интереса историю ее перипетий, начиная с предложенного Веной Берлину проекта организации Польши, как австрийского наместничества (из Галиции и Царства Польского) и кончая окончательным провалом ее в дни Брестского мира. Билиньский долго, до конца, жил этой мечтой, в которой видел старинную историческую традицию—«традицию Батория». Верноподданный австрийского императора, он заслужил у своих кличку «также поляк» тем, что настоял на внесении такого словечка в декларацию галицийских поляков о сознании ими себя гражданами, имеющего возникнуть Польского государства; Б. и в этой декларации пытался сохранить легальность по отношению к Австрии: в смысле двойного (или двустепенного) гражданства. Б. враждебно настроен не только против «немецкой» ориентации, но и против политики народных демократов, которые ищут опоры против подчинения судеб Польши политике «центральных» держав — в признании права Польши на независимость и самоопределение русским революционным правительством и в связях с «Антантой»; Б. отмечает, что партия Дмовского проводила в «польском коло» антиавстрийские резолюции уже в мае 1917 г., руководясь уверенностью в победе «антанты», хотя только 1918 г. (весна—осень) убедили его самого в правильности такого прогноза.

Высшей точкой напряжения австрийской ориентации Б. представляет подготовку в начале 1918 г. выборов в польский сейм, который должен был собраться в Варшаве к 20 февраля и провозгласить польским королем императора Карла, а моментом срыва этой ориентации—начало февраля, когда получено в Вене известие о заключении Брестского мира (с уступкой Холмщины Украине), что вызвало резкие антиавстрийские демонстрации галицийских поляков и разрыв польского «регентства» с Австрией; с сожалением вспоминает при этом Билиньский, что еще в августе 1917 г. Франция предлагала Австрии сепаратный мир—за «уступку» Австрии всей Польши—в границах 1772 г. и прусской Силезии. Впрочем, — рассказывает Билиньский,—еще весной 1918 г. в Вене обсуждали идею «австрийской Польши» на «политических обедах», и ее усердно поддерживали... венские немцы, мечтавшие о таком усилении погибшей монархии, чтобы избежать ее поглощения Германией.

Далее, Б. изображает крушение империи осенью 1918 г.: последнее правительство—Юлия Андраши, начавшего с уступки Галиции Польше и переговоров с «Антантой» о сепаратном мире, которые прерваны отречением имп. Карла от престола; деятельность галицийской «ликвидационнной комиссии», конфликты с украинцами, создавшими свою «народную раду», и первые дебюты независимой Польши. Немало интересных сведений дал Б. об этих первых временах польской независимости. В первом польском правительстве («глава государства»—Пилсудский, председатель совета министров—Падеревский) Б. занял пост министра финансов.

Значительный интерес представляет эта глава «Воспоминаний». Б. сообщает ряд поучительных фактов в своих попытках наладить самостоятельное фи-

нансовое хозяйство Польши со строгим контролем над выходом валюты (централизация девизов) и организацией своего рода внешторга в виде «Комиссии по ввозу и вывозу товаров»—до полного срыва этих попыток из-за резкого противодействия французских спекулянтов и обслуживавшего их интересы французского министерства иностранных дел. Поездка Падеревского в Париж (в конце 1919—начале 1920 г.) закрепила порабощение Польши Францией так, что выработанные Б. соглашения с немецким правительством о взаимных расчетах, как затем и польско-немецкого соглашения о выполнении условий Версальского мира, соглашения, которые могли бы установить сравнительно более нормальные отношения, сорваны отправкой их «на утверждение» в Париж. Сорван был Падеревским—осенью 1919 г.—также налаженный Б. договор о займе в Америке под условием обращения с закупками и заказами предпочтительно в Америку. Так была расчищена Польша для полного подчинения Польши антантовскому капиталу: вывоз польского сырья (нефть, лес) попадал в английские и французские руки, а заказы для Польши сосредоточены в Париже. Все попытки упорядочить народное хозяйство Польши и ее финансы терпят крушение ради интересов иностранных эксплоататоров и своих местных аферистов.

Наглядно представляет Б. июльскую панику 1920 года, когда Красная армия появилась под Варшавой, эвакуацию банков в Краков, министерств—в Познань, массовое беженство и возрождение польского отпора благодаря энергии Пилсудского и его французского советника Вейланда, а также «выдержке» правительства Витоса, который, по мнению Б—го, проявился рядом с Пилсудским, единственными «государственными людьми» в Польше: их усилия доставили Польше Рижский договор 1921 г. Для дальнейших судеб Польши Билиньский всю надежду возлагает на ее сближение с Австрией, Венгрией и Румынией, а социальной базой такой союзности признает мелкобуржуазную массу, к «демократизму» которой примкнет и вся буржуазия, напуганная финансовой и экономической политикой социалистов.

«Воспоминания» Дашиньского дают в I томе преимущественно материал по истории рабочего движения в Польше, а во II—по истории восстановления польской «независимости». Независимости в «кавычках»: мемуары Дашиньского, как и Билиньского, наглядно выясняют ее производный продукт международных конфликтов и ее малую внутреннюю силу. Эта их сторона особенно поучительна: помимо воли обоих авторов—буржуазного консерватора Билиньского и «социалиста» Дашиньского — фактическая история, ими излагаемая, ведет к неустранимому выводу о неразрешимости «польского вопроса» в условиях капиталистического строя международных и социальных отношений.

Мемуары Дашиньского дают отчетливое представление о деятельности Пилсудского и ее основных тенденциях. Организатор боевой дружины ППС (экспроприация на ст. Безданы в августе 1908 г., добыча которой реализована Дашиньским путем успешного размена русских кредиток), а затем «Союза активной борьбы», Пилсудский видит задачу «широкого выявления революционной энергии, таящейся в народных массах», в борьбе за национальную независимость Польши, в восстановлении этой независимости «народовластия». Безусловная централизация революционных сил должна дать кадры повстанческих войск. Об'ект борьбы—царская Россия, но не за «австрийское» решение польского вопроса. Об'единение разных национальных единиц в составе Австро-Венгерской монархии проявило свою шаткую основу, особенно в условиях всеобщего избирательного права (с 1908 г.), как «некоординированное представительство враждующих народностей и местных интересов»: преодолеть эту разрозненность, ведущую к распаду, на началах федерализма и широкой социальной политики это государство не может, не отрекаясь от своей монархическо-аристократической сущности. Пилсудский последовательно стремился к организации «общенационального» движения, отодвигая далеко, на задний план, задачи классовой борьбы. Организация «легионов» во время мировой войны и разгром Австрии (по свидетельству Билиньского, боевые силы Австрии уже к ноябрю 1914 г. свелись к 160 тысячам?!) открыли этому движению более реальные перспективы, несмотря на ликвидацию легионов и превращение «польского войска» в вспомогательный отряд под немецким командованием. Пилсудский уходит в отставку осенью 1916 г., чтобы выйти из фальшивого положения между задачами служения Польше, австрийской службой и опасностью поглощения Польши немецкой военщиной.

Выход из этого кризиса польского вопроса дан декларацией русского Временного Правительства (30/III 1917 г.) о признании независимости Польши; это развязало руки Франции и Англии, как новой опоре поляков, против, одновременно, и Германии, и Австрии, и России, а Брестский мир (9/II 1918 г.) «сделал из Польши какой-то жалкий клочок территории, попавший в политическую зависимость и с Востока, и с Запада», и

вызвал в Галиции (18/II) всеобщую забастовку протеста. 2 октября 1918 г. польское коло приняло резолюцию (по предложению «социалиста» Дашиньского и народовца Гломбинского) о задачах национального освобождения с отказом от господства над другими народностями и даже «поддержкой стремления каждого народа к достижению им полной независимости». Такое признание принципа «самоопределения народностей», провозглашенного русской революцией, отнюдь не легло в основу польской политики, ни у Пилсудского, ни у Дашиньского: тем оно характернее, как вынужденное обстоятельством момента.

Дашиньский дает ряд интересных и показательных сведений о перипетиях организации первых польских правительств, при чем выясняет постоянство Пилсудского в стремлении к «правительству коалиционному», в чем с ним расходился Дашиньский, пытавшийся создать «крайне демократическую» власть. Немало интересного сообщает Дашиньский и о нарастании французского засилья над Польшей, например, о том, как Франция приняла за „gouvernement régulier“ образовавшийся в Париже «национальный комитет» польской эндекской буржуазии, а Станислав Грабский, ее представитель, вывесил в Варшаве на своем доме французский флаг.

В вышедших томах Дашиньский довел свое изложение до созыва в феврале 1919 г. учредительного сейма и до образования в апреле 1919 г. об'единенной «польской социалистической партии».

А. Пресняков.

К. В. БАЗИЛЕВИЧ. В гостях у богдыхана. Путешествие русских в Китай в XV в. Изд. «Брокгауз-Ефрон», Л. 1927. Стр. 215. Ц. 1 р. 60 к.

Продвижение русских в XVII столетии в Восточную Сибирь, до берегов Амура и Тихого океана, вплотную поставило вопрос о взаимоотношениях России с обширной, но замкнутой Китайской Империей.

К этому времени относится посылка в Китай ряд русских посольств, с целью разрешения спорных пограничных и торговых вопросов.

Описывая в своей книге деятельность этих посольств, автор почему-то ни слова не упоминает о фактически первом русском посланце в Пекине в 1618 г., Иване Петлине.

О неудачном посольстве Федора Байкова (1654 г.) говорит только во введении.

Подобное невнимание к нему безусловно ни на чем не основано. Зато больше половины книги посвящено посольству Николая Спафари.

Трехлетнее путешествие по Сибири и Монголии и пребывание в Китае (1675—1678 г.г.) этого искушенного дипломата, грека по происхождению, описано с достаточной полнотой и подробностями.

Автор использовал для этого большинство имеющихся печатных материалов и в частности интересные записки самого Спарфари.

Значительно меньше освещены события окружавшие заключение Нерчинского договора 1689 г. Останавливается автор только на пребывании в Пекине в 1685 г. Н. Венюкова и И. Фаворова, посланных для заключения перемирия, в связи с столкновениями на Амуре и осадой Албазина.

Заканчивается книга хронологически последним в XVII столетии посольством Елизария Избрандта.

Было бы целесообразнее, если бы автор включил в свое описание также посольство Измайлова и Ланге (1719 г.), по своему типу и результатам органически связанного с предыдущими.

Регулярные сношения с Китаем начались, как известно, позднее, когда в Пекине была организована русская духовная миссия, установлены формы торговых связей, а в 1731 г. прибыло в Россию первое китайское посольство.

В общем, автор дает больше описание внешней стороны деятельности этих посольств, и местами за этим не видно четкого исторического фона.

Во всяком случае, попытка дать исторический обзор первых взаимоотношений России с Китаем заслуживает внимания.

Читается книга легко и с интересом. Издана книга хорошо, хотя цена ее несколько высока.

Г. Рейхберг.

К. В. ХАРЛАМПОВИЧ. Восстание тургайских казак-киргизов 1916—17 г. Кызыл-орда. Стр. 41. Ц. 60 к.

В появившихся за последнее время работах, посвященных восстанию в национальных районах в 1916—17 г., главное внимание уделялось Узбекистану, Туркменистану и Семиречью, так что данная работа должна бы была восполнить пробел и в отношении Тургайской области. Составленная на основании рассказов очевидцев и отчасти местных архивных материалов, работа сообщает много интересных сведений о возникновении и ходе восстания, начавшегося вслед за об'явлением указа о призыве на тыловые работы местных инородцев в июле 1916 года и продолжавшегося до февральской революции. Особенно подробно автор останавливается на на-

падении на Тургай в ноябре 1916 г. Если в Семиречьи и в других кочевых районах восстание носило характер попыток откочевок в Китай и Монголию, то в Тургайской области делались попытки, как говорит автор, «самоопределения тургайского народа и организации военного и гражданского управления». К сожалению, автор уделяет этому интересному моменту немного внимания. Было организовано два ханства с двумя представителями аристократических фамилий во главе, делались попытки завязать сношения с повстанцами Туркестана и даже Турции. Интересно отметить, что после февральской революции глава восставших эмир Абдульгафар Жабосунов распустил свою армию, и 18 марта им был созван с'езд представителей всех властей Тургайского уезда, которым был избран временный комитет по управлению Тургайской областью.

Киргиз-казакская интеллигенция относилась к восстанию несочувственно, хотя отдельные представители ее, вроде Джангильдинова—известного киргизского деятеля, сыграли большую роль в восстании. За исключением же интеллигенции в восстании принимала участие вся масса киргизского населения, «как богатые, так и бедные», точно так же, как западные Аргынские казаки, которые откололись от восставших всем родом, без различия группировок.

Переходя к причинам восстания, автор говорит: «Само собой понятно, что причины эти заключались не в приказе о мобилизации на тыловые работы; этот приказ был только поводом к движению» Автор утверждает, что «в противоположность Средней Азии, где главной причиной восстания туземцев было экономическое угнетение их русскими, в Тургайской области недовольство было вызвано стеснением политически-культурным». Выдвигая это положение, автор не подкрепляет его достаточными доказательствами. Ведь трудно согласиться, что «некоторое неравенство с русскими в гражданских правах», «стеснения, если не юридического, то фактического характора, какие испытывали киргизы, желавшие дать своим детям образование» (это в крае, где даже в 20-м году грамотных было около 3%); «стеснение религиозной свободы, выражавшееся в требовании представления плана мечети перед ее постройкой» и т. п. мелкие факты, приводимые автором, и наконец даже взяточничество и злоупотребления русских чиновников—были основными причинами восстания. С одной стороны, мы здесь имеем недооценку такого фактора восстания, как «дань кровью» (по выражению т. Шестакова в его работе «Восстание в средней Азии»). С другой стороны,—автор совершенно игнорирует методы проникновения русского капитала в данный район, переселенческой политики, оттеснение киргизов и степень их оседания. Автор, к сожалению, не касается и междуродовых отношений киргиз-казакских родов, говоря, что его задачей является освещение восстания исключительно с точки зрения киргизо-русских взаимоотношений. Между тем, все вышеприведенные факторы, если и имели в Тургайской области меньшее значение, чем в других киргизских районах, значение их тем не менее несомненно больше, чем это кажется автору. Таким образом, работа, хотя и даёт богатый фактический материал, не является исчерпывающей; вопрос о причинах восстания в Тургайской области еще ждет своего исследователя.

В. Шатов

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕН КАВКАЗА. Вып. 45. Под ред. Акад. Н. Я. Марра, проф. А. М. Дирр, А. Ф. Ляйстер, Д. М. Павлова, А. А. Таха-Годи и проф. Н. Ф. Яковлева. Махач-Кала. 1926. Изд. Ассоциации Сев-Кавк. горских организаций. Стр. 264.

«Сборник материалов по Кавказу» является естественным продолжением тех самых «сборников», которые стали выходить под тем же названием с 1881 г. в Тифлисе при Кавказском учебном округе. Сборники были приостановлены изданием на 44 номере в 1914 г. за неимением средств. Настоящим 45 номером «сборники» после 12-летнего перерыва опять возобновляются, благодаря стараниям ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций. «Кавказские сборники», являющиеся одним из основных источников по кавказоведению, снова воскресли из мертвых, и это – факт, несомненно свидетельствующий о нашем культурном росте.

45-й сборник содержит в себе не опубликованные до сих пор письма ген. Ермолова, мемуары Магомета Тагира и два исследования по истории материальной культуры И. И. Мещанинова и Д. М. Павлова. Письма ген. Ермолова подготовлены к изданию т. Таха-Годи; все они датированы 1820 годом и адресованы одному лицу—«Арсению Андреевичу», по мнению т. Таха-Годи, графу Закревскому. Письма эти, как исторический материал, проливающий свет на нечто новое, доселе неизвестное в истории Кавказской войны, сравнительно мало интересны. В письмах старого царского генерала—«славы России, чье имя штыками врезано в горах»—много лич-

ных переживаний, что нас менее всего интересует. В них лишь отчасти вырисовывается личное отношение Ермолова к горцам, которых он называет такими «нежными» именами, как «тварь», «дичь», «сволочь», «мошенники», «злодеи» и т. д. Все это не ново; в этом отношении Ермолов не представляет собою исключения. Он только один из многочисленных кавказских «героев», огнем и мечом пролагавших в XIX веке пути русскому торговому капиталу на Кавказ.

Наиболее интересным является письмо двенадцатое, рисующее отношение Ермолова к кабардинцам и чеченцам. В исторической науке существует мнение, будто на Северном Кавказе самыми опасными врагами для русских были кабардинцы. Это, конечно, не верно. Чечня с крепким родовым бытом была, конечно, более серьезным врагом для русского абсолютизма, чем феодальная Кабарда. «Кабардинцы несносными шалостями—пишет Ермолов в 12 письме (стр. 40)—вызывают на бой, и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями—чеченцами... Когда пьют кровь змеи, тогда жало комаров не так чувствительно».

Очень меткое сравнение. Именно феодальная Кабарда по сравнению с демократической Чечней была комаром.

Исключительный интерес в «сборнике» представляют собой мемуары Магомета Тагира из Караха под названием «Три имама». Три имама: Гаджи-Мухаммед, Гамзат и Шамиль, о которых идет речь в мемуарах, как известно, сыграли огромную роль в многолетней Кавказской войне, завершившейся на Восточном Кавказе в 1859 году пленением Шамиля. Мемуары состоят из 84 глав и охватывают 20-летний период (с 1830 г. по 1859 г.) борьбы трех названных имамов с русским правительством.

История завоевания Кавказа писалась, главным образом, на основе официальных донесений кавказских начальников русской армии. В этих документах очень часто мы находим такие обобщения, которые весьма затрудняют восстановление действительной картины эпохи. Благодаря таким обобщениям в военно-исторической литературе, роль многих кавказских племен в эпоху длительной кавказской войны, совершенно не выявлена. И в этом отношении мемуары «Три имама», поскольку они дополняют указанный пробел, являются колоссальным вкладом в историю кавказских горцев за первую половину XIX века.

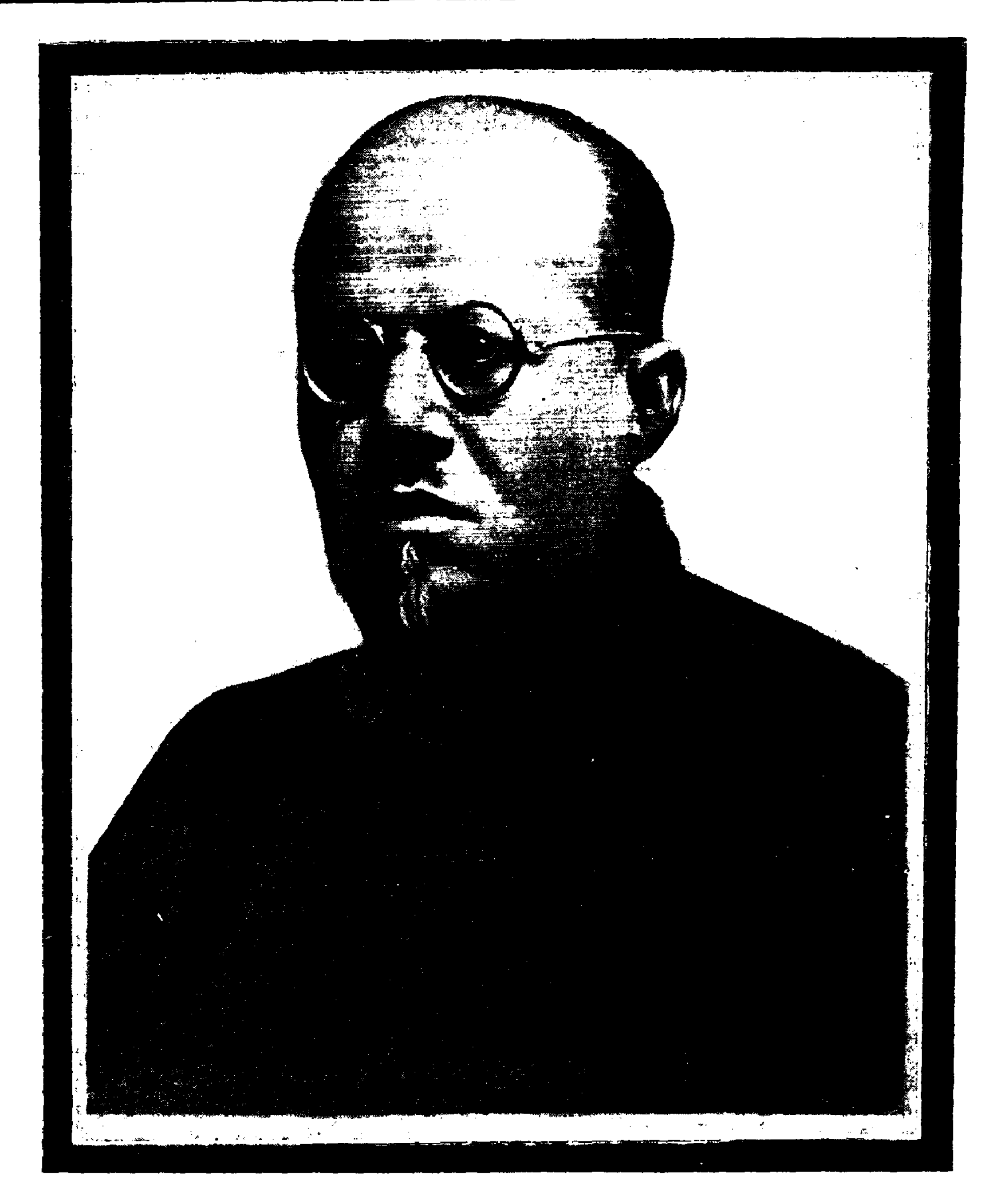
Мемуары поражают читателя своей яркостью и правдивостью; нет никаких сомнений, что события, изложенные в них в интереснейших деталях, принадлежат перу современника событий, близко стоявшего к трем имамам. Особенную ценность эти документы приобретают тем, что они отразили в себе яркую борьбу двух начал: родового быта и противополагаемого ему шариата, который несли с собой названные три имама в массы кавказских горцев. Точка зрения М. Н. Покровского о том, что «мюридизм Шамиля стремился стереть не только горизонтальные, но и вертикальные общественные перегородки, решительной рукой водворяя на место местного обычая (адата) однообразное мусульманское право (шариат)» и что власть последнего (шариата) «имела характер форменного иноземного господства»—получает новое капитальное подтверждение «Тремя имамами» Магомета Тагира из Караха. И в самом деле Шамиль, борясь с местным адатом, противополагая ему шариат, пользуется решительно всеми мерами против горцев, вплоть до позорного для горца публичного телесного наказания не только мужчин, но даже и женщин (глава 12, стр. 67), и в результате как этого, так и других явлений экономического и политического порядка,—расслоение горских масс, их отход от Шамиля и, наконец, их поражение. Таким образом, некоторые вопросы из истории кавказской войны и движения мюридизма, о которых до сих пор можно было говорить предположительно или догадками, теперь в мемуарах Магомед-Тагира получают документальное подтверждение. В этом и огромное научное значение опубликованных документов.

Нельзя обойти молчанием также исследование И. И. Мещанинова о «Закавказских поясных бляхах». Под этим скромным названием автор дал весьма любопытную работу. В своем исследовании он подходит к анализу памятников материальной культуры с точки зрения яфетической теории акад. Н. Я. Марра.

Наконец, нам еще остается сказать несколько слов об исследовании Д. М. Павлова «Искусство и старина Карачая». Работа Д. М. Павлова слагается из двух частей; в первой автор дает краткую историю изучения искусства и старины Карачая, и во второй—описание памятников искусства и старины того же края. Большое практическое значение имеет вторая часть работы. Это своего рода прекрасный путеводитель для исследования древностей Карачая.

Таким образом, рецензируемый выпуск сборника надо признать серьезным вкладом в кавказоведческую литературу.

Г. Кокиев.

М. П. Павлович (Вельтман)

21 июня востоковедная и партийная Москва похоронила в коммунистическом углу Новодевичьего кладбища М. П. Павловича.

Из наших рядов выбыл неутомимый организатор, яркий публицист и знаток Востока. Он первый из русских революционеров отдался изучению империалистической политики мировых хищников в колониальных странах и уже к 1910 г. считался одним из лучших знатоков этого вопроса. Его многочисленные работы о народах Азии, Африки, истории их ограбления и эксплоатации проникнуты огромной любовью к угнетаемым массам, полны призывов к борьбе за освобождение. Экономика и социальные отношения на Дальнем, Среднем и Ближнем Востоке, проблемы колониальных массовых движений в свете пролетарской революции, марксистко-ленинской теории—вот диапазон и глубина охвата его научных изысканий, их методология и целевая установка.

В 1901 г. он дебютировал работой на тему „Что доказала англо-бурская война (Регулярная армия и милиция в современной обстановке)". Далее идут его работы, посвященные русско-

японской войне. Перед мировой бойней 1914 г. он выпускает наиболее других известную книгу „Великие железнодорожные и морские пути“ (в последних изданиях она называется „Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего*). В связи с войной он пишет большую серию книг и статей: „Что такое империализм“, „Милитаризм, маринизм и внешняя война“, „Интернационал смерти и разрушения“, „Французский империализм“, „Споры и соглашения (тайная дипломатия)“, „Азия и ея роль в мировой войне“, „Мировая война и борьба за раздел черного континента“, „Итоги войны“, „Брестский мир“ и др. За этот же период времени он выпускает ряд книг на французском языке: „Le conflict anglo-allemand“, „Zelim-khan et le brigandage en Caucase“, „La brigade des cosaques en Perse“, „La dernière bataille (La reb'olutionen Perse)“ и др.

В советский период истории его работы посвящаются, главным образом, проблемам революционного движения на Востоке: Китая, Турции, Персии и пр. Вместе с этим он редактор и постоянный сотрудник журналов: „Жизнь Национальностей“, „Новый Восток“ и пр.

В последние годы перед смертью он работал над серией книг „СССР в капиталистическом окружении“, издал сборник о Ленине.

Научная работа М. П. Павловича протекала в обстановке большого организационного творчества в области востоковедения: он — основатель и председатель Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, руководитель Московского и Ленинградского институтов востоковедения и др.; по его инициативе и ближайшем руководстве создается Военная Академия РКК им. т. Фрунзе, где он читал лекции об империализме и национальном вопросе на Востоке.

В числе многочисленных учреждений и организаций, связанных с именем М. П. Павловича, нам необходимо отметить его живейшее участие в деле создания о-ва историков-марксистов, членом совета которого он являлся со дня основания о-ва. Тов. М. П. Павлович был также соредактором „Историка-Марксиста“, ведая отделом истории Востока. По его инициативе было намечено создание особой секции о-ва по изучению истории Востока.

Такова вкратце разносторонняя деятельность ушедшего от нас товарища, боевика-революционера, участника гражданской войны, руководителя Восточной торговой палаты, прекрасного партийца, всеми любимого и уважаемого человека, такого простого и сердечного.

— Оставил ли он после себя смену? — спрашивал М. Н. Покровский в своей речи на гражданской панихиде по М. П. Эта смена шла за ним в день похорон: здесь были сотни его учеников и последователей, востоковедов, представителей всех национальностей до революционного Китая включительно.

Эта смена идет по его путям из среды изучающих империализм и проблемы Востока по его книгам, вдохновляющихся его революционной ненавистью к проклятому капиталистическому миру эксплоататоров и угнетателей колониальных стран.

22/VII — 1927 г. **А. Ш.**

*) Настоящие краткие строки написаны в момент печатания журнала. В следующем номере „Историка-Марксиста“ работам М. П. Павловича будет посвящена специальная статья.

ХРОНИКА

Общее собрание членов общества историков-марксистов

(29 апреля 1927 г.)

Речь М. Н. Покровского

Заседание открывает тов. Покровский, М. Н.: „Прежде всего, товарищи, за истекший год последнее наше собрание было, если не ошибаюсь, 24 марта прошлого года; мы потеряли двух действительных членой Об-ва, один из которых был членом Совета: Авдеева, скончавшегося в апреле прошлого года, и Рожкова, скончавшегося, как вы знаете, в феврале этого года. Я не буду говорить особых слов, посвященных памяти этих товарищей: о Николае Александровиче мы говорили недавно, имели специальное заседание, посвященное его памяти, и надеюсь, что мы осуществим то положение, которое было высказано на этом заседании учениками Николая Александровича, а именно—выпустим сборник его памяти. Николай же Николаевич Авдеев—одна из самых трогательных фигур среди наших историков, человек много и трагически пострадавший, человек, который показал, что быть революционером это не значит быть задорным, грубым человеком, что можно быть человеком чрезвычайно мягкой и нежной души и в тоже время возбудить такую ненависть в контрреволюционерах, что будут не только сажать в тюрьму, но расстреливать и подвергать всяческим мучительствам и издевательствам. Все мы хорошо помним Николая Николаевича и Николач Ал-ча, который недавно ушел из нашей среды. Я предлагаю почтить память их вставанием. (Все встают).

Я не буду делать отчет о деятельности О-ва. Этот отчет сделает т. Горин. Скажу только несколько слов в виде общей характеристики нашего Об-ва. Оно было основано фактически почти два года тому назад, потому что первое заседание у нас было 1 июня 1925 г., а юридически несколько больше года, приблизительно 14 месяцев тому назад, с определенной целью сгруппировать вокруг основного марксистского ядра ряд историков, которые тяготеют к марксизму, чувствуют известную симпатию к историческому материализму, и, таким образом, об'единить ту группу историков, которая у нас до настоящего времени об'единена не была. Это основная цель нашего Об-ва.

Должен сказать, что в процессе этой двухлетней работы обнаружились некоторые стороны, которые, с одной стороны, пожалуй, показывают, что мы можем достичь цели дальше идущей, а с другой стороны, показывают, что все-таки этой основной цели мы не достигли. Когда мы основывали это Об-во, мы были убеждены, что своими партийными силами мы ни в коем случае такого дела, как Об-ва Историков-Марксистов и журнал при нем состоящий, не поднимем. С другой стороны, мы твердо надеялись, что мы привлечем довольно обширный круг беспартийных историков, нам сочувствующих. На практике выяснилось, — вы это увидите из отчета,—что приблизительно 80% членов нашего Об-ва—партийные и лишь около 20%—беспартийные. Это одна сторона дела. В этом, я повторяю, известный минус нашей работы, поскольку мы наше Об-во основывали именно для того, чтобы об'единить вокруг марксистского ядра всех сочувствующих. Но оказалось в то же время, что Об-во при таком составе энергично работает и издает свой журнал. Таким образом, минус, который есть и который надо постараться исправить, приблизив к Об-ву, сгруппировав вокруг него беспартийных товарищей, в то же время покрывается тем плюсом, что наши собственные силы все-таки не так незначительны, чтобы мы не могли вести работу при помощи этих сил. Это внушает известную бодрость и для дальнейшего. Идут обыкновенно к тем, кто силен, к тем же, кто слаб, никто не идет. Мы оказываемся достаточно сильными и можем надеяться, что тяготение к нам в будущем, а тяготение уже и сейчас имеется—очень большое, я должен сказать, что список членов Об-ва невелик, отчасти оттого, то целый ряд кандидатур ждет в хвосте, ждет очереди, пока мы в состоянии будем эти кандидатуры обсудить и поставить здесь на утверждение. Таким образом, можно надеяться, что количество членов, повторяю, тех беспартийных сочувствующих историков, которые бы шли с нами, сделается гораздо больше, чем то, которое числится в списке нашего Общества. Деятельность нашего Об-ва выразилась, — над этим можно, если

угодно, издеваться, — главным образом, в организации празднования целого ряда юбилеев. Над этим, повторяю, можно издеваться, но по существу дела, эта работа была очень полезна, она оценена высшими инстанциями именно, как полезная работа, поскольку юбилей представляет собой наиболее простой и ясный способ пропаганды среди очень широких масс новых взглядов на те или другие исторические события. Мы начали 1 июня 1925 года с празднования 150-летнего юбилея Пугачевщины. Мы продолжали организацию целого ряда заседаний, посвященных 20-летнему юбилею 1905 г., декабристов, затем мы отпраздновали юбилей Бакунина, с некоторым пропуском юбилей Щапова, и, наконец, сейчас мы так или иначе, хотя не с такой энергией, как следовало бы ожидать, втягиваемся в подготовку празднования грандиозного юбилея, которое предстоит в Октябре, именно, десятилетия нашей пролетарской революции. Я повторяю, что хотя все эти заседания могут казаться какими-то случайными и приуроченными к случайному поводу, на самом деле они дали великолепный повод для того, чтобы выявить целый ряд новых точек зрений на события, которые всем примелькались, которые до такой степени вросли в наше собственное сознание в буржуазном освещении, что, когда мы по-новому их расцениваем, выясняем наши собственные взгляды на эти события нашей собственной истории, потому, что все это события революционной истории, эти события представляются совершенно новом свете. Так началось с Пугачевщины. Казалось, Пугачевщину всякий знает, но тем не менее все должны были согласиться после того, как мы поставили соответствующий ряд заседаний и докладов здесь в Об-ве, что мы о Пугачевщине почти ничего не знаем. Мы о Пугачевщине почти ничего не знаем не потому, чтобы буржуазные историки, которые раньше занимались Пугачевщиной, систематически фальсифицировали ее,— это значит приписать им слишком большую честь,—но они в силу своего социального облика брали такие стороны Пугачевщины, которые для нее вовсе не характерны. Характерны для нее совершенно другие черты, черты, которые перед нами самими вскрылись только тогда, когда мы в связи со 150-летним юбилеем перетряхнули всю эту сырую массу материала, оставшуюся после Пугачевщины и открыли новые стороны и в самой личности Пугачева и в самом движении. Картина, которая перед нами встала, была так разительно непохожа на то, что писалось до сих пор о Пугачеве и Пугачевщине, что некоторые наши товарищи пришли в негодование от того, что мы якобы эту картину скрывали от них. На эту тему появились книжки, где говорят нам: вы знали и раньше эту истину, но прятали от нас, а пришла Октябрьская Революция— и открыли. Ничего подобного. Мы не знали, товарищи, не знали, что такое Пугачевщина. Тоже самое и со вторым юбилеем относительно декабристов. Сейчас та картина, которую дает восстание 14 декабря, очень мало общего имеет с той картиной, которая существовала до сих пор. Брошюры Плеханова и Герцена, которые в литературном отношении представляют самые лучшие памятники агитационной литературы, посвященной декабристам, до такой степени устарели в своем содержании, что их приходится трактовать и издавать именно, как литературные памятники, как можно переиздавать, как теперь переиздают романы Достоевского. Но никто не смотрит на романы Достоевского, как на фактическое изложение, напр., Нечаевщины, если брать „Бесы". Никто так не подходит к Достоевскому, тем не менее его переиздают. То же самое и с этими произведениями. И тут таким образом не только в одном нашем обществе, но в целом ряде организаций, которые этим заняты, удалось выявить совершенно новую картину.

То же самое было и с Бакуниным. Сейчас, в особенности после помещенных в нашем журнале и отчасти в других журналах статей В. П. Полонского, вся старая постановка конфликта Маркса и Бакунина, которая сводилась к тому: знал ли Маркс об инсинуациях, которые появились в прессе, знал или не знал. Теперь это отошло куда-то совсем далеко в сторону, потому что мы теперь знаем другой об‘ективный факт, что Бакунин действительно организовывал тайное общество в Интернационале, организовывал заговор против Маркса. Поскольку мы знаем этот факт, все эти сплетни отходят на второй план, не в этом дело.

Теперь относительно 1905 года. Тут опять-таки целый ряд переоценок ценностей имел место в докладах, которые читались у нас. Я не стану утверждать, что все эти доклады были одинаково удачны и в особенности, что были одинаково удачны все выступления, которые были по этим докладам и которые мы запечатлели при помощи стенографического искусства и потом издали. На нас вешали достаточное количество собак, в особенности за опубликование всех прений, говорили, что это только засоряет страницы нашего журнала. Я думаю, что это было недурно, поскольку большинство высказывающихся, как бы они ни высказывались, хорошо или плохо, были не только свидетелями, но и участниками 1905 г. Участники 1905 г. сходят со сцены один за другим, и, может быть, мы при помощи этих стенограмм ухватили коечто, ухватили такие факты, которые остались бы неизвестными, поскольку эти лица сошли со сцены. Если откинуть в

сторону эти наши недочеты, приходится признать, что крестьянская революция 1905 г. после того, что было сделано в связи с изысканиями нашего Об-ва под его руководством в его ближайшем окружении, дает совершенно новую картину. Той крестьянской революции, которую рисовали меньшевики, как и той крестьянской революции, которую рисовали с.-р., никогда в 1905 году не было, а было нечто новое, и это новое заключалось в том, что диктатура пролетариата в крестьянской революции, которая казалась некоторым, по правде сказать, фразой из партийной резолюции, есть просто реальный факт. Действительно, деревню в 1905 г. бунтовали рабочие, пришедшие из города фабричные. Этого одного факта достаточно, чтобы оправдать нашу работу.

К сожалению, мы в значительной степени отстали в подготовке последнего юбилея, о котором я говорил, именно Октябрьской Революции. Я не знаю, что здесь виновато, но мы успели пока что поставить только два доклада: один мой доклад о книжке Милюкова, которая все-таки является самым крупным белогвардейским произведением, другой был доклад тов. Яковлева по поводу Февральской Революции. 3-й доклад — мы его все ждем — об архивных источниках. Он был назначен на декабрь, не прочитан даже до сих пор, в апреле, но кажется, будет прочитан в мае, так что мы этот доклад в конце концов дадим. Надо надеяться, товарищи, что в будущем Об-во будет более энергично работать в этом направлении. Было бы немного стыдно, если бы мы, обслужив с огромной пользой для исторической истины целый ряд юбилеев, не были бы в состоянии обслужить самый основной из юбилеев—юбилей Октябрьской Революции. Я выражаю эту надежду, а не уверенность, потому, что мне самому в качестве активного работника участвовать не придется. Созерцая меня в том виде, в каком я предстал перед Вами, некоторые, может быть, думают, что я с кем-нибудь похристосовался. На самом деле со мной произошло нечто худшее. На почве склероза у меня стали лопаться сосуды, и на правый глаз я почти совершенно ослеп, и поэтому мне почти запрещено заниматься: мои занятия ограничены 4-мя часами в день. Я до осени буду находиться вне пределов столицы нашего Союза и только к сентябрю получу разрешение сюда вернуться и то, если в тех местах, где меня будут лечить, я буду вести себя достаточно доброкачественно и обнаружу успехи в этом направлении. Это обстоятельство и заставляет меня со стороны выражать надежду, что Общество пойдет по этому пути, потому что мне самому по этому пути пойти не придется — я вернусь поздно, накануне Октябрьской Революции. Я надеюсь, что Об-во в течение тех 4-х месяцев, которые я буду отсутствовать, более энергично будет действовать в этом направлении, нежели до сих пор.

В заключение своего маленького вступления я должен сказать несколько слов относительно нашего журнала. Я должен сказать, что я был одним из тех, кто к этому журналу относился с величайшим скептицизмом, именно потому, что я видел, что приток сил со стороны идет к нам довольно слабо и недооценивал собственных сил и думал после первой книжки, что из журнала ничего не выйдет. Я не стану наш журнал, как и наши доклады о 1905 г., безусловно восхвалять: конечно в нем есть масса пробелов, состав №№ достаточно случайный, это не подлежит никакому сомнению, печатаются иногда вещи, которые не то, чтобы можно было их совсем не печатать, но можно было бы печатать сократив примерно втрое. Есть такие статьи, и, конечно с точки зрения чисто технической, скажем, американский исторический журнал является для нас пока образцом почти недосягаемым, потому что мы имеем там чрезвычайно сжатые, бьющие в самую точку небольшие статьи, с одной стороны, и великолепную библиографию, с другой стороны. У нас есть хорошая библиография и то, что мы сумели ее поставить, это уже огромный шаг вперед, потому что с моей точки зрения библиографии по исторической литературе у нас до сих пор не было. Это крупный шаг вперед, крупное достижение. Но мы не научились до сих пор писать, как американцы, и не без вины в этом деле то обстоятельство, что в Америке демократия существует 150 лет, а у нас демократия--ибо советский режим тоже есть демократия и наилучшая демократия,—всего-навсего 10 лет. Американцы привыкли к тому, что если ты начнешь говорить запутанно, длинно, то через 1/4 часа увидишь перед собой пустые скамейки, и потому, что никому не лестно увидеть такую картину, они привыкли в кратких словах ярко, сильно и образно выразить несколько основных мыслей, которые им нужно провести в сознание аудитории. Это сказывается на американских популярных научных журналах, где они ухитряются на нескольких страницах дать чрезвычайно ярко и выпукло и понятно всем читателям историю эволюции, причем с самыми свежими данными и написанную чрезвычайно компетентным человеком. У нас этого нет. У нас действуют своеобразные ножницы. Найдет человек в архиве интересный материал, настрижет оттуда, затем наклеит в своей статье, снабдит переходными периодами, вот вам и статья готова. Она интересна, если хотите, но она страшно сырая. Это по существу не есть та концентрация мысли около данного сюжета, которая желательна, а просто изложение сырого материала, на основании которого человек

думающий может притти к тем или иным определенным выводам. Когда мы научимся так писать, я не знаю, но стремиться к этому нужно, и мне кажется, что Отдел Печати или Комитет Печати собирается дать нам некоторый толчек по этому пути, сократив размер нашего журнала. Этот вопрос нам придется обсудить. Я думаю, что ничего дурного, кроме хорошего, от сего произойти не может. Если мы будем давать вместо 20 листов довольно пухлых, если дадим вместо этого 12—13 листов четкого, интересного, сжатого текста, где выжата вся вода, которой у нас бывает много, это будет очень хорошо, а иначе картина получается довольно неприличная, и мы должны обращаться к другим людям, чтобы научиться писать статьи хотя бы для Энциклопедии. И научаемся, и в последнее время те, кто наблюдают Большую Советскую Энциклопедию, замечают, что статьи, подписанные марксистами, значительно выигрывают по сравнению с теми, которые были в Большой Советской Энциклопедии в самом начале. В этой области с журналом дело обстоит гораздо благополучнее, чем можно было представить. Журнал живет, является несомненно нужным, количество подписчиков растет очень энергично и очень быстро. Сейчас мы бы могли жить своей подпиской, если бы сами издавались. Но так как мы не издаемся сами, а при помощи некоторого централизованного аппарата, то наша подписка попадает в общий котел и вылезает очень слабо, в лоскутном виде из этого котла, а все остальное смешивается со всеми другими вещами, которые находятся в этом котле. Но то, что подписка растет, это суб'ективно нас должно ободрить. Журнал стал на ноги так же прочно, как и Об-во. Повторяю, у нас есть все данные, раньше мы могли только гадать, а теперь мы можем не гадать, а определенно рассчитывать, что мы действительно сделаемся притягательным центром для обширного круга историков, тяготеющих к историческому материализму. Что такая тяга к историческому материализму есть, об этом приходилось говорить и на первом заседании нашего Об-ва и теперь остается только повторить. Есть обширная группа ученых старых и молодых, которые к нам тяготеют. Мало того, несомненно, что тяготение к марксистской литературе,—говорю об исторической литературе, об историческом материализме,—далеко выходит из пределов нашего Союза, и очередной нашей задачей является—завязать связь с Западной Европой. Прежде всего с теми молодыми германскими учеными, которые инстинктивно тяготеют в нашу сторону. Затем с французской организацией,—здесь есть между прочим некоторые предложения от издательств, показывающие, что и у них есть тяготение и интерес к историческому материализму. Из С. Штатов я недавно получил письмо, и даже 2 письма, что особенно характерно, одно прислали мне, другое—в О-во культурной связи. Американцы ищут возможности что-то противопоставить учебнику Платонова, который переведен на английский язык и издан в Америке. Они просят дать им руководство по русской истории, и, когда им говорят: есть Платонов, они говорят: нам этого не надо, нам нужно нечто другое, надо противопоставить что-то новое, свежее. И они обращаются за этим в марксистский лагерь. Обращаются люди, занимающие в Америке определенное положение, профессора американских университетов. Этого довольно. Если Вы припомните известную книгу Синклера „Гусиный шаг", из которой мы видим, что представляет собой американский университет в настоящее время, то, когда профессура этого университета, не довольствуясь книгой Платонова, обращается в наш лагерь и просит: дайте нам руководство по русской истории, потому что нам нечего дать студентам, а они интересуются этим,—то это симптом чрезвычайно характерный, показывающий, что в этом отношении, в смысле завязывания связи с заграницей, у нас есть большая возможность.

Позвольте надеяться, что О-во, от'юбилировав, поскольку самый крупный юбилей предстоит, и выполнив эту очень крупную и благодарную работу, как бы ни усмехались над этим люди, что оно не остановится, а будет развиваться возможно дальше. Оно должно стать,—потому что в других местах это невозможно,—основным марксистским центром для изучения истории в международном масштабе. Те возможности, которые уже открылись перед нами в процессе недолгого нашего бытия, не больше, чем двухлетнего, они показывают, что эти надежды вовсе не так дерзки, как это может показаться с первого взгляда, и что мы при желании, при серьезной работе, можем стать международным центром, конечно, если только сами мы приучимся работать по-европейски, чего мы к сожалению не умеем, ни со стороны формы, ни со стороны выдержки в нашей работе. Этого нужно достигнуть, и я надеюсь, что этого мы достигнем. Этим пожеланием нашему О-ву я закончу. Слово для отчета предоставляется тов. Горину.

Отчет о деятельности общества

(П. О. Горин.)

Прежде всего я хотел бы отметить, что первоначально, как вы уже знаете из разосланных извещений, годовой отчет о работе общества предполагал сделать М. Н. Покровский. К большому сожалению, будучи больным, на вчерашнем заседании Совета М. Н. Покровский от годового отчета отказался. Однако я думаю, и присут-

ствующие со мною согласятся, что вступительное слово М. Н. Покровского, выслушанное всеми с таким вниманием, может вполне рассматриваться, как отчет. В нем он кратко, но весьма выпукло подвел итоги годовой работы нашего Общества и затем наметил ее дальнейшие перспективы. Поэтому в своем выступлении я постараюсь дать только некоторый конкретный и цифровой материал о работе Об-ва, корый иллюстрировал бы выводы М. Н. Покровского.

Прежде всего маленькая справка относительно истории О-ва. М. Н. Покровский считает, что мы существуем 2 года, официально же — 1 год и 1 месяц. Осенью 1925 г. мы были еще как бы на полулегальном положении. Наш устав утвержден 15-го февраля 1926 г., а 1 марта 1926 г. был избран постоянный Совет. Сравнительно короткий срок жизни нашего общества естественно может вызвать вопрос, насколько целесообразно существование нашей организации и как выполнило общество первоначально поставленные задачи. Здесь, конечно, придется в первую очередь затронуть вопрос о составе Общества. Общее число членов Общества, как действительных, так и членов-корреспондентов на 15 апреля 1927 года достигает 177 — цифра, которую нельзя не признать весьма значительной. И в этом вопросе заявление М. Н. Покровского, что наш состав невелик, безусловно является спорным. Говоря о составе Общества, необходимо иметь в виду, что никакой вербовки, никакой пропаганды в деле привлечения членов Общество не проводило. Оно оставалось с момента своей организации свободной ассоциацией историков, в которую по своему доброму желанию был открыт доступ каждому историку-марксисту. В лице этих 177 членов Общества мы имеем таких добровольцев, которые самостоятельно из'явили желание работать в нашей организации. Из 177 членов общества действительных членов 90 и членов-корреспондентов 87.

Главный контингент, из которого до сих пор вербовались члены, были историки Москвы. Нужно сказать, что в настоящее время наиболее деятельные и активные историки-марксисты Москвы действительно об'единены в обществе. Из общего числа 177 членов на долю Москвы в настоящее время падает 79 действительных членов и 66 членов-корреспондентов. Общество, таким образом, в первую очередь является как бы общемосковской организацией, об'единяя в своих рядах почти всех историков-марксистов Москвы. На долю же иногородних приходится 11 действительных членов и 21 член-корреспондент.

Не лишне будет обратить внимание и на количественное соотношение действительных членов и членов-корреспондентов. Я думаю, что эти данные о соотношении действительных членов и членов-корреспондентов говорят, что общество не является кастой ученых. Действительными членами являются, как вы знаете, преимущественно историки, имеющие научные труды. Но, как вы видете, помимо действительных членов, большой процент падает и на членов-корреспондентов, и таким образом общество как бы обрастает кадрами исторического молодняка. (Правда, не всегда этот молодняк в области исторических наук является молодым). В большинстве своем этот исторический молодняк группируется вокруг деятельных членов, которые, конечно, являются и будут являться в дальнейшем основным ядром общества. Теперь перейдем к партийному составу нашего общества. Из 90 действительных членов членов ВКП(б) — 68, из 78 членов-корреспондентов членов партии — 66. Эти цифры говорят, что прежде всего в обществе собраны коммунистические кадры. Это достигалось, главным образом, благодаря строгому приему, который был установлен советом, ставившим своей задачей в первую очередь об'единение историков-членов ВКП(б) и наиболее близкой нам беспартийной профессуры. Меры совета безусловно себя оправдали, потому что строгий фильтр, который применялся советом, дал возможность сколотить основное, ядро и оно проделало ту основную работу, о которой говорил М. Н. Покровский.

Далее, в связи с составом любопытно еще отметить данные о проценте членов общества, занятых педагогической работой. Из общего числа действительных 90 членов, т. е. включая московских и иногородних, преподающих-59 чел. Это показывает, что в наше общество входят „коренные" историки, являющиеся своего рода историками — профессионалами. Этот момент мне кажется чрезвычайно существенен, так так наличие таких кадров в дальнейшем обеспечивает работоспособность общества. Широкий приток этих „коренных" историков и сплочение их вокруг общества, мне кажется. прежде всего об'ясняются тем, что общество занимает необходимое место, должно его занимать, как в системе наших вувов, так и в системе научно-исследовательских институтов. Общество, как вам известно, не является научно-исследовательским институтом. Задачи его отличны от Института Красной Профессуры, Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов и университетов. Оно с первого момента организации являлось как бы вольной трибуной историков-марксистов. Товарищи, работающие в различных вузах, имели возможность прийти и заслушать здесь доклады по наиболее актуальным и злободневным вопросам истории и самим принять активное участие в обсуждении спорных и злободневных вопросов истории. Этим путем они повышали свою квалификацию. Мне кажется, что один этот момент, что общество

занимает определенно необходимое место в системе наших научно-исследовательских институтов и вузов, дало возможность такого массового сплочения вокруг общества историков-марксистов.

Первоначально главная работа общества протекала преимущественно в форме докладов. Действительно, мы в прошлом году по числу прочитанных докладов заняли первое место среди других секций Коммунистической Академии. За последнее время число зачитанных докладов упало, как вообще за последние 2 месяца в связи с болезнью М. Н. Покровского работа у нас замерла. Число открытых докладов, прочитанных в обществе за отчетный период, достигает 17. Были заслушаны следующие доклады: (в порядке прочтения) 1. Нечкина — Декабристы. 2. Фридлянд — Якобинцы против Марата. 3. Рожков — К методологии истории промышленных предприятий. 4. Урсынович — Колонизация Камчатки. 5. Меерсон — Пугачевщина. 6. Иоаннисиани — Место истории в программе школ II-й ступени. 7. Покровский — Буржуазная концепция пролетарской революции. 8. Рындич — Лабораторный план и преподавание истории. 9. Радек — Спорные вопросы китайской истории. 10. Рожицын — Марксизм и этнология 11. Покровский и Сидоров — Щапов, как историк. 12. Никольский — Появление христианства на Руси. 13. Мамет — Программно-методические вопросы преподавания истории на рабфаках. 14. Заседание, посвященное памяти Рожкова. 15. Красный — Эволюция социально-экономических воззрений Бланки. 16. Яковлев — Февральские дни 1917 г. 17. Аптекарь — Яфетическая теория Марра.

Некоторые доклады заняли по два заседания. Как видите, Совет общества в организации докладов главным образом руководствовался постановкой именно тех докладов, которые имели наиболее актуальный злободневный интерес в развитии нашей исторической мысли. К сожалению я точно не вычислил, какой процент заявок членов нашего общества на прочтение докладов мы удовлетворили. Должен сказать, однако, что число заявок превышает число поставленных докладов, примерно, более, чем в 5 раз. Это показывает, что Общество имело возможность „планировать доклады, ставить доклады, которые наиболее интересовали широкие круги историков. Этим об'ясняется, что сравнительно с общей посещаемостью докладов Комм. Академии процент посещаемости наших докладов в среднем достигает 70 человек. Некоторые же доклады вызывали чрезвычайно большой интерес и мы лишены были возможности удовлетворить всех товарищей, желающих присутствовать на докладах. Кроме „планирования", не все заявки членов общества на прочтение докладов могли быть реализованы, так как мы упирались в „жилищный кризис". Первоначально мы забронировали себе помещение в Комм. Академии по пятницам. Пятница стала традиционным днем историков и все так привыкли, что в пятницу должен состояться доклад у историков, что на этой почве неоднократно происходили довольно курьезные недоразумения. Ряд членов общества высказывал недовольство, что мы преждевременно не информировали их, что в такую-то и такую-то пятницу дни пустые. Сейчас нам пятниц не хватает, и вопрос о днях—очень больной вопрос. Если бы удовлетворить заявки всех секций о-ва, мы могли бы ставить доклады каждый день. Я остановил ваше внимание на докладах, потому что они являлись в истекшем году главной основной формой работы.

Как же у нас вообще поставлена работа в обществе? За истекший год, благодаря быстрому росту членов общества, мы естественно выросли из рамок, когда можно было совету непосредственно руководить всей текущей работой общества. Мы встали перед фактом, что, благодаря широкому об'единению историков, общество необходимо дифференцировать. И за этот отчетный год было приступлено к организации секций. В настоящее время у нас существует 5 секций: секция методическая, истории России и ВКП(б), западная секция, секция востока и секция социологичеекая. Первый опыт с организацией секций падает на весну 1926 г. Я думаю, что на сегодняшнем нашем собрании придется главным образом обратить внимание на организацию форм нашей повседневной работы, обратить внимание на работу секций, подитожить, насколько секции целесообразны и оправдал ли себя опыт работы секции. Мне кажется, что секции необходимы, и секционная работа должна стать основной формой работы. Раньше мы с организацией секций не торопились, но в настоящее время, об'единив широкие кадры историков нам нужно подумать и об их активной работе, возможно, в первую очередь в форме секционной работы. Кроме того, необходимо иметь в виду, что если мы могли развернуть массовую работу общества, то это об'ясняется не тем, что у нас работал один — два товарища, а тем, что в работу через секции был втянут широкий коллектив. Только такой дифференцированностью работы и участием широкого коллектива и об'ясняется широкий размах работы общества. В этом отличие нашего общества от других учреждений Комм. Академии. Надо сказать, что мы до сих пор являемся учреждением, не имеющим ни одной штатной единицы. Правда, мы и сами не добивались получения их, стараясь упорно защищать принцип добровольчества. В связи с огромными задачами, которые выросли перед нами, однако возможно, что нам придется подумать о постоянных работниках, закрепленных за обществом. Этот вопрос уже поднимался в ревизионной комиссии Но пока что наше общество единственно

бесплатное учреждение в Комм. Академии, которое не просит от государства штатных единиц и никаких дотаций. Наоборот, я скажу, что мы имеем в кассе наличных 425 р., собранных с членов об-ва. Если мы могли при таком положении развернуть работу, будучи добровольной организацией в полном смысле слова, то только благодаря такой дифференцированной работе, благодаря существованию отдельных секций, которые в различной мере, поразличному себя проявляли. Наиболее активной надо признать секцию методическую, которая чрезвычайно широко и интересно развернула работу. Председателем ее состоит тов. Кривцов, секретарем тов. Мамет. Учитывая опыт ее работы, надо сказать, что секционная работа вполне приемлема и прививается у нас. Несмотря на сравнительно небольшое число докладов (только 3 доклада), зачитанных в методической секции, она в настоящее время обращает на себя внимание не только внутри, но и далеко за пределами нашего общества. Ее работой интересуются не только методические организации Москвы, но и ряд провинциальных методических организаций, с которыми устанавливается постоянная связь. В частности очень тесная связь установлена с Казанским педагогическим обществом, с которым в ближайшее время предполагается даже обмен докладами. Кроме чисто докладной работы секции, вызвавшей чрезвычайно большой интерес среди преподавателей вузов, методическая секция развила большую работу по изданию двух сборников. Первый сборник по вопросам программно-методической работы в совпартшколе и другой сборник по вопросам десятилетия Октября в школе. По заявлению тов. Милютина, зав. школьным отделом Главполитпросвета, издание этих сборников стало возможным исключительно благодаря участию методической секции. Первый сборник в настоящее время окончательно подготовляется к печати. В стадии обработки находится сборник „Октябрь в школе". Я сейчас, товарищи, не буду подробно останавливаться на дальнейшем плане работ методической секции, а прочту только темы, которые здесь предполагается поставить.— Это даст возможность судить о характере работы методической секции.

Вот эти доклады: 1. Место истории в системе народного образования. 2. Место истории в социально-экономических вузах. 3. Место истории в индустриально-технических вузах. 4. Место истории в комвузах и совпартшколах. 5. Подготовка научных работников по истории. 6. Учебные планы вузов и исторические дисциплины. 7. Методика преподавания истории. 8. Методы семинарских работ. 9. Источниковедение в системе преподавания исторических дисциплин. 10. Задачи дипломных исторических работ. 11. Типы учебников и учебных пособий. 12. Обзор учебных пособий. 13. Обзор учебных программ. 14. Преподавание истории на Западе.

Я только, товарищи, зачитал план тех докладов, на которые уже есть докладчики. Конечно, в этом году их заслушать не придется, и по всей вероятности мы их заслушаем только осенью.

Из следующих секций следует остановиться на секции по истории России ВКП(б). Это секция, которая по заявлению М. Н. Покровского, главным образом, не выходила из рамок празднования юбилеев. Действительно, мы были активны и откликнулись на проведение годовщин 1905 года, пугачевщины, декабристов, Бакунина и Щапова. Учитывая опыт проведенных юбилеев, мы думаем своевременно подготовиться и к юбилею 10-летия Октябрьской Революции. В этом отношении кое-что уже сделано. Кроме двух докладов, которые мы уже заслушали в этом году, доклад М. Н. Покровского и затем доклад т. Яковлева, у нас в ближайшие дни будет доклад А. Шестакова о „Крестьянских организациях в 1917 г." и затем намечается целая серия докладов по революции 1917 г. Кроме этой докладной работы, секция приняла активное участие в литературной подготовке 10-летия Октябрьской Революции. По почину общества перед Агитпропом ЦК ВКП(б) был поднят вопрос о своевременном обеспечении популярной литературой предстоящего 10-летия. Секция поставила перед собой задачу создать образцовую популярную литературу, которая была бы в достаточной степени научной и в то же время доступной литературой для широких масс. Совместно с Агитпропом и Истпартом ЦК ВКП(б) намечена общая серия популярной литературы по Октябрьской Революции. Всего предлагается издать 14 популярных брошюр, каждая размером от 3 до 5 печатных листов. Я не берусь судить, насколько удачной получится у нас эта работа. Общество безусловно постарается, чтобы работа была проделана и намеченная цель была осуществлена, но как это удастся осуществить, заранее, конечно, сказать трудно. Любопытно отметить, что этой работой заинтересовались многие издательства и шла довольно жестокая конкуренция за подписание договора на эту серию. Далее можно отметить, что брошюры еще не написаны, но мы имеем неоднократное обращение к нам национальных издательств с просьбой о разрешении перевода этой серии на иностранные языки. Такие же переговоры мне пришлось вести с Коминтерном, который предлагает перевести эти работы на иностранные языки. Это очень показательно, насколько остра потребность в хорошей популярной книге и какую ответственность мы взвалили на себя, взяв подготовку этих брошюр. Мы сознаем также всю трудность и ответственность этой работы, необходимо принять все меры, чтобы эта серия была к 10-летнему юбилею Окт. Револ. издана.

Кроме указанной подготовки к Октябрьской Революции, секция по истории России уделила внимание и вопросу о создании книги для чтения по истории России. Пробел в такого рода пособиях чувствует каждый преподаватель как в школе 2-й ступени, так и на первых курсах университета. Общество, сплотив коллектив преподавателей, предполагает в этом году издать книгу для чтения преимущественно по новейшей русской истории, которая явилась бы учебным пособием на первых курсах наших вузов. Всего предполагается издать 5 частей. Издает Издательство „Пролетарий". Серия выйдет под общей редакцией М. Н. Покровского.

Что же касается других секций, то работа их вкратце может быть так охарактеризована. Секция по истории Запада — одна из наиболее старых секций. К сожалению до сих пор она недостаточно развернула свою работу, хотя первое организационное собрание ее было раньше, чем у первых двух секций. В первоначальном своем плане задачи, которые поставила себе секция по истории Запада, чрезвычайно интересны. На первом организационном заседании развертывание работ секции намечалось в области изучения новейшей истории, в особенности проблем по истории империализма, 2-му интернационалу и послевоенному рабочему движению. Кроме того, предполагалось уделить внимание на изучение истории социалистической мысли на Западе; постановку докладов-рефератов по методологической литературе, выходящей за границей; постановку докладов по выходящей за границей литературе и отражению Октябрьской Революции в заграничной исторической литературе. Секция своей задачей поставила также установление связи с заграничными историческими организациями и отдельными историками. Намеченный план, однако, слабо реализован и задачи его выполнения — очередная работа секции. Связь с заграничными историками также не налажена и связь с Западом не установлена. Пока только эта связь вылилась в посылку от общества 150 рублей во Францию на памятник Робеспьеру. Текущим летом предстоят поездки отдельных членов общества, которые должны быть использованы для установления связи общества с отдельными историками-марксистами Запада.

Социологическая секция возникла 18-го апреля, но работу начала вести с конца осени 1926 г. Первоначально секция именовалась секцией по истории общественных форм. Задачи и работа секции определялись разработкой: 1) вопроса о месте истории общественных форм в системе других общественных наук, 2) вопросов методологии, 3) вопросов периодизации истории, 4) организацией рефератов по состоянию исторической науки заграницей и 5) подготовкой популярной литературы. Работа социологической секции до сих пор преимущественно выражалась в постановке докладов.

Наиболее молодая секция—это восточная, которая только что приступила к своей организации. Можно предполагать, что с осени работа секции развернется.

Вот, товарищи, в кратких чертах работе, отдельных секций.

Я не буду касаться работы общества по журналу «Историк-Марксист». Мы, конечно, все уделяем большое внимание изданию этого журнала и поэтому этот вопрос специально выделили. Т. Шестаков вас информирует как о постановке журнала, так и о его дальнейших перспективах. Я еще остановлюсь на вопросе, правда, общего характера, но заслуживающем внимания. Если в прошлом году в период организации общества выражались сомнения в целесообразности его существования и высказывались опасения, что мы создаем организацию, параллельную ряду исследовательских институтов, то за последнее время о «параллелизме работ общества» слышать не приходится. Сейчас о-во историков-марксистов имеет свое место, и вопрос о его существовании не вызывает дальнейших сомнений. Оно за последнее время завоевало определенный авторитет. Не замыкаясь в узких рамках, оно развернуло широкую связь с другими организациями. Прежде всего нужно отметить, что у нас установлена активная связь с Агитпропом ЦК ВКП. Кроме общих указаний, которые мы получали от А. П. О. ЦК ВКП (б), общество им втянуто в подготовку литературы к десятилетнему юбилею Октябрьской Революции. Затем дальше мы начинаем увязываться с работой ГУС'а. Правда, вопрос об использовании о-ва ГУС'ом стоял неоднократно, и в полной мере вопрос у нас не разрешен, но для начала о-во приняло участие в подготовк книги для чтения по истории России. Затем общество связано с Главполитпросветом и совместно выпускает два методических сборника. За последнее время работой о-ва чрезвычайно заинтересовался отдел печати ЦК ВКП (б). Ряд совещаний показал желательность такой связи как для о-ва, так и для отдела печати. Я не буду касаться того, что мы в настоящее время широко связаны с работниками вузов и комвузов, что те доклады, которые здесь устраиваются, посещаются преимущественно историками этих учебных заведений. Любопытно отметить, как иллюстрацию к авторитету, которым пользуется о-во, это отношение к о-ву со стороны издательств. К нам обращаются издательства (это почти постоянное явление) с просьбой рецензирования работ по истории России. Мы по вполне понятным причинам часто отказываемся от этой работы.

Следует обратить внимание еще на одну сторону работы нашего о-ва,—это необходимость в дальнейшем установить связи с провинцией, с которой о-во до сих пор было связано лишь случайно.

У нас неоднократно в Совете стоял вопрос об организации филиалов, тем более, что ряд мест, как например, Ростов, Харьковь, Одесса, Ташкент, обращались к нам с неоднократной просьбой организовать у них такие филиалы. Пока что к организации филиалов мы не приступили из боязни, что, не имея достаточно сплоченного ядра выдержанных историков-марксистов на местах, мы не сможем обеспечить работу этих филиалов в направлении, которое нам желательно. Поэтому мы предпочитаем с провинцией первоначально устанавстоь персональную связь с отдельными иль риками. Я не скажу, что эту персона оную связь мы наладили идеально. Наоб рот, мы не всегда имеем возможность удовлетворять запросы наших провинциальных товарищей. Пока эта связь носит случайный характер. Она выражается преимущественно в консультации отдельных иногородних членов в их работе. Мне кажется, что увязка работы о-ва с провинцией в настоящее время чрезвычайно актуальна и своевременна. Поскольку о-ву удалось сплотить основное марксистское ядро, оно обязано помочь нашим иногородним товарищам в их работе. Это особенно важно, так как за последние два года научная работа в провинции значительно подвинулась вперед. Об этом можно судить по статьям, которые мы получаем от товарищей из провинции в журн. «Историк-Марксист» и «Пролетарская Революция». Нередко это чрезвычайно ценные статьи, и это говорит о том, что провинциальные товарищи быстро поднимают свою квалификацию, и мы, конечно, в их научной работе должны принять самое активное участие.

Разрешите в заключение остановиться на последнем вопросе о финансовом положении нашего о-ва. Я указал, что мы до сих пор остаемся о-вом, не имеющим штатных единиц, и живем без дотаций. Правда, в ревизионной комиссии высказывались опасения, не повредит ли наша защита принципа добровольчества выполнению задач и реализации тех возможностей, которые стоят перед обществом. В этих опасениях есть доля истины, но до сих пор мы живем только членскими взносами. Из них мы располагаем наличным капиталом в 425 р. 80 к. Ревизионная комиссия отметила, что мы недостаточно упорно собирали эти членские взносы. Действительно мы здесь проявили пассивность. Если бы мы получали эти членские взносы нормально, мы бы имели значительно большую сумму. В о-ве всего у нас уплатило членских взносов 50 человек, а из членов-корреспондентов 49 человек. Ревизионная комиссия предложила в двухнедельный срок покрыть членскую задолженность, в противном случае исключать неплательщиков из о-ва. Общее собрание, повидимому, утвердит это предложение.

В заключение я хотел бы кратко резюмировать очередные задачи, стоящие в данный момент перед о-вом. Прежде всего активное участие в проведении годовщины Октябрьской Революции, — опыт нашего проведения юбилея 1905 г. показал, что мы, имея основной кадр историков-марксистов, сможем и должны обеспечить предстоящий юбилей. В смысле дальнейшего строительства общества необходимо усилить работу секций. Секции необходимо укреплять и вокруг них базировать всю работу общества. Далее обратить особое внимание на организацию иногородних филиалов и установление связей с иногородними членами. Затем особого внимания заслуживает также установление связи с заграничными историками-марксистами. В этом отношении наше о-во могло бы быть ячейкой о-ва культурной связи с заграницей.

Вот те общие вопросы, на которые, мне кажется, о-ву придется обратить особое внимание. Я думаю, что общее собрание подведя на сегодняшнем собрании итоги нашей годовой работы, укажет, в каком направлении следует развивать работе о-ва.

Отчет о журнале о-ва «Историк-Марксист».

(А. В. Шестаков).

С общей физиономией о вышедших номерах журнала все присутствующие знакомы, но более четкую картину о характере журнала мы можем получить из небольшой статистической справки по статьям нашего журнала. Мы имеем почти 50% статей по русской истории, 33%—по всеобщей (все они исключительно по истории Франции) и 17%—по истории Востока. Вполне нормально, что в русском историческом журнале мы имеем 50% статей по истории России, но совсем ненормально, что по всеобщей истории мы имеем материал только по истории Франции. Это об'ясняется, вероятно, тем, что наши историки больше всего владеют возможностью изучения истории Франции, а может быть и потому, что Франция есть классическая страна разных типов революций, и потому естественно наши историки революционеры тянутся именно к истории Франции. Таким образом, мы можем констатировать полное отсутствие в журнале материала по истории главнейших стран в Западной Европе и Америки. Между прочим, у нас не удалась статья юбилейного характера в связи со 150-ти летием независимости Америки, потому что мы не могли найти ни одного историка-марксиста, знающего, как следует, историю Америки.

Затем необходимо отметить крайний недостаток материала по истории Востока.

В общем журнал отражает историческую работу всего общества, где также на первом месте стоит русская история, слабее работают историки Запада и очень плохо историки Востока.

Перехожу к вопросу о хозяйственном положении журнала. Номер 1 вышел в 3.000 экземплярах, 2-ой и 3-ий по 2.500 экземпляров каждый. Таблица распространения журнала такова:

по № 1 подп.—632,	магаз. 1255—	остат.	117
по № 2 » —797	» 860—	»	743
по № 3 » 1424	» 358—	»	618.

Из таблицы видно очень быстрое возрастание числа подписчиков и такое же сильное падение розничной продажи через магазины.

Главный состав подписчиков по приблизительному подсчету издательства - библиотеки и разного рода учреждения, процент частных подписчиков невелик; это происходит потому, что журнал, как это признает и само издательство Комакадемии, является дорогим и нуждающимся в удешевлении. Может быть было бы целесообразно принять предложение об уменьшении числа печатных листов в номере с тем, чтобы количество номеров в год было не четыре по 20 печ. листов, а шесть по 15, т.-е., чтобы были сохранены те же 80—90 печатных листов в год, которые мы имеем сейчас. Материал, поступающий теперь в редакцию, хотя и несколько однороден и мало разнообразен, но все же портфель редакции растет, это является прямым отражением нашего общего исторического роста.

Издательством принимаются меры к увеличению розницы, и недавно им был заключен ряд договоров о распространении журнала как в Москве и Ленинграде, так и в других больших городах. Перспектива увеличения розницы дает основание полагать, что удешевление журнала вещь вполне возможная.

Следует увеличить распространение журнала за границей, куда пока направляется всего лишь 10—20 экземпляров через „Международную книгу", главным образом, по заказам наших представительств и некоторых иностранных библиотек. Таким образом можно считать, что распространение журнала за границей очень слабо организовано, и издательству предстоит войти в сношения с иностранными покупателями—заказчиками и подписчиками, хотя бы через отдельные книжные фирмы в главнейших странах Европы и Америки.

Есть возможность усиления подписки на журнал для отделений Истпарта, для библиотек провинции через Главпрофобр, Главполитпросвет и пр.

Одно из слабых мест в нашей работе—это плохая выплата издательством авторского гонорара. Если подсчитать, полученные издательством деньги от подписчиков, то можно сказать, что издательство не только окупило свои расходы по технике журнала, по бумаге, администрации и проч., но имело и остаток, которым можно было бы покрыть авторский гонорар полностью, но эти деньги попали в общий котел издательства на покрытие его задолженности, и мы очутились в отношении гонорара в затруднительном положении, так как затягивание с уплатой гонорара очень тормозит работу редакции. Раздающиеся здесь речи, относительно сжатых „американских" способов писания статей для журнала, их, так сказать, рационализации—это в конце концов требует более повышенного труда над статьей, что в свою очередь вызывает необходимость более повышенного гонорара. Мы платим очень низкую полистную плату 80—100 р. за лист, да и то платим не аккуратно. При такой организации дела заказывать статьи, требовать их хорошей отделки и проч. вещь весьма затруднительная. Правда, за последнее время издательство обещало покрыть свои обязательства по гонорару и кое-что уже делает. Таким образом можно считать, что, несмотря на ряд трудностей все же журнал значительно окреп и что при улучшении финансовой стороны мы сумеем скоро твердо встать на путь дальнейшего нормального развития.

В прениях по докладу выступают т. т. Селинская, Пригожин, Брасловский, Иоаннисиани и др., указывая на некоторую академичность журнала, его недостаточную плановость, на необходимость увеличения материала по истории Востока, методики истории и т. п.

Возражая оппонентам, М. Н. Покровский отмечает, что плановость журнала не всегда может быть реализована по ряду причин, но что к этому редакция стремилась с первого же № И. М." По предложению о слиянии с журналом „Летопись Марксизма" „М. Н. заявил: мы употребляем все усилия, чтобы связать общество возможно теснее с Институтом Маркса и Энгельса, но это до сих пор нам не удалось. Несмотря на все наши попытки, на целый ряд шагов, которые мы делали для этого слияния, Институт Маркса и Энгельса сохранял прежнюю позицию и ни одного шага в направлении слияния не сделал. Что же касается слияния журналов, то этот вопрос ставился в несколько иной плоскости, а именно, так, что может быть не нужно двух таких журналов, как „Ист.-Марксист" и „Летопись" достаточно одного. Но «Летопись Марксизма» занимается специально вопросами марксизма, а мы специально историей, что не одно и то же, к тому же это даже не журнал, а сборники.

„Два слова по поводу заявления о нецелесообразности для нашего читателя американского" типа статей продолжает М. Н. Покровский,—так как, де, американцы пишут только для специалистов сухо и учено, но преимущество американских журналов как раз наоборот заключается, главным образом, в популярности и доступности, так как они написаны очень четким и ясным языком без излишних разговоров. Как раз это тот тип демократической литературы, которая нам нужна и которую мы должны выучиться писать именно в интересах рас-

пространения нашего журнала среди самых широких масс. Это будет способствовать и удешевлению журнала. Манера писать нарочно ученым языком свойственна именно нам, потому что эти статьи, переполненные цитатами и обыкновенно написанные довольно тяжелым стилем, для масс совершенно не понятны. Но я не предлагаю немедленно к этому перейти, но вижу в этом только известную линию. Само собой разумеется, что по содержанию статьи американских журналов это ни в коем случае не то, что нам нужно. До боли жалко видеть, как такую свою чепуху, злостную чепуху, какой-нибудь Форд излагает так, что она сама в голову ложится, тогда как мы наши превосходные коммунистические мысли излагаем так тяжело, что никто ничего не поймет. Это-то и жалко. Я имел в виду лишь эту внешнюю форму, эту сторону внешней доступности.

В заключительном слове т. Шестаков указывает т. Пригожину на затруднительность получения статей по истории Востока, в частности Китая, так как мало товарищей, занимающихся этим вопросом. Упрек по поводу дороговизны журнала должен быть направлен не по адресу редакции журнала, а по адресу издательства. Для членов общества делается скидка до 30%—35% и ее возможно получить, если мы будем обращаться в магазины Комакадемии с записками за подписью секретаря редакции.

Покровский, резюмируя обмен мнений по отчетам тт. Горина и Шестакова предлагает резолюций сейчас не формулировать, а передать их будущему совету общества, который и учтет те предложения, которые были сделаны и не встретили возражений, при чем считает необходимым подчеркнуть вопрос о придании большей плановости журнала и относительно более широкого распространения журнала среди учащейся молодежи и в провинции.

После докладов были произведены выборы в совет общества и в ревизионную комиссию. В Совет избраны следующие товарищи: Васютинский, Волгин, Горин, Гусев, Кнорин, Кривцов, Лукин, Максаков, Максимовский, Покровский, Полонский, Павлович-Вельтман, Фридлянд, Шестаков, Ярославский.

Кандидаты: Моносов, Минц, Мороховец, Гурко-Кряжин, Панкратова.

В Ревизионную комиссию избраны: Самойлов, Антонов-Саратовский, Дубровский, Кушнер, Черномордик.

Первое заседание новоизбранного Совета состоялось 6 мая. Было решено послать „Правде" приветствие по случаю ее 15-летней годовщины.

Председателем общества избран М. Н. Покровский, ученым секретарем—П. О. Горин, членом президиума—А. В. Шестаков. Выборы еще двух членов президиума и товарища председателя отложены до осени.

Заслушав сообщение о работе О-ва и его секций, Совет признал удавшимся опыт существования секций и предложил членам О-ва сообщить в двухнедельный срок о том, в какой секции они желают работать.

Летний перерыв установлен с 15 июля по 15 августа.

Было заслушано сообщение редакции „Историка-Марксиста" о содержании 4-го тома и о подготовке 5-го тома. Советом предложено выпустить 5 том не позднее конца августа.

Совет заслушал сообщение об увязке работ общества с отделом печати ЦК ВКП(б) и признал необходимым установить с ним более тесную связь и осуществление этого решения проводить через секции.

В текущих делах Совет постановил: предложить всем членам О-ва погасить задолженность по членским взносам за 1926 г.

Историческая Секция Научно-Исследовательской Ассоциации Сталинского Комвуза

Коммунистический университет трудящихся Востока имени т. Сталина в нынешнем году организовал научно-исследовательскую ассоциацию, в составе которой начала уже работать историческая секция.

В своей повседневной учебно-педагогической работе Сталинский комвуз до сих пор испытывает немалые затруднения в деле изучения проблем Востока, — в частности, вопросы истории Востока, как советского, так и зарубежного, до сих пор не получают в учебной работе университета достаточной полноты и развертывания. Это приходится об'яснять в значительной степени тем, что научная работа в этом направлении еще довольно слаба и не может в достаточной мере служить потребностям учебно-педагогической работы.

Историческая секция, как и вся ассоциация Кутв, ставит своей задачей усилить работу научной мысли вокруг вопросов советского и зарубежного Востока, путем вовлечения в эту работу, помимо имеющихся в Кутв научных сил, также и других более широких кругов научных работников в этой области.

Наряду с работой других научных организаций по изучению истории Востока,

работа исторической секции ассоциации имеет огромное значение, вследствие специфических условий, в которых она протекает. Прежде всего, научная работа эта находится на стыке с той практической революционной и партийно-советской работой на Востоке, к которой подготовляются студенты Кутв. Это придает научной работе секции, как и всей ассоциации, особо важное значение.

Вторая особенность в условиях работы секции заключается в том, что молодой живой состав Сталинского комвуза, состоящий из более чем 70 национальностей Востока, должен служить некоторым резервом к вовлечению молодых сил в научную работу. С этой цеьлю научно-исследовательская ассоциация получила право аспирантуры.

Историческая секция ассоциации за несколько месяцев своего существования еще не успела достаточно полно развернуть свою работу. Помимо организационной работы, которую необходимо было провести в первуюочередь, были заслушаны два доклада: тов. Драбкиной—„Социальные корни грузинского меньшевизма" и тов. Шмонина — „Возникновение ислама".

В своем докладе тов. Драбкина поставила перед собой задачу дать анализ классовой сущности грузинской соц.-дем. Этот анализ достаточно убедительно доказывает, что грузинская соц.-демократия,борясь против феодальных отношений в Грузии, видела в развитии национального капитализма путь к созданию социального единства. Правильная постановка вопроса о классовой дифференциации и социальном антагонизме, связанном с развитием капитализма, — была чужда идеологам грузинского меньшевизма.

В национальном вопросе грузинский меньшевизм, почти на всем протяжении своей истории, приспосабливая социалистические идеи к националистическим, приходит в 1918 году к провозглашению национальной независимости Грузии.

На основе анализа аграрной программы грузинских меньшевиков основным,пунктом которой является передача земли в частную собственность мелким производителям, тов. Драбкина приходит к выводу, что эта программа отражала чаяния разоряющегося дворянства и богатевшей верхушки крестьянства.

Значение пролетарских элементов в грузинском меньшевизме было ничтожно. Недаром эта партия мелких товаро-производителей впоследствии перестает именовать себя рабочей и принимает название „обще-народной".

Вожди грузинского меньшевизма, будучи персонально представителями интеллигенции, суб'ективно были связаны с социалистическими идеями, но об'ективно представляли интересы городской и деревенской мелкой буржуазии и в период своего политического господства не осуществили даже буржуазно-демократического переворота, но вели Грузию по пути прямой контр-революции.

Второй доклад тов. Шмонина — „О происхождении ислама" развивает положение о том, что все движение ислама было результатом назревшего глубоко экономического кризиса арабских и бедуинских племен. Доклад представляет собою одну из ценных попыток последняго времени дать марксистский анализ движению ислама.

Оба доклада привлекли внимание и участие не только работников Сталинского комвуза, но и других.

Имеются заявки на ряд докладов по вопросам истории советского и зарубежного Востока, но, очевидно, поставить их можно будет только после летняго перерыва.

Ассоциация имеет свое издательство „Революционный Восток", а также периодический журнал под тем же названием с историческим отделом.

Среди работ, подготовляющихся к изданию в конце этого года, важно отметить сборник по истории колониальной политики царской России на Востоке. В составлении его принимают участие тт. Шестаков, Нечкина, Меерсон, Драбкина, Галузо, и др. Помимо очерков и документаций сборник будет содержать большой библиографический материал по указанному вопросу. Подготовляются к печати и другие исторические работы членов секций. К их числу необходимо отнести работу П. И. Кушнера — „Горная Киргизия".

М. Ут.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

С настоящего № в „Историке-Марксисте" начнется печатанием „Указатель Исторической литературы" как на русском, так и иностранных языках. Указатель составляется силами историко-революционной Секции Коммунистической Академии под редакцией И. И. Минца. В настоящем № помещаем лишь часть указателя за первую половину 1926 г., подготовленного к печати сотрудницей библиотеки Ком. Академии т. Емельяновой.

Указатель книг по литературе,

вышедших в январе — июне 1926 г. в Америке, Англии, Германии, СССР и Франции

I. Древний мир и Византия

Лурье, С. Я. — Предтечи анархизма в древнем мире. М. «Голос Труда». 245 + I стр.

Jorga, N. — Essai de synthèse de l'histoire de l'humanité. Histoire ancienne. Paris, J. Gamber. X + 390 стр.

Kromayer, J. — Antike schlachtfelder. Bausteine zu. e. antiken kriegsgeschichte. Bd 4. Berlin. Weidmann. Стр. 171 — 323.

Meyer, E.—Geschichte des altertums. Bd I Hälfte. 2 Stuttgart. Cotta. XXVI, 990 стр.

Ulbricht, E. — Grundzüge der alten Geshihte Neu bearb von W. Becher. 6 aufl. Meissen. Schlimpert et. Püschel. VII, 111 стр.

Weaver. (F. J.). — Ancient history. 246 стр. (World history series. vol, 1).

1. Вавилон

Bezold, C. — Ninive und Babylon. 4. aûfl. bearb. von C. Frank. Bielefeld. Velhagen et Klasing. V, 179 стр.

Budge, sir E. A. Wallis. — Babylonian life and history. 296 стр. (bibl.) il. O'26 N. J. Revell.

2. Византия

Baynes, Norman, H. — The Byzantine empire. 256 стр. (9 p bibl). (Home univ. lib., no. 114). [c'26]. N. J. Holt.

Gregorovius, F. — Athenais, Geschichte einer byzantinischen kaiserin. Wien. Burgverlag. 159 стр.

3. Греция

Дэлакари, X. — Греция в кратких исторических этапах. Ростов н/Д. «Кацембас». 15 стр.

Abbot. (G. F.) — Thucydides a study in historical reality. 248 стр. Routledge.

Aristoteles. Staat der Athener. Nebst ergänz Qellenstücken hrsg. von Oskar Jakobs. Leipzig Teubner. 32 стр.

Bindloss (Harold). Helen fhe Conqueror. 315 стр. Ward, Lock.

Busolt, G.— Griechische staatskunde, 3. Aufl. Hälfte 2. München. Beck'sche Verl XI, 633—1590 стр. Handbuch des altertumswissenschaft.

Carstenn, M. — Götter u. Helden der Griechen u. Römer. Tl. 1, 2. Berlin. Weidmann. 80 стр. 95 стр.

Casson (Stanley).—Macedonia, Thrace and Jllyria: their relations to Greece from the earliest times down to the time of Philip, son of Amyntas. 379 стр. Oxford Univ. Pr.

Domaszewski, A.— Die Phalangen Alexaders u. Caesars Legionen. Heidelderg. C. Winter. 86 стр.

Ehrenberg, V. — Alexander und Ägypten. Leipzig. J. C. Hinrichs. 59 стр.

Grundy (G. B.) — A History of the Greek and Roman world. With 2 maps. 544 стр. Methuen.

Jacoly, F.— Die Fragmente der griechischen Historiker. Bd 2. Zeitgeschichte Berlin. Weidmann. IX, 507 стр.

Miller, W. — Trebizond, the last Greek empire. 139 стр. Macmillan.

Prickerd, A. O. ed. — The Return of the theban exiles 379 — 378: the story as told by Plutarch and Xenophon. Oxford. Univ. Pr.

Pryse, James Morgan. — The adorers of Dionysos; tr. from the Greek of Euripides, with an original interpretation of the Myth of Kadmos. 164 стр. Los Angeles. Cal., J. M. Pryse.

Экономическая история

Gletz, Gustave. — Ancient Greece at work; an economic history of Greece from the Homeric period to the Roman conquest. 380 стр. il. O. (Hist. of civilization). 26. N. J. Knopf.

Glotz, Gustave.— Ancient Greece at work: an economic history of Greece from fhe Homeric period to the Roman conquest. With 49 illus. 416 стр. (History of civilization), K. Paul.

4. Египет

Brunton (Winifred) illus. — Kings and Queens of ancient Egypt: portraits. History by eminent Egyptologist Foreword by J. H. Breasted. 171 стр. Hodder & S.

Budge (E. A. Wallis, sir). — The Dwellers on the Nile: chapters on the life, history, religion and literature of the ancient Egyptians. Illus. 358 стр. R. T. S.

Ehrenberg, V. — Alexander und Ägypten. Leipzig. J. C. Hinriohs. 59 стр.

Read (F. W.) — Egyptian religion and ethics. Illus. 160 стр. Watts.
Steindorff, G. — Die Blütezeit des Pharaonenreichs 2. Aufl. Bielefeld. elhagen et Klasing. 223 стр.

5. Палестина

Macalister, R. A. S — A century of excavation in Palestine. 335 стр. il (pt. col) О'26. N. J., Reveil.

6. Персия

Миллер, Б. В. проф. — Конспект лекций по истории Персии. Часть I. История древней (до-исламской) Персии, кончая завоеванием ее арабами. Моск. Институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. 359 + [1] стр.
Cambridge ancient history (The) Edit. by J. B. Bury and others. Vol. 4, The Persian Empire and the West. 722 стр. Camb. Univ. Pr.

7. Рим

Beloch, K. J. — Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Berlin W. de Gruyter et C⁰. XVI, 664 стр.
Dessau, H. — Geschichte der römischen Kaiserzeit. Bd. 2. Abt. 1. Berlin. Weidmann. VIII, 400 стр.
Dio's Roman history. With an English. trans. by Earnest Cary, on the basis of the version of Herbert B. Foster (In 9 vols.). 488 стр. (Loeb classical lib). Heinemann.
Duthie, A. — Early European history to the Fall of Rome. 404 стр. (Readings from the great historians). Harrap.
Fellensteiner, K. — Geschichte u. Kultur der römischen Kaiserzeit. Wien. Österr. Bundesverlag f. Unterr. Wiss. u Kunst. 95 стр.
Gottschald, M.— Augustus u. seine Zeit. Leipzig. Teubner. 55 стр.
Gottschald, M. — Augustus und seine Zeit. Suetons Biographie u a. Quellen. Leipzig. Teubner. V + 102 стр.
Quidde, L. — Caligula. Eine studie über römischen Cäsarenwahnsinn. 31 Aufl. erg. durch Erinnergn d. Verf: Jm kampf gegen Cäsarismus Byzantinismus. Berlin. III + 63 стр.
Schulten, A. — Sertorius. Leipzig. Dieterich'sche verlbh. VII, 168 стр.
Segebrecht, R. — Julius Cäsar Für d. Mittelstufe zsgest. Frankfurt a. M. M. Diesterweg. 33 стр.
Serviez (Jacques Boergas de).— The Roman Empresses: the history of the lives and secret intrigues of the wives of the Twelve Caesars, with historicae and critical notes. Jllus from paintings by Georges Rochegrosse. 2 vols. Ed limited to 1.000 numbered sets. 410, 457 стр. Foyle.
Wachtler, H. — Römer und Germanen bis zur vollendung des Limes. Leipzig. Teubner. 32 стр.

Экономическая история

Rostovtzeff (M) — The Social and economic hisrory of the Roman Empire. Jllus. 721 стр. Oxford Univ, Pr.

8. Сирия

Stein (Leonard). Syria. 94 стр. Benn

II. Азия

Иностранцев, К.—Хунну и гунны. (Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2 изд. Л. 3 + IV + 152 стр. Ленингр. институт живых восточных языков. Труды Туркологического семинария.
Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Bd. 2. Berlin. W. de Gruyter et C⁰. 233 стр.
Gowen. H. H.— Asia: a short history from the earliest times to the present day. 456 стр.
Kampffmeyer, G. — Damaskus. Dokumente zum kampf d. Araber um ihre Unabhängigkeit. Berlin — Dahlem. Deutsche Gesellschaft f. Jslamkunde. Berlin. A. Collignon. 85 — 144 стр.
Longrigg (Stephen Hemsley).—Four centuries of modern Jraq With. frontis. 390 стр. Oxford Univ. Pr.
Sayce (A. H. Rev).—The Hittites : the story of a forgotten Empire. Rev. and enlarged. With 12 illus. 240 стр. R. T. S.

1. Китай

Канторович, А. Я.—Иностранный капитал и железные дороги Китая. Под ред. и с предисл. К. Радека. М.—Л. «Плановое хозяйство». VII + 221 стр.
Сонов, И. — Что происходит в Китае. М. «Московский Рабочий». 9 стр.
Dolsen, James, H. — The awakening of China. 267 стр. il. maps D'26 Chic., Daily Worker Pub. Co.
Geil (William Edgar). — The Sacred 5 of China. Illus maps. 375 стр. Murray.
Gilbert (Rodney). — What's wrong with China? With map. 315 стр. Murray.
Gilbert, R. — What's wrong with China. 315 стр. Stokes.
Weale (Putnam). — Why China sees red. 329 стр. Macmillan.
Wittfogel, R. A. — Das erwachende China. Ein Abriss d. Geschichte u. d. gegenwärt. Probleme Chinas. Wien. Agis—Verlag, 174 стр.
Woodhead (H. G. W.) – The Truth about the Chinese Republic. With frontis. 287 стр Hurst &. S.

Внешняя политика

Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки (Бакан) 17 (5) апреля 1895 года. Без титульного листа. 57 стр.

2. Япония

Frois, L. — Die Geschichte Japans (1549 — 1578) Nach d. Handschr. d. Ajudabibliothek in Lissabon übers. u komment. von G. Schurhammer u. E. A. Voretzsch. Leipzig. Verlag der Asia major XXVII + 100 стр.

Сен Катаяма. — Моя жизнь. (Перевод с английского С. Мятежного). Изд. «Московский Рабочий». 80 стр.

III. Америка

Cáceres, A. — La guerra entre el Perú y Chile (1879 — 1883). Extracto de las «Memorias de mi vida militar». Tomadas al dictado y recopilados por J. C. Guerrero. Berlin. Editora Jnternacional. 307 стр.

Elliot (L. E.) — The Argentina of to-day With 34 illus. 296 стр. Hurst. &. B.

Exquemelin, A. O. — Die amerikanischen seeräuber (Die amerikaenische ee — Rovers). Ein Flibustierbuch aus d. 17. Jh. Aus d. Holländ. übertr., eingel. u hrsg. von H. Kauders. Verlag d. philosoph. Akademie. 246 стр.

Fuller (J. F. C., Col.). — Atlantis: America and the future. 96 стр. (To day and to-morrow ser). K. Paul.

Grant, B. Ch.—Taos Indians. 127 стр. Taos, N. M. Author.

Grey (Zane).— The Vanishing Indian. 320 стр. Hodder & S.

Jones, George J., and Sleman, Emily F. — Modern world setting for American history. 303 стр. 26. N. J., Heath.

Mazzanovich, A.—Trailing Geronimo, ed. by E. A. Brinistool. 280 стр. Los Angeles, Gem Pub. Co.

Mixer (Knowlton). — Porto Rico. history and conditions. Macmillan.

Nash. Roy — The conquest of Brazil. 45+ стр. Harcourt.

Parker, Arthur Caswell. — An analytical history of the Seneca Indians. 162 стр. il maps O. (Researches & trans., v. 6, nos. 1 — 5). '26 Rochester, N. J., State Archaeological Ass'n, Lewis H. Morgan Chapter.

Roadbuilder (The), pseud. (Lt. Col. W. G. Mackendrick). — The destiny of Britain and America; with appendix. What of the Japanese? 6 th ed., rev. 279 стр. il. maps. D. [c.'26] Bost., A. A. Beauchamp.

Simons, A. M. — Social forces in American history. 338 стр. (bibl. footnotes) D'26 c.'11. N. J., Internat'l Publishers.

Stephenson. George M. — A history of American immigration, 1820 — 1924. 322 стр. (20 p. bibl.) D [c'26]. Bost, Ginn.

Woodburn, Jamec Albert, and Moran, Thomas Francis. — Elementary American history and government; new ed., rev. and enl. various p. (bibls) il (pt. col.) maps D'26. N. J. Longmans.

Библиография

Waldman (Milton). —Americana: the literature of America history. 289 стр. Dulau.

Экономическая история

Henderson, Charles W.—Mining in Colorado; a history of discovery, development and production. 267 стр. (bibl. footnotes) map (col.) diagrs. '26.

Tucker, Rufus Stickney. — Economic conditions of the Virgin Jslands. 63 стр. O (Senate doc. 41) '26 Wash., D. C., Gov't Pr. Off.: Sup't of Doc.

1. Соединенные Штаты

Заславский, Д. — Гражданская война в Соедин. Штатах Северной Америки (1861 — 1865 г.г.). Л. «Прибой». 159 стр.

Bennett (Arnold).— Those United States. 189 стр. (New Adelphi lib.) M. Secker.

Bowers (Claude G.). — Jefferson and Hamilton: the struggle for democracy in America. Jllus. 548 стр. Constable.

Bretherton (C. H.). — Midas; or, The United States and the future. 96 стр. (To-day and to-morrow ser). K. Paul.

Brewer, D. Ch. — The conquest of New England by the immigrant. 375 стр. Putnam.

Church, William Conant. — Ulysses S. Grant and the period of national preservation and reconstruction. 481 стр. front. O'26 Garden City, N. Y., Garden City Pub. C⁰.

Coleman, Emma Lewis. — New England captives carried to Canada between 1677 to 1760; 2 v. 800 стр. il., maps O'26 Portland, Me., Southworth Press.

Davis, Thomas Frederick. — History of Jacksonville, Florida, and vicinity, 1513 to 1924. 502 стр. il. maps O ['26] St. Augustine, Fla., Florida Historical Society.

Elson, Henry William.— United States, ist past and present. various p (bibls) il. (pt. col.) maps. (pt. col.) D [c.'26] N. Y., Amer. Book C⁰.

Gerwig, George William.—The Declaration of Independence for young Americans. 122 стр. front. D [c.'26] N. Y. Doran.

Gorman (Thomas K.). — America and Belgium: a study ot the influence of the United States upon the Belgian Revolution of 1789 — 1790. 328 стр. Unwin.

Jameson (J. Franklin). — The American Revolution considered as a social movement. Oxford Univ Pr.

Hall, J. O. — An outline of United States history. [rev. ed.] 200 стр. S'26. Flanagan pap. apply.

Harlow (Ralph Volney). — The Growth ot the United States. 878 стр. J. Cape.

Hughes (Charles, E.) — The Pathway of peace: representative addresses deliverld during his term as Secretary of State 1921—1925. With port. 341 стр. Harper.

Louhi, E. A. — The Delaware Finns, or. The first permanent settlements in Pennsylvania, Delaware, west New Jersey and the eastern part of Maryland. 331 стр. 0'26 N. Y. Chas. W. Clark C°.

Mace, William Harrison, and Bogardus, Frank S. — Mace-Bogardus history of the United States [rev. ed] various p. (bibls) il., maps (pt. col.) D [c.'26] Chic., Rand, Mc Nally.

Middleton, John W. [John W. Middleton]. — History of the Regulators and Moderators and the Shelby county war in 1841 and 1842 in the republic of Texas, [lim ed]. 40 стр. 0['26] [Austin, Texas, Personal Service Bk.].

Oberholtzer (Ellis P.).— History of the United States since the Civil War. (In 5 vols). Vols 1 — 3 Macmillan.

Smith, Ashbel.—Reminiscences of the Texas Republic; [lim. ed]. 82 стр. 0 [Historical society ser., no. 1 ['26] Austin, Texas, Personal Service Bk. Shop. 2011 Guadalupe St.].

Stockbridge, Frank Parker, and Perry, John Holliday.— Florida in the making. 370 стр. il. diagrs. O [c.'26] N. U., The de Bower Pub., C°. 13 Astor Pl.

Sullivan (Mark). –Our times: the United States, 1900 — 1925. Vol. 1, The Turn of the Century, 1900—1904. 630 стр. Scribners.

Witt, O. — Vorgeschichtea u. Gestaltung der Haushaltplanes der Vereinigten Staaten von Amerika. Jena. G. Fischer. XII, 109 стр.

Биографии

White (William A.). — Calvin Coolidge, the man who is President. Illus. 260 стр. Macmillan.

White (W. A.). — Woodrow Wilson: the man his times and his task. 549 стр. Benn.

Внешняя политика

Brooks (Sidney). — America and Germany, 1918—1925. Pref. by G. B. Baker. 209 стр. Macmillan.

Fernandez, L. H. — The Philippine Republic. p. p. 202 (Columbia Univ). P. S. King.

Manning (William R.) ed. — Diplomatic correspondence of the United States concerning the independence of the Latin American-Nations 3 vols. (Carnegie Endowment). Oxford Univ. Pr.

Rippy, Fred J.—The United States and Mexico, 1821 — 1924. 380 стр. 0'26. N. Y. Knopf.

Sherman, William Roderick.— The diplomatic and commercial relation of the United States and Chile, 1820—1914. 224 стр. (6 p. bibl.). 0 [c.'26] Bost Badger.

Shotwell, James T., and others.— Disarmament and American foreign policy. 45 стр. (Internat'l Conciliation, no. 220) '26 N. Y., Carnegie Endowment for Internat'l Peace.

State Papers (Calendar of, Colonial series). — America and West Indies, July, 1711 — June. 1712. H. M. S. O.

Storey (Moorfield) and Lichanco (M. P.). — The Conquest of the Philippines by the United States, 1898—1925. Putnams.

Конституция

Declaration of inpedendence (The), the Constitution of the U. S. and amendments thereto, the constitution of New Jersey as amended. 94 стр. il. S'26 N. Y., Amer. Br. C°.

Guitteau, William Backus, and Webster, Hanson Hart. — The Constitution of the United States; its origin, meaning and application. 232 стр. (3 p. bibl.) S [c.'26] Bost., Houghton.

Martin, Charles E. — An introduction to the study of the American Constitution. 484 стр. 0'26 N. Y., Oxford.

Singmaster, Elsie (Mrs. Harold Lewars). — The book of the Constitution. 138 стр. Front. D [c.'26]. N. Y., Doran.

Экономическая история

Jennings, Walter Wilson. — A history of economic progress in the United States. 835 стр. (9 p. bibl.) map. (col.) 0 [c.'26]. N. Y., Crowell.

Wells, Louis Ray. — Industrial history of the United States; rev. ed. 627 стр. (bibls) il. maps D'26. N. Y. Macmillan.

IV. Европа

Андиг, Е. и Берей, А. — Путями смерти. По тюрьмам и каторгам буржуазии. Сборник статей, воспоминаний и писем. С введением К. Цеткин. Составили Е. Андиг и А. Берей. М. — Л. „Молодая Гвардия". 243 + 3 стр.

Андреев, Н. — Западно-европейское средневековье. Культурно-исторический очерк. 4-е изд. Л.—М. „Книга". 160 стр.

Барбюсс, А. — В преисподней Европы. (Белый террор на Балканах). С предисл. предс. ЦК МОПР т. Лепешинского. Перевод с рукописи В. Фина. М. „Гудок". 128 стр.

Европа после Локарно. М.—Л. Государств. Изд. 46 стр. (Б-ка журн. „Коммунистический Интернационал").

Иностранцев, К. — Хунну и гунны. (Разбор теорий о происхождении народа Хунну, китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е изд. Л. 3 + IV + 152 стр.

Розенталь. Н. Н. — Исторический путь Запада. Историко-беллетристический сборник. С 35 иллюстрац. Л. Брокгауз-Ефрон. 368 стр.

Altham (J. G.). — Students' notes on European history 1789 — 1918. 173 стр. Bell.

Cambridge medieval history (The) Planned by J. B. Bury. Vol. 5. Contest of Empire and Papacy. With map. 1049 стр. Camb. Univ. Pr.

Constitutional year book, 1926. 441 стр. Nat. Union of Conservative and Unionist. Assocs.

Duthie, A. — Early European history to the Fall of Rome. 404 стр. (Readings from the great historians). Harrap.

Ebner, E. — Geschichte der Neuzeit. 16 Aufl. Nürnberg. Roch. IV, 212+16 стр.

Egelhaafs historisch — politische Yahres übersicht, fortgef. von H. Haug. Yg. 18. 1925. Stuttgart. E. Krabbe. 416 стр.

Europa year book, 1926: an annual illustrated survey of European politics, life and literature. (37, Cursitor St., E. C. 4) Europa Pubg. C⁰. Routledge.

Grundriss zu Th. Ber. Welters Weltgeschichte. Hrsg. von L. Humborg Tl. 1 Münster i W. Univ. Buchh. F. Coppenrath. 56 стр.

Guest (George). — The Age of social reform. 96 стр. (Then and now stories: senior).

Harrington, Jeremiah C. — Catholicism, capitalism or communism; introd. by Ralph Adams Cram. 450 стр. O'26. St. Paul, Minn., E. M. Lohmann C⁰.

Heerfordt (C. F.). — A New Europe. Trans from Danish by W. Worster. 221 стр. Allen & U.

Historians' history of the world, The; new 5 th ed.; 27 v. bound as 15 v. various p. il. (pt. col.) maps (pt. col.) O'26 N. Y., Encyclopaedia Britannica, Inc., 342 Madison Ave.

Hodges (H. W.). — Modern history, 1750 — 1925. 8 vo. 385 стр. Beackie.

Hoyland (John S.). — The Building of Europe. Illust. 176 стр. Oxford Univ. Pr.

Hutchinson, Horace Gordon. — The greatest story in the world: period III, The development of the modern world. 255 стр. il. D'26 N. Y., Appleton.

Jahrbuch des Historischen Vereins Dillingen a. D. Yg 37. 1924. Dillingen a. D. 195 стр.

Jameson (Storm). — Three kingdoms. 408 стр. Constable.

Klapper, Paul. — The teaching of history. 367 стр. (9½ p. bibl.) maps D[c'26] N. Y., Appleton.

Laehr, G. — Die Konstantinische Schenkung in der abendländischen Literatur des Mittelalters bis zur Mitte des 14 Jahrhunderts. Berlin. E. Ebering. III, 195 стр.

Lindner, Th. — Weltgeschichte in 10 Bd. Bb. 9, 10. Stuttgart. XII, 461 стр. XIV, 524 стр.

Mc Grady (S. H.). — A Note-book of European history, 1400 — 1920. 238 стр. Methuen.

Mc Neal (Edgar Holmes). — Modern Europe and its beginnings Illus. 534 стр. Scribners.

Mayer-Pfannholz, A. — Aus der Geschichte des Mittelalters. Berlin. R. Oldenbourg. 108 стр.

Marten (C. H. K.) and Carter (E. H.). — Histories With illus. from contemporary sources and drawings by Hugh Chesterman. Book II, The Middle Ages. 224 стр. Blackwell.

Masur, G. — Bankes Begriff der Weltgeschichte. München. R. Oldenbourg. VII, 134 стр.

De Montgomery (B. G.).—Issues of European statesmanship. 284 стр. Boutledge.

Munro (William Bennet). —The Governments of Europe. 794 стр. Macmillan.

Murray (R. H., Rev.). - The Political consequences of the Reformation: studies in 16 th century political thought. 325 стр. Benn.

Myrray, Rev. Robert Henry. — The political consequences of the Reformation; studies in sisteenth century political thought. 324 стр. (3 p. bibl.) O'26 Bost., Little, Broun.

New Century book of facts, The; a handdook pf ready reference; ed. by Carroll Davidson Wright. 1521 стр. il. (pt. col.) O [c.'09 — '26]. Wheeling, W. Va., Continental Pub. C⁰.

Nostitz, H.— Aus dem alten Europa. Menschen u. Städte. 3 Aufl. Leipzig. Jnsel-Verlag. 246 стр.

Papsttum und Kaisertum. Forschungen zur polit. Geschichte u. Geistes Kultur d. Mittelalters. Hrsg. von A. Brackmann. München. Verlag d. Münchner Drucke. VIII. 707 стр.

Petit, M. — Histoire générale des peuples, de l'antiquité à nos jours publiée sous la direction de M. Petit, avec le concours de nombreux collaborateurs. T. 2. Paris. Larousse. 412 стр.

Pollard, Albert Frederick.— Factors in modern history. 300 стр. D [c.'26] N. Y., Knopf.

Pollard, Albert Frederick. — The evolution of Parliament. 2 nd ed., rev. 474 стр. (bibl. footnetes) il. diagr. O'26. N. Y. Longmans.

Renard (G.) and Weulersse (G.)— Life and work in modern Europe: fifteenth to eighteenth century. Foreword by Eileen Power. 411 стр. (History of civilization). K. Paul.

Renard, G., and Weulersse, G — Life and work in modern Europe, 15th to 18th century; introd. by Dr. Eileen Power. 404 стр. il. O (Hist. of civilization) '26. N. Y., Knopf.

Robinson, James Harvey. — An introduction to the history of western Europe; II, The emergence of existing conditions and ways of thinking; uv. and enl. ed. various p. (8 p. bibl.) maps (pt. col.) O [c'26] Bost, Ginn.

Rose (Y. Holland).— The Development of the European nations, 1870—1921. 6th ed. including 2 suppl. chapters by William L. Mc Pherson. 2 nd impr. 711 стр. Constable.

Schevill, F. — A History of Europe: from the Reformation to our own day. 728 стр. Harrap.

Schmidt-Breitung, H.—Erzählungen aus der Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit bis 1648. 8 Aufl. Meissen. Schlimpert. VIII, 168 стр.

Schwarz, H. — Europa im Aufbruch. Berlin. Ring-Verlag. 311 стр.

Scott, E. — History and historical problems. 228 стр. Oxford.

Sengupta (Bama Prasanna).— Conquest of territory and subject races in history and international law. 197 стр. (Book Co, Calcutta) Simpkin.

Smith (L. Cecil). — Modern history. World history Series. Book 4. Edit by Ernest Barker, M. A., etc. 237 стр. Cassell.

Soulange-Bodin, A.— A travers la nouvelle Europe. Hier Aujourd' hui. Paris. Perrin et C°. 296 стр.

Thompson, Y. M. — Lectures on foreing history, 1494 — 1789. 446 стр. (7. p bibl.) D'26. N. Y., Macmillan.

Thompson, Y. M. — Lectures on foreing history, 1494 — 1789. 454 стр. Blackwell.

Toynbee. Arnold Y. — Survey of international affairs, 1924, introd. by Rt. Hon. H. A. L. Fisher 544 стр. maps O'26. N. Y., Oxford.

Wells, H. G. — A short History of modern times, being. the last II chapters of „A short history of the world". Mit Anm. u. Worterb. hrsg. von G. Schad. Leipzig. Tauchnitz. 98, 88 стр.

Библиография

Bibliographie der Württembergischen Geschichte. Begr. von W. Heyd. Bd. 5. Stuttgart. W. Kohlhammer. XIII + 208 стр.

Historische Zeitscrift. Begr von H. von Sybel. Register zu Bd 97—130. Bearb. von F. Schneider. München. R. Oldenbourg. X, 424 стр.

Sweet & Maxwell (Messrs) A Bibliography of English law to 1650: including books dealing with that period printed from 1480 to 1925. (Vol. 1, of Sweet & Maxwell's Complete law book catalogue). Compiled by W. Harold Maxwell Rp. 460 Sweet & M.

Wales (National Library of) A Bibliography of Robert Owen, the socialist, 1771 — 1858 2 nd ed., rev, and enl. 98 стр. Oxford Univ. Pr.

Справочники

Gothaisches Jahrbuch für Diplomatie, Verwaltung u Wirtschaft (Bisher als Diplomatisches Jahrbuch des Gothaischen Kalenders. 2 Tl.) Yg. 163. 1926. Gotha. Y. Perthes. XXXII, 934 стр.

Historisch-Biographisches Lexikon der Schweiz. Fasz. 26. Glarus (New) Graubünden. Bd. 3. 561—640 стр. Neuenburg.

Schulthess' europäischer Geschichtskalender. Hrsg. von U. Thürauf. Yg 37. 1921. München. Beck'sche Verlh. Tl. 1, 2. X, 406; IV, 368 стр.

Thom's Official directory of Great Britain and Ireland. 1926 2452 стр. Thom, Simpkin.

Экономическая история

Лозинский, С. Г. — Эпоха торгового капитала. Л. М. „Книга". 246 + [1] стр.

Hammond, Yohn Lawrence Le Breton, and Hammond, Barbara Bradley [Mrs. Yohn Lawrence Le Breton Hammond]. The rise of modern industry. 292 стр. (bibl, footnotes) O [c.'26]. N. Y. Harcourt.

Yohnson (Charles, Capt.) — A General history of the pirates. Edit. with pref. by Philip Gosse. Adorn'd with cuts by Alexina Ogilvie Vol. I. Limited to 500 numbered copies. pp 138. Cayme Pr.,

Piers Plowman social and economic histories (The) Book 7, 1830 to the present day; by N. Niemeyer and E. H. Spalding. 295 стр. G. Philip

Tawney, R. H. — Religion and the rise of capitalism a historical study. (Holland memorial lectures, 1922). 347 стр. Harcourt.

Tawney (R. H.). — Religion and the rise of Capitalism: a historical study. (Holland Memorial Lectures, 1922). Pref. Note by Charles Gore. 353 стр. Murray.

1. Австро-Венгрия

Bretholz, B. — Abriss der Geschichte Österreich-Ungarns. München R. Oldenbourg. 110 стр.

Eisler, M. — Das bürgerliche Wien 1770—1860. Wien.

Laszovy, S. — Neueste wahrheitsgetreue enthüllungen über die Liebschaft und das tragische Ende des Kronprinzen Rudolf von Österreich u der Baronesse. Vetsera. Leipzig. Eulen-Verlag. 48 стр.

2. Балтийские государства

Rutter, Owen — The new Baltic states and their future. 285 стр. (6 p. bibl.) il map 0'26; Bost. Houghton.

3. Бельгия

Gorman, Th. K. — America and Belgium: a sfudy of the influence of the United states union the Belgian Revolution of 1789-1790. 328 стр. Unvin.

4. Великобритания

Спектатор—Англия на перепутьи Перев. с немец. Ю. Я. Смолянина М. Л. Госуд. Изд-во 71 стр.

Adams (George B) — Council and courts in Anglo-Norman England. (Historical pubns. studies) Oxford Univ Pr..

Allison, Th. — Lectures on English Church history; from the earliest times to the Reformation. Rev. and re-written 8 vo 221 стр. Blackwell.

Beckett, W. H. — The reformation in England 3 ed. 224 стр.

Bourne (H. R. Fox) — Sir Philip Sidney; type of English chivalry in the Elizabethan Age. Jllus. 402 стр. Putnam.

Crompton (Richmal) — William the conqueror. Jllus by Thomas Henry. 249 стр. Newnes.

Cunningham (Peter)—The story of Nell Gwyn and the sayings of Charles II. With intro., additional notes, and a life of the author by Henry B. Wheatley. 284 стр. (Library of standard lives) Hutchinson.

Davis (H. W. C.) — Lancashire reformers, 1816-1817. (Repr. from Bulletin of John Rylands lib.) Longmans.

Eberlein, Herold Donaldson, and Richardson, Albert Edward — The English inn past and present; a review of its history and social life 319 стр. il. (col. front.) maps 0'26 Phil., Lippincott.

Gobbs (W. J. K.) — English history notes: from the earliest times to the outbreak of the great War. I, to 1714, part 2, from 1689, 146, 132 стр. Camb. Univ. Pr.

Godfrey (Elizabeth) — Home life under the Stuarts, 1603-1649. Jllus. 332 стр. S. Paul.

Green, J. R. - The England of queen Elizabeth (short History of the English people). Hrsg. von Prof. Dr. Koch. Leipzig. G. Freytag 30 стр.

Halévy, E. — A history of the English people, 1815-1830, tr. by. E. J. Watkin. 332 стр. Harcourt.

Halevy (Elie) — A History of the English people, 1815-1830. Trans. from the French by E. J. Watkin 332 стр. Unwin.

Hartley (Dorothy) and Elliot (Margaret M). — Life and Work of the people of England: a pictorial record from contemporary sources. The Fifteenth century; [and] Sixteenth century. 38 стр. (People's life and work'ser) Batsford.

Hume (Martin) — The Courtships of Queen Elizabeth: a history of the various negotiations for her marriage. New. ed. With frontis. 412 стр. Nash &. G.

Yerrold (Walter)—Henry VIII. and his wives. Jllus. in col. and black and white by Kitty Shannon. 319 стр. Hutchinson.

Yeudwine (Y. W.)—The Foundations of society and the land: a review of the social systems of the Middle Ages in Britain, their growth and their decay. 5.333 стр. Williams & N.

Lloyd (Roger B.) — The approach to the Reformation. Jntro by the Bishop of Manchester. 227 стр. Parsons.

Marvin (F. S.) ed — England and the world: essays. 270 стр. (Unity ser) Oxford Univ.

Ramsay (James H, Sir.) — A History of the revenues of the Kings of England. 1066-1399 2 vols. 375, 446. стр. Oxford Univ. Pr.

Rickword (George) — Social life in bygone Colchester 47 стр. (Colchester). „Essex Telegraph".

Roadbuilder (The), pseud (Lt, Col. W. G. Mackendrick). — The destiny of Britain and America; with appendix. What of the Japanese? 6th ed, rev. 279 стр. il. maps. D [c'26] Bost., A. A Beauchamp.

Robinson (Cyril. E.) — A Concise history of Britain with 44 maps and plans 489 стр. Methuen.

Salzman, L. F. — England in Tudor times: its social life and industries 151 стр. Batsford.

Schiller (F. C. S.) — Cassandra; or, The future of the British Empire. 92 стр. (To-day and to-morrow.) K. Paul.

Sibbald, S. — Memoirs. 1783—1812. Edit by her great-grandson Francis Paget-Hett. With 40 illus. 365 стр. Lane.

Snell (F. Y.)—King Arthur's country. 304 стр. Dent.

Strong (John) ed. — Britain and the world: history series· Book 2, Makers of Britain. 187 стр. Book 3, Twenty centuries of travel; Book 4, The growth of a nation, 232 стр. Book 5, The Changing order, 240 стр. Book 6, Britain in the 19-th century and after. 296 стр. Pitman.

Sunderland (Frederick Harold) Marmaduke Lord Langdale of Holme-on-Spalding-Moor, of his time, 1598-1661. Illus. 260 стр. H. Jenkins.

Trotsky (L) — Where is Britain going? Intro. by H. N. Brailsford. 190 стр. Allen & U.

Watson (W. H. L) ed — Tales from English history. Part I. Early times to 1600. 264 стр. P. Alban.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Balderston (Katharine C.)—The History and sources of Percy's Memoir of Goldsmith. 61 стр. Camb. Univ. Pr,

Càirns (David S) — Life and times of Alexander Robertson Macewen, D. D. Illus. 320 стр. Hodder & S.

Carter (Morris)—Isabella Stewart Gardner and Fenway Court. Illus. 267 стр. Heinemann.

Cunliffe-Owen (Betty) — Thro' the gates of memory: from the Bosphorus to Baghdad. 283 стр. Hutchinson.

Ferriman (Z. Duckett) — East and West of Hellespont: memories of fifty years. Illus. 320 стр. I. Cape.

Gleaves (Albert, Rear-Adm.)— Life and letters of Rear-Admiral Stephen B. Luce. 393 стр. Putman.

Gulley (Elsie E.) — Joseph Chamberlain and English social politics. 340 стр. (Columbia Univ.) P. S. King.

Harden, M. — My contemporaries. Trans. from the German by W. C. Lawton. Intro. by the Hon. James W. Gerard 287 стр. I. Cape.

Lister (Roma) — Reminiscences: social and political. With 16 illus. 352 стр. Hutchinson.

Masters (John Neve) — The second book of reminiscences. Intro. by Alfred L. Dunsterkyl. 50 illus 194 стр. Simpkin.

More, Hannah — The letters of Hannah More; ed. by R. Brimley Johnson. 312 стр. D'26 N. Y.· Dial press.

Mostyn (Lord) and Glenn (T. A.)— History of the Family of Mostyn Ed. limited to 150 copies, numbered and signed. 224 стр. (St. Martin's Lane) Harrison.

Rowe (Yohn G.)— Queen Alexandra, the beloved Illus. 128 стр. Epworth Kr.

Sibbald (Susan) — Memoirs, 1783—1812. Edit. by her great-grandson Francis Paget Hett. With 40 illus. 365 стр. Lane.

Victoria (Queen) — Letters. Second Series. A Selection from Her Majesty's correspondence and journal between the years 1862 and 1878. Edit by George Earle Buckle. 2 vols. Vol. 1, 1862-1869; vol. 2, 1870-1878. 663, 704 стр. Murray.

Victoria, — Queen of Great Britain The letters of Queen Victoria; 2 nd ser.; ed by George Earle Buckle; 2 p. 662 p; 703 стр. il. o'26 N. Y. Longmans.

Whyte, A. G. — Stanley Baldwin: a biographical Character study. 188 стр. Chapman et Hall.

Внешняя политика

Ahmad-Khan (Shafaat)—Sources for the history of British India in the 17 th century. Roy. 8 vo. (Allahabad. Univ. studies in history) Oxford. Univ.

Archbold (W. A. J.) — Outlines of Indian constitutional history· British period. 367 стр. P. S. King.

British India — from Queen Elizabeth to Lord Reading. By an Indian Mahomedan. Foreword by Sir Theodore Morison. Illus. 594 стр. Pitman.

Chirol (Valentine, Sir) — India. Intro. by the Rt. Hon. H. A. L. Fisher. (The Modern world: a survey of historical forces, Vol. 5) 360 стр. Benn.

Clarke (Laurence) — A Prince of India. Cheap. ed. 320 стр. Hodder. &. S.

Codrington (K. de B.) — Ancient India. With pref. essay on Indian sculpture by Wm. Rothenstein. Benn.

Davis, Robert Hobart — „Ruby Robert" alias Bob Filzsimmons; introd. by W. O. Mc Greehan. 134 p il. D [c:26] N. Y., Doran

Dominions — office and Colonial office List, 1926. 916 стр. Waterlow.

Edwards (F. L).—James, First Earl Stanhope, 1673-1721, and British foreign policy. W· Gandy.

Forrest (George. Sir) ed. — Selections from the State Papers of the governors-general of India: Lord Cornwallis, 2 vols. vol 1, Introduction; Vol. 2, Documents 218, 214 стр. Blackwell.

Hakluyt, Richard — A selection of The principal voyages, traffiques, and discoveries of the English nation; il. with woodcuts by H. B. Irving. 282 стр. 0'26 N. Y., Knopf.

Haydon (A. L.) — The Riders of the plains: a record of the Royal North-West Mounted Police of Canada, 1873—1918. Illus., maps, and diags. Repr. 437 стр. Melrose.

Hinde (Hildegarde) — Some problems of East Africa 107 стр. Williams &. N.

Holmes (Y. H.)—Way back to Papua. Illus 320 стр. Allen &. U.

India (East) — Report on the work of the India. Store Dept., London, 1924—1925 H. M. S. O.

India office list for 1926. 834 стр. Harrison et sons.

(Окончание следует.)